

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Администрация муниципального образования город Краснодар
КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Кубанский государственный технологический университет
Краснодарская краевая общественная организация
«Центр национальных культур»

ЭТНОС И ОБЩЕСТВО В КОНТЕКСТЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Материалы VIII Всероссийской (с международным участием)
научно-практической конференции

В рамках реализации подпрограммы «Гармонизация межнациональных отношений и профилактика терроризма и экстремизма» муниципальной программы муниципального образования город Краснодар «Развитие гражданского общества»

Краснодар, 1 декабря 2022 года

Краснодар
2022

УДК 323.1
ББК 66.094
Э 913

Редакционная коллегия:

Т.А. Хагуров, В.Н. Ракачев, Я.В. Ракачева,
А.С. Евтушенко, Н.Е. Хагурова

Э 913 Этнос и общество в контексте межнациональных отношений:
материалы VIII Всероссийской (с международным участием)
научно-практической конференции; Министерство науки
и высшего образования Российской Федерации, Кубанский
государственный университет. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т,
2022. – 388 с. – 500 экз.

ISBN 978-5-8209-2190-2

В настоящий сборник материалов VIII Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции «Этнос и общество в контексте межнациональных отношений» вошли статьи, посвященные проблемам межэтнических, социальных, политических и конфессиональных отношений в полиэтничном обществе, как в исторической ретроспективе, так и на современном этапе. Рассматривается практический опыт регулирования этих процессов в регионах России и зарубежных странах.

Адресуется социологам, политологам, историкам, этнологам, а также всем интересующимся вопросами межнациональных и межконфессиональных отношений в современном мире.

УДК 323.1
ББК 66.094

ISBN 978-5-8209-2190-2

© Кубанский государственный
университет, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Аббасова Д.К. Традиционные формы семьи и брака у адыгов	6
Арешидзе А.Д. Социальная дистанцированность как феномен современной реальности: на примере армян и грузин	15
Баранов А.В. Факторы позитивного состояния межэтнических отношений в Крыму (по данным анкетных и экспертных опросов).....	23
Бражников А.А. Роль сохранения и репрезентации этнокультурного наследия в национальной политике государства.....	30
Гвоздев В.А. Влияние woke culture на современное американское общество	34
Герасимова В.В. Этнокультурный потенциал Туркменистана и его актуальность в рамках тюркского мира	39
Давлатова Е.В. Правовое регулирование религиозных организаций в Республике Беларусь	43
Донцова М.В. Особенности этномиграционной ситуации в Краснодарском крае в период проведения специальной военной операции	47
Евтушенко А.С. Эволюция политики Швеции в отношении мигрантов и беженцев во второй половине XX – первых десятилетиях XXI в.	55
Жаде З.А. Перекресток идентичностей: формат Адыгеи	63
Камара Ишака. Ведущие условия и ценности, связанные с воспитанием гражданственности в представлениях формальных и неформальных школьных акторов в Республике Мали	71
Карапетян Л.А. Принцип права наций на самоопределение в идеологии всероссийских социалистических политических партий России начала XX в.: к вопросу об актуальности политико-правового наследия	83
Ковалев А.А. Переговорный процесс: теория исследования	89
Крючек П.С., Ракачев Д.Н., Сергеев В.Н. Историческая память о Великой Отечественной войне российских и белорусских студентов (по материалам историко-социологического исследования)	95
Тер Даниэл (Вартан) Кукуян. Этноконфессиональный фактор и его роль в истории и современном мире	104
Кумпан В.А. Теория и практика в повышении квалификации учителей, муниципальных и государственных служащих по противодействию экстремизму и терроризму	109
Ляушева С.А. Религиозная идентичность поликонфессионального региона в контексте политики идентичности	114
Мажаренко С.В. Целевые трансформации концепции поликультурного образования в контексте этносоциальных процессов	119

Матвеев О.В. Адыги (материалы к энциклопедии «Народы и культуры Кубани»)	124
Мацулевич Е.В. Этнотерриториальные конфликты на постсоветском пространстве как фактор внешней политики США в отношении постсоветской интеграции	138
Мехедов С.В. Этноконфессиональный фактор во внешнеполитических концепциях Турецкой республики (на примере региональной стратегии Турции на Балканах)	145
Мирошниченко И.В., Морозова Е.В., Ракачев В.Н., Самаркина И.В. Нематериальные ресурсы в политике развития сельских территорий опыт концептуализации	152
Муха В.Н. Особенности социокультурной адаптации мигрантов с Юго-Востока Украины в поликультурную среду Краснодарского края	159
Намруева Л.В. Роль этноконфессионального фактора в социализации молодежи Калмыкии в 2000–2010-е гг.	164
Николаев Ю.Б. Возникновение феномена национализма при формировании национального государства: на примере Франции	170
Нор В.А. Цыганский язык и его диалекты как элемент культурного кода в условиях межэтнической интеграции	176
Очирова Н.Г. Национальная политика и ее реализация в условиях этнокультурного разнообразия в Республике Калмыкия	184
Петров В.Н. Этнические миграционные процессы в России 1990-х гг.	191
Петросян Д.И., Свинцов И.В. Типологизация признаков ксенофобии и толерантности в ориентациях жителей Владимирской области	208
Ракачев В.Н., Ракачева Я.В., Аветисян В.Г. Этноконфессиональная идентичность армянских мигрантов в контексте транснациональных миграций	220
Ракачев Д.Н. Взаимосвязь гетеро- и аутостереотипов (на основе сравнительного анализа взаимных представлений граждан России и Турции)	227
Реут Е.В. Психологические особенности личности носителя экзотеризма	240
Савва Е.В. Патриотизм и этничность: соотношение и взаимопроникновение концептов	247
Ситнянский Г.Ю. Этнодемографические процессы и перспективы евразийской интеграции	254
Скорик А.П., Федина И.М. Екатеринодарский отдел Кубанской области: формирование, основные поселения, особенности состава населения	262
Степанов М.А. Армянские школы Кубано-Черноморской области: особенности и сложности организации	270
Тамбиянц Ю.Г., Кулик С.В. Этнонационализм как составляющая цивилизационной конкуренции на современном этапе	275

Тамбиянц Ю.Г., Руденко М.В. Ресурс мужественности в цивилизационной конкуренции: проблематика Запада и шансы России	285
Тарасова М.В. Позитивные практики в управлении этнонациональными процессами в урегулировании конфликтов в Республике Крым	293
Тимченко В.А. Образ России в дискурсе политической элиты Италии: результаты социологического исследования	299
Ткачева Т.О. Правовой статус национальных меньшинств: проблемы и перспективы	308
Тужба З.Э. Социальные риски города в американской урбанистике ...	313
Тужба Э.Н. Этнопсихологическая характеристика кавказских этносов	330
Хагуров Т.А., Хагурова Н.В. Воспитательно-патриотическая работа с молодежью в современных условиях: вызовы и стратегии	338
Чанба В.Ч. О деятельности Краснодарской краевой общественной организации «Центр национальных культур» в контексте реализации Государственной национальной политики Российской Федерации на территории Краснодарского края	352
Щербakov В.Ю. ПЕГИДА – 2022. Новый подъём антиэмигрантских настроений?	356
Шеретлоков К.В. Повседневная жизнь жителей г. Майкопа в период немецко-фашистской оккупации Адыгейской автономной области	361
Шманяк В.А. Влияние деятельности БРИКС на трансформацию международной экономической системы	366
Юрченко И.В. Проблемы взаимодействия этнических мигрантов и коренных жителей региона в контексте обеспечения этнополитической безопасности	375
Сведения об авторах	383

ТРАДИЦИОННЫЕ ФОРМЫ СЕМЬИ И БРАКА У АДЫГОВ

TRADITIONAL FORMS OF FAMILY AND MARRIAGE AMONG THE ADYGS

Аббасова Д. К.

МБУК «Красногвардейский межпоселенческий культурно-досуговый центр», Республика Адыгея

Abbasova D. K.

Krasnogvardeysky inter-settlement cultural and leisure Center,
Republic of Adygeya

Аннотация: В данной статье рассматриваются традиционные формы семьи и брака у адыгов. Представлена система семейно-брачных отношений, которая в традиционном адыгском обществе основывается на своде морально-этических правил адыгэ хабзэ, определявших модель поведения адыга. Описываются основные элементы матримониального поведения. Представлены данные исследования особенностей брачного выбора молодежи Краснодарского края и Республики Адыгея.

Abstract: This article examines the traditional forms of family and marriage among the Adygs. The system of family and marriage relations is presented, which in the traditional Adyghe society is based on a set of moral and ethical rules of the Adyghe habze, which determined the model of behavior of the Adyghe. The main elements of matrimonial behavior are described. The data of the study of the features of the marriage choice of the youth of the Krasnodar Territory and the Republic of Adygea are presented.

Ключевые слова: матримониальное поведение, семейно-брачные отношения, адыгское общество, традиции.

Keywords: matrimonial behavior, family and marriage relations, Adyghe society, traditions.

Адыги – автохтонное население Северного Кавказа, сформировавшее в течение всей своей истории уникальную традиционную культуру. В условиях развития мирового сообщества традиционное адыгское общество испытывает трансформационные процессы, в том числе и в области матримониального поведения.

Адыги добровольно присоединились к России в середине XVI в., и с тех пор русские ученые стали проявлять интерес к изучению истории, археологии, языка и культуры адыгов. Значительный вклад в этом направлении внесли такие исследователи как С.М. Броневский, Ф.В. Юхотников, Н.Ф. Дубровин, В.В. Васильков.

Важными источниками в изучении истории, культуры, быта адыгов являются записки и очерки путешественников, которые посещали Кавказ. Эти работы особо ценны, поскольку их авторы

непосредственно наблюдали традиционно-бытовую культуру адыгов. Одними из таких путешественников были И.Ф. Бларамберг, Дж.А. Лонгворт, Дж. Белл и другие. Важное значение имеет сборник Х.К. Казанова «Культура адыгов» [3], где опубликованы малоизвестные документы и свидетельства европейских авторов.

В отечественной историографии накоплен обширный опыт исследования вопросов быта, нравов, обычаев народов, населявших Россию. Также, сформировалось научное направление, занимающееся изучением народов Северного Кавказа, в том числе и адыгов. К представителям данного направления относятся А.А. Миллер, Л.А. Люлье, К.Ф. Сталь, А.О. Махвич-Мацкевич. Этнографы Хан-Гирей, Ш.Б. Ногмов, А.Н. Дьячков-Тарасов, которые в своих работах наряду с другими сторонами народной жизни также затрагивали семейные обычаи и обряды.

Важны для нашей темы, собранные Ф.И. Леонтовичем адаты, многие из которых относятся к институту семьи: умыкание, заключение брака, многоженства, семейные отношения, воспитание детей [4]. Работы М.А. Меретукова посвященные семье и основным брачно-семейным обычаям и традициям адыгов обобщают очень большой литературный и полевой материал [6].

Система семейно-брачных отношений в традиционном адыгском обществе основывается на своде морально-этических правил адыгэ хабзэ, определявших модель поведения адыга – адыгагъэ (адыгство). В работе «Личность в традиционной культуре адыгов» профессор С.А. Ляшева определяет адыгагъэ как «...общественное (социальное) явление, общеадыгскую неписанную специфическую систему, занимающую преобладающее место в народном сознании, в духовной культуре адыгов, фундамент, на котором строилась и в определенной мере строится современная жизнь адыгов» [5, с. 24]. Таким образом, адыгэ хабзэ регулировал не только взаимоотношения в обществе, но и взаимоотношения в семье. Он четко предписывал правила поведения каждому члену семьи: свекру, свекрови, невестке золовке. Если кто-то не следовал внутрисемейному этикету, то его осуждало адыгское общество, что ярко отражено в пословицах и поговорках: «Кто бьет жену, тот не мужчина», «У долго спящего мужа жена быстро старится», «Кто неправильно воспитывает своих детей, тот расплачивается слезами» и др. [1, с.19, 58].

В традиционной культуре сфера семейного быта возникает под влиянием комплекса социально-экономических факторов. Закрытость традиционного семейного быта замедляет процесс трансформации и

принятие новых элементов в данную сферу жизни. В семейных обрядах и обычаях всегда много остаточных явлений предписывающих действия, которые не приспособлены или мало приспособлены к новым условиям жизни.

С давних времен семья складывается на основе брака и дает начало новым бракам. Ведь именно женитьба приносила в семью новые рабочие руки, обеспечивала половое разделение труда, которое в традиционном обществе регламентировано. Также важной составляющей брака являлось продолжение рода. В XIX–XX вв. преобладающий брачный возраст для мужчин был 25 лет, для женщин 17–20 лет. Немецкий ботаник-дендролог Кох К., посетивший Кавказ в 1836 г. в своей работе «Путешествие по России и в кавказские земли» писал: «Неестественный обычай женить детей до достижения ими зрелости не встречается у черкесов, зато бывают случаи, когда молодые вступают в брак только на тридцатом году жизни. Обычно же молодые люди вступают в брак в возрасте от двадцати до двадцати четырех лет» [3, с. 156].

Согласно Дьячкову-Тарасову в сравнении с другими кавказскими народами абадзехи отдавали девушек замуж довольно поздно – в 18–20 лет. В. Васильков отмечает, что у темиргоевцев брачный возраст для мужчин и женщин не моложе 17 лет. По данным А.М. Ладыженского, адыги женили сыновей в возрасте от 18 до 25 лет, а дочерей выдавали замуж в возрасте от 15 до 18 лет. Автор также отмечал, что жители гор вступают в брак раньше, чем на плоскости. Таким образом, в средний брачный возраст у адыгов составлял для женщин 17–20 лет, для мужчин 20–25 лет. В настоящее время, в связи с изменением социально-экономических условий, общественного уклада, брачный возраст повышается и составляет у девушек 23–25, у мужчин 25–27 лет [6, с. 132].

Первым элементом матримониального поведения является знакомство молодых людей. В адыгском обществе было много мест и мероприятий, на которых собиралась молодежь и имела возможность знакомиться. К примеру: игрища и состязания, коллективные работы, ш1ыхьаф (взаимопомощь), к1апщ (традиция врачевания больного), пшьэшьэунэ (девичья гостиная), свадьбы. Знакомства на улице или долгое общение в общественных местах у адыгов считалось неприличным.

На общественных мероприятиях юноши и девушки старались проявить достойно свои умения и личностные качества, поскольку они оказывали влияние на брачный выбор. Факторами, влияющими на

выбор брачного партнера в традиционном адыгском обществе, выступали для мужчин – ум и красота девушки, для девушек, прежде всего, храбрость, ловкость, подвиги юноши. «Ни одна уважающая себя адыгская девушка, которая всегда была свободна в выборе спутника жизни, не обратила бы внимание на юношу, который не обладает мужеством и ловкостью, каким бы богатым он не был» [7, с. 122].

Согласно данным исследования, направленного на выявление факторов брачного выбора современной молодежи, проведенного нами среди молодежи Краснодарского края и Республики Адыгея, при выборе брачного партнера молодежь, прежде всего, ориентируется на личные качества (59%), на чувства (44%), на интересы и увлечения партнера, а также его жизненные цели (37%). При этом внешняя привлекательность (36%) имеет большее значение, чем уровень образования потенциального брачного партнера (24%). 70 % девушек придают значение внешности будущего избранника, мужчины менее требовательны к внешности будущей супруги, лишь 50% придают значение ее внешним качествам. Следует отметить, что для подавляющего большинства женщин (90%) важное значение, при выборе брачного партнера играют чувства, тогда как это условие как необходимое для заключения брака выделяют 57 % опрошенных мужчин. Также большая часть мужчин отметили, что уровень образования, материальное положение партнера и социальный статус родителей не являются важными мотивами, влияющими на выбор брачного партнера. Таким образом, на современном этапе развития общества мужчины менее требовательно подходят к вопросу брачного выбора, чем женщины [9].

В адыгской традиционной культуре ухаживание за девушкой со стороны юноши было ограниченным: он не должен был не только оставаться с ней наедине, но и оказывать ей явные знаки внимания.

Как подчеркивает Я.С. Смирнова: «По представлениям горцев того времени, ухаживать за девушкой до сговора, т.е. до заключения брачной сделки между заинтересованными семьями, было бы самоуправством; ухаживать за ней после сговора, т. е. начального акта бракосочетания, было бы нарушением правил свадебного скрывания, о котором будет сказано дальше» [8, с. 56].

Несмотря на то, что для адыгского общества неприемлемо публичное проявление чувств, одним из действий, направленных на демонстрацию своей симпатии было преподнесение приза, который выигрывали на состязаниях. «На общественных торжествах, на которых присутствовали несколько сот человек, юноши публично и молча

вручали или бросали к ногам своих любимых девушек рыцарские трофеи, завоеванные в схватках...» [7, с. 126].

В практике выбора брачного партнера среди адыгов, важное место занимает девичья комната (пшьэшъэунэ) – специальное место знакомства юношей и девушек, которая отводилась девушке по достижению 15–16 лет. В эту комнату не заходили родители или старшие родственники. Приходили друзья и подруги, которые хотели пообщаться с девушкой и юноши, чтобы свататься. По адыгскому обычаю любой молодой человек может зайти в девичью комнату к незнакомой девушке, для того чтобы познакомиться и пообщаться. Обязательным условием было не оставлять юношу и девушку одних. Присутствовали со стороны девушки младший брат, сестра. В случае их отсутствия были подруги, соседские девушки.

В девичьей комнате соблюдались определенные порядки. К молодой девушке могли приходиться все юноши и знакомые и незнакомые. Часто бывали совпадения, когда вечером в комнате сидел жених с друзьями, могли прийти и другие. В такой ситуации, молодые люди, которые уже сидели должны были уступить пришедшим.

Юноша всегда приходил с друзьями. Махвич-Мацкевич сообщает, что если родители девушки не препятствовали посещать ее, то это означало, что они согласны на брак [6, с. 139]. Разговор о сватовстве начинал жених, он говорил о цели визита. Он был немногословен. Более активное участие в сватовстве принимали его друзья, особенно посредник. Он всячески старался заслужить доверие и расположение девушки. Представлял своего друга и рассказывал о нем.

В общении между молодыми юношей и девушкой ценилось остроумие и иносказание, знание обычаев и традиции. Именно в пространство девичьей гостиной оттачивалась остроумие адыгской молодежи, своего рода школа красноречия и дипломатии. Поэзия сватовства носила импровизационный характер. В словесных состязаниях использовались пословицы, поговорки, метафоры, аллегории. В случае если молодые не хотели, чтобы остальные узнали об их чувствах друг к другу, именно аллегорический язык им помогал. Особенно, если девушка и юноша хотели пожениться, а родители не хотели выдавать замуж дочь за данного молодого человека, то без аллегорического языка невозможно было обойтись.

В матримониальной модели адыгского общества важное значение имел принцип старшинства в браке. Младший брат не имел права жениться раньше старшего. При нарушении обычая родители могли его изгнать из семьи и лишить имущества. Если девушка выходила замуж

раньше, чем старшая сестра, то родители не желали получать за нее калым.

Одной из форм брака являлся брак по сговору. Существовали такие виды как брак по колыбельному сговору, по сговору родителей уже совершеннолетних юноши и девушки, достигших брачного возраста и сговор между молодыми.

Эти формы брака были распространены в XIX–XX вв., но не являлись общим правилом для всех. В большинстве случаев юноша сам добивался расположения девушки через посредника. В адыгском обществе перед тем как выбрать невесту, родители собирали подробные сведения о девушке и о ее семье. Информация содержала такие сведения как: сословное происхождение, состоятельность и влияние семьи, личностные качества девушки, ее хозяйственность, поведение, а также внешние данные. Со стороны девушки соответственно собирались такие сведения такие же о женихе: имущественное состояние семьи, сословное происхождение, личные качества [6, с. 135].

Переговоры о браке могли вести родственники жениха, либо представители старшего поколения из знакомых или друзей. В случае если родители с обеих сторон знали друг друга хорошо, переговоры о браке могли вести и сами родители жениха.

В представители жениха выбирали людей, имевших авторитет. Переговоры велись также с представителями невесты, с ближайшими родственниками. Следуя правилам приличия, родители не давали ответа с первым визитом. Если родители были против брака, то свой отрицательный ответ они сообщали родителям жениха не через сватов, а через другое лицо. Если ответ был положительным, то родители невесты сообщали это сватам при следующем их посещении.

Первый вопрос, который решался – размер калыма и уплаты. Брак у всех народов Северного Кавказа был покупным. У адыгов выкуп назывался – уасэ. В большинстве случаев в литературе выкуп обозначают как калым (тюркское слово). Смирнова Я.С. описывая исторические корни, указывает на то что калым возник главным образом как возмещение семье девушки за потерю рабочей силы, а также «за воспитание». «Адаты и шариат трактовали калым по-разному: адаты – как выкуп родителям невесты, шариат – как предбрачный дар самой жене, ее обеспечение на случай вдовства или развода» [8, с. 48].

В большинстве случаев наблюдалась форма сватовства, когда жених через посредника договаривался с девушкой. В адыгском

обществе данный вид называется «псэлыхъон» – поиск души.

Общение между женихом и девушкой был минимальным, так как в частности говорили друзья жениха. Главная задача друзей или посредника жениха заключалась в том, чтобы убедить девушку согласиться на брак. Как отмечает М.А. Меретуков: «Для него считалось большой честью, если он добивался согласия девушки на брак. Если вопрос решался положительно, жених одаривал его револьвером или другими ценными подарками» [6, с. 139]. Если девушка не соглашалась на брак, то по правилам приличия она прямо не могла сказать об этом жениху. Такое действие считалось грубым и оскорбительным. Свой отрицательный ответ девушка сообщала посреднику. Соглашаться на брак с первого предложения, считалось не приемлемым. Соответственно свой ответ девушка по возможности оттягивала. Поэтому жениху приходилось посещать девичью комнату несколько раз. Так молодые узнавали друг друга больше. В случае если невесте понравится молодой человек и она будет согласна, то договаривались о дате свадьбы.

Согласие о браке заключалось обрядом «Іэуж» – обменом друг с другом залогом или какими-либо вещами. В качестве залога юноша в большинстве случаев отдавал: кинжал, золотое или серебряное кольцо, мужской пояс, часы. Девушка отдавала платок, пуговицу от нагрудника, кольцо или браслет, пояс. При совершении обряда присутствовали свидетели. На современном этапе этот обычай не имеет широкого распространения. Сегодня, он претерпевает изменения и становится аналогичным европейским традициям, когда жених делает предложение о вступлении в брак.

В случае если юноша и девушка передумали и хотели отказаться, то они возвращали залог. Описывая возможные последствия отказа обрученной девушки от брака, М.А. Меретуков отмечает: «Но если невеста отказывалась от брака, то жених собирал «комиссию» для разбора конфликта. Он представлял этой комиссии, полученный залог и тогда девушку принуждали выйти замуж. Если же обрученная девушка категорически отказывалась от брака, жених мог похитить ее оставаясь безнаказанным» [6, с. 140].

В адыгском традиционном обществе стыдливость воспитывалась с малых лет. В соответствии с чем, между родителями и детьми соблюдалась субординация. На такие темы как брак, брачный выбор практически не общались. В данном аспекте жизни общению родителей и детей способствовали посредники. В качестве посредников для молодежи могли выступать друзья, сестры или родственники.

Одной из распространенных форм брака в адыгском обществе являлось умыкание, на что указывают различные литературные источники и свидетельства путешественников. Так Дьячков-Тарасов описывая уклад жизни абадзехов указывает: «В древности абадзехи, следуя первобытному праву, широко пользовались правом умыкания невесты. По свидетельству Шора Бекмурзин Ногмова мужчины на игрищах выбирали себе невест и без всякого обряда соглашались жить вместе» [2, с. 22]. Согласно К. Коху «то, что у черкесов случается похищение женщин и девушек, не может бросаться в глаза. Однако они происходят, как правило, в тех случаях, когда, как и у нас, отец не дает согласия на брак, вследствие неравенства сословного положения, а молодые люди сами приходят к соглашению» [3, с. 159].

По полевым данным исследования Меретукова можно сказать о том, что умыкание как форма брака среди адыгов была наиболее распространена в XVIII–XIX в. С XIX в. применение умыкания уменьшается, но даже в советские годы не сразу удалось изжить этот обычай [6, с. 143].

Вопрос о борьбе с обычаем умыкания рассматривался со времен возникновения данного обычая. За совершение похищения адыги налагали штраф на виновных. Жених, который насильственно увез девушку без согласия ее родителей и других родственников, должен был уплатить штраф 100 рублей серебром, а мулла, оформивший брак – 30 рублей серебром [6, с. 150]. Несмотря на то, что судебные органы карали похитителей, мало кто обращался в суд с заявлением, так как конфликты, связанные с семейно-брачными отношениями регулировались адатом. Вследствие чего, только в советское время были созданы условия для уничтожения брака похищением. Так в 1920 г. в г. Екатеринодаре (ныне г. Краснодар) на I-м съезде горцев Кубани и Черноморья обсуждались вопросы, относящиеся к обычаю умыкания и признали его несовместимым с социалистической действительностью, обычай похищения невесты был признан как вредный и реакционный. Были установлены и меры наказания уголовная ответственность. Кроме похитителя ответственность несли мулла совершивший бракосочетание, который лишался прав священнослужителя, а также все кто являлся участником данного преступления.

Для того чтобы принятые решения были эффективными совершались выезды с показательными судебными процессами. Так, М.А. Меретуков отмечает, что в 1927 г. Адыгейский областной суд провел выездную сессию в ауле Габукай и приговорил похитителя и

двух соучастников к трем годам лишения свободы каждого [6, с. 153].

Адыги с момента своего существования представляют традиционное общество. Основой социальных институтов данного типа общества являются традиции. Одним из наиболее важных социальных институтов, поддерживающих развитие общества, в котором ярко выражены традиции, является институт семьи и брака. В адыгском обществе сложились и традиционно существовали определенные критерии выбора брачного партнера, и как следствие сложились и существовали различные формы заключения брака. На основе такого критерия как субъекты брачного выбора можно выделить две формы брака: сговор между родителями и сговор между молодыми. По степени свободы в принятии решения о браке: брак без согласия и с браком с согласием. Существовала традиционная модель добрачного поведения, которая была основана на главных положениях морально-этического феномена «адыгэ-хабзэ» являющейся фундаментом адыгской культуры в целом.

Библиографический список

1. Блягоз З.У. Жемчужины народной мудрости. Майкоп: Адыгейское книжное издательство, 1992. 128 с.
2. Дьячков – Тарасов, А.Н. Абадзехи (Историко-этнографический очерк) [Электронный ресурс] Режим доступа: http://apsnyteka.org/391-diachkov_tarasov_abadzekhi.html (дата обращения 25.08.2022).
3. Казанов Х.К. Культура адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1993. 256 с.
4. Леонтович Ф.И. Адамы кавказских горцев [Электронный ресурс] Режим доступа: http://apsnyteka.org/3523-Leontovich_F_Adaty_kavkazskikh_gorcev_I-II_1882-1883.html (дата обращения 15.09.2022).
5. Ляужева С.А. Личность в традиционной культуре адыгов: автореф. дис. д-ра филос. наук: 24.00.01. Ростов-на-Дону, 2004. 38 с.
6. Меретуков М.А. Семья и брак у адыгских народов. Майкоп: Адыг. отделение Краснодар, кн. изд-ва, 1987. 368 с.
7. Непсо М.С. Адыгская художественная культура. Майкоп: ОАО «Полиграфиздат «Адыгея», 2007. 268 с.
8. Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX-XX в.). М.: «Наука», 1983. 265 с.
9. Тлевцерукова Д.К. Особенности брачного выбора молодежи (на материалах Краснодарского края и Республики Адыгея) // Сборник статей победителей 69-й конференции ФИСМО в рамках Молодежной недели науки КубГУ; сост. А.С. Евтушенко. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2018. С. 365–368.

СОЦИАЛЬНАЯ ДИСТАНЦИРОВАННОСТЬ КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ: НА ПРИМЕРЕ АРМЯН И ГРУЗИН

SOCIAL DISTANCING AS A PHENOMENON OF MODERN REALITY: ON THE EXAMPLE OF ARMENIANS AND GEORGIANS

Арешидзе А. Д.

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Areshidze A. D.

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация: В статье представлены результаты пилотажного социологического исследования, направленного на изучение контактов с различными национальностями и на измерение социальной дистанции между армянами и грузинами. Эмпирическим путём с помощью интервью и тестирования с применением социально-психологической методики «шкала социальной дистанции Э. Богардуса» были выявлены готовность к контактам армян и грузин, а также степень социальной близости и неприязни к другим народам, проживающим на территории Ставропольского края.

Abstract: The article presents the results of a pilot sociological study aimed at studying contacts with various nationalities and measuring the social distance between Armenians and Georgians. Empirically, with the help of interviews and testing using the socio-psychological methodology "E. Bogardus' social distance scale", the readiness for contacts between Armenians and Georgians, as well as the degree of social closeness and hostility to other peoples living on the territory of the Stavropol Territory, were revealed.

Ключевые слова: этнос, этническая территория, диаспоры, социальная дистанция, межкультурная коммуникация.

Keywords: ethnos, ethnic territory, diasporas, social distance, intercultural communication.

В современных реалиях активных межэтнических взаимодействий вопросы изучения социальной дистанцированности между представителями различных этнокультурных групп приобретают особую значимость и актуальность. Важным также является вопрос о том, в какой степени средства массовой информации, личные контакты, события в мире, и другие условия могут формировать установки на толерантность либо неприязнь, ориентировать на взаимопонимание и согласие по отношению к представителями других народов.

Впервые термин «социальная дистанция» был введён Г. Зиммелем. Основное внимание он уделяет данной теме в работе «Эссе о чужаке» [4, с. 509]. Под социальной дистанцией он понимает

положение индивидов или социальных групп в пространстве, в зависимости от их близости или отчуждённости друг к другу.

Важно заметить, что основным моментом в определении социальной дистанцированности является социальный статус. Поскольку благодаря ему индивид сохраняет своё положение относительно статуса объекта, от которого отстраняется.

Особый вклад внёс Э. Богардус в изучение этнической дистанции [1]. Он создал шкалу социальной дистанции, которая показывает степень психологической близости людей, способствующей легкости их взаимодействия. Максимальная социальная дистанция означает, что человек (или этнос) держится обособленно, автономно. Минимальная социальная дистанция демонстрирует готовность к тесному взаимодействию между людьми и группами, которые принимают во внимание оригинальность и индивидуальность друг друга.

Шкала включает семь позиций (дистанций). От минимальной, когда индивиды готовы принять людей определенной национальности как близких родственников посредством брака (наименьшая дистанция и наибольшая готовность к контактам), до максимальной, когда людей другой национальности предпочли бы не видеть в своей стране (наибольшая дистанцированность, обособленность и изоляционизм).

Н. М. Лебедева рассматривает социальную дистанцию как механизм защиты этнической общности: чем больше нам не близка культура других народов, тем больше мы отдаляемся от него, во благо сохранения собственной идентичности [2, с. 20]. Г. У. Солдатова вводит термин «этническая граница» [3, с. 178]. Этнокультурная дистанция может возникнуть на основе таких отличий как религия, культура, вплоть до каких-либо досуговых разногласиях групп.

Выделяют два вида этнических границ: внутреннюю и внешнюю. Внутренняя этническая граница существует в среде самого народа. Она формируется на основе этнических установок, стереотипов и автостереотипов, определяющих степень участия этноса во внешнем общекультурном полиэтническом процессе. Внешняя этническая граница возникает по отношению к окружающим народам и этническим группам. Ее содержание обусловлено фактами и сюжетами истории и современности, тенденциями межэтнических отношений. Внешнее этническое расстояние, дистанция определяет степень взаимного проникновения культур, взаимного признания субъектов межэтнических и национальных отношений.

Другой категорией, связанной с проблемами межэтнического дистанцирования и взаимодействия является понятие «межкультурной

коммуникации», которое было введено в научный оборот Э. Холлом и Г. Трейгером в их работе «Культура как коммуникация: модель анализа» [5]. Под межкультурной коммуникацией авторы понимали разнообразные взаимоотношения индивидов, которые принадлежат разным культурам. Однако само понятие и его содержание вызвало дискуссию в среде представителей социальных наук.

Исследование социальной дистанцированности представляет особый интерес в регионах с максимальной полиэтничностью. В пределах страны такими характеристиками отличаются регионы Юга России – Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская область и близлежащие республики.

В нашем исследовании мы изучали особенности социальной дистанцированности армян и грузин. *Объектом* исследования являются представители армянского и грузинского народа, проживающие в Ставропольском крае. *Предмет* исследования – специфика социальной дистанцированности армян и грузин в отношении к другим народам и друг к другу. *Цель* исследования заключалась в выявлении социальной дистанцированности к другим народам и непосредственно друг к другу представителей армянской и грузинской национальности.

Методология. В качестве метода в исследовании использован комплексный, сочетающий полуструктурированное интервью и тестовую методику «шкала социальной дистанции Э. Богардуса». Исследование осуществлялось на двух подвыборках: в первую вошли представители армянской национальности, во вторую представители грузинской национальности. Способ формирования выборки – метод «снежного кома» и доступных случаев (N=38).

Основной проблемой нашего пилотажного исследования послужила тема коммуникаций и социальных дистанций. Мы задали респондентам несколько вопросов, ответы на которые помогут нам определить круг их межэтнических взаимодействий.

В ответах на вопросы: «Как часто вы контактируете с людьми других национальностей? С представителями каких национальностей Вы взаимодействуете чаще всего? С кем взаимодействуете реже? Почему?» все респонденты из обеих подвыборок отметили, что они довольно часто контактируют с людьми разных национальностей. Однако частота межэтнического взаимодействия у отдельных респондентов объясняется разными условиями.

С одной стороны, часть респондентов указывают на частоту контактов в связи с особенностью территории их проживания, поскольку Ставропольский край входит в число наиболее

полиэтнических регионов РФ, так как его территория граничит с соседними национальными республиками. *«Так как я живу на Кавказе, то очень часто»; «У нас такой регион, да и страна в целом многонациональная, что не встретить людей какой-либо национальности невозможно».*

С другой стороны, частота межэтнического взаимодействия зависит от их личных качеств респондентов: *«Общение и знакомство мне всегда давалось легко».*

Анализ варианты ответов в совокупности в обеих подвыборках позволяет выделить народы, с которыми контакты и взаимодействия у респондентов происходят наиболее часто, это: *«русские, армяне, греки, грузины, азербайджанцы».*

Напротив, реже всего респонденты коммуницируют с *«казахами, турками, узбеками, дагестанцами и чеченцами».* Исходя из ответов, мы можем сказать, что минимизация данных контактов связана, прежде всего, с географической отдалённостью регионов исторического проживания представителей данных народов.

При этом респонденты-армяне минимизируют свои контакты с турками и азербайджанцами. Это связано с историческими условиями и современными социально-политическими процессами и их репрезентацией в СМИ: *«У нас по телевидению показывают какие турки и азербайджанцы плохие, как они расстреливают армян. У них показывают, что мы плохие. Как тогда может возникнуть нормальное общение, если СМИ вещают о подобном»; «У меня нет никакого негатива к нациям, возможно в малых количествах к туркам и азербайджанцам, но больше к туркам»; «У меня есть друзья азербайджанцы, но в силу того, что происходит война и во мне бурлит армянская кровь, всё равно присутствует доля национализма. Поэтому стали реже общаться».*

Отвечая на вопрос о том, где чаще всего происходит взаимодействие с людьми разных национальностей, армяне и грузины указывают место работы: *«На работе через меня много людей проходит»; «На работу я прихожу и у нас тут сотрудники разных наций».*

А также в большинстве случаев представители этнических групп, с которыми коммуницируют участники интервью, являются местными жителями: *«В основном местные. Из приезжих у меня есть армяне, русские».*

Также, на наш взгляд является важным вопрос, о характеристиках индивидов, по которым респонденты отличают представителей других этнических групп. Основными опознавательными характеристиками являются: *«акцент, манера поведения, внешность, одежда»*.

Многие респонденты, как и армяне, так и грузины, указали на то, что в целом для них представляет определенную сложность определение национальной принадлежности других людей, прежде всего в том случае если они являются незнакомыми: *«Вот единственное, что мне трудно даётся, так это различать людей. Для меня все кавказские национальности одинаковые, славянские тоже, и азиатские тоже. Я вижу человека кавказской национальности, но не могу понять армянин он или грузин, или азербайджанец и т.д.»*; *«Например, если поеду в Москву, где много людей и я никого там не знаю, то там я не смогу никого распознать»*.

Таким образом, можно отметить, что частота межэтнических контактов респондентов связана прежде всего с особенностями территории их проживания, которая отличается чрезвычайно высоким уровнем полиэтничности. Чаще всего респонденты взаимодействуют с представителями славянских и кавказских народов. При этом респонденты-армяне сознательно ограничивают свои контакты с турками и азербайджанцами.

Далее респондентам был задан вопрос: *«Есть ли среди Вашего окружения люди грузинской или армянской национальности?»*. Респонденты-армяне в большинстве указывали, что в их окружении грузины чаще всего являются друзьями: *«Друзей и знакомых грузин достаточно много. С друзьями-грузинами с детства знакомы, даже в школе вместе учились»*; *«У меня есть друзья – грузины, которые очень хлебосольные, гостеприимные люди»*; *«Да, вот, у брата девушка-грузинка, с братом у нас общие друзья есть грузины. Так как родители из Грузии, у них там тоже есть знакомые»*.

В представлениях армян грузины имеют такие положительные качества, как: *«гостеприимство»*, *«дружелюбный, весёлый народ, любящий отдыхать громко и красиво»*, *«они настоящие мужчины»*, *«они очень культурные. Грузины хорошие виноделы. Их вино как отдельный вид искусства. Очень добрые люди»*.

Что касается отрицательных качеств, то, по мнению армян: *«наверное, как и у армян, «понты», но в гораздо меньшей мере»*, *«мне кажется, что они горды и заносчивы»*. При этом половина респондентов не смогло выделить отрицательные качества и посчитали неправильным приписывать какие-либо качества всему народу.

В ходе интервью мы также попытались выяснить готовность армян к контактам с грузинами и наоборот. На вопрос о предыдущих и нынешних отношениях двух народов, армяне отмечали следующее: *«На самом деле, я ни разу не видел, чтобы эти народы спорили. Культуры очень похожи по сути своей»*; *«Честно, я не понимаю, почему у этих стран могут быть вообще конфликты... Они могли бы поссориться по двум причинам: у кого еда вкуснее и выпивка вкуснее. И третье, у кого женщины красивее»*. Была и точка зрения, связанная с историческим дискурсом грузин: *«На сегодняшний день конфликт может быть из-за прошлого... грузины считают, что армяне присваивают их культуру, кухню. Также бывает, припоминают батальон им. Баграмяна, который воевал против грузин в 1992 году во время грузино-абхазской войны. Каждый грузин ищет в своей родословной армянские корни. А армяне, на мой взгляд, относятся к грузинам с завистью из-за территории, экологических факторов, например, земля плодороднее»*.

Аналогичные вопросы были заданы респондентам-грузинам. На вопрос о наличии в окружении грузин представителей армянской национальности мы получили большую вариативность в ответах. Были ответы негативного содержания: *«Они мне никем не приходятся. Они соседи»*, *«Вообще-то я не националистка, но это, пожалуй, единственная нация, которая мне не нравится, как люди... У меня есть подружка-армянка»*. В ответах с позитивным содержанием отмечалось, что в окружение у грузин есть родственники и друзья армянской национальности.

В представлениях грузинских респондентов армяне имеют такие положительные качества, как: *«очень активные, открытые, отзывчивые и гостеприимные люди»*; *«помогут в трудную минуту»*; *«они никогда не делают шага не подумав. Они добрые»*.

Респонденты-грузины среднего возраста выделяли негативные качества армян: *«хитрые, подлые, любят себя хвалить, иногда даже незаслуженно. Присваивают себе то, чего нет на самом деле»*; *«то, что я больше всего не люблю – это подхалимство, двуличие...»*. Не редко негативное отношение было следствием неудачного личного опыта взаимодействия с представителями армянского народа. Важно заметить, что респонденты молодого и пожилого возраста не смогли назвать отрицательные качества армян.

В ходе интервью с грузинами мы также попытались выяснить их готовность к контактам с армянами. На вопрос о предшествующих и нынешних отношениях двух народов, грузины отмечали следующее:

«Исторически Грузия с Арменией связаны давно. Было время, когда армяне помогали грузинам и наоборот... Поэтому, я думаю, что слово конфликт вообще неприменимо к армянам и грузинам»; «Я единственное, что знаю, так это то, что армяне и грузины – две нации, между которыми не было войны»; «Из истории я не знаю... помню, что в детстве по соседству армяне жили. Бабушка их не любила, так как они были хитрыми»; «Если брать неприязнь во время войны, то это политика. Когда Абхазия добивалась своей независимости и вышла из управления Грузии..., а там платили армянским полкам из Еревана». Здесь можно выделить две противоположные позиции: положительное отношение грузин к армянам и готовность к контактам и отрицательное отношение и нежелание контактировать.

Вместе с тем, несмотря на некоторую категоричность отдельных респондентов-грузин, многие соглашались с мнением, что грузины и армяне – «братские народы», так как их объединяет территориальная близость, культура, религия и многие исторические моменты. Они близки и всегда помогали друг другу.

Согласно результатам тестирования по «шкале социальной дистанции» армяне более доброжелательно настроены по отношению к грузинам. Так как 46,7% готовы принять их в качестве друзей и 20% – как близких родственников посредством брака. Лишь 13,3% респондентов предпочли бы не видеть грузин в своей стране (рис.1).

Рисунок 1 – Социальная дистанция армян по отношению к грузинам, %

Грузины в свою очередь демонстрируют большой разброс мнений: 26,7% опрошенных готовы принять армян в качестве друзей, 20% как граждан страны. По 13,3% набрали такие категории как принятие посредством брака, в качестве коллег по работе и туристов.

Соответственно, грузины устанавливают по отношению к армянам большую социальную дистанцию, чаще стремятся обособиться и сократить контакты, сделать их более формализованными (рис. 2).

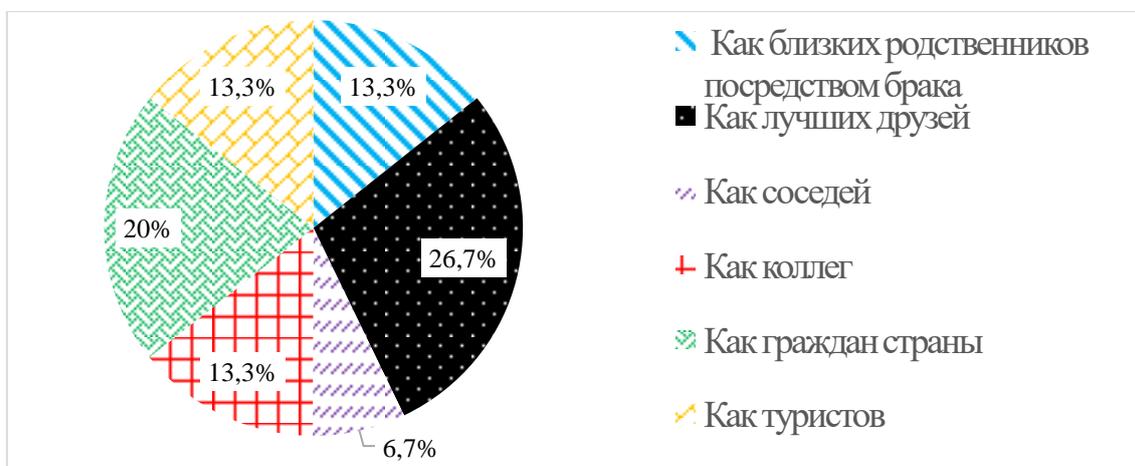

Рисунок 2 – Социальная дистанция грузин по отношению к армянам, %

По итогам проведенного исследования мы видим, что контакты респондентов-армян и грузин совпадают друг с другом, поскольку наиболее частыми представителями являются лица славянских и кавказских национальностей. Однако, в отличие от грузин, армяне негативно относятся к туркам и азербайджанцам. Частично это негативно объясняется недавними политическими событиями, а также личным опытом негативных контактов респондентов.

Вместе с этим армяне более позитивно в целом воспринимают грузин и сильнее расположены к контактам с ними, их гетеростереотипы имеют положительную направленность. У грузин обнаруживается наличие двух противоположных позиций: наряду с позитивным восприятием армян и готовности контактировать с ними, часть респондентов транслирует негативные гетеростереотипы и нежелание устанавливать и поддерживать отношения с армянами.

Несмотря на категоричность грузинских респондентов, большинство участников исследования считают, что оба народа являясь братскими, должны стремиться к взаимопониманию и позитивному взаимодействию

Библиографический список

1. Богардус Э.С. Социальная дистанция в городе // Материалы и публикации Американского социологического общества. 1926. С. 40–46.
2. Лебедева Н.М. Социальная психология этнических миграций М., 1993. 195 с.

3. Солдатова Г.У. Социально-психологические аспекты межэтнической напряженности // Духовная культура и этническое самосознание / под ред. Л.М. Дробижевой. М.: ИЭА, 1991. С. 178–200.

4. Simmel G. Exkurs über den Fremden – Soziologie. München u. Leipzig. 1923. S. 509–512.

5. Trager G., Hall E. Culture as Communication: A Model and Analysis. New York. 1954.

ФАКТОРЫ ПОЗИТИВНОГО СОСТОЯНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КРЫМУ (ПО ДАННЫМ АНКЕТНЫХ И ЭКСПЕРТНЫХ ОПРОСОВ)

FACTORS OF THE POSITIVE STATE OF INTER-ETHNIC RELATIONS IN CRIMEA (ACCORDING TO THE DATA AND EXPERT SURVEYS)

Баранов А. В.

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Baranov A. V.

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация: Статья посвящена выяснению факторов позитивного развития межэтнических отношений в современном Крыму. Преимущественное внимание уделяется периоду 2019–2022 гг. Исследование проведено на основе вторичного анализа результатов анкетных и экспертных опросов. Аргументируется программа проведения в будущем массового анкетного опроса по данной теме.

Abstract: The article is devoted to clarifying the factors of positive development of interethnic relations in contemporary Crimea. Primary attention is paid to the period 2019–2022. The study was carried out on the basis of a secondary analysis of the results of questionnaires and expert surveys. The program of conducting a mass questionnaire survey on this topic in the future is argued.

Ключевые слова: межэтнические отношения, современный Крым, позитивное состояние, факторы, анкетные и экспертные опросы.

Keywords: interethnic relations, contemporary Crimea, positive state, factors, questionnaires and expert surveys.

Современные макрополитические условия межэтнических и межконфессиональных отношений в Крыму повышают актуальность проведения регулярного мониторинга развития этнополитических процессов в данном приграничном регионе. Особую значимость представляет соотношение гражданской, этнических и религиозных идентичностей крымской и севастопольской молодёжи, которая

определяет перспективы этнополитической и конфессиональной ситуации на полуострове.

Степень изученности темы неравномерна. Среди работ, основанных на самостоятельных эмпирических исследованиях, упомянем периодический доклад Института этнологии и антропологии РАН [1], монографию под руководством Е.В. Бродовской [2], статьи В.И. Мукомеля и С.Р. Хайкина [3, с. 50–67], В.А. Чигрина и др. [4, с. 158–169]. Важны работы крымской политико-географической школы (И.Н. Воронин, А.Б. Швец, И.М. Яковенко) [5, с. 16–41]. Исследование идентичности крымских татар проведено Э.С. Муратовой и её коллегами [6]. Созданы относительно объективные зарубежные исследования Г. Зассе, И. Жилина и Т. Франке [7], Е.В. Князевой [8, с. 12–16]. Вклад в исследование темы внесли и представители кубанской научной школы — И.В. Юрченко, А.В. Баранов, М.В. Донцова и др. [9]. Но этнополитическая ситуация изменяется настолько динамично, что многие новые аспекты и проявления межэтнических отношений ещё не осмыслены. Фрагментарные замеры по несогласованным программам не позволяют воссоздать целостную картину этнополитических процессов, необходима государственная долгосрочная программа социологических исследований темы.

Цель статьи – определить факторы позитивного состояния межэтнических отношений в современном Крыму (с 2019 по весну 2022 гг.).

Статья выполнена на основе парадигмы конструктивизма, что позволяет осмыслить ориентации и установки восприятия этнических и конфессиональных вопросов в качестве формируемых в ходе социализации, а не предписанных [10, с. 9–48]. Применяется синхронный сравнительный анализ параметров идентичности русской, украинской и крымскотатарской молодёжи. Источниковая база работы включает в себя опубликованные результаты: опросов ВЦИОМ (март 2020 г., n=1600 старше 18 лет, август 2021 г., n=1200, погрешность не более 2,5%); опроса Фонда «Общественное мнение» (март 2022 г., n=1500 старше 18 лет, погрешность до 3,6%), опроса Института этнологии и антропологии РАН (2018 г., n=200, погрешность не больше 2%); опроса Севастопольского государственного университета (2017–2019 гг., n=3200, погрешность не более 3%); опроса Кубанского государственного университета (2018–2019 гг., n=630 в возрасте 16–39 лет, погрешность до 2,5%).

Прежде всего, анкетные и экспертные опросы постоянно подтверждают весомую поддержку крымчанами воссоединения с

Россией. Например, опрос, организованный ВЦИОМ 11–12 августа 2021 г. (выборка 1600 чел. в Республике Крым и г. Севастополь старше 18 лет, опрошена посредством телефонного интервью) доказал, что 93% респондентов позитивно относятся к воссоединению, а негативно – только 4%; 88% проголосовали бы за воссоединение, если бы референдум состоялся вновь (5% проголосовали бы за сохранение статуса автономной республики в составе Украины). При этом 89% опрошенных полагают, что Крым более успешно развивается в составе Российской Федерации, а не Украины. Положительно оценивают общее состояние дел в Крыму 75% респондентов, а 85% отмечают улучшение ситуации в родном регионе. Полагают, что изменения непосредственно положительно сказались на их жизни и жизни их семьи, 70% опрошенных [11]. В сравнении с предыдущими сопоставимыми опросами 2015–2020 гг. [12] перечисленные пропорции не изменились.

Вследствие такого политического позиционирования большинство крымчан положительно оценивает состояние и перспективы межэтнических отношений на полуострове. Опрос, проведённый сотрудницей Института этнологии и антропологии РАН О.В. Кульбачевской в 2019 г., показал, что 90% респондентов всех возрастов оценивали межэтнические отношения как спокойные и 78% – как стабильные; лишь 3% полагали, что межэтнические отношения ухудшаются [13, с. 114–115]. Такая оценка подтверждается и степенью распространения практик дружбы между представителями различных народов. Симферопольский исследователь Т.В. Милюкова опросила 253 студентов, установив, что не менее 69% русских респондентов имеет друзей среди крымских татар. Лишь 3–5% опрошенных испытывают неудобства из-за этничности друзей. Более 70% респондентов в каждой из подвыборок полагали, что их этническая группа не влияет на дружеские отношения, и они свободны в выборе своих друзей [14, с. 272–273].

Анкетные опросы студенческой молодёжи Крыма 17–25 лет, проведённые за 2017–2019 г. Е.В. Бродовской, А.А. Ирхиным, Л.П. Нелиной, О.В. Ярмак и др. (n=3200, погрешность не более 3%), подтвердили достаточно высокий уровень признания российской гражданской идентичности. Назвали себя в первую очередь гражданами Российской Федерации 48,3% всех опрошенных, жителями Крыма – 40,3%, жителями своего города или села – 20,0%, верующими – 10,6%, людьми своей национальности – 9,7%. В то же время, российская идентичность воспринимается как преобладающая 54% опрошенными русскими, 37% крымскими татарами и 27% украинцами (этничность

указывалась по самооценке опрошенных) [2, с. 27, 30]. По обоснованному мнению О.В. Кульбачевской [13, с. 115–117], Э.С. Муратовой и др. [6, с. 179–182], межэтнические различия уровня признания российской идентичности объясняются высоким уровнем урбанизации русских и относительно сниженным – украинцев и крымских татар, а также неравной степенью вовлечённости в позитивные политические практики. Исследование О.В. Кульбачевской дало более высокий уровень признания российской идентичности (67%), ещё 20% респондентов проявили двойную (российскую и региональную) идентичность [13, с. 113–114]. Следует учитывать, что соотношения между гражданской, этническими, конфессиональными, территориальными идентичностями зависят от формулировок вопроса. Под гражданской идентичностью, по сути, подразумевается признание себя и своей группы в первую очередь гражданами Российского государства. Но такая самооценка должна быть уточнена в будущих опросах: в какой степени респонденты считают себя носителями ценностей российской цивилизации и символов исторической гордости, а не только признают выгоду российского гражданства. Крымский регионализм в данном ракурсе имеет различные смыслы в восприятии основных народов полуострова: в восприятии русских он подкрепляет государственную приверженность, тогда как для украинцев и крымских татар – отчасти конкурирует с нею.

Важной предпосылкой позитивных межэтнических отношений в Крыму является узаконенное многоязычие. По данным опроса О.В. Кульбачевской, 80% опрошенных в Крыму назвали своим родным языком русский, а 16% – два языка. Полноценное владение («свободно читаю, пишу, общаюсь») русским языком характерно для всех респондентов, украинским – для 65%, крымскотатарским – для 6%. Существующий равный статус трёх языков в качестве государственных одобрили 81% респондентов. Вместе с тем, посчитали, что в школах должен изучаться русский язык, 89%, а только иные языки – 3% [13, с. 112]. То есть, опрошенные признают наличие равноправия языков в Крыму де юре и одобряют многоязычие, но реальные функции языков считают различными, отдавая предпочтение русскому языку и в сфере частного общения, и бизнеса, и политики.

Следует учитывать наличие и факторов, негативно либо противоречиво влияющих на развитие межэтнических и межконфессиональных отношений в Крыму. Среди них – «облучение» регионального сообщества информационными потоками, генерированными геополитическими противниками (стран Запада,

Украины), усилившееся с началом специальной военной операции; асимметрия сетей политической коммуникации и источников политических знаний в различных этнических, социально-стратификационных и территориальных группах населения. В частности, анкетный опрос М.В. Гаспаряна, проведённый осенью 2019 г. среди студентов и работающей молодёжи гг. Симферополя и Ялты (выборка 280 чел. в возрасте 18–30 лет) позволяет установить неравномерность удовлетворённости респондентов различной этничности функционированием государственной власти. Так, удовлетворённость опрошенных русских политико-организационной функцией власти составляла 34,8%, украинцев – 28,6%, а крымских татар – 26,7%. Удовлетворённость обеспечением безопасности, соответственно, насчитывала 44,4%, 14,3% и 23,5% [15, с. 10]. В рукописном отчёте В.А. Чигрина о результатах пилотажного исследования, проведённого Крымским филиалом ФНИСЦ РАН совместно с Министерством внутренней политики и информации Республики Крым (2022 г., выборка 289 чел. старше 18 лет в гг. Симферополе и Красноперекоске), отмечается неравномерный уровень доверия общественным и политическим институтам: наибольший – Президенту России (58,1%), Вооружённым Силам (51,3%) и Главе Республики Крым (41,5%), но в то же время, невысокий – телевидению (29,1%), всем конфессиям (26,8%), местному самоуправлению (26,0%), Государственному Совету РК (24,5%) и политическим партиям (15,85%). Потенциальная возможность участия в акциях протеста по различным основаниям колеблется от 14,0 до 24,9% респондентов (этот уровень не вырос с 2018 и 2019 гг.). Позитивно оценили специальную военную операцию свыше 50% опрошенных, а негативно – 10,9% (повышен уровень негативных оценок в Красноперекоском районе, что тревожно ввиду его военно-стратегического значения) [16, с. 3–6].

Таким образом, в итоге исследования определены следующие предпосылки позитивного восприятия крымчанами межэтнических и межконфессиональных отношений с 2019 по весну 2022 гг.): доминирующая поддержка воссоединения Республики Крым и г. Севастополя с Россией; вовлечённость в конструктивные практики межкультурного общения; высокий уровень доверия федеральной и региональной исполнительной власти; преобладание положительных оценок изменений в экономической, социальной, политической и культурной жизни регионального сообщества за 2014–2022 гг. Массовую поддержку находит и многоязычие при лидирующей роли

русского языка в качестве средства межэтнической коммуникации. Вследствие этого межэтнические и межконфессиональные отношения на полуострове воспринимаются доминирующей частью респондентов (свыше 78%) как спокойные и стабильные. Достигнут средний уровень приоритетной самооценки крымчан как граждан России.

В то же время, сохраняется неравномерность доверия крымчан различным общественным и политическим институтам и функционированию власти, а гражданская российская идентичность в наибольшей степени сформирована среди русской части населения Крыма в сравнении с украинской и крымскотатарской частями. В условиях специальной военной операции и ужесточения международных санкций эти факторы могут стать более конфликтогенными, чем раньше. Необходимо проведение проактивной, нацеленной на проблемные группы населения (молодёжь, жители степных и предгорных сельских районов, крымские татары) этнополитики. В том числе, поддерживаем регулярное (не реже 4 раз в год) проведение мониторинговых анкетных опросов о факторах и состоянии межэтнических отношений в РК и Севастополе. Такие исследования должны включать в себя совокупность вопросов об источниках осведомлённости граждан о данной проблематике, о степени плотности межэтнических, языковых и конфессиональных контактов. Необходимо выявить также динамику межгрупповых дистанций, иерархию ценностей и ориентаций респондентов в когнитивном, аффективном и установочном аспектах. Мониторинговые опросы должны обеспечивать возможность картографирования межэтнических и межконфессиональных отношений с глубиной разрешения до муниципальных образований. Дополнительно желательно провести экспертные опросы о мерах повышения эффективности национальной политики масс-медиа, политических партий и общественных объединений, о повышении доверия общества конфессиональным организациям. Данная деятельность социологов нуждается в систематической государственной поддержке по единой программе исследований.

Библиографический список

1. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Крыму. Экспертный доклад за 2018 год / ред. Сенюшкина Т.А., Степанов В.В., Старченко Р.А. Москва; Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. 152 с.

2. Бродовская Е.В., Ирхин А.А., Канах А.М., Карзубов Д.Н., Нелина Л.П., Ярмук О.В. Межнациональное и межрелигиозное согласие в студенческой среде Крыма и Севастополя: мониторинг и анализ уровня развития / отв. ред. О.В.

Ярмак. Севастополь: Севастопольский государственный университет, 2019. 144 с.

3. Мукомель В.И., Хайкин С.Р. Крымские татары после Крымской весны: трансформация идентичностей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 3 (133). С. 50–67.

4. Чигрин В.А., Хлезов А.А., Латышева Е.В. Российская национально-культурная идентичность: опыт исследования исторической памяти молодежи Республики Крым // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. 2019. Т. 5 (71). № 1. С. 158–169.

5. Атлас социокультурных процессов в Крыму / под ред. И.Н. Воронина, И.М. Яковенко, А.Б. Швец, Д.А. Вольхина. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2021. 196 с.

6. Муратова Э.С., Дюльберова Л.Я., Апселямова А.И. Крымские татары в условиях трансформации политического пространства: ценности, проблемы, перспективы. Симферополь: ООО «ИТ АРИАЛ», 2020. 192 с.

7. Зассе Г., Жилин И., Франке Т. Крым после 2014 года: идентичность и условия жизни // Онлайн-медиа dekoder.org. – URL: <https://crimea.dekoder.org/identichnost>.

8. Князева Е.В. Структура крымской идентичности: опыт применения бинарной логистической регрессии для построения идентификационных моделей крымчан (на материалах исследования «Открытое мнение – Крым 2016») // Телескоп. 2017. № 2 (122). С. 12–16.

9. Конфликтогенные и интеграционные факторы развития человеческого потенциала Юга России в условиях новых геополитических вызовов / авторы: И.В. Юрченко, А.В. Баранов, М.В. Донцова, Н.Н. Юрченко. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2019. 248 с.

10. Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. Москва: Новое издательство, 2006. С. 9–48.

11. Российский Крым: семь лет после воссоединения // Сайт ВЦИОМ. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiiskii-krym-sem-let-posle-voossoedinenija>

12. Опрос показал, как крымчане оценивают присоединение к России // Сайт РИА-Новости. – URL: <https://ria.ru/20200318/1568774660.html>

13. Кульбачевская О.В. Этносоциальная ситуация и межэтнические отношения в Крыму // Вестник антропологии. 2019. № 4 (48). С. 114–115.

14. Милюкова Т.В. Напряженность в межэтнической дружбе представителей русского и крымско-татарского этносов в Крыму // Психология и педагогика в Крыму: пути развития. 2020. № 1. С. 271–274.

15. Гаспарян М.В. Факторы легитимации политической власти (на примере молодёжи Крыма) // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2019. Т. 5 (71). № 4. С. 3–17.

16. Чигрин В.А. Краткий вариант отчёта. Рукопись, любезно предоставленная автором в июле 2022 г. 9 с.

РОЛЬ СОХРАНЕНИЯ И РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВА

THE ROLE OF PRESERVATION AND REPRESENTATION OF ETHNO-CULTURAL HERITAGE IN THE NATIONAL POLICY OF THE STATE

Бражников А. А.

Краснодарский государственный институт культуры, г. Краснодар

Brazhnikov A. A.

Krasnodar State Institute Of Culture, Krasnodar, Russia

Аннотация. Показывается роль сохранения и репрезентации этнокультурного наследия для реализации национальной политики государства. Отмечается несостоятельность стратегии мультикультуральности и предпочтительность интеркультурализма как идейной доминанты развития многонационального и поликультурного государства и общества. Акцентируется значение этнокультурного наследия в формировании интеркультуральной идентичности.

Annotation. The role of preservation and representation of ethno-cultural heritage for the implementation of the national policy of the state is shown. The inconsistency of the strategy of multiculturalism and the preference for interculturalism as the ideological dominant of the development of a multinational and policultural state and society are noted. The importance of ethnocultural heritage in the formation of intercultural identity is emphasized.

Ключевые слова: национальная политика, этнокультурное наследие, мультикультурализм, интеркультурализм, идентичность.

Keywords: national policy, ethno-cultural heritage, multiculturalism, interculturalism, identity.

На карте современного мира существует множество поликультурных государств, для которых ведение компетентной национальной политики является важнейшим фактором устойчивого развития. Крупнейшим полиэтническим и поликультурным государством является Россия. Конституция нашего государства начинается словами: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации...» [1], что обусловлено характером его исторического развития. Поэтому для России особенно актуальна проблема сохранения многообразия, мирного сосуществования и взаимообуславливающего развития этнокультур, составляющих этническое и культурное богатство нашей Родины. В настоящее время в мире вновь обострились проблемы, связанные с национальными,

конфессиональными, межкультурными конфликтами и противоречиями. Думается, что это обострение является реакцией на глобализационные процессы современности и объясняется ригидностью общественного сознания.

В Стратегии государственной национальной политики указывается, что в числе основных направлений национальной политики нашего государства ключевую роль занимает укрепление «общероссийской гражданской идентичности на основе духовно-нравственных и культурных ценностей народов Российской Федерации» [4]. Государственная национальная политика направлена на упрочение «гражданского единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации), сохранения и поддержки этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации» [4]. Вместе с тем Е. Ю. Перова отмечает уязвимое состояние культур и языков коренных малочисленных народов России [8, с. 251]. Российское законодательство не определяет критерии отнесения того или иного народа к числу коренных и соответственно, проблема охраны и защита их обычаев, верований, обрядов, материальных ценностей и иных объектов культурного наследия остаются в состоянии неопределенности. В связи с этим ущемляется или вовсе игнорируется их право на ведение традиционной хозяйственной деятельности. В перечне мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности отсутствуют места проживания таких коренных малочисленных народов, как шапсуги, абазины, нагайбаки, сету, бесермяне, водь и ижорцы [7, с. 8]. В то же время следует отметить и положительные тенденции: 20 октября 2022 года был принят федеральный закон №407-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» [2], урегулировавший в правовом отношении некоторые аспекты государственной национальной политики в области нематериального культурного наследия народов нашей страны.

2022 год был объявлен указом Президента Годом культурного наследия народов России [3], и в этой связи представляется особенно актуальным показать значимость этнокультурного наследия для национальной политики государства. Идентичность человека, то есть его самоотождествление с той или иной социальной общностью детерминировано социальным окружением и культурной средой. Поэтому этническая, а тем более конфессиональная и прочие виды идентичности определяются не столько генетически, сколько культурно, являясь, по сути, социальными конструктами. Однако то

обстоятельство, что идентичность в известной степени является искусственным образованием, не должно означать нивелирование её значения в социальной психологии и практике межкультурной коммуникации. Сохранение и репрезентация этнокультурного наследия является необходимым условием для национальной идентичности, которая в современном мире по-прежнему сохраняет своё значение, а также является составной частью гражданской идентичности, что особенно важно в контексте рассмотрения такой многонациональной и поликультурной страны, как Россия.

Концепция мультикультурализма предполагает, с одной стороны, отказ от ассимиляции меньшинств и пришлого населения доминирующей культурой, а, с другой стороны, отказ и от взаимной интеграции с целью получить качественно новое целое. Мультикультурализм противопоставляют как унифицирующей модели национальных государств, так и американскому «плавильному котлу», вводя по аналогии метафору «салатной миски», в которой элементы не смешиваются и не «переплавляются» в нечто новое, но составляют единое блюдо, сохраняя «свою текстуру, цвет и вкус» [6, с. 65]. Интеркультурализм же, если идти в том же ракурсе кулинарных ассоциаций, представляет глобальное общество как «похлебку», в которой остаются все изначально положенные в неё компоненты, однако при взаимодействии друг с другом и при одновременной термальной обработке (метафора глобализационного процесса) меняют свою текстуру и при этом все они вносят свой вклад в формирование единого «культурного бульона». Именно такую модель глобального интеркультурализма мы считаем наиболее перспективной как в контексте отдельно взятой поликультурной России, так и в контексте всего человечества. Заметим, что о благотворности интеграции этнических культур в единую цивилизационную идентичность для России отмечалось и ранее. Так, об этом доказательно пишут Б.В. Аксюмов и Л.В. Хачатрян [5, с. 26]. Однако мы считаем необходимым подчеркнуть, что эта стратегия применима не только к России, но и к любым поликультурным многонациональным государствам, а также к человеческому обществу в целом.

Стратегия мультикультурализма несколько не нивелирует культурные отличия, осложняющие процесс межкультурной коммуникации, но, напротив, дополнительно акцентирует на них внимание, делая их отличительными признаками социальных групп, которые должны существовать параллельно. Для мигранта политика мультикультурализма, с одной стороны, предполагает возможность

существовать в рамках родной культуры и не ассимилироваться в соответствии с моделью местной культурной традиции, но, с другой стороны, препятствует его инкультурации, включению его в более широкую модель социального взаимодействия, взаимовлияния и взаимообогащения. Так как понятие культуры, на котором строится концепция мультикультуральности, представляет собой продукт общественных отношений, перманентно подвергающийся деконструированию и переработке, мультикультурализм не может в полной мере считаться стратегией, противоположной принципу примата «главенствующей культуры». Концепция мультикультуральности не только не решает проблему межкультурной напряжённости, но и дополнительно подчеркивает реальность «культурных» отличий и барьеров, наглядно обнаруживает проблему социально-культурной лакуарности.

Современный кризис цивилизации связан главным образом с сохранением отжившей идеи локальной идентичности, будь то национальная, конфессиональная или иная. Социально-культурная и, как следствие и причина, политическая конфронтация обостряют межнациональные и межкультурные противоречия, затрудняют осуществление межкультурной коммуникации и ярко свидетельствуют о кризисе теории и практики мультикультурализма. Релевантной, на наш взгляд, его альтернативой сегодня должен выступить глобальный интеркультурализм, стирающий культурные, социальные и иные границы, вбирающий компоненты из всех культур, интегрирующий человечество в единый супер-субъект. Думается, это тот самый путь, который Карл Маркс называл в контексте перехода к будущему обществу началом подлинной истории человечества. Однако при этом крайне важно отметить необходимость сохранения, трансляции и репрезентации культурных ценностей и этнокультурного наследия, дабы избежать ошибки идеологов и деятелей «пролеткульта», отказавшихся от преемственности всемирному культурному наследию под лозунгом разрушения «старого мира» до основания и строительства «нового мира» с чистого листа.

Таким образом, сохранение и репрезентация этнокультурного наследия является неотъемлемой частью национальной политики государства, и этому её аспекту следует уделять большое внимание. Этнокультурное наследие занимает особое место в системе культурного достояния народов России и вместе с тем оно является необходимым условием для создания прогрессивного интеркультурального общества.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.] // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации : Федеральный закон от 20.10.2022 г. № 402-ФЗ // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2022. № 43. Ст. 7265.
3. О проведении в Российской Федерации Года культурного наследия народов России: Указ Президента Российской Федерации от 30.12.2021 г. № 745 // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2022. № 1. Ст. 73.
4. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года : Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 г. №1666 // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2012. № 52. Ст. 7477.
5. Аксюмов Б.В., Хачатрян Л.В. Формирование российской цивилизационной идентичности в контексте этнокультурного многообразия // Научная мысль Кавказа. 2018. № 4. С. 22–26.
6. Бородулина А.С. К определению мультикультурализма // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2017. № 3. С. 63–80.
7. Задорин М.Ю., Савельев И.В. Правовой обычай в лесном праве // Устойчивое лесопользование. 2022. № 2 (69). С. 4–9.
8. Перова Е.Ю. Актуальные стратегии в области охраны культурного наследия // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 9 (851) С. 249–258.

ВЛИЯНИЕ WOKE CULTURE НА СОВРЕМЕННОЕ АМЕРИКАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

THE IMPACT OF WOKE CULTURE ON MODERN AMERICAN SOCIETY

Гвоздев В. А.

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Gvozdev V. A.

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация: Современное американское и шире западное общество характеризуется кардинальными культурными и социальными изменениями. Активисты либеральных, левых, правых движений пытаются усилить своё влияние в политическом поле США, что увеличивает количество энтропии в американском обществе, а за ним и во всем Западном мире. В настоящее время одним из самых заметных движений в США является вокизм, а «Woke people» одной из наиболее радикальных политических групп. В данном исследовании предпринята попытка проанализировать содержание woke культуры и раскрыть ее влияние на современное американское и в целом западное общество.

Abstract: Modern American and more broadly Western society is characterized by dramatic cultural and social changes. Activists of liberal, left, right movements are trying to increase their influence in the political field of the United States, which increases the amount of entropy in American society, and after it in the entire Western world. Currently, one of the most prominent movements in the US is Wokeism, and the Woke people are one of the most radical political groups. This study attempts to analyze the content of woke culture and reveal its influence on modern American and Western society.

Ключевые слова: воук, воук-культура, культура отмены, современная культура, «проснувшиеся», Америка, США

Keywords: woke, woke culture, cancel culture, modern culture, wokeness, America, USA

Понятие «woke» сегодня все шире входит в политический, научный и повседневный лексикон. Вместе с тем значение самого термина, его содержание весьма разнообразно и по мере его распространения, смысл, который люди вкладывают в него, становится все менее ясным, чем когда-либо. Обзор ключевых запросов в Google показывает, что в последние годы поиск по определению «wokeness» резко возрос, при этом используются такие фразы, как «определение слова woke», «woke мем», «woke город» и «woke определение».

В данном исследовании мы рассматриваем содержание woke культуры и предпринимаем попытку раскрыть ее влияние на современное американское и в целом западное общество. Нами был проведен анализ публикаций в ведущих американских и европейских СМИ, затрагивающих данную проблему и представляющих различные точки зрения на нее.

Обращаясь к содержанию самого понятия «woke», можно отметить, что первоначально данный термин обозначал осведомленность человека о расовых предрассудках и дискриминации, но впоследствии стал охватывать осведомленность и о других проблемах социального неравенства, таких как гендерная и сексуальная ориентация и прочее.

Оксфордский словарь английского языка (OED) прослеживает самое раннее использование термина «woke» в этом контексте в статье афроамериканского писателя Уильяма Мелвина Келли в журнале «Нью-Йорк Таймс» 1962 г. под названием «Если вы woke, вам это нравится» [1].

По версии OED в 2016 г. термин «woke» был одним из кандидатов на звание слова года, а в 2017 г. предыдущее определение Оксфордского словаря слова «woke» было расширено, и включило его в качестве прилагательного, означающего «внимание к несправедливости

в обществе, особенно к расизму».

Огромное количество новых слов и фраз, связанных со словом «woke», стало мейнстримом. Примеры его использования, обнаруженные нами в процессе данного исследования, показывают насколько разделено общественное мнение в отношении концепции woke. Вот некоторые из них: wokism, woke культура, awokening, wokeness, woke люди, woke история, wokeable, wokery, wokenut, wokeidiot, wokeaholic, wokeabulary, wokeworld, wokedtopia, wokedtopians, wokey, wokey rockey, оставаться woke, woke полиция, woke партнер, woke-o-meter, woke slang, woke столица, woke капитализм, wokewashing, wokerati, woker и т.п.

Выражение «оставайся woke» и хэштег #Staywoke набрали силу и стали символом активности. Как и в «культуре отмены», вокруг «woke культуры» ведутся жаркие дебаты и существуют глубокие разногласия между людьми, которые считают, что это помогло повысить осведомленность о проблемах социальной справедливости, и теми, кто говорит, что это зашло слишком далеко.

Первую точку зрения, например, выражает Грант Феллер из WeAreStoryMakers, он предлагает рассматривать вокизм как знак просвещения, когда человек признает то, что в обществе системно неправильно, и описывает это, чтобы исправить. Прия Лобо, генеральный директор Ormax Compass, напротив, призывает соблюдать осторожность, поскольку сегодня вокизм может вызвать разногласия в обществе, так как слово распространилось на многие области, включая политику и корпоративный мир [2]. По мнению критиков вокизма, борьба с дискриминацией также может принимать крайние формы, которые сами по себе могут представлять дискриминацию [3].

Восходящий к статье обозревателя New York Times Росса Даута в 2018 г. под названием «Подъем woke капитала», неологизм «woke капитализм» относится к попыткам корпораций продемонстрировать свою поддержку прогрессивных идей [4]. Вопрос заключается в том, действительно ли компании работают во имя социальной справедливости и благополучия или просто используют благие намерения для получения прибыли. Многие потребители не верят, что то, что проповедуется, на самом деле происходит на практике, и именно здесь появляется концепция «wokewashing». Этот термин еще не включен в Оксфордский словарь, но предлагаемая статья для словаря Коллинза определяет его как «ситуацию, когда компания принимает (или притворяется, что принимает) прогрессивные ценности для продвижения своего бренда или продукта». «Wokewashing» ссылается

на предыдущие выражения, такие как «whitewashing» (замалчивание или сокрытие чего-либо аморального, незаконного или иного плохого) и «green washing» (поведение или деятельность, которые заставляют людей верить, что компания делает больше для защиты окружающей среды, чем это есть на самом деле).

Профессор Ким Шихан, директор магистерской программы по ответственности за бренд в Университете штата Орегон, работает над исследованием брендов и их взаимосвязи с социальными проблемами. В статье для The Conversation она утверждает, что «связь брендов с социальными проблемами может быть беспроблемной: потребители узнают о важных социальных проблемах, которые могут не освещаться в средствах массовой информации и бренды взаимодействуют с потребителями-единомышленниками более аутентичным способом». В любом случае, подчеркивает она, нет правил, согласно которым корпорации не могут одновременно зарабатывать деньги и пытаться сделать вещи лучше, справедливее, даже приятнее [5].

Некоторые авторы отмечают, что первоначально распространившись в Интернете термин «woke» стал обозначать прогрессивный взгляд на множество вопросов, в том числе и на расу, однако теперь его «выставляют к позорному столбу как слева, так и справа». Так интернет-репортер Айя Романо резюмирует эту мысль в статье для Vox, где она отмечает, что для современных левых в Америке быть «woke» означает идентифицировать себя как убежденного сторонника социальной справедливости, который в курсе современных политических проблем. Для правых «woke» означает, что «политкорректность» оказалась неэффективной, а сам термин обычно используется с сарказмом.

Премьер-министр Шотландии Никола Стерджен указывает на тот факт, что это слово стало уничижительным термином, предназначенным для тех, кто выступает за права меньшинств или борется за равенство и советует «уклоняться» от подобных ярлыков.

В общественном дискурсе США в предверии выборов 2022 г. достаточно часто звучали идеи о том, что «пробуждение» может стать самой большой угрозой для демократов. Республиканцы ясно давали понять, что намерены провести импичмент не столько президенту Байдену и его политике, сколько вопросам политкорректности, вокизма и «культуре отмены».

Все активнее о себе заявляют противники вокизма. Так в Великобритании при участии около 70 депутатов парламента создана «Группа здравого смысла» (CSG), целью которой является борьба

против «woke culture». Веб-страница группы с гордостью сообщает, что они уже попали в заголовки газет благодаря успешному противодействию попыткам woke-руководителей благотворительных организаций, таких как Национальный фонд, «очернить британскую историю», включая Уинстона Черчилля. В статье цитируется высказывание члена парламента Гарета Бейкера, одного из членов CSG, о том, что «разрушительная, тоталитарная, сеющая раскол, негативная и антидемократическая идеология «woke» может быть побеждена, необходимо просто набраться смелости и встать на борьбу с ней» [6].

Кения Хант в статье для The Guardian анализирует как термин «woke» используется в повседневной жизни: «когда я пишу это, я смотрю на модный журнал с заголовком «Проснулся на заказ». Рядом с ним в приложении к газете помещен дневник знакомств в поисках «мистера Уэйка». На моем рабочем столе находится руководство по «woke Рождеству», а на соседней вкладке – рассуждения в Интернете в ответ на упомянутое руководство, требующее от людей и издателей оставить все статьи о пробуждении чернокожим писателям. На другой вкладке – статья, оплакивающая «великое пробуждение» американской политики. Тем временем на британском телевидении бушуют дебаты между королевскими корреспондентами и экспертами о том, действительно ли самые противоречивые члены королевской семьи, Меган и Гарри, стали слишком woke для их же блага» [7].

Подводя итог проведенному анализу, можно сказать, что данное движение и его влияние на современное американское общество оценивается исследователями весьма неоднозначно. При этом, несомненно, то, что это влияние на американское и шире западное общество сегодня является колоссальным и всесторонним. Начиная с политики, где оно пользуется большой популярностью, особенно в среде левых радикалов. В бизнесе, где крупные бренды и корпорации пользуются популярностью данной темы, пытаются тем самым увеличить продажи своих товаров. Вплоть до повседневной жизни, где данная тема включена в бытовые дискурсы и практики. Вместе с тем, это влияние будет только нарастать в ближайшем будущем.

Библиографический список

1. Oxford English Dictionary // URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/us/definition/english/woke_2 (дата обращения: 10.11.2022)
2. ¿Cuál es el significado de woke? // URL: <https://www.expoknews.com/cual-es-el-significado-de-woke/> (дата обращения: 9.11.2022)
3. Mega-trend Woke Culture // URL: <https://www.trendexplorer.com/en/trends/woke-culture/> (дата обращения: 10.11.2022)

4. Douthat R. The Rise of Woke Capital // The New York Times. 28. 02. 2018.
5. Sheehan K. Are companies that support Pride and other social causes 'wokewashing'? // The Conversation. 4. 06. 2021.
6. Melville J. The Weaponising of 'Woke' // Byline times. 23. 01. 2020.
7. Hunt K. How 'woke' became the word of our era // The Guardian. 21. 11. 2020.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТУРКМЕНИСТАНА И ЕГО АКТУАЛЬНОСТЬ В РАМКАХ ТЮРКСКОГО МИРА

ETHNO-CULTURAL POTENTIAL OF TURKMENISTAN AND ITS RELEVANCE WITHIN THE FRAMEWORK OF THE TURKIC WORLD

Герасимова В. В.

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
г. Санкт-Петербург

Gerasimova V. V.

Saint-Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russia

Аннотация: В статье рассматривается туркменский этнокультурный потенциал, который может быть интересен в рамках тюркского мира для развития международного сотрудничества и процветания Республики. Приводятся примеры взаимоотношений Туркменистана с Турцией и Российской Федерацией, участие страны в Тюркском союзе.

Abstract: The article examines the Turkmen ethno-cultural potential, which may be interesting within the framework of the Turkic world for the development of international cooperation and prosperity of the Republic. Examples of Turkmenistan's relations with Turkey and the Russian Federation are given, and also the country's participation in the Turkic Union.

Ключевые слова: этнокультурный потенциал, Туркменистан, тюркский мир, культура, туризм, Центральная Азия.

Keywords: ethnocultural potential, Turkmenistan, Turkic world, culture, tourism, Central Asia.

Туркменистан – страна с богатой историей, которая создавала и накапливала материальные и духовные ценности на протяжении многих веков: от древнейшей цивилизации Маргианы, через советский строй и до наших дней. Постоянное развитие нации туркменов явило миру уникальный, ни на что не похожий этнокультурный потенциал страны.

Культура, сохраняя вековую память, отражает дух нации и двигает ее экономический прогресс. Туркменистан благодаря

экономическому потенциалу и духовным ценностям активно использует культурную дипломатию для развития международных отношений. Такая политика все еще доминирует в 2022 г.

Туркмены не просто один из восточных народов: их культура, хоть и включает в себя ислам, но все же он имеет свои особенности, поэтому Туркменистан действительно отличается от стран Центральной Азии и от мусульманских стран в целом. Судьбы республик после распада СССР сложились по-разному, интеграция многих зависела не только от полезных ископаемых, но и от менталитета проживающих в них народов. Так, несмотря на то, что Туркменистан занимает 4-ое место в мире по запасам природного газа, из-за внутривосточных особенностей страна является одной из самых закрытых в мире.

В соответствии с поручениями Президента Туркменистана Сердара Бердымухамедова, а также задачами, обозначенными в Плане Комиссии на 2022 г. и Плане совместных мероприятий с ЮНЕСКО на 2021–2023 гг., активизируется работа по расширению Списка Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО и Репрезентативного списка нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО [4].

Все еще находятся на рассмотрении документы, которые Туркменистан подготовил для ЮНЕСКО о нематериальном культурном наследии: ахалтекинское коневодческое искусство, производство шелка, национальная вышивка и т. д. И даже при том, что это очень закрытая страна, Республику считают главным достоянием Средней Азии: пустыня Каракумы, уникальная природа и ландшафт, исторические достопримечательности, мечети и дворцы, менталитет и нрав народа, его традиции, сложившиеся благодаря природно-климатическим условиям – все это составляет основу этнокультурного потенциала Туркменистана. Важным является принятый в стране закон «О культуре», который выводит на первый план стратегическое значение этнокультурного потенциала Туркменистана, важность его сохранения и популяризации не только в рамках тюркского мира. После обретения независимости республика приняла множество законов, регулирующих культуру внутри страны: от регулярности праздников до обязательного ношения национальной одежды как формы в школах. Закон «Об охране объектов национального историко-культурного наследия» обеспечивает право народа на сохранение и развитие своей самобытности, традиций и обычаев, дает надежную защиту всех источников информации, чтобы культура туркмен не претерпевала никаких изменений.

Туркменистан начал активно развивать туризм и строить на нем экономику, так что этнокультурный потенциал этой республики действительно стремительно развивается. Исторические места и объекты республики ярко освещают особенности жизнедеятельности туркменского народа, историю формирования туркменского государства [3, с. 5].

Кухня туркмен имеет общие черты с кухнями соседствующих стран, однако из-за кочевых традиций и географических особенностей имеет свои уникальные черты: разнообразие рыбных блюд, экономное использование специй и т.д. Республика празднует не только национальные праздники, но и общенародные, а также исламские, как и другие страны региона Центральной Азии: отмечается весенний фестиваль Навруз, Ураза-байрам, Курбан-байрам. Туркменистан активно занимается популяризацией своего культурного наследия, так что в апреле 2022 г. была принята «Государственная программа на 2022–2028 гг. по бережному сохранению объектов национального историко-культурного наследия, их охране и изучению, привлечению к ним туристов» [7].

Этнический фактор остается важным компонентом для определения идентичности региона в международных связях, религиозно-культурный фактор играет большую роль в развитии связей с иностранными государствами. В последние годы важную роль в развитии страны играет культурный потенциал, возможность его использования в масс-медиа. Необходимость сохранения культурного разнообразия дает возможность для использования этого фактора в развитии территории и улучшения ее имиджа на международной арене. В рамках развития тюркского мира Турция играет основополагающую роль, а попытки ее интеграции в страны Центральной Азии обоснованы идеей пантюркизма. История народа Туркменистана отсылает к основанию Османской Империи, поэтому интеграция со стороны той же Турции в этот регион так для них важна. Российская Федерация, как преемница Советского Союза и государство с многочисленным тюркским населением, тоже активно развивает не только экономические, но и культурные связи с республикой Туркменистан.

Следовательно, важное направление для развития Туркменистана – это туризм. С каждым годом все больше туристических маршрутов становятся доступны для путешественников и туристов. Созданный в 2012 г. Государственный комитет по туризму Республики занимается продвижением Туркменистана в рамках международного туризма.

Турция наиболее заинтересована в этнокультурном потенциале Республики, в отношении которой даже реализуется установка «Одна нация, два государства» (тур. İki devlet, bir millet). Она известна благодаря продвигаемыми Анкарой политическими, экономическими и культурными проектами. МИД Турции особо подчеркивает, что их страна была первой, кто признала независимость Туркменистана и открыла там посольство [1, с. 69].

В 2021 г. Туркменистан стал наблюдателем в Тюркском союзе. Государства Тюркского союза приветствовали решение Туркменистана вступить в организацию в качестве наблюдателя. Об этом говорится в письме президента Азербайджана Ильхама Алиева Гурбангулы Бердымухамедову. Министр иностранных дел Туркменистана Рашид Мередов ранее заявлял, что Туркменистан рассматривает возможность вступления в Тюркский союз, но на особых условиях и в особом статусе. Движение Турции на восток меняет геополитическую конфигурацию в Каспийском регионе [5].

Что касается отношений с Российской Федерацией, в которой проживают представители тюркских народов, то в текущем 2022 г. губернатор Челябинской области Алексей Леонидович Текслер представил культурный потенциал области в Туркменистане. Челябинская государственная филармония и Государственный культурный центр Туркменистана заключили и соглашение о сотрудничестве в области культуры. Это позволит странам оказывать друг другу помощь и содействие в проведении совместных фестивалей, организации тематических симпозиумов и будет способствовать всестороннему развитию.

Таким образом, можно сказать, что Президент Республики Туркменистан Сердар Бердымухамедов проводит успешную политику по популяризации этнокультурного наследия страны. С каждым годом проводится все больше форумов с активным участием в них Туркменистана, где устанавливаются международные контакты и проводятся научные исследования. Развитие туристической инфраструктуры привлекает в страну новейшие и инновационные технологии, что так же способствует развитию этнокультурного потенциала страны через телевидение или Интернет.

Библиографический список

1. Аватков В.А., Рыженков А.С. Туркменистан и Туркоцентричная интеграция // Россия и новые государства Евразии. 2022. № 1. С. 68–85.
2. Паникарова С.В. Этнокультурный потенциал региона как фактор повышения конкурентоспособности // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2010. № 3. С. 104–116.

3. Чудайкина Г.М. Потенциал, особенности развития, перспективы туризма в Туркменистане // Сервис plus. 2019. № 4. С. 3–11.

4. Культура – духовная основа развития Туркменистана в новую историческую эпоху [Электронный ресурс] / URL: <https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/65562/kultura-duhovnaya-osnova-razvitiya-turkmenistana-v-novuyu-istoricheskuyu-epohu> (дата обращения: 09.11.22)

5. Туркменистан пошел наблюдателем в Тюркский союз [Электронный ресурс] / URL: https://www.ng.ru/cis/2021-10-10/1_8273_asia.html (дата обращения: 09.11.22)

6. Текслер представил экономический потенциал Челябинской области в Туркменистане [Электронный ресурс] / URL: https://dostup1.ru/economics/Texler-predstavil-ekonomicheskij-i-kulturnyy-potentsial-Chelyabinskoy-oblasti-v-Turkmenistane_154373.html (дата обращения: 09.11.22)

7. Taryhy-medeni ýadygärlikleri gorap saklamak boýunça Maksatnama tassyklandy [Электронный ресурс] / URL: <https://awtoulag.gov.tm/item/353> (дата обращения: 09.11.22).

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ¹

LEGAL REGULATION OF RELIGIOUS ORGANIZATIONS IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Давлатова Е. В.

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова,
г. Витебск, Республика Беларусь

Davlatova E. V.

Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Belarus

Аннотация: В статье рассмотрены правовые основы регулирования конфессиональных отношений в республике, основные тенденции развития религиозных организаций белорусского общества на современном этапе.

Были использованы официальные источники и материалы органов государственного управления.

Abstract: The article considers the legal basis for regulating confessional relations in the republic, the main trends in the development of religious organizations in the Belarusian society at the present stage. Official sources and materials of government bodies were used.

Ключевые слова: Беларусь, религия, конфессии, законы, законодательство, религиозные отношения

Keywords: Belarus, religion, confessions, laws, legislation, religious relations

¹ Статья подготовлена при поддержке ГПНИ, (задание подпрограммы «Философия» 12.4.04.), «Антропологические угрозы глобализирующегося мира и социокультурные средства их минимизации»

Геополитическое положение Беларуси определяло и продолжает определять специфику религиозной ситуации в республике. Тесные связи с соседними многонациональными и многоконфессиональными странами, нашли свое отражение в формировании национального характера белорусского народа, для которого характерна толерантность и веротерпимость. Республика Беларусь – это многоконфессиональное государство, создавшее за короткий срок основательную правовую базу регулирования конфессиональных отношений в стране. Это стало объективной необходимостью в связи с быстрым ростом различных религиозных организаций с середины 80-х годов XX века, в том числе и новых нетрадиционных религиозных верованиях.

Согласно официальным данным Уполномоченного по делам религий и национальностей на 1 января 2022 г. в республике зарегистрировано 25 религиозных конфессий и направлений. Общее количество религиозных организаций составляет 3582, из них 173 религиозные организации общеконфессионального значения, имеющие монастыри, миссии, организации и духовные учебные заведения, и 3409 религиозных общин [1]. Общее количество православных общин в настоящее время составило 1726, второе место по количеству общин занимает римско-католическая церковь – 500, 526 общин христиан веры евангельской, 281 община евангельских христиан баптистов, 36 иудейской религии, 14 прогрессивного иудаизма, а также 24 исламские общины [2].

Другие религиозные общины в количественном отношении значительно отстают от представленных выше конфессий. К ним относятся Адвентисты седьмого дня, Христиане полного Евангелия, Греко-католическая церковь, Лютеранская церковь, Новоапостольская церковь и т.д. Особенностью конфессионального ландшафта страны является неоспоримое преимущество христианских организаций, и среди них полное преобладание православной конфессии.

Официальные данные о количественном росте религиозных общин в Республике Беларусь за период с 1996 по 2022 год, позволяют сделать вывод, что за 27 лет, их количество постоянно увеличивалось. Так, православных организаций в 1996 году было 938, а в 2022 году их насчитывается 1726, количество общин Римско-католической церкви увеличилось за этот период с 372 до 500 общин, христиан веры евангельской увеличилось с 311 до 526, и т.д. [3].

Нормативно-правовая база конфессиональной политики Республики Беларусь начала формироваться в 90-е годы XX века, и опирается на принцип равенства всех религий перед законом. В таких

условиях религиозные организации страны могут полноценно действовать и развиваться, а гражданам гарантируются их конституционные права на свободу совести и вероисповедания.

В республике в 1992 году был принят первый правовой акт о свободе совести – Закон «О свободе совести и религиозных организациях» [4]. Согласно этому правовому акту каждый гражданин Республики Беларусь мог самостоятельно определять свое отношение к религии, исповедовать или не исповедовать никакой религии. Следующим шагом к созданию правовой базы в вопросах регулирования межконфессиональных отношений в стране стало определение норм свободы совести и равных прав всех религий и вероисповеданий перед законом в принятой в 1994 году Конституции Республики Беларусь (статья 16). Также в статье указано, что на территории страны запрещается деятельность религиозных организаций, направленная против суверенитета страны, ее конституционного строя и гражданского согласия, а также, ведущих пропаганду религиозной вражды среди населения [5].

Дальнейшим совершенствованием правовой базы и регулирования межконфессиональных отношений в Республике Беларусь стало принятие изменений и дополнений в закон «О свободе вероисповеданий и религиозных организациях» в 2002, 2008, 2010 и 2011 гг. [6]. Это было связано с изменениями религиозных отношений в стране, с появлением многочисленных квазирелигий, нетрадиционных религий и псевдорелигиозных организаций, занимающихся больше коммерческой, чем религиозной деятельностью. В связи с этим в закон «О свободе вероисповеданий и религиозных организациях» вносились дополнения и изменения с учетом сложившейся ситуации.

В 2003 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве между Республикой Беларусь и самой крупной религиозной организацией в республике – Белорусской Православной Церковью [6]. В рамках этого Соглашения были определены основные направления сотрудничества в области взаимной заинтересованности, прежде всего в области воспитания и образования, социальной защиты, здравоохранения, поддержки института семьи и семейных отношений, сохранения культурного наследия и охраны окружающей среды.

В соответствии с действующим законодательством, правовым основанием для деятельности всех религиозных организаций является их государственная регистрация, которая дает им статус юридического лица со всеми правами на дальнейшую деятельность в рамках правового поля и уставных документов. Регистрация осуществляется

республиканским органом государственного управления по делам религий.

Также государство активно сотрудничает с Католической церковью и официальными представителями других религиозных объединений, действующих на территории Республики Беларусь в вопросах укрепления межнациональных, межконфессиональных отношений. Согласно законодательству, религиозные организации могут иметь духовные учебные заведения, средства массовой информации, принимать участие в религиозных и, по желанию, в светских мероприятиях.

Контроль над исполнением законодательства о свободе совести возложен на республиканский орган, Уполномоченный по делам религий и национальностей, созданный в 2006 г.

Таким образом, в республике успешно функционирует правовая база регулирования конфессиональных отношений, способствующая сохранению гражданского мира, соблюдению прав на самостоятельное определение отношения к религии, исповедовать любую религию, либо не исповедовать никакую.

Библиографический список

1. Информация о конфессиональной ситуации в Республике Беларусь. URL: <https://www.belarus21.by/Articles/1439296790>. (дата обращения: 09.10.2022).

2. Религиозные общины в Республики Беларусь (на 01 января 2022). URL: <https://www.belarus21.by/Articles/kolichestvo-religioznyh-obshhin-v-respublike-belarus-na-1-yanvarya-2019-g>. (дата обращения: 19.10.2022).

3. Сведения о количественном росте религиозных общин в Республике Беларусь (1996-2022годы). URL: <https://www.belarus21.by/Articles/svedeniya-o-kolichestvennom-roste-religioznyh-obshhin-v-respublike-belarus-1996-2020-gody>. (дата обращения: 15.10.2022).

4. О свободе совести и религиозных организациях. Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=V19202054>. (дата обращения: 15.10.2022).

5. Конституция Республики Беларусь. Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/>. (дата обращения: 15.10.2022).

6. О свободе совести и религиозных организациях. Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=N10200137>. (дата обращения: 15.10.2022).

7. Соглашение о сотрудничестве между Республикой Беларусь и Белорусской Православной Церковью. URL: <http://exarchate.by/resource/Dir0009/Dir0015/>. (дата обращения: 15.10.2022).

ОСОБЕННОСТИ ЭТНОМИГРАЦИОННОЙ СИТУАЦИИ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

FEATURES OF THE ETHNOMIGRATION SITUATION IN THE KRASNODAR REGION DURING THE SPECIAL MILITARY OPERATION

Донцова М. В.

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Dontsova M. V.

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация: В статье представлены результаты исследования динамики этномиграционных процессов в Краснодарском крае за период с января по август 2022 г. Приводится сравнительный анализ статистики миграции в различных регионах России и дается оценка положения Краснодарского края относительно общей этномиграционной ситуации в стране. Статья носит описательный характер и направлена на демонстрацию миграционных процессов в период проведения специальной военной операции.

Abstract: The article presents the results of a study of the dynamics of ethnomigration processes in the Krasnodar Region for the period from January to August 2022. A comparative analysis of migration statistics in various regions of Russia is given and an assessment of the situation of the Krasnodar Region relative to the general ethnomigration situation in the country is given. The article is descriptive in nature and is aimed at demonstrating migration processes during a special military operation.

Ключевые слова: этномиграционная ситуация, Краснодарский край, специальная военная операция.

Keywords: ethnomigration situation, Krasnodar Region, special military operation.

Специальная военная операция (*далее – СВО*), начавшаяся в феврале 2022 г., и последующие санкции Западных стран в отношении России, спровоцировали глобальные геополитические изменения, которые неизбежно отразились на этнодемографических процессах как в мире в целом, так и в отдельных странах и регионах. Неизбежным следствием данных процессов является большое число беженцев и вынужденных переселенцев, что неизбежно влечет за собой изменения социально-экономической ситуации в принимающих регионах.

В период социально-экономических потрясений, угрожающих жизни и стабильности граждан, миграции зачастую приобретают хаотичный характер и провоцируют негативные процессы: возрастание

нагрузки на экономику принимающих сторон, рост преступности, а также усиление национальных и идеологических противоречий. Как отмечают Е.А. Трофимов и Т.И. Трофимова, «нерегулируемое территориальное движение населения может существенно деформировать воспроизводственную структуру любой страны: привести к резкому увеличению предложения рабочей силы сверх потребностей национальной экономики и, следовательно, к росту безработицы, нагрузки на социальную сферу, преступности и другим негативным проявлениям» [5]. Похожее мнение демонстрируют А.В. Богданов, О.В. Пауков, Е.Н. Хазов: «Наряду с бесспорно позитивными факторами, миграция одновременно создает ряд проблем для принимающего общества: меняется его этнический состав, из года в год растет количество проживающих мигрантов, многие из которых вовлечены в теневую экономику, в этническую организованную преступность. Все это приводит к росту недовольства у принимающего общества приезжими, немотивированного страха перед ними и нередко к проявлениям расизма и ксенофобии, вражды» [1, с. 96]. Соглашаясь с представленными тезисами, отметим, что динамические наблюдения за миграционной активностью в период СВО приобретают особую актуальность в связи резкими изменениями структуры миграционных потоков, ростом числа беженцев и вынужденных переселенцев, что вызывает необходимость предпринимать оперативные меры по контролю ситуации на государственном уровне. Так, согласно данным Росстата, «в I полугодии 2022 г. по решению территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации получили временное убежище 64579 человека, статус беженца – 3 человека, статус вынужденного переселенца – 4 человека, (в I полугодии 2021 г. соответственно получили временное убежище 2064 человека, статус беженца – 6 человек, статус вынужденного переселенца предоставлен не был)» [4] (табл. 1).

Таблица 1 наглядно показывает степень преобладания численности беженцев из Украины по сравнению с другими странами. Наибольшее число вынужденно перемещенных лиц из мест СВО, согласно данным официальной статистики, приняли Краснодарский край и Ростовская область: 4067 чел. (5,7%) (в 2021 г. – 479 чел.) и 4290 чел. (6,1%) (в 2021 г. – 594 чел.) соответственно.

Таблица 1. Распределение беженцев, вынужденных переселенцев, и лиц, получивших временное убежище по странам прежнего проживания, состоящих на учете на 1 июля 2022 года (по данным МВД России, с начала регистрации) [4]

Список стран прежнего проживания	Беженцы		Вынужденные переселенцы		Лица, получившие временное убежище	
	человек	% к итогу	человек	% к итогу	человек	% к итогу
Всего	300	100	423	100	70751	100
Азербайджан	6	2,0	41	9,7	22	0,03
Афганистан	191	63,7	-	-	893	1,3
Грузия	12	4,0	114	27,0	110	0,2
Казахстан	1	0,3	51	12,1	35	0,05
Киргизия	4	1,3	4	0,9	34	0,05
Сирийская Арабская Республика	2	0,7	6	1,4	278	0,4
Таджикистан	4	1,3	19	4,5	30	0,04
Туркмения	-	-	-	-	60	0,08
Узбекистан	3	1,0	29	6,9	83	0,1
Украина	25	8,3	22	5,2	59588	84,2
Другие страны	52	17,3	39	9,2	9618	13,6

Следует также отметить, что данная статистика охватывает только беженцев с официально признанным статусом. По неофициальным оценкам с момента начала СВО общее число переселенцев, прибывших с территории Украины и новых регионов, принятых в состав РФ в октябре 2022 г., составляет $\approx 4,5$ млн. чел. [3].

Миграционная ситуация в России

За период с января по август 2022 г. общероссийской реальностью является снижение темпов миграционного прироста. Для проведения статистических сравнений в качестве базового показателя был взят коэффициент эффективности миграции, который рассчитывается как отношение разницы между количеством прибывших и убывших к миграционному обороту (прибывшие + убывшие). Эффективность миграции наглядно демонстрирует степень преобладания прибывших в общей массе перемещенных лиц, что является предпочтительным при оценке миграционной нагрузки на регион, а также позволяет произвести корректные сравнения регионов с разной миграционной интенсивностью. Данный коэффициент принимает значение +100%,

если выбывшие отсутствуют и, соответственно -100%, если отсутствуют прибывшие. Значение «0» фиксируется, когда наблюдается равное соотношение численности прибывших и убывших.

Как показывают результаты расчетов, в целом по России коэффициент эффективности миграции за период с января по август 2022 г. демонстрирует отток населения, в то время как за тот же период 2021 г. наблюдался миграционный прирост (-1,17% к 3,95%). В некоторых регионах, таких как Белгородская, Томская, Иркутская, Сахалинская области, Камчатский край, г. Москва, КБР, Чеченская Республика, Республика Мордовия был зафиксирован наибольший отток населения (коэффициент эффективности миграции ниже порога – 10%). Для перечисленных регионов сложившаяся ситуация не характерна: в 2021 г. наблюдался положительный коэффициент эффективности миграции или отмечалась очень низкая убыль. Несмотря на высокие отрицательные значения, по сравнению с изучаемым периодом 2021 г. практически не изменилась ситуация в таких регионах как Еврейская автономная область и Республика Северная Осетия-Алания. Самые низкие значения эффективности миграции в январе-феврале 2022 г. отмечались в 12-ти регионах России, что в 6 раз больше по сравнению с тем же периодом 2021 г. (табл. 2).

Таблица 2. Сравнительные данные о численности регионов, имеющих различную степень миграционной эффективности (январь-август 2021 г. / январь-август 2022 г.)*

Категории коэффициента миграционной эффективности	2021		2022	
	абс.	%	абс.	%
Существенно преобладает убыль (-10%;-∞)	2	2,4	12	14,6
Преобладает убыль [-10%;0)	32	39,0	51	62,2
Преобладает прирост [0;+10%]	39	47,6	15	18,3
Существенно преобладает прирост (+10;+∞)	7	11,0	4	4,9
Всего	82**	100	82**	100

*Расчеты авторы

** Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО включены как части Тюменской области, Ненецкий АО как часть Архангельской области.

Сохранили соотношение в пользу миграционного прироста с существенным снижением значения показателя эффективности миграции Калужская, Московская, Калининградская области, Краснодарский край, Республика Крым и г. Севастополь. Тор-3 по

миграционной эффективности за январь-август 2022 г. составляют город федерального значения Севастополь (24,72% [36,80% в 2021 г.]), Республика Ингушетия (16,05% [16,34% в 2021 г.]) и Ленинградская область (18,60% [20,50% в 2021 г.]). Наименьший уровень демонстрируют Томская область (-26,82% [-06,09% в 2021 г.]), Республика Северная Осетия-Алания (-19,90% [-20,01% в 2021 г.]), Сахалинская область (-13,85% [6,02% в 2021 г.]). Миграционная эффективность в *Краснодарском крае* в январе-августе 2022 г. снизилась по сравнению с тем же периодом 2021 г. на 63,6% и составила 5,2%.

Миграционная ситуация в Краснодарском крае

По данным Краснодарстата в крае, как и в России в целом, наблюдается снижение показателя миграционного прироста. По данным Краснодарстата, «за январь-август 2022 г., внутрирегиональная миграция уменьшилась по сравнению с январем-августом 2021 г. на 14,6% или на 4987 чел. Миграционный прирост населения края по сравнению с аналогичным периодом 2021 г. снизился на 20676 чел. или в 2,9 раза. В январе-августе 2022 г. положительное сальдо миграции сохранилось со странами СНГ – Казахстан, Таджикистан и Туркмения» [2]. Уровень миграционной активности сохранился на прежних значения только для внутренних перемещений (в пределах России и межрегиональная миграция) (рис. 1)

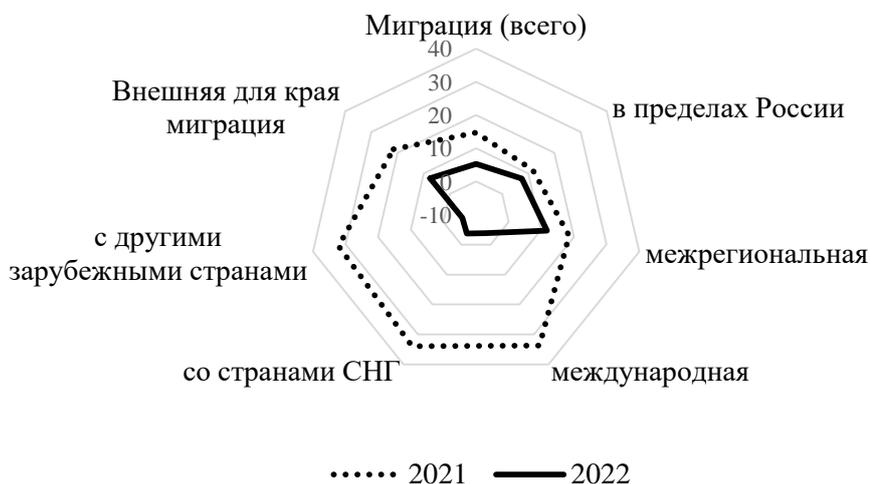

Рисунок 1 – Коэффициент эффективности в Краснодарском крае по различным потокам миграции в январе – августе 2022 года по сравнению с тем же периодом 2021 года, в % (расчеты автора)

Сильнее всего «пострадала» миграция с другими зарубежными странами, которая приобрела отрицательные значения (-5,8%).

Эффективность миграционного потока со странами СНГ также существенно снизился по сравнению с 2021 г.: с 33,9% (до -3,7%), что влечет за собой некоторую потерю традиционного трудового ресурса для региона (рис. 1). Максимальное снижение показателя зафиксировано в Краснодарском крае в марте 2022 г.

Статистическое наблюдение показывает, что, несмотря на общероссийскую проблему снижения миграционного прироста, показатель миграционной эффективности имеет восходящую динамику, хотя можно ожидать существенные «провалы» в период начала частичной мобилизации в сентябре 2022 г. (данные официальной статистики несколько запаздывают). Однако, данный негативный процесс будет носить ситуативный характер. Пока тренд 2022 года в целом соответствует соответствующему периоду 2021 г. (рис. 2).

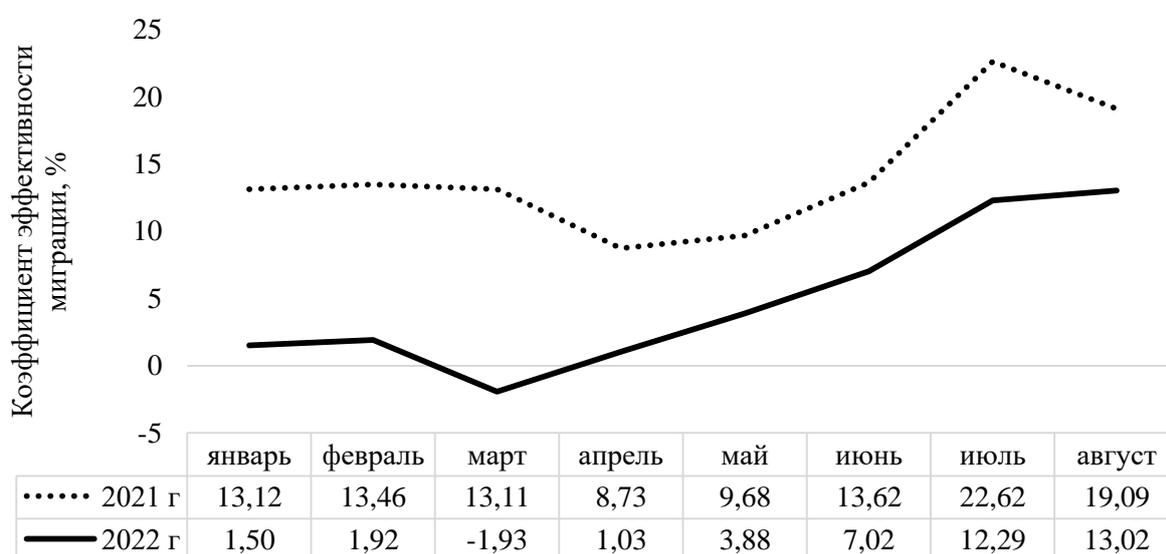

Рисунок 2 – Динамика изменения коэффициента эффективности миграции в Краснодарском крае в январе – августе 2022 г. по сравнению с тем же периодом 2021 г. (расчеты автора)

Для анализа специфики этномиграционной ситуации рассчитаем коэффициент миграционной эффективности со странами ближнего Зарубежья, которые являются традиционными и стабильными экспортерами миграции в Краснодарском крае. Как показывают данные таблицы 3, СВО не повлияла на миграционный поток из Туркмении: уровень миграционной эффективности остался на прежнем уровне ($\approx 52\%$), что является очень высоким показателем. Положительные значения отмечены в отношениях с Таджикистаном и Казахстаном, однако, эффективность миграции существенно снизилась за счет

существенного увеличения численности выбывших из края. В случае с Таджикистаном в изучаемый период 2022 г. наблюдается увеличение численности прибывших по сравнению с тем же периодом 2021 г. (на 46,6%), что положительно повлияло на показатель миграционной эффективности.

Таблица 3. Изменения интенсивности этнической миграции с некоторыми республиками ближнего зарубежья за период январь-август 2022 г в сравнении с тем же периодом 2021 г. (без учета численности беженцев и вынужденных переселенцев)

Страна	Прибывшие ^{а)}		Выбывшие ^{б)}			Км.э. ^{с)}	
	2021	2022	2021	2022	2022 (динамика)	2021	2022
Абхазия	341	333	295	325		7,2	1,2
Азербайджан	459	349	174	445		45	-12,1
Армения	4 867	4 354	3 185	5 455		20,9	-11,2
Беларусь	637	450	189	484		54,2	-3,6
Грузия	410	280	166	295		42,4	-2,6
Казахстан	2 589	2 256	743	1 822		55,4	10,6
Киргизия	527	514	244	525		36,7	-1,1
Молдова	486	353	212	416		39,3	-8,2
Таджикистан	1 099	1 611	237	761		64,5	35,8
Туркменистан	197	311	61	96		52,7	52,8
Узбекистан	1 101	911	373	947		49,4	-1,9
Украина	5 846	5 980	3 369	7 445		26,9	-10,9

а) Лица, прибывшие в муниципальное образование и зарегистрированные в нем по месту жительства в территориальных органах ФМС России в течение отчетного года;

б) Лица, выбывшие из муниципального образования и снявшиеся с регистрационного учета в территориальных органах ФМС России в течение отчетного года;

с) Км.э. – коэффициент миграционной эффективности, расчеты автора.

Сильнее всего разрыв миграционной эффективности между 2022 и 2021 гг. виден в случае с Азербайджаном, что, возможно, также связано с осложнением ситуации в Нагорном Карабахе. Снижился миграционный обмен и с Арменией. Тем не менее, несмотря сложившуюся ситуацию, динамика числа выбывших во всех перечисленных в таблице 3 странах демонстрирует нисходящий тренд, что позволяет заключить о постепенном выравнивании этномиграционных процессов в регионе.

Выводы. Результаты анализа показывают значительный отток населения как в целом по России, так и по Краснодарскому краю в частности, в том числе в категории этнической миграции, если не считать случаи с беженцами и вынужденными переселенцами из мест проведения СВО. Данный процесс носит ожидаемый характер и является полностью контролируемым. Динамические данные по Краснодарскому краю за 2022 г. по месяцам демонстрируют позитивный тренд, что позволяет сделать вывод о постепенном возврате этномиграционных потоков к уровню предыдущих лет. Также следует отметить, что по данным ГУ МВД Краснодарского края отмечается некоторое снижение числа тяжких и особо тяжких преступных посягательств в 22 УМВД, ОМВД России, особенно в г. Горячий Ключ (-26,9%) (данные за январь-октябрь 2022 г.). В целом оперативная обстановка в регионе из месяца в месяц демонстрирует разную динамику, что не позволяет говорить о какой-либо тенденции и увидеть корреляцию с изменением миграционной активности в крае под влиянием СВО.

Библиографический список

1. Богданов А.В., Пауков О.В., Хазов Е.Н. Миграционные процессы и их роль в современном государстве // Образование и право. 2022. № 1. С. 96–102.
2. Общая характеристика миграционной ситуации в Краснодарском крае [электронный ресурс] // Краснодарстат. – URL: [https://krsdstat.gks.ru/storage/mediabank/mn\(6\).htm](https://krsdstat.gks.ru/storage/mediabank/mn(6).htm) (дата обращения: 16.11.2022)
3. Свыше 4,5 млн беженцев прибыли в Россию с территории Украины и Донбасса с февраля [электронный ресурс] // Официальный сайт ТАСС. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/15936967> (дата обращения: 15.11.2022).
4. Социально-экономическое положение России (январь-июль 2022 года) [электронный ресурс] // Росстат. – URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-07-2022.pdf> (дата обращения: 16.11.2022).
5. Трофимов Е.А., Трофимова Т.И. Россия и дальше зарубежье: специфика миграционных процессов // Baikal Research Journal. 2022. Т. 13. № 3. DOI 10.17150/2411-6262.2022.13(3).1

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИКИ ШВЕЦИИ В ОТНОШЕНИИ МИГРАНТОВ И БЕЖЕНЦЕВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – ПЕРВЫХ ДЕСЯТИЛЕТИЯХ XXI в.

EVOLUTION OF SWEDEN'S POLICY TOWARDS MIGRANTS AND REFUGEES IN THE SECOND HALF OF THE 20TH – THE EARLY DECADES OF 21ST CENTURIES

Евтушенко А. С.

Кубанский государственный университет, Краснодар

Evtushenko A. S.

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация: В статье рассматриваются основные этапы развития миграционной политики Швеции, начиная с периода Второй мировой войны и оканчивая событиями европейского миграционного кризиса 2015–2016 гг. и его последствиями. Указывается, что отличительной особенностью миграционной политики Швеции во второй половине XX в. была ее обусловленность морально-этическими императивами правящих элит, а не экономической необходимостью и мнением общественных масс (хотя последние разделяли правительственный курс на построение в стране мультикультурного общества).

Серьезные трансформации в миграционной политике Швеции стали происходить в середине второго десятилетия XXI в. Неспособность социал-демократов справиться с наплывом беженцев с Ближнего Востока и других регионов мира привела к активизации сторонников националистических идей, главным выразителем которых стала партия Шведские демократы.

В числе причин одобрительного отношения к националистам в современном шведском обществе автор видит непонимание значительной частью населения перспектив политики мультикультурализма, а также неспособность традиционных демократических сил разрешить социальные проблемы, возникающие на почве межэтнических отношений. При этом примечательным явлением, сугубо шведского характера, является своеобразная мимикрия шведских умеренных политических сил под пронационалистические умонастроения.

Abstract: The article discusses the main stages of the Swedish migration policy and its consequences. Indicates that a distinctive feature of the state policy of Sweden in the second half of the XX century. was, of course, its moral and ethical imperatives of the ruling elites, and not the economic commitment and opinion of the masses (although the latter shared the government's course of building a multicultural society in the country).

Serious transformations in Swedish migration policy began to take place in the middle of the second decade of the 21st century. The inability of the Social Democrats to cope with the influx of refugees from the Middle East and other regions of the world led to the activation of supporters of nationalist ideas, the main spokesman of which was the Sweden Democrats.

Among the reasons for the favorable attitude towards nationalists in modern

Swedish society, the author sees a lack of understanding by a significant part of the population of the prospects for the policy of multiculturalism, as well as the inability of traditional democratic forces to resolve social problems arising from interethnic relations. At the same time, a remarkable phenomenon, of a purely Swedish nature, is a kind of mimicry of the Swedish moderate political forces towards the pro-nationalist mindset.

Ключевые слова: миграционная политика, Швеция, социал-демократы, миграционный кризис, Шведские демократы, мультикультурализм, национализм.

Keywords: migration policy, Sweden, social-democrats, migrant crisis, Sweden Democrats, multiculturalism, nationalism.

Швеция известна своей либеральной миграционной политикой. В 2015 г. она оказалась на первом месте среди стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по числу мигрантов на душу населения [3]. Вместе с тем, в стране существует противоречивое отношение к иммиграции: несмотря на то, что большинство шведов открыто практически не выражают негативного отношения к мигрантам, в последнее время наметилось снижение количества поддерживающих идеи мультикультурализма и принятие нового числа выходцев извне. Это позволяет утверждать, что на современном этапе миграционная политика Швеции является сложным феноменом, который требует внимательного изучения.

Методологической основой настоящего исследования является социально-психологическая концепция миграции, сформулированная в рамках теории социальной идентичности. Она рассматривает взаимодействие мигрантов и принимающего их сообщества как двух социальных групп, имеющих различные идентичности, причем первое рассматривается как угроза идентичности второго [2, p. 358–359].

Современная миграционная политика Швеции начала формироваться в период Второй мировой войны, когда в 1941 г. были прекращено действие законов, жестко ограничивавших въезд в страну для работы, постоянного проживания, либо в поисках убежища для граждан других государств. В то время в страну прибыли десятки тысяч беженцев из Дании, Норвегии, Финляндии, Эстонии, а также Венгрии, искавших в нейтральной Швеции укрытия от ужасов войны [5, p. 610].

После окончания Второй мировой войны за Швецией закрепился статус страны привлекательной для иммигрантов. Не участвуя в военных событиях, она сохранила в жизнеспособном состоянии свою экономику, основанную на промышленном производстве. Именно в это время начинается ее превращение из моноэтнической в полиэтническую (данная парадигма развития продолжается вплоть до

настоящего времени). В первые послевоенные десятилетия в Швецию прибывали преимущественно выходцы из Венгрии (после событий 1956 г.) и Югославии (в 1960-е гг.). Этому способствовало смягчение миграционного законодательства по предоставлению политического убежища [5, р. 615].

В 1975 г. в миграционной политике Швеции начинается новый этап. Он был обозначен принятием, находящимися у власти социал-демократами, доктрины мультикультурализма. Это означало, что отныне руководство Швеции брало на себя обязательства обеспечивать мигрантов и беженцев одинаковыми социально-экономическими и культурными правами с этническими шведами [4, р. 143–144]. Такой поворот был обусловлен как общим либерализмом и открытостью шведского общества, основанного на идеях гуманизма и христианских ценностях, так и экономическими успехами страны. При этом власти Швеции подчеркивали наличие выбора за самими мигрантами или беженцами: остаться в рамках своей этнической принадлежности, либо ассимилироваться в культуре шведского большинства. Именно поэтому в то время требование изучения шведского языка не ставилось как обязательное (но при этом он был введен для всех детей мигрантов в государственных школах) [4, р. 144–145].

Отличительной особенностью миграционной политики Швеции в 1970-е – 1980-е гг. была ее обусловленность морально-этическими императивами правящих элит, а не экономической необходимостью и мнением общественных масс (хотя последние всемерно поддерживали данную линию, в виду укоренения в коллективном сознании идеалов гуманизма и концепции прав человека). Это было тем, что отличало Швецию от других западных государств, также в рассматриваемый период столкнувшихся с проблемой приема мигрантов. Важно отметить, что на данном этапе – в 1970-е – 1980-е гг. значительно расширяется география эмиграции в Швецию. Если ранее основными странами, откуда следовали мигранты, были соседние Финляндия и Дания, близкие в культурно-историческом отношении, а также более отдаленные, но, тем не менее, европейские Венгрия и Югославия, то теперь они начали прибывать из таких регионов как Азия, Латинская Америка и Африка [1, р. 22]. Впервые титульное население столкнулось с чуждыми культурами мигрантов, что привело к появлению социального напряжения. Это привело к росту ксенофобских и даже расистских настроений в обществе. В этой его части мигранты стали рассматриваться как «чужие», угрожающие шведским ценностям и образу жизни [1, р. 33–34].

К началу 1990-х гг. мигранты составляли уже более 9% населения Швеции (по сравнению с 2,8% в 1950 г.) [12]. В этот период главными источниками миграционных потоков были страны бывшей Югославии (Сербия и Черногория, Босния и Герцеговина), а также в меньшей степени Ирак и Иран. Что касается отношения к новым гражданам, то на официальном уровне оно было по-прежнему сугубо положительным. В частности, правительство Швеции продолжало следовать курсом «открытых дверей», ежегодно выделяя внушительные суммы на программы по адаптации и содержанию мигрантов. Вместе с тем, районы расселения мигрантов в крупных городах страны становились все более закрытыми и вместе с тем агрессивными. Это привело к росту радикализма общественного мнения, следствием чего стало появление различных консервативных правонационалистических партий и движений, главным из которых стали Шведские демократы (партия основана в 1988 г., но популярность у избирателей начала приобретать в конце 1990-х гг. и особенно в начале XXI в.).

В начале XXI в. политическая линия, обозначенная в 1990-х гг., претерпела дальнейшую эволюцию. Это выражалось в поддержании либерального отношения к мигрантам и беженцам на уровне господствовавшей в Швеции политической идеологии при углублении социального раскола. Так, общественное мнение разделилось на две части – тех, кто испытывал положительный настрой по отношению к беженцам и мигрантам, считая, что им необходимо продолжать помогать (большинство), и тех, кто всячески отрицал необходимость такой поддержки, так как цена ее слишком велика (увеличивающееся меньшинство). Тем не менее, Швеция продолжала принимать беженцев и мигрантов, особенно много в тот период из Северной Африки и Юго-Восточной Азии, а также из Ирака.

В настоящее время около 20% населения Швеции составляют выходцы из других стран. В целом этническая композиция данной части населения выглядит следующим образом: финны – 163 867 чел., иракцы – 127 860 чел., поляки – 75 323 чел., выходцы из бывшей Югославии – 69 269 чел. (из них 56 595 чел. – из Боснии и Герцеговины), немцы – 48 731 чел., турки – 45 085 чел., датчане – 44 209 чел., сомалийцы – 43 966 чел. (помимо Сомали в Швеции проживают выходцы и из других африканских стран – Эфиопии, Эритреи, Марокко, Египта, Гамбии и Нигерии общей численностью 110 000 чел.) [8].

Интересна динамика развития миграционной политики Швеции в середине 2010-х гг., когда вся Европа столкнулась с острой

необходимостью решения проблемы наплыва беженцев преимущественно с Ближнего Востока. В данный период лидеры доминирующих политических партий Швеции – Социал-демократической (С. Лёвен) и Умеренной коалиционной (Й.Ф. Рейнфельдт и А. Кинберг-Батра) – заявляли о готовности продолжать курс, направленный на принятие всех желающих получить убежище в стране.

Одновременно активизировались сторонники националистических идей, главным выразителем которых в Швеции была (и остается) партия Шведские демократы (лидер Й. Окессон). В рассматриваемый период они стали активно призывать отказаться от политики мультикультурализма, подчеркивая ее отрицательное влияние на шведское общество (в числе наиболее значимых результатов такого влияния указывались увеличение социальной напряженности и социального расслоения, а также рост преступности) [11].

Важнейшим элементом политической риторики Шведских демократов является акцент на культуру, рассматриваемую как главный индикатор включенности мигрантов в социальную жизнь Швеции. По их мнению, шведская культура должна рассматриваться как имеющая статус «культуры большинства», и мигранты должны ассимилироваться в нее посредством государственных образовательных программ. Заявления подобного рода резонировали у части шведского электората. На парламентских выборах 2014 г. партия Шведских демократов набрала третье по численности количество голосов (12,86%), опередив «зеленых», Партию центра, Левую партию, Либеральную партию и христианских демократов [13].

В рассматриваемый период в Швецию прибывали беженцы и мигранты из Сирии, Афганистана, Ирака, Эритреи, Сомали, Ирана, Индии, а также Польши. Ситуация резко обострилась в 2015 г., после того как выходец из Эритреи, получивший постановление о депортации, совершил двойное убийство в магазине ИКЕА [9]. Общественное мнение страны было взбудоражено этим событием. Стали раздаваться требования к правительству пересмотреть политику «открытых сердец». В результате, в ноябре 2015 г. было принято решение ввести ограничительные меры на въезд в страну. Из самой либеральной в Европе политика Швеции в отношении беженцев и мигрантов превратилась в «отвечающую минимальным требованиям ЕС» [7].

В преддверии парламентских выборов 2018 г. риторика шведских демократов стала еще более жесткой. Они стали заявлять о

необходимости возвращения на историческую родину тех мигрантов, которые не желали ассимилироваться. Вместе с тем, 2018 г. ознаменовался появлением новой политической партии – этнонационалистической Альтернативы для Швеции, – настроенной гораздо более радикально в отношении мигрантов, чем Шведские демократы.

Если идеология Шведских демократов основывается на тезисе о том, что шведом можно стать, независимо от этнического происхождения, главное – готовность ассимилироваться в «культуре большинства», лидеры Альтернативы для Швеции считают, что шведами являются исключительно индивиды соответствующего этнического происхождения. По их мнению, любая политика, направленная на ассимиляцию мигрантов, в долгосрочной перспективе не будет иметь реального успеха. На основании этого формулируется идея о том, что все, кто не является шведом по своему этническому происхождению, должны быть депортированы из страны [10].

Возникновение Альтернативы для Швеции как ультранационалистического политического движения означало усиление радикализма шведского общества. На этом фоне социал-демократы, традиционно занимавшие большинство мест в Риксдаге (шведском парламенте) стали заявлять о своем нежелании увеличивать в стране количество беженцев со всего мира, предлагая разделить ответственность за их будущее с другими государствами ЕС. Вопрос о снятии ограничений на прием беженцев, введенных еще в 2015 г., ими теперь даже не ставился.

Похожей позиции вплоть до настоящего времени придерживаются и представители других парламентских партий Швеции (умеренные, христианские демократы и либералы). За снятие ограничений выступают только «зеленые», лидерылевой партии Швеции, а также Партии центра. Необходимо отметить, что, как и Шведские демократы, представители Христианских демократов выступают против идеологии мультикультурализма.

* * *

На современном этапе миграционная политика Швеции, формируясь «сверху», тем не менее, отражает настроения, преобладающие во всем обществе. Будучи основанной на идеях демократизма и эгалитаризма, политическая культура скандинавских стран в целом и Швеции в частности не лишена элементов ксенофобии и боязни чуждого. Об этом ярко свидетельствует отмеченный раскол, существующих как внутри общественной элиты страны, так и на

уровне широких общественных масс.

Шведский социолог Айе Карлбом в контексте отношения к проблеме миграции выделяет два типа шведских элит: первый – плюралистический, куда относятся все те политические партии и движения, которые выступают за продолжение либеральной политики и принятие в шведское общество новых членов из других стран (приверженцы этнического плюрализма убеждены, что различные культуры могут сосуществовать друг с другом, а общество только выиграет от такого взаимовлияния); второй – националистический, характеризуемый открыто отрицательным отношением к мультикультурализму и апеллированием к гомогенности шведского государства, основанного на традиционных ценностях и социальных структурах. Культуры других этнических групп, основанные на отличных идеях и нормах, националисты рассматривают как угрозу шведской идентичности. Иммиграция допускается ими только в пределах, не допускающих негативного влияния на «культуру большинства» (принятие соседних близких в культурном и историческом отношении финнов и датчан, а также европейских народов, основные ценности культуры которых не противоречат шведским; все остальные должны быть ассимилированными, т.е. «раствориться» в гомогенной шведской культуре). В свою очередь, приверженцы идей плюрализма считают, что сам факт наличия «культуры большинства» противоречит идеалам демократии, так как способствует концентрации власти в руках доминирующих элит, и ведет к дискриминации меньшинств различного рода [6].

Как показывает исторический анализ, проведенный в данной работе, с течением времени шведское общество все больше отдаляется от идей этнического плюрализма. Свидетельством тому является рост популярности партии Шведских демократов, начавшийся во втором десятилетии XXI в. и продолжающийся вплоть до настоящего времени (на парламентских выборах 2022 г. Шведские демократы набрали 20,54% голосов избирателей, став второй по численности партией, представленной в Риксдаге после социал-демократов [14]). В числе причин такого одобрительного отношения к националистам в современном шведском обществе видится непонимание значительной частью населения перспектив политики мультикультурализма, что наглядно продемонстрировал миграционный кризис 2015–2016 гг. и его последствия, а также неспособностью традиционных демократических сил разрешить социальные проблемы, вызванные их стремлением дать убежище и приют всем желающим.

Примечательным является своеобразная мимикрия шведских умеренных и социал-демократов под умонастроения, обуславливающие электоральные успехи националистических сил. Об этом, в частности, свидетельствует, упомянутое ранее, их негативное отношение к снятию иммиграционных ограничений. Это дает дополнительные основания сделать вывод о том, что современная Швеция в своей миграционной политике становится более прагматичной, оставляя в прошлом либеральные идеалы.

Библиографический список

1. Ålund A., Schierup C-U. Paradoxes of Multiculturalism. Umeå, University of Umeå, 1991. 192 p.
2. Anwar-ul-Haq Theoretical Considerations for Studying Socio-Psychological Factors in Migration // The Pakistan Development Review. 1974. Vol. 13. № 3. P. 353–360.
3. Blöchliger H., Dumont J.-C., Liebig T. Who bears the cost of integrating refugees? // Migration Policy Debates. 2017. № 13. URL: <https://www.oecd.org/els/mig/migration-policy-debates-13.pdf> (дата обращения: 09.11.2022).
4. Borevi K. Chapter Seven The Political Dynamics of Multiculturalism in Sweden // Challenging Multiculturalism: European Models of Diversity / Ed. by Raymond Taras. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2013. 344 p.
5. Byström M. When the State Stepped into the Arena: The Swedish Welfare State, Refugees and Immigrants 1930s-50s // Journal of Contemporary History. 2014. Vol. 49. № 3. P. 599–621.
6. Carlbohm A. The Imagined versus the Real Other: Multiculturalism and the Representation of Muslims in Sweden. Lund, Lund University, 2003. 234 p.
7. Crouch D. Sweden slams shut its open-door policy towards refugees. URL: <https://www.theguardian.com/world/2015/nov/24/sweden-asylum-seekers-refugees-policy-reversal> (дата обращения: 09.11.2022).
8. Demographics of Sweden. URL: <https://study.com/learn/lesson/sweden-racial-demographics-history-groups.html#:~:text=Sweden%20is%20a%20country%20comprised,Finns%2C%20Danes%20and%20Sami%20people> (дата обращения: 09.11.2022).
9. Eritrean asylum seeker admits to Ikea double murder in Sweden: lawyer. URL: <https://www.abc.net.au/news/2015-08-14/eritrean-asylum-seeker-admits-to-ikea-double-murder/6696582> (дата обращения: 09.11.2022).
10. Gör Sverige svenskt igen! URL: <https://alternativforsverige.se/politik/atervandring/> (дата обращения: 09.11.2022).
11. Lee Tomson D. The Rise of Sweden Democrats: Islam, Populism and the End of Swedish Exceptionalism. URL: <https://www.brookings.edu/research/the-rise-of-sweden-democrats-and-the-end-of-swedish-exceptionalism/> (дата обращения: 09.11.2022).
12. Sanandaji T. Swedes and Immigration: End Of Homogeneity? URL: <https://www.fondapol.org/en/study/swedes/> (дата обращения: 09.11.2022).

13. Valresultat 2014. URL: <https://www.val.se/val/val2014/slutresultat/R/riike/index.html> (дата обращения: 09.11.2022).

14. Val till riksdagen - Slutligt valresultat – Riket. URL: <https://resultat.val.se/val2022/slutlig/RD/riike> (дата обращения: 09.11.2022).

ПЕРЕКРЕСТОК ИДЕНТИЧНОСТЕЙ: ФОРМАТ АДЫГЕИ¹

THE INTERSECTION OF IDENTITIES: ADYGEA FORMAT

Жаде З. А.

Адыгейский государственный университет, г. Майкоп

Zhade Z. A.

Adygea State University, Maikop, Russia

Аннотация: В статье представлены результаты экспертного опроса, проведенного в Республике Адыгея в 2022 г. с целью исследования векторов взаимодействия разных уровней идентичности в фокусе взаимодополняемости, совместимости и солидарности. Делается вывод о том, что в условиях мира и стабильности все уровни идентичности совместимы и взаимодополняемы.

Abstract: The article presents the results of an expert survey conducted in the Republic of Adygea in 2022 in order to study the vectors of interaction of different levels of identity in the focus of complementarity, compatibility and solidarity. It is concluded that in conditions of peace and stability, all levels of identity are compatible and complementary.

Ключевые слова: многоуровневая идентичность, государственно-гражданская идентичность, национально-гражданская идентичность, региональная идентичность, этническая идентичность, экспертная оценка, Республика Адыгея.

Keywords: multilevel identity, state-civil identity, national-civil identity, regional identity, ethnic identity, expert assessment, Republic of Adygea.

На Юге России в последние годы проведено множество экспертных опросов, нацеленных на выявление особенностей взаимодействия и гармонизации разных уровней идентичности [1; 2; 4; 5; 6]. Концепция многоуровневой идентичности разработана учеными Адыгейского государственного университета, по мнению которых «анализ уровней идентичности показывает, что они могут

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках государственного задания на НИР Адыгейского государственного университета по проекту № FENZ-2022-0001 «Региональная политика идентичности в условиях современных геополитических и социокультурных вызовов (на примере Республики Адыгея и Краснодарского края)».

трансформироваться, могут меняться в силу объективных и субъективных причин, может иметь место «сужение» (или фрагментация) или «расширение» идентичностей» [7, с. 241].

Соглашаясь с известным российским социологом Л.М. Дробижевой в том, что сегодня «перед учеными встает задача проанализировать интенсивность и дифференцированность российской идентичности в связи с разными региональными сценариями и этническими полями, а также ее соотнесенность с характером межэтнических отношений и вектором консолидационных процессов в поликультурном российском пространстве» [3, с. 27], в данной статье рассмотрим актуализированное в последнее время содержание многоуровневой идентичности.

Эмпирической основой исследования явились результаты экспертного опроса представителей научного сообщества (N=14), проведенного методом полуструктурированного интервью в Республике Адыгея в 2022 г. Опрос проведен с целью, во-первых, определения содержания понятий «национально-гражданская идентичность», «региональная идентичность» и «этническая идентичность»; во-вторых, соотношения понятий «государственно-гражданская идентичность» и «национально-гражданская идентичность»; в-третьих, оценки экспертным сообществом восприятия политической элитой Республики Адыгея стратегической цели государственной национальной политики; в-четвертых, выявления факторов, влияющих на позитивные и негативные взаимодействия идентичностей в Адыгее.

В проведенном опросе, отвечая на вопрос «Как бы Вы определили понятия «национально-гражданская идентичность», «региональная идентичность», «этническая идентичность»? Что входит в их содержание?», эксперты утверждают, что национально-гражданская идентичность подразумевает под собой процесс осознания принадлежности человека к определенной нации. Более того, по мнению одного из экспертов, «ее главным принципом является желание и возможность граждан действовать как единый субъект государства».

В содержание национально-гражданской идентичности заложено свободное отождествление с нацией, позволяющее включить гражданина в культурную, общественную жизнь страны, ощущение причастности к будущему, настоящему и прошлому нации.

Более того, она воспроизводится посредством поддержки чувства сопричастности к государственному строительству: на ретроспективном уровне – «наши деды построили это государство,

защитили ... и т.д.», в настоящем – «мы строим его сегодня... (голосуем, боремся за новые институты или отстаиваем старые...), в перспективе – «наши дети продолжат...». Так же, ощущение сопричастности к государственным символам, прошлому, ценностям и т.д. (второстепенное значение).

Большинство опрошенных солидарны в том, что превалирующим идентификационным признаком является институт гражданства. В экспертной среде присутствует мнение, согласно которому «национально-гражданская идентичность подразумевает комплекс поведенческих показателей, связанных с пониманием гражданской позиции с правовой и моральной точек зрения, представление о себе как о представителе титульной нации, ответственной за историческое прошлое и современное состояние».

Отдельного внимания заслуживает идея о комплементарности трех типов идентичности. Они не только не противоречат друг другу, а взаимосвязаны, так как их объединяют разного рода правила поведения, обычаи, устои, ментальность, присущие определенной группе, с которой отождествляет себя гражданин. Каждый вид идентичности обладает своими собственными признаками. Национально-гражданская идентичность шире по сравнению с другими видами идентичности и проявляется на другом (более высоком) уровне многоуровневой идентичности.

Касаясь определения региональной идентичности, большинство респондентов трактуют его как узкое понятие, связывающее индивида с его территориальной принадлежностью, которая, будучи вплетенной в систему многоуровневой идентичности, способна стать ресурсом социальной интеграции.

Региональная идентичность предполагает осознание личностью своей территориальной причастности по рождению, проживанию или трудовой деятельности к определенному региону государства. Поскольку региональная идентичность не связана напрямую с национальной принадлежностью, она может фундаментализироваться людьми разных национальностей, проживающих на этой территории / в этом регионе.

Один из экспертов трактует региональную идентичность как «осознанное самоотождествление/принадлежность к определенной территории, в рамках которой воспроизводится ценностный мир человека, осуществляется аутентификация с конкретными культурно-историческими образами, которые актуализируются в границах конкретных пространственно-временных координат».

Более того, она, обладая определенными административными границами, предполагает готовность представлять себя как часть регионального социума за его пределами, а также желание действовать коллективно в интересах региона.

Полярной точки зрения придерживается другой эксперт, по мнению которого «региональная идентичность лишена конкретной параметрической структуры, а, следовательно, не обладает мобилизационными свойствами национальной и этнической идентичности».

В свою очередь, этническая идентичность интерпретируется как чувство принадлежности человека к какому-либо конкретному этносу, к какой-либо этнической общности. В более широком смысле она предполагает принадлежность человека к определенной национальности и понимание личностью ответственности за сохранение народных традиций и соблюдение правил жизни в соответствии с действующими обычаями и законами народности.

Ее основой выступает чувство принадлежности к конкретной этнокультурной общности. Отмечается, что «она закладывает в человеке базовые принципы и формы аутентичного мышления, репрезентирует ментальные смыслы, воспроизводящиеся в единой системе социально-исторических и антропологических атрибуций». Ее основу составляют: следование традициям и ценностям своего этноса, сопричастность истории и культуре, языку определенного этноса; наличие индивидуальной и групповой солидарности, возникающей в результате отождествления с определенным этносом; следование нормам этнокультуры; право этноса на самоопределение; определенная культура и быт.

Конкретизируя компоненты этнической идентичности, третий эксперт дифференцирует их в зависимости от субъекта восприятия: «для внешнего наблюдателя – совокупность признаков, которые этнос воспроизводит и транслирует – язык, культура, история, территория, самоопределение, все они, кроме языка функционируют, как конструкт, набор установок самовосприятия. Для внутреннего наблюдателя этническая идентичность – форма родства, базирующаяся на вере в общее происхождение, все атрибуты и функции родства ей присущи».

Мы ранее обосновали, что «в Адыгее, как и в любом другом регионе Северного Кавказа, национально-гражданская, региональная и этническая идентичности сосуществуют по принципу взаимодополняемости и совместимости. Более того, экспертное сообщество солидарно в том, что противоречий или противостояния

между уровнями идентичности не наблюдается, поскольку в регионе на протяжении длительного времени сформирован положительный опыт по гармонизации межэтнических и межконфессиональных взаимоотношений» [8, с. 193].

В социогуманитарном дискурсе при исследовании структуры общероссийской идентичности учеными выделяются разные ее составляющие. В экспертном опросе при ответе на вопрос «Существует ли, на Ваш взгляд, разница в содержании понятий «государственно-гражданская идентичность» и «национально-гражданская идентичность»? Если да, то опишите, в чем она заключается?» мнения экспертов разошлись.

Большинство опрошенных специалистов убеждены в том, что разница между указанными формами идентичности существует. Разница состоит в том, что в государстве нация может не сложиться, а может и сложиться. Понятие «национально-гражданская идентичность» априори указывает на существование нации. Более того, первая форма идентичности апеллирует к соотношению себя с государством, его институтами, а вторая форма идентичности привязана к национальному строительству и здесь первичной становится привязка к населению. В первом случае гражданин осознает себя жителем многонационального государства, а во втором – человек демонстрирует принадлежность к нации, а через нее идентифицирует себя как гражданин.

Сторонники второго подхода к осмыслению «государственно-гражданской идентичности» и «национально-гражданской идентичности» указывают на их транзитивный характер. Разница существует и состоит еще в том, что нация, помимо политической коннотации, в отличие от государства, включает в себя еще и социокультурное содержание. Однако, когда речь идет о нации-государстве, разница между понятиями может стираться.

Если исходить из понимания нации и народности, то можно вспомнить, как соотносились эти понятия. Нация отличалась от народности тем, что была в основе государства как формы существования общества, для которой были характерны централизм власти, классовые различия, территориальная общность и т.д. С этой позиции государственно-гражданская идентичность и национально-гражданская идентичность могли быть тождественны. Но современные реалии, характеризующиеся переделом государственных систем, диктуют другое понимание идентичности.

Наконец, приверженцы третьего подхода, который предполагает

отождествление государственно-гражданской и национально-гражданской идентичности, указывают на то, что «при их описании возникает проблема семантического разведения однокоренных слов: нация и национальность и осмысления генезиса государственности как результата развития этничности одного народа, претендующего на роль государствообразующего, в многонациональном государстве».

Развивая данную мысль о единстве двух форм идентичности, один из экспертов утверждает, что национально-гражданская идентичность находится внутри государственно-гражданской идентичности, потому как наше государство является многонациональным, в этой связи разделять эти две категории нецелесообразно. Особенно, исходя из направлений государственной политики, предполагающей все большее единение народов и этносов. В данном контексте, можно говорить о том, что государственно-гражданская идентичность несколько шире по своему содержанию.

По мнению представителя экспертного сообщества, взаимозависимость и вытекающая отсюда тождественность обуславливаются их возникновением в эпоху Просвещения. Данная эпоха характеризовалась возникновением новой формы политической организации: государство – нация. Когда в европейской культуре устоялась данная форма политической организации, гражданская и национальная идентичность стали противопоставляться государственной. В разных политических идеологиях гражданская и государственная обретала свои специфические черты, но их объединяла идея сохранения самостоятельности гражданского объединения в рамках государственного устройства.

Согласно оценкам экспертов, государственно-гражданская идентичность апеллирует к соотношению себя с государством и его институтами, а национально-гражданская идентичность апеллирует к нациестроительству, и здесь первичной становится привязка к населению. В первом случае гражданин осознает себя жителем многонационального государства, а во втором – человек демонстрирует принадлежность к нации, а через нее идентифицирует себя как гражданин.

В проведенном опросе, оценивая факторы, влияющие на позитивные и негативные взаимодействия идентичностей, эксперты разошлись во мнениях. Главным фактором, который как позитивно, так и негативно может сказаться на взаимодействии идентичностей, это социально-экономические условия развития региона. Чем ниже уровень жизни населения региона, тем выше напряженность, что сказывается на

вопросах идентичности. Решающую роль в ее ослаблении играет позиция политической элиты и активной общественности. Двойственным характером обладает и информационная среда, которая транслирует определенный социокультурный опыт межэтнического взаимодействия. Бинарной природой духовной жизни регионального социума обладают социокультурные факторы, способные выстраивать иерархию идентичностей.

Одни из экспертов утверждает, что «региональная идентичность во многом подпитывается этнической для этноса, давшего название республике». Последняя рассматривается как символ национального/этнического самоопределения. Для других этносов республики региональная идентичность строится на иных основаниях – принадлежности к теплому, спокойному, бесконфликтному миру, олицетворяющему собой некую мечту благородного и созидательного труда, способствующего богатому урожаю, сытой, безопасной жизни, патерналистского мировоззрения. Последнее как раз подчеркивает позитивное взаимодействие национально-гражданской и этнической, да и региональной идентичностей.

На позитивные взаимодействия идентичностей также влияет опыт многолетнего построения межконфессионального и межэтнического мира в Адыгее, созидательный потенциал традиционной культуры, политика России по поддержанию и развитию этнических культур. К числу позитивных факторов указанного взаимодействия эксперты относят взаимоуважение и солидарность народов, а также проводимую региональными властями политику.

В качестве факторов, влияющих на негативные взаимодействия идентичностей, выделяют отсутствие экономической и социокультурной стабильности, ограниченность доступа к политическим, экономическим, образовательным ресурсам. Уточняется, что «отсутствие или сокращение этого доступа у различных групп будет приводить к повышению рисков увеличения количества негативных взаимодействий, так как идентичность – основа мобилизационного ресурса, к которому прибегают при возникновении дефицитов, в борьбе за ресурсы (под сокращением нужно понимать, что уменьшение избыточного доступа, тоже приведет к повышению рисков)».

К числу негативных факторов эксперты отнесли некие исторические аспекты, накладывающие отпечаток на современную жизнь этносов и их взаимодействие. Исторические события, каким-либо образом, отразившиеся на жизни народа, так или иначе влияют на

современные обстоятельства и взаимодействие с другими этносами.

Особо в ряду негативных детерминант взаимодействия идентичностей ученые выделяют «политизацию этноидентификационных процессов, радикализацию общества, социальное расслоение, маргинализацию и космополитизацию регионального социума, активизацию деструктивных религиозных течений и этнорадикалов».

Вместе с тем, опрошенные специалисты делают посыл к возможной трансформации негативных факторов в позитивные. Так, например, один из экспертов утверждает, что «ясное понимание политических и идеологических идеалов, сформированных в обществе, позволяет устранить негативный характер, который может быть связан с конфликтами между разными уровнями идентичности и отсутствием ясного понимания населением «Кто мы?» и «Куда мы идем?».

Таким образом, в противовес точке зрения наших коллег, согласно которой «сложившаяся иерархия идентичностей в субъектах федерации может быть определена как конкуренция, а не взаимодополнение, вследствие чего идентификационная сфера региона несет в себе риски конфликтов» [1, с. 82], экспертное сообщество Адыгеи солидарно в том, что в условиях мира и экономической стабильности все уровни идентичности совместимы и взаимодополняемы. В региональном экспертном мнении, оказавшемся на перекрестке идентичностей, сложилось представление о том, что непротиворечивость идентификационных процессов в итоге приводит к взаимодополняемости различных уровней идентичности. В Адыгее совместимость всех видов идентичности во всех вариациях, так же, как и в любом другом северокавказском регионе, возможна, актуальна и имеет точки роста.

Библиографический список

1. Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В., Гриценко Г.Д., Иванова С.Ю., Шульга М.М. Формирование российской идентичности на Северном Кавказе: институциональные и социокультурные рамки // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2022. Т. 18. № 1. С. 72–86.

2. Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В., Гриценко Г.Д., Иванова С.Ю., Шульга М.М. Общероссийская идентичность на Северном Кавказе: опыт экспертной оценки // Вестник Пермского университета. Политология. 2022. Т. 16. № 1. С. 115–124.

3. Дробижева Л.М. Общероссийская идентичность и уровень межнационального согласия как отражение вектора консолидационных процессов // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 26–36.

4. Жаде З.А. Политика идентичности в региональном измерении: кейс Республики Адыгея // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 8. С. 13-18.

5. Жаде З.А., Денисова Г.С., Клименко Л.В. Роль этнического фактора в формировании региональной идентичности населения Республики Адыгея // Политэкс. 2011. № 2. С. 87–95.

6. Клименко Л.В. Идентичность населения Республики Адыгея: соотношение общероссийского, регионального и этнического компонентов // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. № 1. Т. 14. С. 148–159.

7. Многоуровневая идентичность / З. Жаде, Е. Куква, С. Ляшева, А. Шадже. Москва: Российское философское общество. Майкоп: ООО «Качество», 2006. – 245 с.

8. Хунагов Р.Д., Жаде З.А. Взаимодействие национально-гражданской, региональной и этнической идентичностей в Республике Адыгея: экспертное мнение // Гуманитарий Юга России. 2022. Том 11. № 4. С. 188–195.

ВЕДУЩИЕ УСЛОВИЯ И ЦЕННОСТИ СВЯЗАННЫЕ С ВОСПИТАНИЕМ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ФОРМАЛЬНЫХ И НЕФОРМАЛЬНЫХ ШКОЛЬНЫХ АКТОРОВ В РЕСПУБЛИКЕ МАЛИ

LEADING CONDITIONS AND VALUES RELATED WITH CITIZENSHIP IN THE VIEWS OF FORMAL AND INFORMAL SCHOOL ACTORS IN THE REPUBLIC OF MALI

Кама́ра Ишака

Университет Литературы и Гуманитарных Наук Бамако,
г. Бамако, Республика Мали

Camara Ichaka

University of Letters and Human Sciences of Bamako,
Bamako, Republic of Mali

Аннотация. Утрата общих, разделяемых большинством членов общества ориентиров, представляет сегодня реальную угрозу для его духовного и социального развития. Экстремизм с каждым днем набирает силу в Западной Африке, в том числе в Мали. Причинами кроются в игнорировании современной школой этнокультурных особенностей и знаний, необходимых для успешной «африканизации», а также в системе плюралистической демократии, установившаяся в стране с 1992 г. Проявления экстремизма характерны, в частности, для таких городов как Бамако, Сегу и Томбукту, которые были выбраны для нашего исследования. Несмотря на ряд школьных реформ и мероприятий, направленных на развитие гражданственности в этих регионах, уровень гражданского сознания и поведения здесь снижается. Эта статья призвана показать состояние гражданственности среди подростков, молодежи и взрослого

населения в городах в Мали. Опираясь на данные индивидуальных интервью (N=324), которые формально и неформально связаны с системой образования, мы делаем вывод о том, что сегодня подростки и молодежи постепенно отказываются от своих гражданских и социальных обязанностей, что вызывает рост экстремизма и насилия в повседневной жизни. Для формирования и повышения уровня гражданственности необходимы специальные программы, которые будут опираться на принципы солидарности.

Abstract. The loss of common guidelines shared by the majority of members of society today poses a real threat to its spiritual and social development. Extremism is gaining strength every day in West Africa, including in Mali. The reasons lie in the ignorance by the modern school of ethno-cultural characteristics and knowledge necessary for successful "Africanization", as well as in the system of pluralistic democracy that has been established in the country since 1992. Manifestations of extremism are typical, in particular, for cities such as Bamako, Segou and Timbuktu, which were chosen for our study. Despite a number of school reforms and activities aimed at developing citizenship in these regions, the level of civic consciousness and behavior is declining. This article aims to show the state of citizenship among adolescents, youth and adults in cities in Mali. Based on the data of individual interviews (N=324), which are formally and informally connected with the education system, we conclude that today adolescents and young people are gradually abandoning their civic and social responsibilities, which causes an increase in extremism and violence in everyday life. To form and raise the level of citizenship, special programs are needed, which will be based on the principles of solidarity.

Ключевые слова: гражданственность, гражданское сознание, подростки, молодежь, Бамако, Сегу, Тимбукту, Мали, экстремизм, ценность.

Keywords: citizenship, civic consciousness, teenagers, youth, Bamako, Segou, Timbuktu, Mali, extremism, value.

Введение. В Африке в целом и в Мали в частности, образование в значительной степени является традиционным [6, с. 214]. Отдавая приоритет группе, такое образование основано на принципах подчинения, солидарности и сплоченности [9, с. 18; 13, с. 3]. В результате оно выступает альтернативой западной школе, которая привнесена колонизацией и отстаивает такие ценности, как конкурентоспособность, личный труд, индивидуализм.

Несмотря на то, что верные ориентиры формирования гражданственности и патриотизма были заложены в период первой республики в Мали, современная школа и связанное с ней изменение общественных ценностей в условиях быстрых социальных, экономических и политических трансформаций, меняют отношения между личностью и обществом. Они ставят под сомнение саму природу гражданства в этой стране. Эта альтерация усугубляется установлением в 1992 году плюралистической демократии в Мали, которая усиливает разделение между правительством, выборными органами власти и

политическими партиями, с одной стороны, и населением, с другой. Это приводит к ряду неравенств, таких как неравный доступ к воде, здравоохранению, образованию, электричеству, еде и безопасности, что ведёт к политической и социальной напряженности.

В условиях плюралистической демократии в процессе воспитания гражданственности и патриотизма недостаточно внимания уделяется общественным интересам и ценностям. Слабый акцент на солидарности формирует у части подростков и молодых людей, а также некоторых взрослых безразличие и равнодушное отношение к своим гражданским и социальным обязанностям. Это частично влияет на уровень экстремизма и насилия в обществе.

Потребность в формировании патриотизма и гражданственности в Мали поднимает важные вопросы, в том числе о том, как воспитание гражданственности воспринимается жителями городов Бамако, Сегу и Тимбукту? Какие факторы влияют на воспитание гражданственности в этих городах? Какие конкретные образовательные практики используются для формирования позитивных установок гражданственности и патриотизма у подростков, молодежи и взрослых в этих местностях?

Эта статья призвана дать ответы на поставленные вопросы и предложить стратегии, которые привели бы к успешному развитию гражданских норм и ценностей среди молодежи, подростков и взрослых в Мали.

Теоретико-методологическая база исследования.

Подходы к пониманию гражданства. В целом можно выделить два основных подхода в понимании гражданства: детерминистский и индивидуалистический, которые дополняют друг друга. Первый подход отождествляет гражданство с гражданским образованием, т.е. с предоставлением индивидууму доступа к овладению определенными навыками, которые считаются необходимыми для надлежащего осуществления гражданства [2, с. 22]. Второй подход связывает гражданство с участием в гражданском обществе через членство или поддержку организаций, участие в дебатах и общественных консультациях, в демонстрациях или протестах, волонтерство и знание текущих событий [14, с. 8]. Таким образом, первый подход делает упор на осуществлении прав, обязанностей и ответственностей по отношению к государству, в то время как второй включает в себя идею индивидуального присвоения и преобразования политической и социальной среды, в которой развивается личность.

Гражданственность не является врожденным навыком, так как

быть гражданином можно научиться. Существуют различные механизмы, которые участвуют в формировании гражданственности, такие как волонтерство, военная служба, школьное образование и др. Формирование гражданственности может происходить в любом возрасте, в различных формах и любыми субъектами [8, с. 6].

Под воспитанием гражданственности, помимо подготовки человека к выполнению его общественных обязанностей и ответственности, мы также подразумеваем его подготовку к жизни в обществе в целом, формирование социально ожидаемого поведения, готовности к активной жизни.

Воспитание гражданственности сегодня сталкивается с целым рядом вызовов: кризис «государствоцентричной модели власти» [11, с. 317] и «монополии на легитимное насилие» [16, с. 101-102]; высокая мобильность [4, с. 92] и растущее разнообразие культур [34, с. 17], глобализация [10, с. 41), развитие современных медиа и постоянный доступ к широкому спектру нефильтрованной информации [1, с. 20]; пренебрежение современной школой существующей дуальности между профанным и сакральным [7, с. 2], слабая инклюзивная политическая культура [16, с. 170], неспособность международной, региональной и национальной системы удовлетворить потребности граждан; упадок традиционных социальных структур (семьи, общины, религии); экономическое неравенство и недостаток надежных рамок обмена для социальных незащищенных слоев общества [3, с. 340], позволяющих им формировать ценности или мнения и выразить их.

В какой степени эти условия влияют на воспитание гражданственности у подростков, молодежи и взрослых в городах в Мали? Какие другие условия и факторы играют роль в этом процессе?

Методология исследования. В исследовании был использован качественный подход, основанный на индивидуальных интервью. На основе метода насыщения мы максимально разнообразили профили респондентов по критериям пола, статуса, места жительства, уровня образования, в результате была сформирована выборка из трех целевых групп: подростков и молодых людей, независимо от того, посещали ли они школу или нет (101 человек), взрослых, независимо от того, грамотны ли они или нет (107 человек), агентов, прямо или косвенно связанных с системой образования (116 человек). В числе этих агентов: помощники префектов, мэры, традиционные и религиозные вожди, директора школ, советники по вопросам образования, учителя, члены комитетов школьного управления, руководители учебных заведений, представители прессы и негосударственных организаций, лидеры

гражданского общества. Возраст опрошенных взрослых от 25 до 77 лет, подростков и молодых людей – от 14 до 24 лет.

В каждой административной области, охваченной исследованием, случайным образом были выбраны три муниципальных образования: столица коммуны и две сельских или периферийных коммуны. В каждой коммуне районы и домохозяйства были случайным образом выбраны для проведения интервью с целью увеличения шансов на свободное выражение мнений. Все эти интервью были записаны на аудионосители, расшифрованы, введены, скомпилированы и проанализированы. Сбор данных проводился с сентября по ноябрь 2021 года в городе Бамако (коммуны II, IV и VI), а также в административных областях Сегу (коммуны Монимпегу, Мачина и Барауэли) и Тимбукту (коммуны Бер, Гундам и Агуни). Выбор данных территорий связан с рядом причин. В административной области Тимбукту на севере Мали, наблюдаются два важных процесса. С одной стороны, возобновился интерес к образовательному наследию (манускриптам) XIV–XV веков, с другой – происходит закрытие школ по соображениям безопасности вследствие кризиса 2012 г. В Сегу в центральный Мали, традиционно не существовало специальных учреждений и агентов образования. В этих бамбарских общинах повседневная жизнь является местом постоянного обучения, а воспитателем выступает все сообщество: семья, сельские советы, детские братства и даже общества посвящения. Округ Бамако (коммуны II, IV и VI) выбран, поскольку является одним из основных городов, где колонизацией была сформирована классическая западная школа и население образует две группы: грамотные и менее грамотные. Эта дихотомия вынуждает малийское правительство учитывать образовательные потребности менее грамотных взрослых и молодежи, не посещающих школу.

Презентация результатов.

Анализ материалов интервью показывает, что внедрение системы современного образования в период колонизации, а затем установление плюралистической демократии в 1992 г. в Мали оказали влияние на поведение и действия граждан. В этом изменяющемся контексте малийские подростки, молодые люди и взрослые адаптируются к новым ограничениям и новым последствиям, которые они также пытаются предвидеть и на которые пытаются влиять. Далее мы обозначим ключевые факторы и ценности, связанные с воспитанием гражданственности.

Представления о гражданстве в Бамако, Сегу и Тимбукту

Гражданство: совокупность определяющих условий.
Информанты высказали свое мнение об условиях, которые сегодня влияют на формирование гражданственности в их сообществах. В их числе:

– Растущая взаимозависимость. Это подразумевает для малийских подростков, молодых людей и взрослых осмысление взаимосвязи глобального и местного, формирование компетенций мирового уровня в сочетании с национальной и местной спецификой. *«Нынешняя школа заслуживает того, чтобы её поставили под сомнение в связи с реальными потребностями малийской системы образования»* (Т.Т., учитель экспериментальной школы бамананкан, квартал масина III в Сегу, личное интервью, 26.09.2021). Здесь подчеркивается слабый интерес нынешнего образования в Мали к местным особенностям и внутренним компетенциям. Образованные элиты сохраняют и воспроизводят унаследованные от Запада образовательные модели, которые превращают школу и общество в места аккультурации и «одомашнивания» африканцев (малийцев) с целью формирования социокультурных и экономических основ, необходимых для эксплуатации «бывших колоний» и для развития «метрополий» находящихся на западе.

– Внутрирегиональные и внутримунципальные неравенства. Наблюдается исключение неблагополучных слоев (в основном женщины и молодежи) в исследуемых регионах и коммунах, которые реже, чем другие, имеют доступ к определенным благам. К ним относятся также сельские жители Сегу и Тимбукту, которые имеют ограниченный доступ к здравоохранению, образованию, электричеству, воде, Интернету и инфраструктурам, характерным для большого города, такого как Бамако. *«Несправедливо, что руководство государства создает условия для успеха жителям Бамако посредством помощи по сравнению с другими»* (А.Т., студент 11-го курса лицея Махамане Алассане Хайдара в Тимбукту, личное интервью, 20.09.2021). Здесь указывается на негативные последствия политики малийского правительства, которая направлена, прежде всего, на поддержку и развитие нескольких крупных городов. Несмотря на устойчивый экономический рост за последние десять лет в стране все больше жителей испытывают нужду в жилье, еде, одежде или достойном лечении [5, с. 2]. Сильнее всего страдают жители отдаленных, малограмотных и сельских районов. Более того, такая расстановка приоритетов чаще всего поддерживается международными организациями, такими как Всемирный Банк. Неэффективная, эта

практика ведет к обогащению незначительного меньшинства и обнищанию подавляющего малийского большинства.

– Широко распространенная апатия граждан к политической и общественной жизни. В местах проведения исследования отмечается падение уровня участия в выборах местных должностных лиц (мэров, временных властей, депутатов) и недоверие к ним. Это недоверие обусловлено невыполнением предвыборных обещаний, неспособностью некоторых выборных должностных лиц удовлетворить основные потребности своих избирателей в еде, одежде, жилье, в доступе к питьевой воде, не говоря уже об электричестве, которое остается роскошью. Это подтверждают интервью: *«Правители больше говорят, чем действуют, несмотря на все имеющиеся в их распоряжении средства»* (Б.К., член Ассоциации активного и совместного развития, квартал Гундам в Тимбукту, личное интервью, 19.09.2021). Т.о. подчеркивается факт политической манипуляции, которая является одним из недостатков демократии, наблюдаемой сегодня в Мали, особенно в Тимбукту. Это приводит к тому, что большинство молодежи, женщин и сельских жителей не интересуются политической и общественной жизнью, отказываются от участия в ней.

– Рост популистских дискурсов, что выражается в возрастающей возможности некоторых старейшин и молодых людей высказываться по различным политическим и социальным вопросам чему способствует растущее влияние частных радио- и телевизионных каналов, а также социальных сетей, таких как Facebook, Viaber, WhatsApp. Этот популизм олицетворяют политические партии и движения гражданского общества, такие как «Африканская солидарность за демократию и независимость», «Мали Кура» и др.

Итак, исследование позволяет определить растущую взаимозависимость, внутрорегиональные и внутримunicipальные неравенства, безразличие к общественным делам и рост популизма в качестве важных условий, определяющих состояние гражданственности в обследованных городах.

Понятие гражданства присутствует в нашей повседневной жизни, однако представления о его содержании зачастую весьма расплывчаты и не конкретны.

Гражданство: разнообразие восприятий. В ходе интервью респонденты из Бамако, Сегу и Тимбукту поделились своими представлениями о гражданстве. В этих представлениях проявляются определенные региональные и гендерные различия.

– Гражданство как правовой статус. Для наиболее грамотных опрошенных, горожан и мужчин гражданство – это правовой статус (имеет права, выполнять гражданские обязанности) и политический статус (участие во власти, в принятии решений и в контроле). Этот статус позволяет человеку быть признанным членом политического сообщества и участвовать в его жизни. Следовательно, гражданин – это тот, кто имеет гражданские права и обязанности в политическом сообществе, частью которого он является. Эти обязанности неотделимы от гражданской деятельности: *«Это уплата налогов, за которые человек несет ответственность перед государством, оплата услуг, полученных от этого государства. Это также означает участие в избирательной кампании, участие в политической демонстрации или работать на кандидата»* (АС, избранный мэр, квартал Монимпегугу в Сегу, личное интервью, 14.09.2021). Здесь подчеркивается, с одной стороны, формальное равенство лиц, наделенных гражданством, а с другой стороны, комплекс обязательств в их отношениях с государством.

– Гражданство как принадлежность к сообществу и желание участвовать в его жизни. Восприятие гражданства имеет и другой аспект. Сегодня оно все чаще определяется более широко как набор конкретных социальных ролей, где человек имеет возможность участвовать в группах, отстаивающих свои ценности, интересы и идеи. Среди этих групп есть сельские советы, ассоциации по защите уязвимых людей и братства. Гражданство рассматривается здесь через социальные отношения, которые люди выстраивают друг с другом. Такое представление чаще демонстрируют женщины, молодежь и сельские жители: *«Возможность влиять на общественное пространство, иметь права и право требовать права»* (А.В.М., член Координации ассоциаций и женских неправительственных организаций от Бера в Тимбукту, личное интервью, 15.09.2021). *«Это встречи по развитию сообщества или это собираться вместе с целью решения проблемы»* (М.Т., лидер молодёжи, Барауэли в Сегу, личное интервью, 19.09.2021). *«Это участие в маршах протеста, отказ платить налог или сбора государству, когда оно не в состоянии защитить своих граждан»* (А.Б., ученик 12-го класса частной школы Альфонс де Ламартин, Ниарела, коммуна II в Бамако, личное интервью, 15.09.2021). Эти представления о гражданстве включают чувство принадлежности к сообществу и желание участвовать в его жизни. Т.е. чтобы быть полноправным членом общества, нужно не только пользоваться защитой закона, но и иметь возможность формировать

последний, посредством осуществления своих демократических прав [12, с. 17].

Таким образом, быть гражданином означает быть партнером, участвовать в общих действиях, получать информацию, информировать, работать, потреблять, производить. Следовательно, гражданственность – это способность признавать этические ценности, необходимые для совместной жизни, и действовать с осознанием принадлежности к организованной социальной группе. Это гражданство подразумевает права, необходимые для осуществления основных свобод человека, таких как свобода слова, мысли, религии, право брать на себя обязательства, обладать и требовать справедливости.

Идея малийского гражданства не нова, поскольку она прошла через века от Империи мандинго до Республики Мали, одним из столпов которой она является. Продолжая оставаться на фронтисписе правовой конструкции, содержание гражданства и его контуры эволюционировали во времени и пространстве. Иначе говоря, гражданство сегодня обретает «новое дыхание». Помимо лояльности, оно включает в себя социальные обязанности, которые определяют роли граждан в государстве и по отношению к его институтам.

Восприятие и ценности, связанные с гражданством, могут сильно различаться от одного сообщества к другому, от одного человека к другому, но сами условия их разработки влияют на то, в каком виде они будут интериоризированы самими гражданами. Вот почему в настоящем исследовании мужчины, горожане и наиболее грамотные люди проявляют большой интерес к общественным делам, таким как политика и правительство. Молодежь, женщины и сельские жители, напротив, склоняются к возможности граждан жаловаться на власть, когда она не выполняет своих функций.

Можно утверждать, что Республика Мали изначально строилась на идее трансцендентного гражданства, которое объединяет в одном обществе всех людей, образующих суверенную нацию вокруг ее девиза: «Один народ, одна цель, одна вера». Но сегодня этот самый народ сомневается в способности своих представителей осуществить общий проект. И, что еще серьезнее, он сомневается в самом существовании общего проекта, выходящего за пределы индивидуальности и интересов каждого.

Обновленные формы гражданства на службе общества. Анализ интервью показывает, что республиканская традиция, в которой коренится малийская концепция гражданства, не переставала с момента

обретения независимости (1960 г.) обогащать принципы, на которых она основана. Центральной иллюстрацией тому является номинальная и выборная представительность: если республиканцы всегда защищали представительность женщин в государственном аппарате, то только Законом № 2015/052 от 18 декабря 2015 г., были установлены меры по продвижению женщин к номинативным и выборным функциям, чтобы они могли получить доступ к полной политической ответственности и, следовательно, к политическому гражданству. Поэтому каждое поколение, в зависимости от новых проблем и вызовов, должно обновлять ценности, на которых основано восприятие гражданства. На сегодняшний день малийцы стремятся переосмыслить ценность тех действий, которые обеспечивают общественный интерес. Поведение, которое раньше преимущественно входило в частную сферу, становится политическим выбором. Это объясняет тот факт, что для многих малийцев соблюдение правил дорожного движения и окружающей среды, или даже правил добрососедства теперь так же важно, как и участие в принятии решений о выборах. Их больше не удовлетворяет возможность самовыражения только во время выборов или в контексте институционализированных рамок.

Таким образом, гражданство охватывает различные области общественной жизни, такие как гражданская, политическая и социально-экономическая. Базовое гражданство выражается в предоставлении малийцам таких свобод, как самовыражение, равенство и собственность. Политическое гражданство – дает малийцам право голосовать, право на доступ к определенным государственным функциям, право на защиту со стороны государства, в том числе за границей. Социально-экономическое гражданство – это наличие социально-экономических прав таких как здравоохранение, защита от безработицы и синдикализм. Глобальное гражданство – это принадлежность малийцев к мировому сообществу, при сохранении национальной и местную лояльности. Народное гражданство, которое подразумевает работу по укреплению прав и возможностей социально незащищенных слоев путем создания безопасных и адаптированных к ним пространств и условий. Это многообразие аспектов, связанных с гражданством отражает разнообразие сообществ, к которым принадлежат малийцы, которые живут и действуют на различных географических и социально-культурных условиях.

Наряду с восприятием гражданства, опрошенные высказали свои мнения о гражданском воспитании, которое для многих представляет собой подготовку к жизни в обществе и предполагает формирование

социально ожидаемого поведения и готовность к активному участию в жизни общества.

Формирование социально ожидаемого поведения подразумевает, прежде всего, формирование поведения и поступков, которые считаются необходимыми для совместной жизни. Таким образом, эффективное функционирование общества в целом зависит от уважения к себе, к другим, к правилам и к окружающей среде.

Подготовка к активному участию в общественной жизни подразумевает осознание малайскими подростками, молодежью и взрослыми роли, которую они могут играть в обществе. Эта роль включает в себя следующие действия: 1) признать себя членом общества, 2) содействовать развитию общества, 3) быть информированным о современных проблемах, 4) самовыражаться, 5) реализовать свое право голоса.

Заключение. Подводя итог, мы можем сделать вывод, что социальные и индивидуальные условия, которые варьируются от одного региона или муниципалитета к другому, от одного гражданина к другому, от одной школы к другой, по-разному влияют на действия граждан, подростков, молодежи и взрослых в зависимости от их опыта. Ценности, связанные с гражданственностью, также могут сильно различаться от одного сообщества к другому, от одного человека к другому, поскольку условия их выработки влияют на их усвоение и принятие со стороны самих граждан. Мы обнаружили две категории, которые отличаются в своем понимании гражданственности. Первая – мужчины, старейшины и грамотные, которые выступают за гражданскую составляющую в воспитании гражданственности, воспринимаемую в совокупности прав и обязанностей личности, как ключевого актора политической системы. Вторая категория – сельские жители, женщины и молодежь, которые рассматривают гражданство как индивидуальное присвоение и преобразование политической и социальной среды, в которой они живут. Однако занимая низкое положение в обществе, эти категории демонстрируют низкий интерес к участию в общих делах. Вместе с тем понимание гражданственности и ее воспитания требует дополнительных исследований с целью выделения других факторов и условий их определяющих.

Библиографический список

1. Aubin F., La représentation du public en éducation aux médias : du consommateur averti au citoyen éclairé, Mémoire de maîtrise, Montréal, Université du Québec à Montréal, 1998.
2. Audigier F. L'éducation à la citoyenneté, Paris, INRP, 1999.

3. Balandier G. Sociologie actuelle de l'Afrique noire, Dynamique des changements sociaux en Afrique centrale, Paris, PUF. 1955.
4. Bourdin A. L'individualisme à l'heure de la mobilité généralisée, dans S.Allemand, 2004.
5. Coulibaly N. Comment la communication peut-elle servir d'interface au développement du Mali?: exemple des capsules de télékotèba Mémoire. Montréal (Québec, Canada), Université du Québec à Montréal, Maîtrise en communication. 2010.
6. Ehui P. J. Éducation moderne et traditionnelle dans la pratique des activités du secteur informel urbain, in EDUCI/ROCARE, African education development issues. 2010. N° 2. p. 214.
7. Feyfant A. L'éducation à la citoyenneté, in Dossier d'actualité, Lyon, Institut national de recherche pédagogique, 2010. N° 57. p. 1-15.
8. Gleize F. introduction à la citoyenneté, Working paper, série : citoyenneté et démocratie participative, Belgique, Bruxelles. 2007.
9. Griaule M., Jeux dogons, Paris, Institut d'ethnologie, VII-290 p.-XII f. de pl. [Thèse de doctorat ès-lettres]. 1938.
10. Hutmacher W., Enjeux éducatifs de la mondialisation, in Éducation et sociétés, Issue. 2005. 2. N° 16. p. 41–51.
11. Jouve B. La démocratie en métropoles, gouvernance, participation et citoyenneté, in Revue française de science politique, Issue 2005. 2, vol.55, p. 317.
12. Marshall T. H. and Bottomore T., Social Class and Citizenship, Londres, Verso. 1992.
13. Pierre E. L'enfant et son milieu en Afrique noire : essai sur l'éducation traditionnelle, Paris, Harmattan. 1987.
14. Réseau Aga Khan de Développement (AKDN) Éducation civique au Mali: État des lieux, Rapport d'étude, Mali, Bamako, 2017.
15. Touraine A. Pouvons-nous vivre ensemble? Égaux et différents, Paris, Fayard. 1997.
16. Vitiello A. L'Éducation à la citoyenneté, in Raisons politiques, Issue 1, 2008, N° 29. p. 169–187.

**ПРИНЦИП ПРАВА НАЦИЙ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ
В ИДЕОЛОГИИ ВСЕРОССИЙСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РОССИИ НАЧАЛА XX В.:
К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ
ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО НАСЛЕДИЯ**

**THE PRINCIPLE OF THE RIGHT OF NATIONS TO SELF-
DETERMINATION IN THE IDEOLOGY OF THE ALL-RUSSIAN
SOCIALIST POLITICAL PARTIES OF RUSSIA IN THE EARLY
XX CENTURY: TO THE QUESTION OF THE RELEVANCE
OF THE POLITICAL AND LEGAL HERITAGE**

Каранетян Л. А.

Краснодарский государственный институт культуры, г. Краснодар

Karapetyan L. A.

Krasnodar State Institute of Culture, Krasnodar, Russia

Аннотация: Представлен тезисный анализ принципа права народов на самоопределение в теории российских социал-демократов и социалистов-революционеров через призму государственно-территориального устройства в многонациональной стране. Выявлено сходство и различие в решении данной проблемы между указанными партиями. Эсеры являлись сторонниками федерализма. Позиция большевиков зависела от конкретных обстоятельств и во многом определялась прагматическими задачами, в том числе признавалось и право на создание народами независимых государств.

Abstract: A thesis analysis of the principle of the right of peoples to self-determination in the theory of Russian social democrats and socialist revolutionaries through the prism of the state-territorial structure in a multinational country is presented. Similarities and differences in the solution of this problem between the indicated parties are revealed. The Social Revolutionaries were supporters of federalism. The position of the Bolsheviks depended on specific circumstances and was largely determined by pragmatic tasks, including the recognition of the right to create independent states by the peoples.

Ключевые слова: программы политических партий, идеология, самоопределение наций, единство государства, федерация, социализм.

Keywords: programs of political parties, ideology, self-determination of nations, unity of the state, federation, socialism.

Идея самоопределения получила широкое развитие в Европе с последней четверти XIX в. и вошла в программные положения ряда социалистических и либеральных партий. В 1896 г. право наций на самоопределение признал лондонский конгресс II Интернационала. Можно говорить о внешнем и внутреннем самоопределении.

В России указанного периода, прежде всего, после Манифеста 17

октября 1905 г., возникли и функционировали как общеимперские, так и региональные (национальные) политические партии различной идеологической и тактической направленности: социалистической, либеральной, консервативной. В их программных документах, в работах и речах теоретиков партий национальная проблема занимала важное место. Она для полиэтнических поликонфессиональных государственно-организованных обществ была и остается одной из актуальных, как в теоретическом, так и в политическом отношениях. Целью данной статьи является возможность учета политико-правового наследия российских социал-демократов и социалистов-революционеров в решении непростого вопроса. Его сложность заключается в том, что в многонациональном государственно организованном обществе трудно разрешимыми были и остаются принципы территориальной целостности, самоопределения народов и прав человека и гражданина. Ведь и в постсоветской Российской Федерации одним из ее принципов государственного устройства остается, наряду с территориальным, и национально-территориальный подход, необходимый для достижения равновесия между различными политическими и национальными силами.

В России рассматриваемого времени национальный вопрос был в числе главных причин и факторов, когда страна пережила три революции, гражданскую войну, что в итоге привело к радикальной смене социально-политического режимов в стране, выразившийся в падении унитарных Российской империи и Временного правительства и становлению нового типа государства СССР.

Из программ политических партий по национальному вопросу, содержащих принцип самоопределения народов самой радикальной была программа РСДРП (п.9), принятая на втором съезде партии в 1903 г. в ходе острых дискуссий [1, с. 63; 8, с. 48]. Большевистское течение в партии доводило решение данного принципа до внешнего самоопределения, т.е. создания независимого государства, правда с рядом оговорок. У них в теории национальных отношений особое место, наряду с равноправием и самоопределением наций, составляющих сущность политической демократической программы, внимание акцентировалось и на принципе права на свободное политическое отделение через усиление классовой борьбы и её завершения социалистической революцией, а не реформистским путем [4,с.252-255]. Более того, подчеркивалось, что чем развитее капитализм, особенно эпохи империализма, тем больше шансов у зависимых наций на самоопределение, Однако отмечалось, что

окончательно и прочно этот вопрос решится при социализме. Социализм предоставит неразвитым нациям бескорыстную культурную помощь через право на свободу отделения и экономическую привлекательность, разнообразие политических форм, свободу выхода из государства, опыт государственного строительства вплоть до отмирания государства как института – все это будет залогом ускорения процесса сближения и слияния наций[3, с.35,37]. В общетеоретическом отношении понятие самоопределения наций у В. Ленина базируется на историко-экономическом изучении национальных движений, которые в эпоху победы капитализма над феодализмом стремились к созданию национальных государств, максимально способствовавших развитию капитализма[5, с. 259]. Т.е. это время пробуждения национальных движений оценивается со знаком плюс. А период развитого капиталистического государства, с конституционным строем, с сильно развитым антагонизмом пролетариата и буржуазии оценивается как эпоха кануна краха капитализма. Вывод сводился к тому, что марксистская программа должна учитывать общеисторические и конкретно-государственные условия. Конкретные особенности национального вопроса в России начала XX в. были таковы, что программа партии исходила из буржуазно-демократического характера национальных движений, которые начались в Восточной Европе, в том числе в России, и в Азии с 1905 г. В то время как в Западной, континентальной Европе эта эпоха завершилась в начале 1870-х гг. [5, с. 267, 269]. Главным в национальном вопросе идеолог РСДРП(б) считал право наций на свое национальное государство и в этом видел отстаивание интересов демократии и равноправного союза пролетариев разных наций[5, с. 277]. Он не видел в принципе самоопределения наций поощрение сепаратизма и нарушение единства государства и исходил из преимущества крупного государства, в котором заинтересовано само население с учетом сложившихся территориальных и хозяйственных связей. Народы, по его мнению, пойдут на отделение, в крайнем случае, когда национальные противоречия делают пребывание в одном государстве невозможным [5, с. 286–287]. Иной была программа по национальному вопросу у меньшевиков, прежде всего против принципа самоопределения выступили меньшевики-ликвидаторы, бундовцы, лидеры некоторых украинских партий, противопоставив ему положение о культурно-национальной автономии. Пыталась обосновать отказ от самоопределения в 1908 г. и Р. Люксембург в статье «Национальный вопрос и автономия». Она исходила из того, что в

эпоху империализма невозможно освобождение малых народов, поскольку они экономически несамостоятельны. Следующая серьезная дискуссия имела место в 1913–1914 гг. в связи, с одной стороны, подъемом национально-освободительных движений, а также усилением великодержавного шовинизма и местного национализма, а с другой – кануном и временем Первой мировой войны, когда вопрос приобрел практическую остроту. Политическая власть стран, входящих в противостоящие военные блоки пытались использовать идею в своих интересах. В ответ были написаны ряд работ В.И. Лениным, И.В. Сталиным, С.Г. Шаумяном в контексте усиления противоречий между крупными государствами и их агрессивной внешней политикой. В теории национальных отношений особое место, наряду с равноправием и самоопределением наций, составляющих сущность политической демократической программы, внимание акцентировалось на принципе права на свободное политическое отделение через усиление классовой борьбы и её доведения до социалистической революции, а не реформистским путем [4, с. 252–255]. Более того, подчеркивалось, что чем развитее капитализм, особенно эпохи империализма, тем больше шансов у зависимых наций на самоопределение, Однако отмечалось, что окончательно и прочно этот вопрос решится при социализме. Социализм предоставит неразвитым нациям бескорыстную культурную помощь через право на свободу отделения и экономическую привлекательность, разнообразие политических форм, свободу выхода из государства, опыт государственного строительства вплоть до отмирания государства как института – все это будет залогом ускорения процесса сближения и слияния наций[3, с. 35, 37].

Высказываясь по вопросу о соотношении принципов самоопределения и федерации, В.И. Ленин отмечал, что для большевиков самоопределение тождественно отделению отдельной нации путем волеизъявления на референдуме. Но при этом подчеркивал, что этот принцип вовсе не означает требования уничтожения единства, дробления и создания маленьких государств, а является проявлением борьбы против любого национального гнета. Чем демократичнее государственный режим, признающий право на отделение наций, тем меньше будет попыток к отделению на практике, поскольку выгоды крупных государств для населения очевидны. Наряду с этим он замечал, что принципы самоопределения и федерации не синонимичны [6, с. 255–256]. В целом марксизм относился негативно к федерации и децентрализации, поскольку для

развития капитализма требуются более крупные и централизованные государства, которые представляют громадный шаг вперед от средневековой раздробленности к будущему социалистическому единству мира. Однако речь идет исключительно о демократическом централизме, который не исключает местного самоуправления и автономии областей, отличающихся особыми хозяйственными и бытовыми условиями, особенным национальным составом [6, с. 143–145].

В сущности, аналогичные идеи содержались в программной статье по национальному вопросу И.В. Сталина, опубликованной в январе 1913 г. [10, с. 290–367]. Вплоть до 1922 г. между В.И. Лениным и И.В. Сталиным серьезных разногласий по национальному вопросу не было.

С.Г. Шаумян, являвшийся одним из известных лидеров кавказских большевиков, исходил из того, что крупные многонациональные государства представляют собой итог капиталистического развития. Но именно в таких государствах имеются более всего национальные противоречия, а поэтому в них он оставался острой проблемой государственного права [11, с. 138, 141–143, 147, 151]. Для него не были приемлемыми следующие националистические теории государственного права. 1. Базировалась на принципе о том, что каждое государство должно быть нацией, что влекло за собой насильственную ассимиляцию. 2. Каждая нация должна быть государством, т.е. направленная на упразднение полинациональных государств (сепаратисты и федералисты) [11, с. 148–149]. С. Шаумян считал, что предпочтительнее сохранение единого многонационального государства, но в зависимости от реальной ситуации возможно признание за отдельными нациями прав на отделение или установление федеративных отношений. Эти принципы, по его мнению, должны быть отражены в программе партии и стать конституционной нормой, что будет гарантией от насилия к народам, выступающих за независимость [2, с. 104–105]. По мнению большевиков, вопрос о форме государственно-территориального устройства есть вопрос политической целесообразности, а не принципиальный. Основным принцип и критерий, которого они придерживались – это экономическое и культурное процветание страны, благосостояние людей.

До 1917 г. большевики отрицательно относились к федеративному устройству государства. После прихода к власти в октябре 1917 г. для большевистской партии национальный вопрос приобрел, прежде всего,

практическое значение в ходе строительства нового типа государства.

Эсеровское понимание национального вопроса было изложено еще до официального принятия своей программы. В феврале 1903 г. в статье «Национальное порабощение и революционный социализм» партия заявила, что является противницей национализма, выступают за уничтожение национальных перегородок, мешающие взаимопониманию народов. Эсеры подчеркивали, что их интернационализм не имеет ничего общего с буржуазным космополитизмом, игнорирующим все особенности национального развития. Они были противниками ассимиляции. Выход ими виделся в предоставлении права на полное и безусловное самоопределение, культурную автономию и федеративное устройство [9, с. 108–111]. А в августе 1904 г. на конгрессе в Амстердаме однозначно провозгласили принцип о праве наций на создание независимого государства.

Для уничтожения царского самодержавия следовало создать федеративный союз социально-революционных сил, который в будущем явится основой свободной федерации народов [9, с. 130], .

В конце декабря 1905 – начале января 1906 гг. на первом съезде партии указанный принцип стал программной нормой. В будущей демократической федеративной России предполагалось максимальное развитие федеративных отношений [8, с. 144]. Однако не совсем ясно, что имелось в виду внутреннее или внешнее самоопределение народов. » Эсеры, как и меньшевики [7, с. 130, 338], в отличие от большевиков, высказывались и за культурно-национальную автономию. Концепция эсеров поддерживалась и многими национальными политическими партиями.

В отличие от социалистических либеральные партии в лице самых крупных – кадетов и октябристов – не шли дальше культурно-национальной автономии.

Таким образом, при решении национальной проблемы партии исходили из следующих принципиальных положений: 1) вопрос рассматривался через призму классового подхода; 2) её окончательное решение связывалось с социализмом, а при капитализме было возможно снятие остроты проблемы, демократизировав государственный режим; 3) неприемлемостью в концепции право наций на самоопределение принципа культурно-национальной автономии для большевиков, являвшихся при определенных обстоятельствах приверженцами политического отделения и создания независимого государства; 4) эсеры являлись сторонниками федерации, большевики отдавали предпочтение централизованным государствам.

Мы исходим из того, что самоопределение народов не должно осуществляться с сепаратистских позиций в ущерб территориальной целостности и политическому единству суверенных государств.

Библиографический список

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 1. 1891–1917. Изд. восьмое. М.: Изд-во политической литературы, 1970.
2. Карапетян Л.А. К вопросу о воззрениях С.Г. Шаумяна по национальному вопросу в 1902-1914 гг. // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее./Материалы III Международной конференции г. Ростов-на-Дону, 30-31 мая 2018. Ростов-на-Дону. Изд-во ЮНЦ РАН, 2018.
3. Ленин В.И. Итоги дискуссии о самоопределении // Полн. собр. соч. Издание пятое. Т. 30. М.: Изд-во политической литературы, 1980.
4. Ленин В.И. Социалистическая революция и право наций на самоопределение//Полн. собр. соч. Издание пятое. Т. 27. М.: Изд-во политической литературы, 1980.
5. Ленин В.И. О праве наций на самоопределение // Полн. собр. соч. Издание пятое. Т. 25. Изд-во политической литературы, 1980.
6. Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу // Полн. собр. соч. Издание пятое. Т. 24. М.: Изд-во политической литературы, 1976.
7. Меньшевики. Документы и материалыю 1903-1917 гг. М.: Росспэн, 1996.
8. Программы политических партий России. Конец XIX–XX вв. М.: Росспэн, 1995.
9. Партия социалистов-революционеров. Документы и матерееалы. Т. 1. 1905–1907 гг. М.: Росспэн, 1996.
10. Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос. Сочинения. Т. 2. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1946.
11. Шаумян С.Г. Национальный вопрос и социал-демократия // С.Г. Шаумян. Избранные произведения. Т. 1. 1902–1914 гг. М.: Изд-во политической литературы, 1978.

ПЕРЕГОВОРНЫЙ ПРОЦЕСС: ТЕОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

NEGOTIATION PROCESS: RESEARCH THEORY

Ковалев А. А.

Кубанский государственный технологический университет, г. Краснодар

Kovalev A. A.

Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье рассмотрены основные теоретические концепции, объясняющие специфику и сущности переговорного процесса. Показано, что собственные подходы по ведению переговоров предлагают экономисты,

психологи, философы, социологи, хотя единого мнения в определении сущности переговорного процесса, построении единой модели их ведения, так и не сложилось. Отмечается, что недостаточно раскрытыми оказались социальные аспекты ведения переговоров: каким образом переговоры регулируют социальные отношения, как социокультурные факторы влияют на их результат.

Annotation. The article considers the main theoretical concepts that explain the specifics and essence of the negotiation process. It is shown that economists, psychologists, philosophers, sociologists offer their own approaches to negotiation, although there has not been a consensus in determining the essence of the negotiation process, building a unified model for their conduct. It is noted that the social aspects of negotiating turned out to be insufficiently disclosed: how negotiations regulate social relations, how sociocultural factors affect their result.

Ключевые слова: переговоры, переговорный процесс, социальный конфликт, социокультурные факторы, конфликт интересов, манипулятивные игры, сотрудничество.

Keywords: negotiations, negotiation process, social conflict, sociocultural factors, conflict of interest, manipulative games, cooperation.

В последние годы в научных кругах существенно возрос интерес к искусству, специфике и сущности ведения переговоров. Собственные подходы к вопросу ведения переговоров предлагают экономисты, психологи, дипломаты, философы, антропологи и конечно социологи. Несмотря на множество работ, посвященных данной проблематике, единого мнения в определении сущности переговорного процесса не сложилось.

Особое место в среде исследователей переговорного процесса занимает В. Мастенбрук. Автор сделал переговоры объектом теоретического анализа и представил собственные подходы к комплексному рассмотрению переговорного процесса:

1. Переговоры, как набор тактических приемов, предполагающих использование факторов времени, места, постановки вопросов, эмоциональности и т.д.;

2. Умение, позволяющее разрешать ряд дилемм («уступчивость/неподатливость», «покорность/доминирование», «дружелюбие/враждебность», «развертывание/уклонение», «независимость/чрезмерная зависимость»);

3. Переговоры, как процесс, организованный во времени;

4. Комплекс различных видов деятельности. Данный взгляд представляет собой переработку концепции Уолтона и Маккерси, которые выделяли дистрибутивные переговоры (предусматривают максимизацию собственной прибыли), интегративные переговоры (характеризуются разрешением проблем с учетом совместной выгоды),

внутриорганизационные переговоры и позиционное структурирование [1, с. 7–8].

Таким образом, В. Мастенбрук одним из первых систематизировал научные подходы к определению переговорного процесса и сделал попытку построения единой модели ведения переговоров. Основное внимание уделено тактикам проведения переговоров, а также практическим приемам и навыкам. Недостаточно раскрытыми оказались социальные аспекты ведения переговоров: каким образом переговоры регулируют социальные отношения, как социокультурные факторы влияют на их результат.

Отдельный интерес представляют работы Р. Фишера, У. Юри и Б. Паттона, которые дополняют исследования В. Мастенбрука. Ученые из Гарвардского университета разработали «метод принципиальных переговоров», совмещающий «мягкий» подход, основанный на тактике уступок другой стороне и «жесткий», предполагающий оказание силового воздействия на оппонента в целях достижения собственных интересов [2, с. 15]. Их концепция призывает учитывать истинные интересы обеих сторон и разрешать конфликт интересов, а не скатываться в бессмысленное и бесконечное обсуждение сложившихся позиций сторон (стандартная стратегия позиционных сделок). Причем, четкое понимание своих позиций должно лишь способствовать достижению успеха на переговорах. Следует отметить, что работы указанных ученых оказали широкое влияние на отечественных исследователей.

Концепция принципиальных переговоров Р. Фишер, У. Юри и Б. Паттон была подвергнута критике со стороны Г. Кеннеди, который назвал ее ложной дилеммой. По его мнению, некорректно ставить человека перед выбором одного из стилей ведения переговоров. Г. Кеннеди рассматривает три основных подхода к ведению переговоров: поэтапный поведенческий процесс; манипулятивная игра «по законам улицы»; принципиальный поиск рационального решения [3, с. 12]. Автор предлагает следующее определение переговоров, это процесс поиска условий для получения того, что необходимо вам, у того, кто что-либо желает от вас. Вступая в переговоры, люди намереваются согласовать между собой различные решения одной и той же проблемы. Они взаимодействуют, влияют на точки зрения друг друга, используют разные методики поведения, преодолевают взаимоисключающие кризисы и приходят к совместному решению. Завершив переговоры, стороны договариваются о способах реализации достигнутых решений.

Г. Кеннеди в своих работах затрагивает важные социальные аспекты переговорного процесса, отличая его от других видов поведения, к числу которых относятся: 1. Волевое решение. Решение принимает человек, наделенный властью (командир роты). Считается, что в особо критической ситуации предпочтительно любое волевое решение, чем его отсутствие; 2. Убеждение. Использование языка либо чистой риторики в интересах получения определенной реакции собеседника, которая соответствовала бы потребностям сторон. Может встречаться в пропаганде, политике и торговле; 3. Указание. Четко выраженное и, в отдельных случаях, рутинное решение, когда ответственный за это человек дает соответствующие указания другим лицам. Последние должны их выполнять и признавать законность, поскольку получают плату или выполняют определенные обязательства; 4. Игровой подход. Имеются ввиду ситуации бросания монеты (орел/решка), вытягивания жребия и пр.; 5. Судебный процесс. Участники вовлекаются в судебный процесс с участием третьей стороны, принимающей решение в соответствии с юридическими нормами или прецедентом; 6. Принуждение. В указанном случае более сильная участник принимает решение, которое впоследствии может быть воплощено с помощью законных средств (правоохранительных органов, армии, тюрьмы). Лидеры мафиозных группировок, террористические организации, либо неконтролируемая толпа используют незаконное принуждение [3, с. 17–19].

Обозначенные способы принятия решений, включая переговоры, не подходят для любой ситуации. Их применение зависит от конкретных обстоятельств и участвующих акторов, причем среди них не может быть универсальных, в связи с чем неразумно использовать только один способ в любых обстоятельствах. Таким образом, Г. Кеннеди подчеркивает необходимость проявления ситуационной гибкости при принятии решений.

Некоторые зарубежные исследователи считают важным отличать переговоры от других стратегий (тактик) общения – сотрудничества и борьбы. Так, по мнению В. Мастенбука [1, с. 9–11], стратегия сотрудничества уместна, когда стороны имеют схожие интересы и цели. Сотрудничество в такой ситуации предельно объяснимо и обуславливается сильной взаимной зависимостью.

Стратегия борьбы проявляется тогда, когда интересы участников жестко противопоставлены, при этом хотя бы одна из сторон убеждена в том, что борьба за собственные интересы принесет больше пользы, чем переговоры. Порой методы жесткого противостояния используются

участниками преднамеренно, чтобы продемонстрировать серьезность их позиций на переговорах. Можно отметить, что стратегия борьбы оказывает значительное влияние на баланс сил. В этом случае один из партнеров пытается использовать любую возможность для укрепления своих силовых позиций. Переговоры же занимают центральное положение между борьбой и сотрудничеством и представляют собой особое самостоятельное социальное умение. Отношения сторон переговорного процесса определяются следующими параметрами: участники представляют различные интересы; стороны в переговорах взаимозависимы; между сторонами не имеется существенных различий в силе.

Согласно В. Мастенбруку, четких границ между этими тактиками нет, и правильнее их рассматривать как единый и бесконечный процесс. Чем более выражена взаимозависимость, тем больше вероятность использования стратегии сотрудничества. С другой стороны, в случае сосредоточенности одной из сторон на собственных интересах и игнорировании аргументов второй стороны, возрастает вероятность избрания более жесткой тактики.

Д. Скотт предлагает взглянуть на проблему переговоров с точки зрения бизнеса и маркетинга. В своих трудах [4, с. 12] автор несколько сужает тему и делает акцент на психологическом аспекте разрешения конфликтов, подробно раскрывая методы и стратегии улучшения переговоров (проблемы скрытых или ложных предположений, недостатка общения, неясности, контроля собственного раздражения и страха и пр.).

В разработку проблемы переговоров внесли особый вклад и отечественные ученые А.К. Зайцев, М.М. Лебедева, А.Я. Анцупов, С.В. Баклановский, Е.М. Бабосов, А.Г. Большаков, М.Ю. Несмелова и другие.

Зайцев А.К., рассматривает переговоры в широком смысле, как обмен различными посланиями с учетом четырех основных параметров: содержание (что обсуждается); процедура (порядок обсуждения); общение (формы общения); и групповая динамика (развитие отношения сторон) [5, с. 281]. Проанализировав результаты проведенных западными социологами исследований, автор продемонстрировал, что переговоры представляют собой не просто набор технических приемов и навыков по разрешению конфликтов, а являются сложной формой человеческого взаимодействия.

Отечественные авторы Б.И. Хасан и П.А. Сергоманов, представители психологического направления анализа сущности

конфликтов и переговоров, рассматривают переговоры как модель организации конфликтов и разногласий, предполагающую прямое согласование интересов конфликтующих сторон через открытые обсуждения участниками своих разногласий [6, с. 134].

Вышеуказанные ученые считают переговоры, наиболее универсальным способом разрешения конфликта, но задают им четкие принципы без выполнения которых они не состоятся: 1) участникам необходимо иметь добрую волю к достижению соглашения; 2) каждый участник имеет собственный интерес в переговорах; 3) стороны должны иметь подготовку и навыки проведения переговоров; 4) участники должны иметь ресурс для выполнения договоренностей и совместных решений.

По мнению А.Я. Анцупова и С.В. Баклановского, являющихся авторами «системной концепции конфликтов», переговоры представляют собой специфический вид совместной деятельности и социально-психологический процесс, специфика которого состоит в том, что интересы, цели, а также позиции сторон, прежде всего в самом начале, не совпадают [7, с. 272–275].

Другой отечественный автор М.М. Лебедева [8, с. 183–187] рассматривала переговоры применительно к политической сфере жизни и делила их на переговоры, ведущиеся в условиях конфликта и в условиях сотрудничества. Вместе с тем, выделенные автором важнейшие характеристики переговорного процесса применимы и к иным сферам жизни, в том числе социальной: неоднородность переговорного процесса, состоящего из этапов, отличающихся по своим задачам и особенностям; частичное совпадение интересов сторон; взаимозависимость участников переговоров; общение сторон; наличие проблемы, которая подлежит совместному решению. Последняя характеристика определена основополагающей, так ее отсутствие исключает возможность проведения переговоров.

Таким образом, можно выделить следующие основные подходы к трактовке переговоров. В первом случае переговоры анализируются учеными как общение в широком смысле и комплекс различных видов деятельности по удовлетворению взаимных интересов сторон (Р. Фишер, У. Юри, Б. Паттон, В. Мастенбрук, Г. Кеннеди, А.К. Зайцев и пр.).

Представителями второго подхода (С.В. Баклановский, А.Я. Анцупов, Дж. Скотт, Б.И. Хасан, П.А. Сергоманов, М.М. Лебедева и др), переговоры рассматриваются как набор тактических приемов в разрешении конфликтов. Авторы, придерживаются более узкой точки

зрения, сужая сферу переговоров и ограничивая ее конкретными ситуациями, требующими разрешения.

Библиографический список

1. Мастенбрук В. Переговоры. Калуга: Калужский Институт социологии. 1993. 175 с.
2. Роджер Фишер, Уильям Юри, Брюс Паттон. Переговоры без поражения. Гарвардский метод. Пер. с англ. Татьяны Новиковой. 2-е изд М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 272 с.
3. Гэвин Кеннеди. Переговоры: Полный курс. Пер. с англ. 4-е изд. М.: Альпина Паблишер, 2016. 388 с.
4. Скотт Д.Г. Способы разрешения конфликтов. Санкт-Петербург, 1994.
5. Зайцев А.К. Социальный конфликт. Изд. 2-е. М.: Академия, 2001. 464 с.
6. Хасан Б.И., Сергоманов П.А. . Психология конфликта и переговоры. 3-е изд., М.: Издательский центр «Академия», 2007. 192 с.
7. Анцупов А.Я. , Баклановский С.В.. Конфликтология в схемах и комментариях: Учебное пособие. 2-е изд., СПб.: Питер, 2009. 304 с.
8. Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов: подходы, решения, технологии. М., 1997. 271 с.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ РОССИЙСКИХ И БЕЛОРУССКИХ СТУДЕНТОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)¹

HISTORICAL MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR OF RUSSIAN AND BELARUSIAN STUDENTS (BASED ON HISTORICAL AND SOCIOLOGICAL RESEARCH)

Крючек П. С.

Белорусский государственный технологический университет,
г. Минск, Беларусь

Ракачев Д. Н.

Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия

Сергеев В. Н.

Университет гражданской защиты МЧС Беларуси,
г. Минск, Беларусь

¹ Статья подготовлена в рамках совместного российско-белорусского проекта «Историческая культура белорусов и россиян: формирование представлений о национальном и общем прошлом», реализуемого при финансовой поддержке РФФИ № 20-59-00017/20 (российская сторона) и БРФФИ № Г20Р-227 (белорусская сторона).

Kryuchek P. S.

Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus

Rakachev D. N.

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Sergeev V. N.

*Civil Protection University of the Ministry of Emergency Situations of Belarus,
Minsk, Belarus*

Аннотация. В исторической памяти народов России и Беларуси Великая Отечественная война занимает важное и значимое место. Это отражено в учебниках, государственных программах и общественной работе по сохранению памяти о войне и др. Однако, по мере временного удаления этого героического и одновременно трагического периода в истории страны меняются интерпретации военных событий и их оценки. В данной статье представлены результаты социологического исследования проведенного в апреле-мае 2021 г. среди российских и белорусских студентов с целью выявления общих и национальных особенностей исторической памяти о Великой Отечественной войне.

Abstract: The Great Patriotic War occupies an important and significant place in the historical memory of the peoples of Russia and Belarus. This is reflected in textbooks, government programs and public work to preserve the memory of the war, etc. However, as this heroic and at the same time tragic period is temporarily removed, interpretations of military events and their assessments change in the country's history. This article presents the results of a sociological study conducted in April-May 2021 among Russian and Belarusian students in order to identify common and national characteristics of the historical memory of the Great Patriotic War.

Ключевые слова. историческая память, Великая Отечественная война, российская молодежь, белорусская молодежь, Россия, Беларусь, историческое сознание

Keywords: historical memory, the Great Patriotic War, Russian youth, Belarusian youth, Russia, Belarus, historical consciousness

Народы России и Беларуси связывает общее прошлое, которое сегодня подвергается глубокому переосмыслению. Это связано в значительной степени с обретением ими самостоятельности вследствие распада СССР. Важной задачей для новых государств стало формирование национально-государственной идентичности, где национальному прошлому отводится ведущая роль. Кроме того, формирование новой исторической картины мира помогает им выстраивать внешнеполитические связи, определять свой статус и ориентации в мировом сообществе. Вместе с тем в истории остались периоды, в отношении трактовки и оценки которых у стран на бывшем постсоветском пространстве и прежде всего у России и Беларуси сформировался определенный консенсус. К числу таких событий относится Великая Отечественная война.

Представления о войне сохраняются и воспроизводятся на разных уровнях и находят свое отражение в историческом сознании и памяти белорусов и россиян. Изучению данной темы посвящены ряд работ российских и белорусских ученых: А.И. Афанасьева, В.И. Меркушин [1], И.Л. Мерзлякова, А.А. Линченко, Э.В. Овчинникова [2], Ю.Р. Вишневого [3], В.И. Филоненко, Л.А.Штомпель, А.С. Магранов., О.М.Штомпель, М.А.Никулина, М.В. Ткачев [4], Н.А. Сосновской [5], Н.Ф. Денисовой, Н.М. Бровчук [6] и др.

В рамках проведенного нами социологического исследования были опрошены представители молодого поколения двух стран на предмет знаний о Великой Отечественной войне и отношения как собственно к событиям военной эпохи, так и к тем практикам и мероприятиям, которые связывают с войной современников. Исследование проведено среди студентов двух ведущих вузов РФ и РБ (Кубанского государственного и Белорусского государственного технологического университетов) в апреле–мае 2021 г. В исследовании наряду с когнитивно-содержательным компонентом исторической памяти (знаниями и представлениями о событиях Великой Отечественной войны) определялся также эмоционально-ценностный компонент, включающий отношение молодых людей к этому событию, его оценки и интерпретации. Сбор эмпирических данных осуществлялся методом опроса в форме онлайн-анкетирования с применением платформы Google Forms. Выборочная совокупность представлена двумя группами студенческой молодежи: российской (N=2032) и белорусской (N=233).

Несмотря на значительное временное удаление данного события – 76 лет прошло после окончания Великой Отечественной войны, она находит эмоциональный отклик у молодежи двух стран, вызывая такие чувства как волнение, сопереживание, а также сожаление о жертвах и неприятие войны в целом как явления. Чувства волнения и сопереживания возникают у 87,1% белорусов и 94,8% россиян, принявших участия в исследовании, когда они говорят о войне, смотрят фильмы и слушают музыку связанные с войной. Гордость за победу испытывают 90,2% российских и 73,8% белорусских респондентов, но еще выше процент тех, кто испытывает сожаление о жертвах войны, а также отмечает, что у них сложилось стойкое неприятие войны как явления в целом, это 93,4% российских и 94,4% белорусских респондентов. Тот факт, что с момента войны минуло уже более семи десятилетий демонстрирует некоторую эмоциональную отстраненность у части молодежи, которая отмечает, что воспринимает войну как

событие далекого прошлого и не испытывает сильных эмоций.

В представлениях российской и белорусской молодежи в числе основных причин победы – мужество и героизм народа (92,9% опрошенных в России и 84,5% в Беларуси). Также немало значимым видится молодым людям такой фактор как верное руководство военачальников и государственных деятелей. Примерно половина респондентов в Беларуси – 54,5% и 72,5% в России указали эту причину как первоочередную. Примерно такую же роль респонденты отводят ресурсной базе страны, без которой победа на их взгляд была невозможна: 36,9% опрошенных в России и 42,1% в Беларуси. Часть молодежи полагает, что значимый вклад в победу над фашизмом внесли союзники, в Беларуси это отметили 41,2% опрошенных, в России немногим более трети респондентов – 36,3%.

Вопрос о роли союзников в период Второй мировой войны сегодня находится в поле острых дискуссий. Как показало исследование часть молодых людей в России и Беларуси поддерживают мысль о том, что победа в войне является результатом совместных действий СССР и стран-союзниц, что без объединения сил победа не была бы достигнута или далась бы гораздо большими жертвами. Так считают 26,6% респондентов в Беларуси и 16,5% в РФ. Вместе с тем 68,1% опрошенных молодых людей в РФ убеждены, что Советский Союз смог бы одержать победу самостоятельно, не опираясь на помощь союзнических государств. Эту позицию разделяет половина респондентов в Беларуси (50,7%). При этом в обеих выборках достаточно велика доля молодых людей, которые не могут определиться с мнением по этому вопросу и затруднились ответить (15,5% в Беларуси и 22,7% в России). В вопросе о том, какие страны выступили союзниками СССР во Второй Мировой войне молодежь в большинстве своем (более 90% опрошенных) верно указала страны – члены антигитлеровской коалиции.

Исторические знания в современном обществе формируются посредством воздействия разнообразных акторов, ведущим среди которых является школьное историческое образование. Это определяется, в том числе и фактом временной удаленности исторических событий Великой Отечественной войны от современной молодежи и, следовательно, тем, что непосредственных участников и свидетелей тех событий остается все меньше. Ряд вопросов в анкете были сосредоточены непосредственно на выявление исторических знаний, связанных с событиями и фактами Великой Отечественной войны. В этой связи большинство вопросов этого блока носило

открытый характер, тем самым давало возможность респондентам самостоятельно формулировать ответы. Так подавляющее большинство респондентов: 74,8% опрошенных в российской выборке и 79,4% в белорусской верно назвали полную дату (день, месяц и год) начала войны. Еще 15,5% в российской выборке и 0,4% в белорусской в ответах указали только годы начала и окончания войны.

Важным компонентом исторического знания являются персоналии, люди, чьи действия и поступки оставили в след в истории, тем или иным образом повлияли на ход исторического процесса. В этой связи молодым людям был задан вопрос о том, кто занимал во время Великой Отечественной войны пост главнокомандующего вооруженными силами СССР. 78,5% респондентов в Беларуси и 83,8% в России верно назвали И.В. Сталина. Также достаточно хорошо современная студенческая молодежь знает основных военачальников Красной Армии и героев Великой Отечественной войны. В числе военачальников, руководивших военными операциями на основных фронтах во время войны, респонденты указали: Жукова, Рокоссовского, Василевского, Конева, Тимошенко, Малиновского и др.

Среди героев Великой Отечественной войны не только те, кто руководил войсками, но также и рядовые солдаты, и те, кто работал в тылу, воевал в партизанских отрядах, находясь на оккупированной территории – все они приближали победу. Молодежь помнит и знает этих героев. Среди названных имен известные всей стране: З. Космодемьянская, А. Матросов и Н. Гастелло, и локальные герои, родные и близкие респондентов.

В числе наиболее памятных событий военных лет опрошенные, прежде всего, называли битвы, сражения, которые во многом стали переломными, изменили расклад сил и определили победу над фашизмом. Это битва под Сталинградом, на Курской Дуге, под Москвой, битва за Берлин, блокада Ленинграда, оборона Кавказа, сражение под Прохоровкой и др.

Школа – важный, но не единственный источник информации, формирующий у современной молодежи знания и представления о событиях военного прошлого. Трансляция знаний о войне также возможна через непосредственное общение с живыми свидетелями, ветеранами, «детьми войны» и т.д. Кроме того, сегодня все активнее в этом процессе заявляют о себе кинематограф, СМИ, в том числе Интернет. Наблюдается активное развитие сегмента исторических компьютерных игр, где тематика Великой Отечественной и Второй мировой войны достаточно широко представлена.

По результатам исследования можно отметить, что в обеих выборках: российской и белорусской респонденты на первое место среди источников информации о войне поставили школьное историческое образование. Вторую позицию занял кинематограф. Далее респонденты отметили литературу: художественную, научную и научно-популярную. Все более значимым источником становится Интернет и компьютерные игры на военную тематику. Последний источник отметили как значимый для себя 37,1% опрошенных в РФ и 42,5% в Беларуси. Вместе с тем такой источник как рассказы родных и знакомых, обсуждение военных событий в семье оказываются далеко не самым распространенным каналом информации. Также менее значим, хотя и отмечен респондентами такой источник как посещение памятных мест и музеев. В целом можно отметить, что информационное воздействие на молодежь обеих стран в вопросах Великой Отечественной войны осуществляется сегодня как через традиционные так и через новые цифровые каналы информации.

Молодежь активно смотрит кинофильмы посвященные войне. 80,3% опрошенных в российской выборке и 68,2% в белорусской отметили, что в последнее время смотрели фильмы на военную тематику. 54,5% опрошенных в Беларуси и 57,2% в России в последнее время посещали музеи войны, памятные места, мемориалы. Активно участвует студенческая молодежь двух стран в различных акциях и мероприятиях посвященных Великой Отечественной войне (44,7% в РФ и 21,9% в РБ). Читали книги о войне 43% опрошенных в России и 38,1% в Беларуси, участвовала во встречах с ветеранами войны (38,1% в РФ и 27% в РБ).

Поскольку фильмы о войне достаточно популярны у молодежи и являются вторым по значимости каналом информации, мы спросили респондентов, какие киноленты произвели на них особое впечатление. Показательно, что современная молодежь обеих стран называет советские фильмы, такие как «А зори здесь тихие», «В бой идут одни старики». В числе современных были названы «Сталинград», «Битва за Севастополь», Т-34 и др. Кроме российских также были указаны зарубежные фильмы, посвященные событиям Второй Мировой войны.

Одним из самых масштабных мероприятий, посвященных памяти о Великой Отечественной войне выступает праздник «День Победы». Как показало исследование, молодежь достаточно активно включена в праздничные мероприятия. Наиболее распространенной формой празднования памятной даты является семейная, когда собираются члены семьи почтить память погибших и разделить радость Победы.

61,1% российских респондентов всегда таким образом отмечают памятный день и еще 25,4% иногда. В белорусской соответственно 29,6 и 32,2%.

Также одной из популярных форм празднования Дня Победы по совокупности ответов всегда и иногда лидирует просмотр праздничного парада. Смотрят его трансляцию всегда 44,8% в России и 21,5% в Беларуси, иногда соответственно 43,1 и 46,8% опрошенных.

Как отмечено выше широкий поистине всенародный масштаб в последние годы приобрели акции «Бессмертный полк» и «Беларусь помнит». Среди российских респондентов отметили, что принимают участие в них около половины опрошенных молодых людей (45,3% всегда и еще 15,4% иногда). В Беларуси 19,3% респондентов участвуют в акции всегда, 2,1% иногда. Вместе с тем, часть молодых людей выразили желание принять участие в данных мероприятиях (12,1% в России и 19,3% в Беларуси). Давая оценку этим акциям, молодежь в целом воспринимает их положительно и отмечает, что помимо общенациональной памяти это еще дает возможность больше узнать об истории своих предков, приобщиться к истории семьи.

В целом актуален и интересен вопрос о том, в какой степени современная молодежь знакома с войной на уровне микроистории, истории своей семьи, своих близких, существуют ли семейные коммеморативные практики, традиции по сохранению памяти о войне.

Показательно, что на этом уровне знания молодых людей гораздо меньше. Лишь 43,7% российских респондентов и 33,9% белорусских указали, что достаточно много знают о своих родных, которые участвовали в Великой Отечественной войне из семейных рассказов и архивов. Еще примерно третья часть опрошенных имеют фрагментарные знания об участии своих родственников в войне (33,1% в российской выборке и 32,2% в белорусской). Лишь сам факт участия без подробностей в войне своих родных могут отметить 13,35 респондентов в России и 14,6% в Беларуси. Показательно также, что часть, хотя и небольшая опрошенных молодых людей в обеих выборках ничего не знает об участии своих родных в Великой Отечественной войне (4,6% в РФ и 10,3% в РБ). Также в выборках оказались респонденты, чьи родные не принимали участие в войне (4,6% в российских опрошенных и 10,3% в белорусских).

Можно отметить, что семья как источник информации о Великой Отечественной войне выполняет свои функции весьма ограничено. Это подтверждают ответы на следующий вопрос, в котором респондентов спрашивали о том, есть ли в их семье фотографии, письма, другие

документы, связанные с войной. Лишь 35,5% опрошенных в России и 20,2% в Беларуси отметили, что в их семьях есть такие архивы. Соответственно 21,4% респондентов в российской выборке 35,2% в белорусской указали, что в их семьях не хранят документы и вещи связанные с войной.

В то же время появились и активно развиваются сегодня в условиях информационного общества Интернет-ресурсы разрабатываемые как государственными службами, так и общественными организациями, которые содержат архивные, в том числе, и персональные данные об участниках Великой Отечественной войны, их награждениях, боевом пути и др. К сожалению, как показал опрос, молодежь слабо осведомлена об этих ресурсах и пользуется ими для изучения прошлого своей семьи, для поиска данных о родных, участвовавших в войне или погибших в военное время.

Так в российской выборке 76% знают о таких ресурсах, но только 37,5% пользовались ими для получения информации о своих родственниках и членах семей. В белорусской выборке этот процент несколько меньше: знакомых с такими ресурсами – 56,7%, а пользующихся ими – 14,6%.

В России и Беларуси сегодня проводится активная работа в области сохранения памяти о Великой Отечественной войне: это и школьные учебники, общественные мероприятия, информационные ресурсы и др. В целом респонденты положительно оценивают эту работу и считают, что в государстве делается достаточно работы в области политики памяти о войне – 46,8% в российской выборке и 48,5% в белорусской. В тоже время 32,2% российских студентов и 24,5% белорусских считают, что работам в этой области можно уделить и больше внимания.

Высказали свое мнение респонденты и в отношении способов и методов сохранения памяти о войне. Это с одной стороны активное вовлечение респондентов в коммеморативные практики, участие в общественных мероприятиях, а с другой – получение молодежью широкого спектра информации о Великой Отечественной войне: просмотр кинофильмов и чтение книг о Великой Отечественной войне, встречи с ветеранами, трансляция семейных историй связанных с Великой Отечественной войной.

В заключении можно отметить, что сравнительный анализ ответов белорусских и российских студентов, с одной стороны, демонстрирует значительное сходство в знаниях, оценках и мнения о войне. При этом объективно в них присутствуют национальные особенности, в том

числе в эмоциональной оценке: в российской выборке больше присутствует героическая составляющая, в белорусской – трагическая. Кроме того, российская молодежь в большей степени знакома с ресурсами сети Интернет содержащими материалы об участниках и героях Великой Отечественной войны. Тогда как белорусские респонденты более активно вовлечены в компьютерные игры о Великой Отечественной войне, что вероятно, обусловлено, в том числе и тем фактом, что одним из лидеров среди разработчиков компьютерных игр о Второй мировой войне на мировом рынке является белорусская компания «Wargaming». Также заметны различия в степени вовлеченности российской и белорусской молодежи в комеморативные практики связанные с Великой Отечественной войной.

Библиографический список

1. Афанасьева А.И., Меркушин В.И. Великая Отечественная война в исторической памяти россиян // Социс. 2005. № 5. С. 11–19.
2. Мерзлякова И.Л., Линченко А.А., Овчинников Э.В. Об историческом сознании современной студенческой молодежи // Социологические исследования. 2014. № 12. С. 89–96.
3. «Спасибо прадеду за Победу»: Материалы IV этапа мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» (2005–2010–2015–2020 гг.) / под общ. ред. Ю.Р. Вишневого. Мин-во науки и высшего образования РФ. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2020.
4. Сосновская Н.А. Историческая память о Великой Отечественной войне: поколенческий анализ // Историческая память о Беларуси как фактор консолидации общества: материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 26-27 сентября 2019 г. / ред. кол.: Г.П. Коршунов (гл. ред.) [и др.]; НАН Беларуси, Ин-т социологии НАН Беларуси. Минск: ООО «СУГАРТ», 2019. С. 261–265.
5. Денисова Н.Ф., Бровчук Н.М. Историческая память белорусов: социологический анализ // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. 2018. Т. 63. № 1. С. 21–32.

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР И ЕГО РОЛЬ В ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

ETHNO-CONFESSIONAL FACTOR AND ITS ROLE IN HISTORY AND MODERN WORLD

Тер Даниэл (Вартан) Кукуян

Настоятель храма Свв. Саака и Месропа Армянской Апостольской Церкви,
г. Краснодар

Ter Daniel (Vartan) Kukuayan

Rector of the Church of St. Sahak and Mesrop of the Armenian Apostolic Church,
Krasnodar

Аннотация: В статье рассматривается роль этноконфессионального фактора в общественных процессах на протяжении длительного периода развития человеческого общества. Современный период характеризуется разрывом существующих социальных связей, что ведет к энтропии, индивидуализации, духовному вакууму. Делается вывод о важной и значимой роли религии в стабилизации межэтнических и межгосударственных отношений в современном обществе.

Abstract: The article discusses the role of the ethno-confessional factor in social processes over a long period of development of human society. The modern period is characterized by the rupture of existing social ties, which leads to entropy, individualization, spiritual vacuum. The conclusion is made about the important and significant role of religion in the stabilization of interethnic and interstate relations in modern society.

Ключевые слова: этноконфессиональный фактор, социальные связи, религия, общественные организации, конфессиональные объединения.

Keywords: ethno-confessional factor, social ties, religion, public organizations, confessional associations.

Начав разрабатывать курс лекций для исторического факультета КубГУ по Истории Древнего Рима, я обратил внимание на то, что на рубеже эр – конец I-го в. до Р. Х. – начало I-го в. после Р. Х., то есть во времена Боговоплощения и первых шагов христианского вероучения по планете, в Среднеземноморском мире стремительно возрастают миграционные процессы. Об этом свидетельствуют как археологические, так и нарративные источники. Таким образом, в эпоху явления миру Иисуса Христа, человечество пришло в движение, и мы наблюдаем все усиливающиеся этнокультурные перемещения и возрастающую в связи с этим напряженность в греко-римском мире. Очень похожие процессы, наметившиеся еще в 1960-е гг. во второй половине 1980-х гг. уже были заметны внимательному наблюдателю, а с 1990-х гг. приобрели нарастающее ускорение и породили

усиливающуюся напряженность в межэтнических отношениях.

Это позволило сделать предположение, что предсказанное в Священном Писании второе Пришествие Спасителя приближается. Эту гипотезу подтверждали и многочисленные предсказания Священного Писания. Так, во второй половине 1970-х гг. стремительно возрастали страхи перед возможностью ядерной катастрофы и создаваемые учеными модели мира после атомной войны казались списанными из Нового Завета (Мф.: 15-25, Мк. 13: 14-25, Лук. 21:20-26).

Сегодняшние наши реалии уже не научными моделями подтверждаются, а событиями, происходящими на наших глазах при прямом или косвенном нашем соучастии. Интересно отметить, что глобальные перемены, перед которыми стоит человечество, предсказывают не только христианские источники. Так китайское учение Даосов говорит: «Когда мужское начало Ян приходит к своему наполнению (завершению), оно переходит в женское начало Инь. Когда женское начало Инь приходит к своему наполнению (завершению), оно переходит в мужское начало Ян». И что мы видим вокруг? Стремительную социальную активизацию женщин и резкое снижение социальной активности и ответственности мужчин. Таких свершений библейских предсказаний в наше время мы находим очень много.

Приведем лишь еще один пример. В Евангелии от Матфея читаем: «И проповедано будет сие Евангелие царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придет конец». (Мф 24:14). Это же пророчество мы находим у Евангелиста Марка (Мк.13:10). Сегодня практически нет ни одного малого языка, чтобы все Евангелие или отдельные его фрагменты не были переведены на самые малые языки Света. Дотошный человек спросит: «Зачем переводить на языки совсем маленьких народов, ведь они наверняка свободно владеют тем или иным большим языком. Однако мы знаем, что чтение на другом, пусть и очень хорошо знакомом языке обогатит ум читающего, тогда как чтение на родном, тем паче малом, лишь узкому кругу людей знакомом языке наполнит радостью их сердца, а именно к сердцам нашим обращается Иисус Христос.

Мы не будем более перечислять Библейских Пророчеств, которые осуществляются на наших глазах и часто при нашем соучастии. Мы лишь еще раз подчеркнем, что во времена Пришествия Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, которые мы называем Полнотой Времен, в Средиземноморском мире происходили процессы подобные тем, что происходят сейчас, охватывая теперь уже весь, ставший таким маленьким, Земной Шар.

Остается только коротко ответить на вопрос: «С какой целью Бог попустил так много времени, более двух тысяч лет, от Боговоплощения до наших дней, чтобы явиться во второй раз»? Краткий ответ, чтобы каждый человек имел возможность познать Тайну Христианства; прежде всего Боговоплощения и Святой Троицы.

И теперь, после более чем краткого вступления обратимся к нашим дням и попробуем понять, что происходит в мире и как человеку реагировать на совершенно новые вызовы Бытия, и как гармонизировать себя и мир вокруг себя.

Даже то малое, о чем мы говорили выше, в сочетании с личным опытом каждого современного человека позволяет нам утверждать, что Человечество вступило в совершенно новую фазу своего развития. Выделим две основные, на мой взгляд, особенности Сегодняшнего Дня: 1) стремительное изменение всех событий, как социальной жизни (особенно подчеркнем все возрастающую динамику миграционных процессов), так и природных явлений в целом [1]; 2) усиливающуюся индивидуализацию человеческого общества. Люди из общественного транспорта пересаживаются в личные автомобили, из многоэтажных апартаментов переселяются в частные дома, разрываются прямые коммуникативные связи. Муж, жена, дети; все дома, но никто ни с кем не разговаривает все «сидят» каждый в своем телефоне. Такая картина уже давно стала обыденностью. Интересное наблюдение верующего христианина. Выше приведенный разрыв горизонтальных связей между людьми, прекрасная технологическая иллюстрация Таинства Причастия. Я – телефон – спутник – спутник – другой телефон – человек. Я – Бог, Бог – мой брат, мой брат – Бог, Бог – жена моего брата, жена моего брата – Бог – ее родители, но каждый в отдельности, Бог – папа, Бог – мама и они соединены в Боге. Кто знаком с Таинством Причастия меня хорошо поймет. Ибо Причастием мы братья и сестры во Христе.

С одной стороны – это реалии сегодняшнего дня, с другой, мы все еще не осознаем, что мир принципиально изменился и требует принципиально новых конструктивных решений. Стремительно индивидуализируясь, общество при этом разделяется на тех, кто направляет свои усилия, к Личностному (понимай духовному) росту, на Развитых индивидов, которые акцентируются на совершенствовании своих душевных качеств: интеллект, эмоциональную сферу и на людей, обращенных больше к потребительской стороне жизни, не стремящихся к душевному развитию. Внутри этих групп мы имеем еще множество делений.

Человек, взявший на себя ответственность руководить той или иной группой людей обязан учитывать процесс индивидуализации и стремиться в своей деятельности находить такие методы, инструменты работы, чтобы доходить до каждого отдельного человека. Необходимо усвоить, впустить в свое сердце аксиому; каждый человек – это Вселенная. Для религиозного человека – каждый человек – это Образ Божий, это ЧЕЛОВЕК!

Тем паче вступая в сферу межэтнических и межконфессиональных отношений. Этнос, конфессия – это загрюнтованный холст, пользуясь терминологией живописца, на котором возникает Образ Вселенной – Человека. Кто и как изображает этот образ – вот главные вопросы в поисках подходов к решению возникающих в современном мире межнациональных и этноконфессиональных проблем.

Когда мы ориентируемся на людей, устремленных к Личностному росту, мы должны понимать, что при всех различиях социальных статусов этих людей их объединяет сознание того, что они находятся на пути своего духовного возрастания. Это их цель и на это следует опираться. При этом христианин, понимая, что его учение находится на иерархической вершине религиозных учений, должен с особой любовью и терпением (терпения – другая грань любви) относиться к представителям других конфессий. Нужна не агитация и пропаганда в духе агиток сравнительно недалекого прошлого, за христианство, а спокойное ровное пробуждение Света Христова в душах иудеев, мусульман, буддистов и представителей иных религиозных учений. Здесь уместно на короткое время остановиться и дать то определение религии, которое единственно может стать краеугольным камнем объединения всех религиозных учений.

«РЕЛИГИЯ – ЭТО ТРАДИЦИИ, УЧЕНИЯ, ПИСАНИЯ, РИТУАЛЫ, ОБРЯДЫ, С ПОМОЩЬЮ КОТОРЫХ БОГ ГОВОРIT С ЧЕЛОВЕКОМ, А ЧЕЛОВЕК С БОГОМ» или краткая форма «РЕЛИГИЯ ЭТО ДИАЛОГ БОГА С ЧЕЛОВЕКОМ И ЧЕЛОВЕКА С БОГОМ».

Из выше приведенного определения следует, что термин «РЕЛИГИЯ» не может употребляться во множественном числе, так как это связь Бога с Человеком, а вот религиозных учений, конфессий, то есть форм, с помощью которых эта связь осуществляется, много. Они, как и все во Вселенной подчиняясь Вселенскому Закону Иерархии, располагаются по вертикали от языческих вероучений, цель и задача которых встроить человека в окружающий мир и защитить его в этом,

достаточно враждебном, окружении, до вероучений Спасения, которые устремляют Человека к Божественным Высотам.

В практической общественно-политической жизни важно несколько формализовав межконфессиональные взаимоотношения и приведя их в гармонию с этно-территориальными образованиями дать возможность им свободно проявляться. Эту идею, между прочим, уже осуществляют в администрации г. Краснодара и Краснодарского края. Когда соответствующие административные структуры проводят совещания общественных организаций и профессиональных объединений, то слово всегда предоставляется представителям РПЦ, мусульманам, Армянской Апостольской Церкви, Иудеям, представителям других конфессий. В Адыгее я бы предложил первым предоставлять слово мусульманам, затем РПЦ и далее в вышеизложенном порядке. Такой подход снимает амбициозные притязания конфессий на право «высшей инстанции» перед Богом и в основу иерархического деления ставит этно-административные особенности регионов. При этом постепенно в сознание людей будет входить христианский принцип иерархии, ясно изложенный Иисусом Христом. «...а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою» (Мф. 20:20-28; Мк. 10: 35-45; Лк. 22: 24-26). Очень важно и теоретикам и практикам, занимающимся этно-конфессиональными вопросами, как впрочем, и всеми другими стремительно вышедшими наружу задачами, усвоить то, что скорость решения возникающих вопросов находится в обратной пропорции со скоростью их возникновения. Это не должно ввергать нас в панику. Мы должны четко усвоить, что: 1) чем быстрее мы осознаем принципиальное отличие наступивших и стремительно продолжающих наступать перемен от тех парадигм, которыми мы руководствовались в познании и организации мира в предшествующие двадцать столетий и более, чем быстрее мы начнем менять наш образ жизни и образ Бытия планеты Земля, тем более мы продвинемся к спасению Человечества в новом его качестве; 2) если мы искренне с полной самоотдачей приступим к переменам в себе и в окружающем нас мире, то наши усилия зачтутся, даже если мы, к моменту Ответственности, будем в начале этих перемен; 3) идеальной целью мы должны ставить изменение всего человечества, реальные усилия должны быть направлены на изменение самого себя. При таком подходе тем, кто пройдет этот путь, превозможет Огромные Испытания – Спасение, Рождение Нового Человечества будет Великой Наградой!

Библиографический список

1. Новый завет: Синодальный перевод. Москва: Издательство Московской Патриархии. 2015. 1026 с.
2. Тоффлер Э. Шок будущего. Москва: АСТ, 2003. 558 с.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА В ПОВЫШЕНИИ КВАЛИФИКАЦИИ УЧИТЕЛЕЙ, МУНИЦИПАЛЬНЫХ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ

THEORY AND PRACTICE IN ADVANCED TRAINING OF TEACHERS, MUNICIPAL AND STATE EMPLOYEES IN COUNTERING EXTREMISM AND TERRORISM

Кумпан В. А.

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Kumpan V. A.

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация: В статье представлены теоретические и практические аспекты преподавания на курсах повышения квалификации для учителей, муниципальных и государственных гражданских служащих, с использованием положений андрогогики. Приводятся результаты организации и проведения обучения по проблематике противодействия идеологии и практики экстремизма и терроризма.

Abstract: The article presents theoretical and practical aspects of teaching advanced training courses for teachers, municipal and state civil servants, using the provisions of androgogy. The results of organizing and conducting training on the problem of countering the ideology and practice of extremism and terrorism are presented.

Ключевые слова: противодействие экстремизму и терроризму, профессионализация, национальная и конфессиональная политика, правовые и организационные основы повышения квалификации.

Keywords: countering extremism and terrorism, professionalization, national and confessional policy, legal and organizational bases of professional development.

Повышение квалификации является основной формой в системе адаптации профессионалов к условиям меняющегося мира. Новейшие теоретические положения и формирование необходимых профессиональных компетенций, требующиеся в непосредственной профессиональной деятельности задают особые требования к обучению в системе повышения квалификации.

Обучающиеся на курсах повышения квалификации обладают, в соответствии с нормативными требованиями, высоким образовательным уровнем – высшее образование, либо среднее профессиональное образование, соответствующее должностным требованиям. Значительная часть обладает опытом профессиональной деятельности. С другой стороны, неоднородность образования и стажа работы, требует учета особенностей сложности состава групп.

Само по себе повышение квалификации нормативно регламентировано по срокам прохождения слушателями обязательно каждые 3 года. При регулярном составе слушателей перед преподавателями и организаторами стоит серьезная задача постоянного обновления содержания и форм работы. По сути, каждое занятие на курсах повышения квалификации – одноразовый образовательный продукт, непременно высоко качества. Для интеграции теории и практики повышения квалификации нами был организован Научно-образовательный проект «Наука побеждать», включающий в себя дистанционную систему обучения [1]. Позитивный опыт работы со студентами, привлечения их к противодействию экстремизму и терроризму отражен в постоянно действующей системе моделирования международных процессов и мероприятий, в рамках которой постоянно проводится профильная работа, с которой знакомятся слушатели курсов повышения квалификации и в которую они включаются [2].

Мотивационное содержание курсов. Участие в повышении в курсах повышения квалификации для слушателей – свободно, при обучении на внебюджетной основе и обязательный, в случае государственного задания, либо финансирования через систему закупок. Противодействие экстремизму и терроризму являясь содержательно и нередко нормативно частью должностных обязанностей, в то же время, нередко воспринимается как нечто отдаленное, формализованное. Мотивационная составляющая при изучении рассматриваемых проблем является важной характеристикой. Основные направления – нормативное – определение требований к должностным обязанностям, логическое – рассмотрение особенностей современного мироустройства и разрушительного влияния экстремизма и терроризма, эмоциональное – демонстрация и анализ видеофрагментов террористической деятельности.

Демонстрация видеофрагментов исторического содержания, как например «Террор в стиле ретро» дает возможность на отечественном историческом материале с использованием эмоционального воздействия определить необходимость работы с противодействием

экстремистской идеологии и деятельности, формы работы, критерии успешности и неудачности национальной, социальной и конфессиональной политики.

Видеофрагменты с информацией о террористических актах в США, европейских странах важно в условиях глобализации, позволяет понять особенности, положительные и неудачные характеристики ведущих стран мира в борьбе с экстремизмом и терроризмом, в том числе на международном уровне. Мировой контекст, условия глобализации позволяют разобрать различные модели политики в отношении экстремизма и терроризма.

Важнейшее значение имеет просмотр и работа с видеофрагментами экстремистской деятельности, террористических актах в нашей стране, начале нынешнего столетия. Сильный эмоциональный эффект достигается при просмотре за счет типологической близости событий, о которых идет речь и непосредственного понимания социального пространства, «узнавания» помещений и организации антитеррористической деятельности. Доступность видеофрагментов о террористических актах в Беслане, Крыму и Казани позволяет детально проанализировать их ход, проанализировать их ход, меры по противодействию и смоделировать возможные действия с привлечением информации о непосредственной деятельности слушателей, здесь мотивационная деятельность смыкается с практической деятельностью.

Теоретическое содержание курсов. Практическая деятельность имеет большое значение, оказывает большое влияние на преподавание, в некоторых случаях слушатели с недовольством отзываются об «излишнем теоретизировании» с чем, безусловно следует согласиться. Теория и практика должны присутствовать, безусловно, в разумном сочетании и балансе. Использование исключительно практики, особенно преподавателя превращает обучение в биографию выступающего, формирует знания, причем, недостаточные о конкретной ситуации и использоваться могут только при совпадении множества факторов. Содержание теоретических знаний должно четко соотноситься с тематикой обучения и иметь выход на практическую деятельность, «как эта схема будет работать в конкретных условиях».

Нормативно-правовое содержание курсов играет большое значение, с точки зрения работы с системой законодательства по изучаемой проблематике (для молодых учителей и специалистов органов власти) и работы с новеллами нормативных актов (для опытных слушателей). На этом этапе работы очень полезным является

привлечение опыта слушателей, они непосредственно работают с документами, очень четко и качественно характеризуют сферу право применения, часто участвовали в разработке нормативных актов и обосновании их необходимости.

Системообразующими являются документы федерального уровня и регионального уровня, обязательно следует рассматривать документы муниципального уровня, и возможно, корпоративного уровня. Обязательным является обращение и обработка списка организаций, запрещенных в России [3]. Особое внимание обращается на объединение этих организаций в группы по разным основаниям: территориальному, идеологическому, организационному. Устанавливается форма упоминания, в тексте, определенная нормативно. Обязательно проводится поиск этих организаций в составе ключевых слов для проведения мониторинга на уровне работы слушателей (конкретной организации, муниципального образования, региона).

Важным компонентом является обращение, и работа со списком экстремистских материалов на сайте Министерство юстиции Российской Федерации [4]. Здесь большой объем материалов представляет особую сложность, решить которую помогает система поиска. Слушатели самостоятельно производят поиск и характеристику материалов по ключевым словам: название региона, название муниципального образования, организации связывая это с ежедневным составлением мониторинга. Дополнительно проводится поиск материалов по тегам: «лозунг», «аудиозапись», «видеозапись», названиям запрещенных в России организаций.

Организационно-методическое содержание курсов. В ходе курсов повышения квалификации слушатели, как правило ориентированы на решение непосредственных задач, связанных со своей профессиональной деятельностью. Высокий образовательный уровень и профессиональные качества позволяют преподавателю использовать большой объем сложной теоретической информации, но это снижает мотивацию слушателей, они переключаются на свои рабочие задачи через социальные сети, с помощью информационных технологий, смартфонов. Организационно и нормативно необходимо организовывать практические занятия, только невозможно дать задание заранее. Весь образовательный процесс должен организовываться в соответствии с требованиями к классической театральной постановке «единство места, времени и действия». Есть несколько решений данной задачи – подготовка раздаточных материалов, использование QR-кодов

и ссылок для перехода по ним на соответствующие страницы в сети интернет, организация индивидуальной и групповой деятельности, с предоставлением результатов, деловые игры, имитирующие реальные рабочие ситуации.

Практическое содержание курсов. Самой существенной проблемой является то, что в личном социальном опыте преподавателя, как правило отсутствуют необходимые слушателям ситуации и ответы на возникающие вопросы. Выход в данной ситуации видится в использовании теоретических положений, в применении к конкретным ситуациям, возможно непосредственное составление кейсов по возникающим вопросам. Наиболее сложной является ситуация, когда в обучении принимают участие государственные муниципальные служащие, выступающие в своей работе как участники нормотворчества, либо повышение квалификации связано со специфическими темами, носящими характер ДСП, либо ведомственными программами. Выходом, в данной ситуации является организация групповой работы. Работы в парах по взаимообучению слушателей.

Учитывая особенности, обучающихся по программам повышения квалификации учителей, государственных и муниципальных служащих по противодействию экстремизму и терроризму мы можем обобщить основные подходы успешного обучения, в соответствии с принципами андрогогики. Мотивация реализуется с использованием видеофрагментов о реальной деятельности экстремистских и террористических организаций. В образовательном процессе используется новейшая литература, нормативно-правовые новеллы, материал подается в визуальном формате (презентации, видеофрагменты), используется в формате обсуждения практика слушателей, на основе которой формулируются практические кейсы, разрешение которых включает в себя теоретический и нормативно-правовой материал. Организационно высокую эффективность и вовлеченность показывают деловые игры, моделирование рабочего процесса. В целом использование системно-деятельностного подхода для формирования и развития профессиональных компетенций через систему знаний, умений, навыков показывает высокую удовлетворённость слушателей и результативность повышения квалификации в сфере противодействия экстремизму и терроризму.

Библиографический список

1. Научно-образовательный проект «Наука побеждать» <https://sciencewin.ru>.
2. НОП «Наука побеждать» в дипломатии <https://vk.com/kubanmodel>.

3. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством российской федерации террористическими <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>; Перечень общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/>.

4. Экстремистские материалы <https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/>.

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНОГО РЕГИОНА В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

RELIGIOUS IDENTITY OF A POLYCONFESSIONAL REGION IN THE CONTEXT OF IDENTITY POLICY

Ляушева С. А.

Адыгейский государственный университет, г. Майкоп

Lyausheva S. A.

Adyge State University, Maykop, Russia

Аннотация. В статье анализируется проблемное поле, связанное с осмыслением религиозной идентичности в условиях глобализации и регионализации, в ситуации изменения этнической идентичности под воздействием активных миграционных процессов. Дана характеристика индивидуальной и групповой типов религиозной идентичности. Приведены некоторые данные анкетных опросов студентов-мусульман Республики Адыгея по вопросам религиозной идентичности.

Abstract. The article analyzes the problematic field associated with the understanding of religious identity in the context of globalization and regionalization, in a situation of changing regional identity under the influence of active migration processes. The characteristic of individual and group types of religious identity is given. Some data of questionnaire surveys of Muslim students of the Southern Federal District on issues of religious identity are given.

Ключевые слова: глобализация, этнос, религиозная идентичность, этническая идентичность, политика идентичности.

Keywords: globalization, ethnos, religious identity, ethnic identity, identity policy.

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках государственного задания на НИР Адыгейского государственного университета по проекту № FENZ-2022-0001 «Региональная политика идентичности в условиях современных геополитических и социокультурных вызовов (на примере Республики Адыгея и Краснодарского края)».

В течение ряда лет коллектив ученых Адыгейского государственного университета в социально-философском плане занимается вопросами идентичности, рассматривая ее как многоуровневое и сложноструктурное явление [1]. При этом анализируются различные типы идентичностей, их взаимосвязи и взаимообусловленности.

Субъектная типология религиозной идентичности позволяет говорить как об индивидуальном, так и о коллективном ее типах.

Индивидуальная религиозная идентичность – результат процесса социализации личности, когда человек, с одной стороны, включается в систему определенных конфессиональных отношений, а с другой – воспринимает и усваивает религиозные идеи, ценности и нормы через призму личностных особенностей индивида.

Мерилом уровня социализации личности в этом аспекте выступает религиозный опыт, который конкретизируется в таком понятии, как религиозная идентичность. Последняя, в свою очередь, может преобразовываться существенно или даже радикально под воздействием новых переживаний и иного опыта.

Когда речь идет о коллективном типе идентичности, в центре внимания находится группа. Очевидно, что коллективная религиозная идентичность складывается тогда, когда происходит противопоставление или сравнение с другими конфессиональными группами, поиск и выделение специфических групповых черт, в результате чего создается характерная для этого коллектива (сообщества) религиозная картина мира.

Про соотношении индивидуальных или групповых религиозных представлений с той или иной религиозной парадигмой, доминирующей в культуре, формируется определенная религиозная традиция, которая обладает большей устойчивостью и консервативностью.

В мультикультурной / поликультурной среде можно наблюдать множественную религиозную идентичность. При этом она включена в структуру многоуровневой идентичности таким образом, что возникает вопрос о взаимодополнении и/или солидарности как с этнической, так и региональной идентичностями. Так, история распространения у адыгов христианства, а затем и ислама, позволяет говорить о феномене двоеверия, если не на уровне религиозного сознания, то на уровне обрядово-культурной практики определено. Различные конфессиональные идентичности совмещаются непротиворечиво, но вероятно и возможно возникновение сложных духовных конфликтов,

которые имеют длительную историю. При этом она включена в структуру многоуровневой идентичности таким образом, что возникает вопрос о взаимодополнении и/или солидарности как с этнической, так и региональной идентичностями.

В основу типологии религиозной идентичности может быть положена степень выраженности и интенсивности религиозно-мировоззренческой определенности: от низкой и слабовыраженной до нетерпимой, фанатичной и радикальной.

В этой связи всегда актуальной и интересной является проблема соотношения разных видов и уровней идентичности – этнической, религиозной, гражданской, национальной, региональной, гендерной, возрастной и т.д. В разные периоды развития личности или группы, в разных культурно-исторических условиях, в рамках той или иной доминирующей политической доктрины либо под воздействием определенных жизненных ситуаций религиозная идентичность актуализируется, при этом другие уровни идентичности подавляются или подчиняются. Так происходит в периоды религиозного ривайвализма, усиленного распространения фундаментальных и радикальных религиозно-политических движений и т.п. Может происходить и обратное: религиозная идентичность снижается до минимума и подчиняется, к примеру национальной идентичности (к примеру, в эпоху господства в Советском Союзе атеистической идеологии и попытки сформировать единый советский народ).

Таким образом, в мире, где сегодня торжествуют глобализационные идеи, интенсифицируются новые явления и процессы, ситуация с определением религиозной идентичности существенно меняется. Ею руководят разнонаправленные тенденции: во-первых, определение национальной и религиозной идентичности на современном этапе осложняется влиянием глобализации не только на экономическую сферу, но и на культуру, политику и т.д.; во-вторых, несмотря на это, этнорелигиозное сознание имеют усиливающуюся тенденцию к росту в различных формах.

Религиозная идентичность – это концентрированное выражение мировоззрения. Современный многополярный мир нуждается в новой духовной модели, которая оказалась бы плодотворной, выступила бы в качестве конструктивного ответа на вызовы глобализации и обогатила бы поликультурное и поликонфессиональное пространство.

Одним из вызовов глобализации сегодня является миграция. Миграционные потоки, захлестнувшие мир, грозят существенным образом изменить социокультурную ситуацию в странах с

традиционным культурным, социально-политическим устройством, повлиять на существующие социальные институты и т.п.

Адыгская молодежь в той или иной степени вовлекается в исламские проекты, периодически выстраиваемые на Северном Кавказе и в России в целом.

Приведем данные анкетных опросов респондентов, идентифицирующих себя с исламом, проводившихся в 2018–2019 гг. в рамках выполнения гранта Президента РФ для поддержки ведущих научных школ «Ислам в региональном социокультурном пространстве России: диагностика состояния и трансформаций (на примере Республики Адыгея)». Выборочная совокупность составила N=379, в которую была включена часть населения, исповедующая ислам или причисляемая в силу этнического происхождения к мусульманам.

Интересно было получить ответы на вопрос «Кем вы себя больше чувствуете – мусульманином, представителем своего народа или россиянином?», поскольку они давали возможность проследить, как соотносят респонденты этническую, религиозную и национальную идентичность (рис. 1).

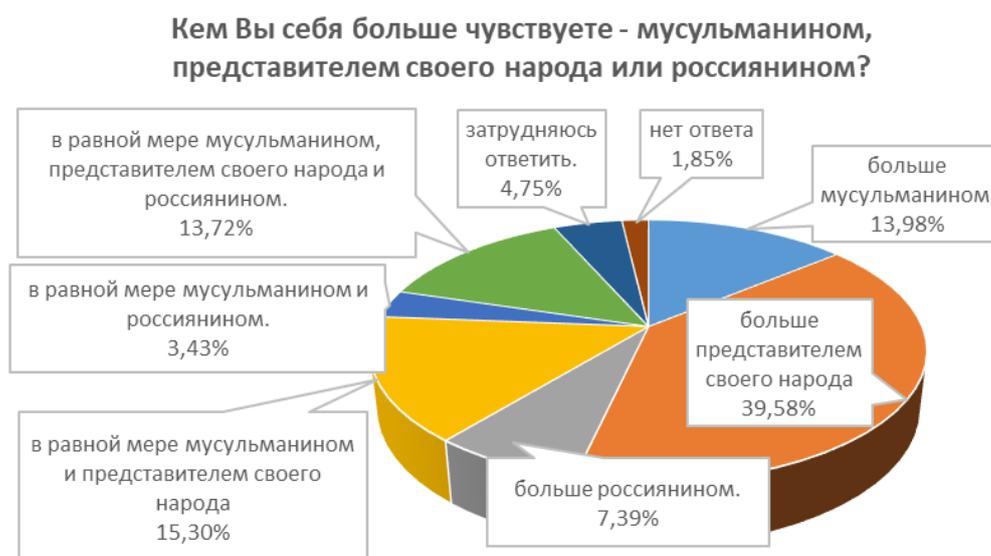

Рисунок 1 – Распределение ответов респондентов, %

Как видно из рисунка 1, религиозная идентичность уступает этнической (13,98% и 39,58% соответственно). При этом солидаризируют религиозную и этническую идентичность 15,3%, а религиозную, этническую и национальную – 13,72%. В равной мере мусульманином и россиянином считают себя незначительная часть – 3,43% респондентов [2, с. 42].

Еще один вопрос, который дает возможность рассуждать о взаимодополняемости и солидарности этнической и религиозной, а

также национальной идентичностях, лежит в плоскости аксиологии - «Если говорить о ценностях, то какое из следующих мнений ближе к Вашему?» (рис. 2).

Подавляющее большинство респондентов (52,24%) отметило, что общество необходимо строить на общечеловеческих ценностях, независимо от национальности и религии. 27,7% опрошенных выбрали позицию «Мой народ должен строить общество, основанное на наших религиозных ценностях и традициях», остальные затруднились ответить (14,51%) либо не ответили вовсе (5,54%), что говорит о несформированности позиции по этому вопросу практически у пятой части опрошенных [2, с. 63]. Как бы то ни было, ответ на данный вопрос демонстрирует понимание большинством приоритетности национальной идентичности, что, как следствие, ведет к выводу о возможной солидарности не только этнической и религиозной идентичностях, но и, в дополнение к ним, о национальной.

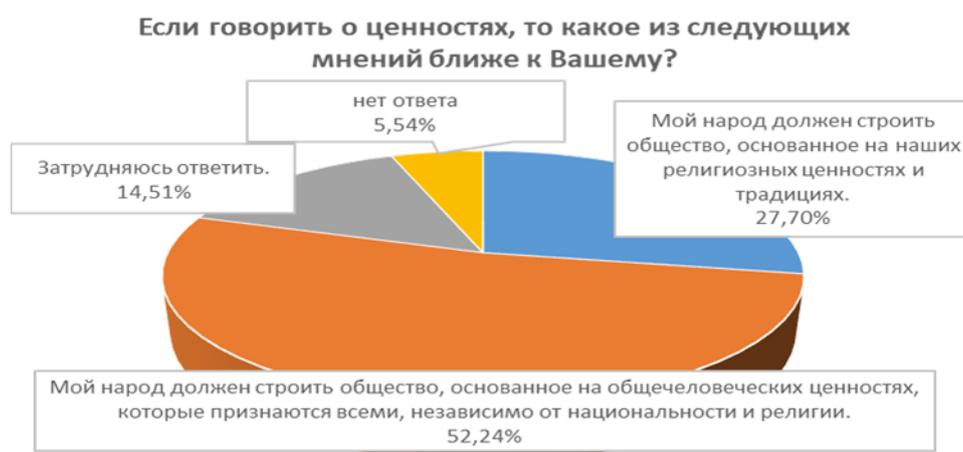

Рисунок 2 – Распределение ответов респондентов, %

Таким образом, можно сделать вывод о том, что правомерно ввести в научный дискурс вопрос о взаимодополняемости и солидарности не только этнической и религиозной идентичностях, но и о возможном позитивном взаимодействии этих видов идентичности с национальной.

Библиографический список

1. Российская идентичность на Северном Кавказе / З. Жаде, Е. Куква, С. Ляшева, А. Шадже; под общ. ред. А.Ю. Шадже. М.: Социально-гуманитарные знания; Майкоп: ООО «Качество», 2010. 248 с.
2. Аналитический отчет «Ислам в религиозном пространстве России: диагностика состояния и трансформаций (на примере Республики Адыгея)»; под общ. ред. проф. С.А. Ляшевой. Майкоп: Изд-во АГУ, 2019. 162 с.

ЦЕЛЕВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КОНЦЕПЦИИ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

TARGETED TRANSFORMATIONS OF THE CONCEPT OF MULTICULTURAL EDUCATION IN THE CONTEXT OF ETHNOSOCIAL PROCESSES

Мажаренко С. В.

Ставропольский государственный педагогический институт, г. Ставрополь

Mazharenko S. V.

Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol, Russia

Аннотация: в статье обозначены тенденции развития современной действительности, детерминирующие императивный характер поликультурного образования как стратегии сохранения целостности и самобытности российского государства. Рассматриваются изменения целевых приоритетов поликультурной концепции образования в разные периоды развития российского общества.

Abstract: the article outlines the trends in the development of modern reality that determine the imperative nature of multicultural education as a strategy for preserving the integrity and identity of the Russian state. Changes in the target priorities of the multicultural concept of education in different periods of the development of Russian society are considered.

Ключевые слова: глобализация, культурная идентификация, миграционные потоки, этнокультурное разнообразие, межэтническая напряженность, традиционная культура, поликультурное образование.

Keywords: globalization, cultural identification, migration flows, ethno-cultural diversity, interethnic tension, traditional culture, multicultural education

Жизнь современного общества происходит в постоянном диалоге культур с непрерывным усилением роли межкультурных контактов. Процессы глобализации, с нарастающей силой преобразующие облик современности, принимают разновекторную направленность. С одной стороны, общество становится все более открытым и целостным: интернационализация всех сфер жизни общества, сопровождаемая созданием наднациональных экономических систем, расширением коммуникационных возможностей, интенсивными демографическими сдвигами, способствует сближению стран и народов, усилению контактов между людьми. Образование единого планетарного пространства обуславливает вхождение в него субъектов с гетерогенной культурой, историей, традициями.

Вместе с тем, исходящие от глобализации унификационные

импульсы, хотя и несут в себе некую угрозу утраты культурного своеобразия, в то же время, наглядно демонстрируют процесс этнического обособления, национальной идентификации. Процесс идентификации воспринимается как естественный механизм психологической защиты, который невозможно полностью унифицировать в цивилизационном потоке. Для людей всегда крайне важными остаются ответы на вопросы: «Кто я?», «Кто мы?». Проявляясь в своей крайней форме, процессы роста самосознания этносов и поиска этнической идентичности, сопровождаются усилением явлений межэтнической нетерпимости и конфликтности, значительно дестабилизирующих обстановку во все более едином жизненном пространстве.

Подобная логика социокультурного развития никак не снижает, а, напротив, все более настойчиво ставит проблему осмысления целостности и конвергентности мира в сочетании с признанием культурных различий, их права на сосуществование. Происходит поворот к новому типу взаимоотношений – диалогу культур, нахождению гармоничного баланса между ними. «В повестку дня поставлена проблема формирования многополярного мироустройства, базирующегося на том, что «единый мир» не может быть миром однообразным...» [1, с. 431].

Вместе с тем, развитие современного общества несет в себе массу угроз и рисков, обнажая новые грани уже существующих проблем. Глобальные трансформации современного миропорядка остро актуализируют проблему культурной безопасности, заключающей в себе способность личности и общества сохранять свою идентичность.

В условиях новой реальности человек погружен в бездну хаоса и неопределенности с нарушением динамического баланса между технологическим и нравственным потенциалом жизни, стиранием роли «межпоколенных» связей, размытостью культурных ценностей и т.д. Именно традиционная культура должна противостоять подобным и другим глобализационным угрозам, и, в первую очередь, сохранению национальной и личностной идентичности.

Культура становится ключевым фактором развития на современном этапе, поскольку обладает потенциалом, который по долговременности и значимости преобладает над потенциалом других факторов [1, с.11]. Она становится тем созидательным, скрепляющим инструментом, который не позволит раствориться в современном цивилизационном пространстве с позиции сохранения целостности и самобытности российского общества.

Данная ситуация детерминирует выделение проблем поликультурного образования в ранг приоритетного вектора образовательной политики. Поликультурное образование стратегически и тактически опирается на потенциал культуры, сохранение и воспроизводство истинных ценностей в ценностно искаженном обществе.

Система образования с включением поликультурного компонента призвана решить проблему поиска адекватного инструментария смягчения имеющихся в обществе противоречий и рисков, преодоления кризиса социокультурного бытия человека.

Проблемы поликультурного образования в отечественной науке широко рассматриваются с начала 90-х гг. XX века. Вопросами содержательной и технологической реализации поликультурного образования в нашей стране в разное время занимались Е.В. Бондаревская, С.К. Бондырева, З.Т. Гасанов, Г.Ж. Даутова, Г.Д. Дмитриев, А.Н. Джурицкий, В.С. Зайцев, Г.В. Палаткина, Л.Л. Супрунова, О.В. Хухлаева, В.К. Шаповалов и др.

Анализ развития концепции поликультурности в российском образовании во временном контексте позволяет установить появление новых аспектов понимания данного направления образовательной политики.

Первоначально в России поликультурное образование было направлено на решение проблемы развития самобытных культур разных народов при упрочении общероссийской идентичности каждого из их представителей. Основные задачи образовательной работы постсоветского времени в поликультурном контексте заключались в приобщении учащихся к собственной этнической культуре; расширении представлений о культурах иных этнических общностей и ее представителях; осмыслении общего, особенного и единичного в традициях, образе жизни, культурных ценностях народов; воспитании взаимного уважения к этнокультурному разнообразию; формировании готовности и умения жить в полиэтнической среде.

Основной тренд образования того периода – воспитание культуры межнационального общения, в основе которого лежит парадигма единства и многообразия объективного мира, необходимости научения не просто жить вместе, а жить вместе, не утрачивая идентичности. Образование понималось как единый процесс воспитания и обучения в интересах личности, общества и государства, способствовало укреплению семантики понятия поликультурного образования в смысле «образование посредством приобщения к многокультурности».

В данном понимании поликультурность является основным механизмом формирования у молодого поколения гуманной модели отношения к инаковости, подготовки к жизни в условиях многоукладной, динамичной среды.

Совершенно очевидно, что с изменением объективной реальности происходит непрерывная трансформация понятия поликультурного образования, дополнение его новыми аспектами и смыслами. Специфической особенностью российского общества является сам факт поликультурности на фоне усиления миграционных потоков, которые делают даже некогда моноэтнические субъекты РФ многонациональными. Главной задачей в этой ситуации является перевод системы образования из состояния фактической поликультурности в поликультурность функциональную.

Обострение глобализационных изменений в аспекте повышения поликультурной представленности российских регионов определило усиление некоторых аспектов концепции поликультурного образования, которые условно обозначили следующий этап развития поликультурности в российском образовании.

Развитие данного этапа ознаменовалось принятием Федеральной целевой программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001-2005 гг.)». В данный период понятие поликультурного образования приобретает выраженный социокультурный контекст, его стали связывать с понятием региональной идентичности, толерантности и гуманизации отношений между людьми не только в границах этнических, но и других социокультурных групп, составляющих общество и определяющих разнообразную культурную идентичность человека (политическую, гендерную, конфессиональную и др.).

Новая плоскость поликультурного образования в эпоху тотальной глобализации и цифровизации мироустройства связывается с усилением тенденции роли личностного фактора в цивилизационном развитии. Поликультурное образование определяется как полиличностное культурное образование, которое исходит из того, что «за каждой отдельной личностью стали видеть отдельную уникальную культуру» [2].

В данном случае понимание поликультурного образования рассматривается как процесс формирования многослойной российской идентичности человека, включающей разные уровни идентичности: личностную, групповую, общегражданскую на основе формирования целостного поликультурного образовательного пространства России.

Переосмысление образования в поликультурном аспекте созвучно принятой «Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года», в которой изложены актуальные ориентиры в области различных аспектов воспитания детей на основе приобщения к культурному наследию.

Основной целью поликультурного образования на современном этапе является обеспечение личностного развития субъекта образования на основе формирования его этнокультурной, региональной, религиозной, общегражданской и других идентичностей, независимо от принадлежности к большинству или меньшинствам.

В.С. Зайцев справедливо отмечает, что на сегодняшний день в России, хотя и принята концепция поликультурного образования, работает она неэффективно [2]. Разделяя мнение автора по ряду выдвинутых аргументов, добавим, что образование, чтобы быть адекватным и жизнеспособным, должно учитывать особенности тех изменений, которые в настоящее время являются определяющими в общественном развитии.

Все более значимым фактором на фоне процессов глобализации становится способность индивидов к межкультурному взаимодействию. Отсюда, главной задачей современной концепции образования в аспекте поликультурности является необходимость научить выходить за рамки ограниченного культурного опыта, обмениваться ценностями и смыслами культуры в ходе межкультурной коммуникации.

Другим важным аспектом современного понимания поликультурного образования становится подготовка человека к личностной самореализации в динамичных социальных условиях информационной культуры через формирование способности к саморазвитию и творческому преобразованию разнородной информации, формирование мышления, освобожденного от штампов и шаблонов.

Учитывая все выказанное, поликультурное образование в современном контексте может рассматриваться как образование, которое опирается на разные культурные традиции в их динамическом единстве и направлено на формирование у субъектов образования адекватных образов культуры и самих себя на основе их творческого межкультурного взаимообогащения.

Таким образом, поликультурное образование является адекватным ответом общества на явление усиления глобализационных процессов и роста миграции, стремление к сохранению социально-

культурной идентичности, развитие адаптационных возможностей человека в современной многоликой и динамичной среде. Согласившись с мнением В.С. Зайцева, отметим, что за концепцией поликультурного образования стоит будущее нашей страны, потому что она противостоит негативным аспектам глобализации и выдвигает на передний план необходимость разработки модели конструктивного развития общества на принципах диалога и стабильности [2].

В целом можно сказать, что развитие идеи поликультурности в российском образовании имеет некую закономерность, которая представляет собой генерирование определенной культурной модели, соответствующей определенному этапу цивилизационного развития, вместе с тем, вбирающей в себя множество разновременных пластов.

Библиографический список

1. Голобородько А.Ю. Культурная безопасность: содержание, ресурсы, инструментарий обеспечения // Сравнительная политика. 2015. 4 (21). С. 10–19.

2. Хакимов Э.Р. Появление и развитие понятия «поликультурное образование» в российской педагогике // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: педагогика, психология. 2011. № 3 (6). С. 317–320.

АДЫГИ (МАТЕРИАЛЫ К ЭНЦИКЛОПЕДИИ «НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ КУБАНИ»)¹

ADYGS (MATERIALS FOR THE ENCYCLOPEDIA «PEOPLES AND CULTURES OF THE KUBAN»)

Матвеев О. В.

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Matveyev O. V.

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. Статья посвящена историческому прошлому, духовному наследию и современному состоянию адыгов в этнокультурном пространстве Кубани. Рассматриваются особенности этногенеза, самосознания, формирование современных адыгских этносов – адыгейцев, черкесов, шапсугов и кабардинцев, связанных с территорией края.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-49-230008 р_а «Народы и культуры Кубани: энциклопедия»

Annotation. The article is devoted to the historical past, spiritual heritage and the modern state of the Circassians in the ethnocultural space of the Kuban. The features of ethnogenesis, self-awareness, the formation of modern Adyghe ethnic groups – Adygians, Circassians, chapsugs and Kabardians are considered. associated with the territory of the region.

Ключевые слова. Адыги, адыгейцы, шапсуги, черкесы. кабардинцы, этническое самосознание, этнические процессы, численность населения

Keywords. Adygs, Adygians, chapsugs, Circassians. Kabardins, ethnic identity, ethnic processes, population.

АДЫГИ (самоназвание – *адыгэ*) – общее наименование адыгских автохтонных народов Северо-Западного Кавказа, представленных сегодня *адыгейцами, кабардинцами, черкесами* и *шапсугами*, по мнению ряда исследователей – суперэтнос. Самоназвание *адыгэ* часто выступает синонимом этнонима *черкесы*. В узком смысле наименование *черкесы* применяется к адыгскому этносу, большинство представителей которого проживает сегодня на территории Карачаево-Черкесской республики. Кроме того, под названием «черкесы» часто объединяют смешавшихся представителей северокавказских народов (чеченцы, лезгины, адыги, абхазы, абзины и др.) предки которых переселились после Кавказской войны в пределы Оттоманской Порты и представлены ныне отдельными группами в Турции, арабских и балканских странах.

Несмотря на относительную изученность исторического прошлого и духовного наследия адыгов [1–5, 10, 16, 21, 24, 26], их присутствие в этнокультурном пространстве Кубани требует комплексного осмысления. Статья написана в рамках подготовки энциклопедии «Народы и культуры Кубани».

Адыгские языки относятся к абхазо-адыгской ветви северокавказской семьи языков. Некоторые исследователи усматривают протоадыгов в носителях майкопской археологической культуры III тыс. до н.э. [5, с. 33]. Однако ареал майкопской культуры значительно шире территории протоадыгов. Территория формирования протоадыгской этнической общности скорее совпадает с дольменной культурой Черноморского побережья и Северо-Западного Кавказа второй половины III – первой половины II тыс. до н.э. [11, с. 18]. Преемственности между майкопской культурой и культурой строителей дольменов нет.

Более достоверные сведения о протоадыгских племенах появляются в античных письменных источниках, упоминающих меотов. Вопрос о языковой принадлежности меотов не решен. Одни

исследователи считают меотов прямыми предками адыгов, а меотский язык относят к числу иберийско-кавказского. Другие полагают, что меоты – иранцы. Существует гипотеза и об индо-арийском происхождении языка синдгов и меотов. Однако необходимо иметь в виду, что, во-первых, меоты – не этнос, а собирательное название ряда племен, во-вторых, они тесно взаимодействовали с ираноязычными кочевниками (скифы, сарматы, сираки, аланы и др.), что сказалось на их этнокультурном облике. На основе меотских и сарматских племен, входивших в сиракский союз, формировалась новая этническая общность, с синкретичной культурой, в которой были представлены как меотские, так и сарматские элементы [13, с. 135]. Племена Черноморского побережья – зихи, ахеи, керкеты, тореты, гениохи – представлялись античным авторам отдельными этническими образованиями, не связанными с меотами [23, с. 94].

Меотские погребения на Правобережье Кубани прослеживаются до III н.э. Наименование «меоты» с этого времени также больше не упоминается в письменных источниках. По-видимому, часть их погибла в результате вторжения готов, а затем тюркоязычных кочевников, часть ушла в горы и на Черноморское побережье. В результате сложных этнических процессов к VII в. на Северо-Западном Кавказе складываются три протоадыгских этнополитических объединения. Черноморское побережье от южной границы современного Анапского района до о. Шахе занимала *Зихия*, включившая в свой состав помимо собственно зихов ахеев – древних обитателей побережья между современными Геленджиков и Туапсе и потомков готов-эвдусиан. Левобережье кубанской дельты и часть закубанской равнины занимали *сагины*. Наконец, в горах и предгорьях, прорезанных притоками Кубани размещалась *Касогия* [7, с. 204–205].

В результате непростых взаимодействий, осложненных вмешательством Хазарского каганата, Алании, древнерусского Тмутороканского княжества со второй половины X в. фиксируется археологическая единая культура средневековых адыгов. После того, как Касогия, лежавшая на пути алан в Зихию, была ими разгромлена, спасшиеся от разгрома касоги расселяются среди зихов. Ранее, в конце VII в. Зихия подчинила себе сагинов и её владения достигли Таманского полуострова. Решительный шаг в направлении этнической консолидации адыгов был сделан в 60-е – 80-е гг. VIII в. князем Иналом, ставшего автономным адыгским правителем в рамках Хазарского каганата, а также в первой четверти XI в. «князем касожским» Редедей, создавшим мощный племенной союз. За адыгской

общностью постепенно утверждается общий этноним, которым обозначаются все адыги вне зависимости от их территориального проживания. Для хазар и народов Востока – это «касаг» (в русском летописном варианте – «касоги»), для европейских стран и Византии – «зихи», для народов Закавказья – оба этнонима «касаг» в форме «кашаг», проникшей через сванов и алан, и «джики» (зихи), усвоенный через абасгов [7, с. 213]. Появление общего этнонима говорит о возникновении общего этнического самосознания, упрочнении внутренних этнокультурных связей.

Генуэзец Джорджио Интериано, посетивший край во второй половине XV в., писал, местное население «называют зихами на итальянском, греческом и латинском языках; турки и татары называют их черкесами, сами же они что зихи – это название, принятое в греческом и латинском языках, а сами же себя называют они называют "адига"» [9, с. 25]. Происхождение этого наименования связывают либо с абхазским словом «адзы» – вода, т.е. или «водяные», приморские жители [1, с. 726], либо с адыгским словом «дыгъэ» – солнце, «дети солнца» [12, с. 40]. В тюркских языках утвердилось с XIII в. наименование адыгов «чиркасы» – в значении «горделивый (хвастливый) воин, «воинственный гордец».

Выдающимся достижением духовной культуры адыгов явился героический эпос «Нарты», зародившийся ещё в эпоху Древнего мира. Это – совокупность самобытных песен и легенд о богатырях-нартах, в которых отразились многовековой опыт жизни народов Кавказа, их идеалы и представления о добре и зле. Слово «нарт» в переводе с адыгского означает «глаз (свет) дарящий», т.е. бесконечно щедрый. В этом наименовании выражены народные убеждения о сверхщедрости и беспредельном мужестве, благородстве и отваге. В эпосе действуют мужественные нарты Саусырыко, Шэбатныко, Пытэрэз и другие, которые совершают героические подвиги, борются с «иныжами» – великанами и драконами, олицетворяющими тёмные силы, добывают для людей огонь. Центральный женский персонаж эпоса – Сэтэней – мать Саусырыко, мудрая и заботливая жена нарта Орзэнэджа, которая своим умом и прозорливостью не раз спасает своего сына от врагов, а мужа – от смертельного приговора старейшин.

Огромную роль в изменении этногеографии адыгов сыграло нашествие монголов в 1237–1239 гг. Часть адыгов уходят на восток и занимают в XIII–XV вв. освободившиеся после ухода разгромленных монголами алан предгорья Центрального Кавказа. Переселение шло мирным путем, с согласия ордынских властей, переселившиеся адыги

приняли на себя обязанности несения военной службы в татарском государстве [11, с. 21]. Какая-то группа адыгов, возможно, была вытеснена с Черноморского побережья на восток средневековыми абазинами.

Эти процессы послужили основой для формирования этноса восточных адыгов – *кабардинцев*. Первоначально термин «Къэбэрдей» (Кабарда) относился к одному из феодальных уделов восточных адыгов и служил только в качестве географического обозначения: то, что принадлежит Къэбэрдею. Ногайцы называли восточных адыгов «кабартейскими черкасами», крымские татары – «дальними черкасами Хабартки», русские – «пятигорскими черкесами» и «кабартанскими черкесами». Ближайшие соседи кабардинцев – балкарцы называл их *черкесте*, а их землю – *Къабарты*.

Среди западных адыгов насчитывалось до 18 субэтнических и локально-территориальных групп: *жанеевцы*, *хегаки*, *бжедуги*, *хатукайцы*, *беслинеевцы*, *темиргоевцы*, *мамхеговцы*, *шапсуши*, *абадзехи*, *натухайцы* и др. В конце XVIII в. у горных черкесов – шапсугов, абадзехов и натухайцев произошел общественно-политический переворот, который привел к установлению народного самоуправления. Поэтому их в источниках называли «демократическими племенами», в отличие от «аристократических», где наряду с народными собраниями сохранялись сильные позиции князей и дворян.

Основу занятий западных адыгов составляло мотыжное и плужное земледелие, придомное и отгонное скотоводство, различные ремёсла, а также захват военной добычи. Многие мелкие группы или племена с течением времени ассимилировались более крупными и мощными племенами. В отношении конфессиональной принадлежности адыги прошли долгий путь от традиционных верований к исламу суннитского толка, испытав в средневековье определенное влияние христианства. Ювелирное и золотошвейное искусство, зажигательные танцы: зафак, исламей, танец на пуантах, легший в основу современного балета, адыгский этикет составили сокровищницу мировой культуры.

Присоединение Северо-Западного Кавказа к России поставило вольнолюбивых горцев перед выбором: остаться на земле предков, подчинившись царской администрации, либо уйти в неведомую единоверную Турцию, где многочисленные проповедники обещали райскую жизнь. Из 800 тыс. адыгского населения Западного Кавказа более 493 тыс. ушли через порты Чёрного моря в Турцию. Это

переселение, инспирированное турецкими эмиссарами при заинтересованной позиции зажиточных тфокотлей и местных властей [16, с. 302], стало настоящей этнической катастрофой в судьбе адыгов: до половины переселенцев погибло в пути.

Адыги, оставшиеся на родине, были размещены к югу от р. Кубани в трех уездах: в южной части Екатеринодарского, в Майкопском (бассейны рек Белой, Лабы и ее притоков Уля, Фарса, Ходзя и Чохрака) и в Баталпащинском (бассейны верхнего и отчасти среднего течения Кубани и ее притоков Урупа, Большого и Малого Зеленчуков). В 1867 г. численность адыгов в Кубанской области не превышала 75 тыс. человек. Переселение с гор на плоскость, создание укрупненных адыгских многоплеменных населенных пунктов, унификация адатов, расширение возможностей путей сообщения, крестьянская реформа, распространение грамотности и многие другие факторы способствовали увеличению плотности коммуникаций и изживанию племенной разобщенности [14, с. 107]. Своеобразным отражением формирующегося национального самосознания новой этнической общности стали попытки создания в 1860–1870-х гг. адыгейской письменности. В начале 60-х гг. XIX в. из-под пера известного лингвиста-кавказоведа П.К. Услара выходит система буквенных средств, пополнившая коллекцию азбук, составленных на ранних этапах становления литературной нормы адыгейского языка. В 1878 г. Хаджибек Анчок составил новую адыгейскую азбуку на базе арабской графики. Буквами своей азбуки он записал множество произведений устного народного творчества. В развитие этнического самосознания вносила свою лепту и адыгейская литература, развивавшаяся на двух языках: устная – на национальном, письменная – на русском.

По-видимому, в пореформенный период складываются предпосылки возникновения адыгейского литературного языка. Бжедугский диалект, ставший впоследствии одним из спорных диалектов, на которые в годы советской власти были ориентированы нормы адыгейского литературного языка, постепенно превращается после 1865 г. в язык межплеменного общения. Выражалось это в смешении наречий (плоскостного, шапсугского и абадзехского наречий с бжедугским), а также в сближении темиргоевского и бжедугского диалектов п. Этому способствовало количественное преобладание бжедугов среди других адыгских племен Кубанской области, связанное с давними историко-культурными связями бжедугов с русским населением, благодаря чему большинство их осталось на земле

предков. Бжедуги, по данным Н.Г. Волковой, фиксируются в 70-е гг. XIX в. в 27 селениях Екатеринодарского и в 6 селениях Майкопского уездов, где они составляли 70–100% населения [6, с. 241]. Большое число носителей бжедугского диалекта, а также отмеченные лингвистами его богатство, разносторонность лексического состава и развитая синонимия объясняют последующее преобладание носителей бжедугского диалекта в литературной жизни Советской Адыгеи и количественный перевес бжедугских норм в адыгейском литературном языке. В Турции, несмотря на наличие ряда факторов, способствовавших консолидации адыгских переселенцев [14, с. 108–109]., преобладающими стали в конце концов процессы растворения адыгов в среде турецкого населения.

Перепись 1897 г. зафиксировала в Кубанской области 38488 носителей черкесского языка, в Черноморской губернии – 1939 чел. Вместе губерния и область объединяли 40427 черкесов. 19851 чел. из них проживали в Баталпащинском отделе. Последние в 1922 г. составили население Карачаево-Черкесской автономии.

Адыгейцы. После образования в 1922 г. Черкесской (Адыгейской) автономной области её титульное население стало именоваться адыгейцами. Правда, перепись 1926 г. ещё традиционно назвала их черкесами. Согласно переписи, в Адыгейской автономии западных адыгов насчитывалось 50821 чел., в Армавирском округе – 3722, в Кубанском – 490 чел. в Майкопском – 38, в Черноморском – 4228 (шапсуги). Адыгейская письменность была создана в 1918 году первоначально на арабской графической основе, в 1927 году переведена на латинскую, а в 1938 году на русскую графику.

Уникальным оставался фольклор адыгов, особенно обрядово-магическая поэзия, связанная с врачеванием, вызыванием дождя и др. Своеобразным песенным жанром являлись *хохи* – торжественные здравицы в связи с тем или иным важным событием и *гыбза* – песни-плачи. Самобытным был адыгейский народный театр в форме кукольного, театра теней и театра одного актера. В памяти старожилков сохранялись красочные и сложные календарные и производственные праздники и обряды, которые в прошлом сопровождали выход в поле и возвращение с пахоты, начало сева, уборку урожая, выгон скота на летнее пастбище и были связаны с божественными покровителями.

Согласно данным 1939 г. в Адыгейской автономной области проживали уже 55048 адыгейцев, в Краснодарском крае – 9129. Основную часть адыгского населения Адыгейской автономной области составляли этнографические группы бжедугов и темиргоевцев. Бжедуги

проживали главным образом в аулах Октябрьского (ныне – Тахтамукайский) и Теучежского районов. Темиргоевцы с их подразделениями (хатукаевцы, егерухай, мамхеги) – в аулах Кошехабльского и Красногвардейского районов. Хакучи проживали в трех аулах Адыгейской автономии попеременно с шапсугами, а также в Лазаревском районе Краснодарского края. Абадзехи сосредоточились в ауле Хакуринохабль, бесленеевцы – в аулах Успенского района Краснодарского края [3, с. 108].

Перепись 1959 г. определила численность адыгейцев в Краснодарском крае в 76292 чел., из которых 65208 приходилось на Адыгейскую автономную область. В 1989 г. 95439 адыгейцев проживали в Адыгейской автономной области, а 20795 – за её пределами в Краснодарском крае. В 2002 г. зафиксировано 108115 адыгейцев в Республике Адыгея и 15821 – в Краснодарском крае. Перепись 2010 г. зафиксировала в Республике Адыгея 109,7 тыс. адыгейцев, в Краснодарском крае – 13834 чел.

Конфессиональная идентичность адыгейцев сегодня тяготеет к исламу, но к исламу народному, уживающемуся с архаическими верованиями и традиционным этикетом. Старожил аула Адамий Юрий Муратович Дауров говорил нам: *«Мусульманская традиция, та, что оттуда (из-за рубежа. – О.М.) приходит, мы не все принимаем. Потому что то, что у нас было, это мы соблюдаем, а то, что навязывают, мы не принимаем. Много сейчас с заграницы приезжают бывшие наши адыги, которые во время Кавказской войны ушли, у них там уже другие законы, немного отличаются от адыгейских обычаев, поэтому мы это не можем принимать. А вот то, что у нас была хорошая традиция уважения старших, помогать – это выше всего. Почти никто у нас не ходит в мечеть, стариков нет, а молодёжь не ходит. В школах создали классы (исламской культуры. – О.М.), не приживаются. В последние двадцать лет во всех аулах мечети построили, а люди не ходят. Байрам соблюдаем, но никто Уразу уже не держит, это лишнее всё»* [19].

Житель аула Кургоковского Анатолий Абдулкеримович Хевсоков, 1940 г. рассказывал нам в 1920 г.: *«Я верю в Бога, Аллаха, по-нашему называется Тха, не Аллах – это арабское название, а Тха. И вот мы собираем по семьсот рублей сегодня, жители, купим, мы каждый год делаем это весной, купим крупного рогатого скота, зарежем и каждому жителю на двор, каждой семье по кусочку разносим. Это означает, что ты один просишь Тха, а теперь просим все жители. Это в переводе на русский язык чтобы мы защищены были от*

природной силы, чтобы у нас урожай хороший получился в этом году, чтоб мы имели здоровье, чтоб мы могли покушать, что мы вырастили. Вот в таком смысле просим мы Тха. Это называется Тхащэпцэ, это не праздник, это просьба к Всевышнему. А сегодня вот эти, которые каждый день Богу молятся, он говорят: это неправильно! Я говорю: а почему мои родители всё это делали? Это, говорит, языческое» [20].

Желание сохранить лучшие традиции стало поводом для основания в апреле 2000 года Краснодарской краевой общественной организации «Центр адыгской культуры. Председателем организации является сегодня Шамова Сафиет Зауркановна. Центр стал постоянным местом встречи адыгов Краснодара, где проводятся концерты, творческие встречи с деятелями культуры, искусства, науки, праздники Дня адыгского флага, адыгского костюма, адыгского языка, молодёжные вечера – Джегу, которые стали традиционными. С 2004 г. Центром проводятся ежегодные городские и краевые фестивали адыгской культуры

Шапсуги. Шапсуги имеют чётко выраженное самосознание, отраженное в самоназвании *шапсыт*, особенности в языке, материальной и духовной культуре. Применительно к адыгскому суперэтносу они имеют и второе самосознание общеадыгского охвата – *адыгэ*. Поэтому среди исследователей нет единства в определении их этнического статуса. Одни считают шапсугов отдельным народом, другие видят в них этническую группу адыгейцев.

23 сентября 1924 г. был образован Шапсугский национальный район с центром в г. Туапсе, территориально в район не входящим. Этот район объединил восемь аулов четырех сельсоветов: Карповка, Псебе, Большое Псеушхо. Малое Псеушхо. Красноалександровский, Божьи Воды. Большой Кичмай и Малый Кичмай. Шапсуги составляли на территории района 68% населения. Делопроизводство и обучение в Шапсугском национальном районе осуществлялось на национальном языке, выходила двуязычная газета «Шапсугский большевик» [22, с. 144]. Согласно переписи 1926 г. в 14 населенных районах Черноморского побережья проживал 3733 шапсугов. Стремление ликвидировать территориальную разобщенность района приводило к неоднократному изменению его карты. В июне 1930 г. районный центр был перенесен из г. Туапсе в с. Красноалександровское, а затем в 1931 г. в пос. Совет-квадже. В 1934 г. пос. Лазаревский был передан из Туапсинского района в Шапсугский и стал центром последнего. В дальнейшем в состав Шапсугского района вошли русскоязычные

поселки Адлерского района и ряд совхозов Сочинского горсовета. Расширение района за счет территорий с русским населением приводило к сокращению доли шапсугов в районе. В 1943 г. Шапсугский райком ВКП(б) проголосовал за переименование района в Лазаревский, а 24 мая 1945 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР переименование было утверждено. В послевоенное время шапсугов фиксировали как «адыгейцев».

В 1950-х гг. шапсуги проживали в пяти аулах Октябрьского района Адыгейской автономной области: Афипсип, Натухай, Панахес, Хаштук, Псейтук [3, с. 108].

В 1989 г. по косвенным данным численность шапсугов в крае определяли приблизительно в 10 тыс. чел.

1 декабря 1990 г. в пос. Лазаревское прошел I съезд причерноморских адыгов, провозгласивший воссоздание Шапсугского национального района как субъекта Российской Федерации. В конце 1991 – начале 1992 гг. имела место конфронтация шапсугского движения с краевыми властями. Проведенный опрос населения Лазаревского района продемонстрировал в целом отрицательное отношение к идее воссоздания Шапсугского района. После встречи с лидерами шапсугов краевых властей, специалистов-этнологов, юристов центр тяжести шапсугского вопроса стал перемещаться из политической в общественную и культурную плоскости. В ноябре 1992 г. был разработан проект «Программы национально-культурного и социально-экономического возрождения шапсугской этнической общности», подготовленный Президиумом «Адыге хасэ» для рабочей группы Малого совета Кайсовета. В нем были декларированы 4 направления: 1. Восстановление традиционной адыгской топонимии Черноморского побережья; 2. Всестороннее и интегрированное изучение родного языка; 3. Сохранение и развитие культуры. 4. Сочетание традиционного уклада жизни с новыми формами хозяйствования [22, с. 148].

30 апреля 1999 г. был принят федеральный закон № 82-ФЗ «О гарантиях прав малочисленных народов Российской Федерации». Принятие 24 марта 2000 г. Постановления Правительства РФ № 255 «О едином перечне малочисленных народов Российской Федерации», в который были включены шапсуги, сбило накал политических страстей. На VII съезде шапсугов 30 апреля 2011 г. обсуждались в основном хозяйственные вопросы и проблемы сохранения культуры. Традиционная прежде тема воссоздания Шапсугского района не нашла поддержки у участников съезда и даже не вошла в его резолюции.

В 2002 г. в Краснодарском крае было зафиксировано 3213 шапсугов. В 2010 г. перепись зафиксировала в г. Сочи 4778 чел. шапсугов, в Лазаревском районе – 4014 чел., в Туапсинском районе – 4183 чел.

Сегодня в Краснодарском крае действует Центр национальной культуры причерноморских адыгов-шапсугов «Шапсугия», ежемесячная газета «Шапсугия». В Лазаревском районе г. Сочи действует Центр национальных культур, где имеется Центр адыгской культуры. В 2012 г. в Туапсинском районе появился первый адыгский этнический комплекс, построенный в ауле Агуй-Шапсуге.

Среди известных шапсугов – Герои Советского Союза А.А. Ачмизов, А.Б. Чуц и И.Х. Тхагушев, заслуженный тренер СССР Я.К. Коблев, президент Республики Адыгея в 2002–2007 гг. Х.М. Совмен и др.

Черкесы. После провозглашения Карачаево-Черкесской автономной области этноним «черкесы» стал применяться прежде всего к одному из титульных народов этой автономии. Правда, перепись 1926 г. назвала черкесами и западных адыгов. Но постепенно на них распространяется наименование «адыгейцы», а самоназвание *черкесы* удерживалось в послевоенный период лишь в двух аулах Армавирского района и у части населения аулов Уляп и Блечепсин в Адыгее [3, с. 108]. По переписи 1959 г. в Краснодарском крае проживали 2213 адыгов, которые определяли себя как черкесы, в 1979 г. – 3829. В Адыгее в 1959 г. был зафиксирован 71 черкес, в 1979 г. – 173.

Согласно нашим полевым материалам, назвав адыгейца черкесом в послевоенный можно было попасть в неприятную историю. Этот этноним адыгейцы считали старым и обидным, говорили, что «черкес – это нехорошее слово [17].

Возвращение в разговорную речь и идентичность западных адыгов названия «черкесы», по-видимому, связано с этнополитическими и социокультурными процессами 1990-х гг.: всплеском интереса к освободительной борьбе черкесов против царской России, деятельностью, общественно-политических движений, интенсивными контактами с черкесской диаспорой и др. [15, с. 67].

В 2002 г. в Краснодарском крае зафиксировали 4446 черкесов, в 2010 г. – 3839. В Адыгее согласно переписи 2002 г. – числилось 642 черкеса, в 2010 г. – 2651. Среди выдающихся черкесов Кубани – поэт и писатель Исхак Шумафович Машбаш, Герои социалистического труда Алий Харунович Делов и Минас Георгиевич Чентемиров, видные ученые Марзанов Нурбий Сафарбиевич и Шаззо Рамазан Измаилович.

В 1998–1999 гг. в ходе сербо-албанского конфликта на территорию Республики Адыгея приехали 165 человек – 88 мужского и 77 женского пола, всего 49 семей черкесов из албанских регионов Косово и метохии. По состоянию на 2008 год в ауле Мафэхабль (пригород Майкопа) проживали 86 человек, 34 жили в собственных квартирах и 18 человек оставались на временном поселении. Число их постепенно уменьшается. На вопрос о самосознании косовские адыги отвечали: «Нас в Югославии называли черкесами», однако сохранили и осознание себя как «адыгэ» [25, с. 41].

Кабардинцы. В источниках первой половины XIX в. часто упоминаются «беглые кабардинцы», которые после подавления царскими войсками восстания в Кабарде в первой четверти XIX в. ушли на Уруп и Тегени, а также к западным адыгам. В Закубанье из них в 1850-х гг. было сформировано население аулов Ходзь (выходцы из селений кабардинских селений Бэбыгуей, Жэныкьуей, Къундэтей, Мэргъушьей), Блечепсин (выходцы из кабардинских аулов Дэхъшьукьуей и Думэней) и Кошехабль (выходцы из аулов Анзорей и Кубатей). Сами себя жители этих аулов называют себя «лэбэдэс къэбэрдей» – кабардинцы, живущие у Лабы, или «къэбэрдей хьэжырэт» – беглые кабардинцы. Население этих аулов до сих пор разговаривает на кабардинском диалекте.

После образования Адыгейской (Черкесской) автономии многие кубанские кабардинцы ассоциировали себя с черкесами или адыгейцами, поэтому их число на Кубани и в Адыгее резко сократилось. Согласно переписи 1926 г. в Армавирском округе было зафиксировано 49 кабардинцев, в Кубанском округе – 62 чел., в Майкопском – 0, в Адыгейской автономной области – 1466 чел. В 1970 г. на территории Краснодарского края проживал 401 кабардинец, из них в Адыгее – 115; в 1979 г. соответственно – 452 и 126; в 1989 г. – 658 и 240. В 2002 г. на территории Краснодарского края было зафиксировано 727 кабардинцев, в 2010 г. – 1130.

Из выдающихся кабардинцев Западного Кавказа можно назвать уроженцев аула Ходзь Азметова Султана Меджидовича – профессора, доктора педагогических наук, ректора Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма; режиссера, члена Союза кинематографистов России, лауреата фестиваля «Золотой минбар» в Казани, продюссера, автора научно-популярного фильма «Черкесия» и киноэпопеи «Черкешенка» Нагаплева Аскарбия Ноховича; уроженцев аула Блечепсин Шикова Гузера Хаджумаровича – скульптора, художника, автора монумента «Адыгэ шыу» – «Адыгский

всадник» в Кошехабле; писательницу Киярову Нурихан Теувежевну, члена Союза российских писателей, автора 5 книг, в том числе романа «Я крови спесь угомонил», выдвинутого в 2015 г. на государственную премию по литературе. Её книга «Пою тебе, Блечепсин!» – летопись аула с момента поселения [8, с. 44].

Представители красивого, гордого и самобытного народа адыгов играли важную роль в историческом прошлом и настоящем Краснодарского края, сохранили богатое духовное наследие, ярко представленное в этнокультурном пространстве Кубани. За тысячелетия своей драматической истории они накопили уникальный опыт добрососедства и сотрудничества в духовной, материальной и соционормативной сферах, что позволяет рекомендовать его в практической работе специалистов в области межнациональных отношений, сотрудников учреждений культуры, науки и образования, религиозных организаций, подвижников возрождения традиционной культуры.

Библиографический список

1. Адыгская (черкесская) энциклопедия / главн. ред. М.А. Кумахов. М.: ОАО «Можайский полиграфкомбинат», 2006. 1248 с.
2. Анчабадзе Ю.Д. Политическая культура адыгов: традиционные институты и их эволюция (вторая половина XIX в. – 1920-е годы). М.: ИЭА РАН, 2012. 340 с.
3. Аутлев М., Зевакин Е., Хоретлев А. Адыги. Историко-этнографический очерк. Майкоп: Адыг. кн. изд-во, 1957. 140 с.
4. Бгажноков Б.Х. Этнография адыгов. Нальчик: Эльбрус, 2011. 512 с.
5. Бетрозов Р.Ж. Происхождение и этнокультурные связи адыгов. Нальчик: Нарт, 1991. 168 с.
6. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М.: Наука, 1974. 273 с.
7. Гадло, А.В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб.: Изд-во С.-Петреб. ун-та, 2004. 362 с.
8. Емтыль, Р.Х. Из истории населенных пунктов Республики Адыгея (Материалы по ЭНПРА). Вып. 5. Майкоп: Изд-во «Магарин О.Г.», 2016. 223 с.
9. Интериано Д. О быте и обычаях черкесов // Кавказ: европейские дневники XIII–XVIII веков / сост. В. Аталиков. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2010. Вып. III. С. 25–30.
10. Кандор Р.С. Процессы инкорпорации традиционных форм управления адыгов (черкесов) Северо-Западного Кавказа в структуры российской административно-политической системы (XIX – начало XX в.). Майкоп: Изд-во «Магарин О.Г.», 2020. 352 с.
11. Кузнецов В.А. Введение в кавказоведение (историко-этнологические очерки народов Северного Кавказа). Владикавказ: ИПП им. В.А. Гассиева, 2004. 184 с.

12. Ловпаче Н.Г., Хотко С.Х., Джандар М.А. Адыгейцы // Энциклопедия культур Юга России: В 9 т. Т. 1. Народы Юга России. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2005. С. 39–43.
13. Марченко И.И. Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар: КубГУ, 1996. 340 с.
14. Матвеев О.В. Кавказская война и её последствия для адыгов // Этнографическое обозрение. 1996. № 2. С. 104–113.
15. Матвеев О.В., Зудин А.И., Воронин В.В. Земляки и соседи: по материалам экспедиций 2020 года. Ростов-н/Д.: Печатная лавка, 2020. 176 с.
16. Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века: Социально-экономические очерки. Краснодар: Кн. изд-во, 1989. 319 с.
17. Полевые материалы экспедиции по проекту «Земляки и соседи: изучение и популяризация добрососедских отношений народов Кубани и Адыгеи 2020 года» (ПМ «Земляки и соседи –2020). Город (Г.) Майкоп Республики Адыгея (РА). – Информатор (Инф). Данильченко Александр Евгеньевич, 1975 года рождения (г.р.).
18. ПМ «Земляки и соседи–2020. – А. Адамий Красногвардейского района Республики Адыгея. – Инф. Аслан Ибрагимович Чинозиков, 1941 г.р.
19. ПМ «Земляки и соседи–2020. – А. Адамий Красногвардейского р-на РА. – Инф. Дауров Юрий Муратович, 1932 г.р.
20. ПМ «Земляки и соседи–2020. – А. Кургоковский Успенского р-на Краснодарского кр. – Инф. Хевсоков Анатолий Абдулкеримович, 1940 г.р.
21. Сивер А.В. Шапсуги: Этническая история и идентификация. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2002. 216 с.
22. Сивер А.В. Этническая история шапсугов Причерноморья. Краснодар: КубГУ, 2014. 191 с.
23. Фёдоров А.Я. Историческая этнография Северного Кавказа. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. 128 с.
24. Хотко С.Х. Черкесия: генезис, этнополитические связи со странами Восточной Европы и Ближнего Востока (XIII–XVI вв.). Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 2017. 544 с.
25. Шадже А.А. Этническая культура как форма и способ адаптации косовских адыгов // Косовские адыги в Адыгее: проблемы адаптации репатриантов и устойчивое развитие региона. Сб. статей / сост. и науч. рук. проекта А.Н. Соколова, ред. Р.Ю. Намитокова. Майкоп, 2008. С. 36–44.
26. Шеуджен Э.А., Хотко С.Х. История адыгов (черкесов): военно-антропологический подход. Майкоп: ООО «Полиграф-ЮГ», 2019. 392 с.

ЭТНОТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАК ФАКТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США В ОТНОШЕНИИ ПОСТСОВЕТСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

ETHNO-TERRITORIAL CONFLICTS IN THE POST-SOVIET SPACE AS A FACTOR OF US FOREIGN POLICY REGARDING POST-SOVIET INTEGRATION

Мацулевич Е. В.

Республиканский институт высшей школы, г. Минск, Беларусь

Matsulevich E. V.

National Institute For Higher Education, Minsk, Belarus

Аннотация: В статье проанализирована связь наличия на постсоветском пространстве этнотерриториальных конфликтов и политики США в отношении постсоветской интеграции с 1991 г. Сделан вывод о том, что конфликты на постсоветском пространстве использовались Вашингтоном для подрыва основ неамериканских интеграционных инициатив, а также для расширения зоны своего влияния.

Abstract: The article analyzes the connection between ethno-territorial conflicts in the post-Soviet space and the USA policy regarding post-Soviet integration since 1991. It is concluded that conflicts in the post-Soviet space were used by Washington to undermine the foundations of non-American integration initiatives, as well as to expand its zone of influence.

Ключевые слова: этнотерриториальные конфликты, США, постсоветское пространство, постсоветская интеграция

Keywords: ethno-territorial conflicts, the USA, the post-Soviet space, post-Soviet integration

После окончания Холодной войны постсоветское пространство вошло в сферу интересов США, стремящихся к упрочнению своего глобального лидерства. В связи с этим Белому дому было необходимо выработать позицию в отношении тех процессов, которые там происходили, в частности конфликтов и интеграции в регионе. Цель данного исследования – определить роль этнотерриториальных конфликтов на постсоветском пространстве в политике США в отношении постсоветской интеграции.

Администрация Дж. Буша-ст. в целом не смогла сформировать внешнеполитический курс, отвечающий условиям новой реальности. Это выразилось прежде всего в отсутствии длительное время обновленной Стратегии национальной безопасности –

основополагающего документа для внешней политики США, отражающего приоритеты американской международной деятельности. Когда же Стратегия национальной безопасности была принята в 1993 г., ее общий посыл в отношении новых независимых государств был схож с той позицией, которая была выработана Вашингтоном в годы существования СССР: бывшие советские республики и страны социалистического лагеря представляют угрозу для Соединенных Штатов, если будут развиваться не по западному пути. Отдельное место было уделено новым угрозам, с которыми сталкивается мир после распада Советского Союза – угроза «расползания» ядерного арсенала СССР, а также угроза новых региональных конфликтов, которые препятствовали бы распространению американского влияния в зоне своих интересов [9, p. 1, 7, 13].

Еще в августе 1991 г. в неоднозначной речи в Киеве (прозвана журналистами «котлетой по-киевски») Дж. Буш-ст. обозначил, что «американцы не поддержат тех, кто стремится к независимости, при этом заменяя уходящую тиранию местным деспотизмом <...> не будут помогать тем, кто распространяет самоубийственный национализм, основанный на этнической ненависти» [1, с. 57–58], что было интерпретировано как намерение Белого дома сохранить централизацию советского времени (на тот момент сам СССР) [1, с. 58]. Эта позиция сказалась на том, что США поддержали создание СНГ и лидирующую роль России в нем, т.к. она должна была стать консолидирующим центром региона, гарантировать ядерную безопасность и демократизацию постсоветского пространства. Однако из-за чеченского (1991–2009 гг.), грузино-южноосетинского (1990–2008 гг.), грузино-абхазского (1989–2008 гг.), молдавско-приднестровского (1989–1992 гг.), Нагорно-Карабахского (1988–1994 гг.) конфликтов, гражданской войны в Таджикистане (1992–1997 гг.) и включения в их урегулирование России, в т.ч. размещение на территории ряда государств российских войск и вооружений, американская позиция в отношении Кремля и его роли в СНГ сменилась с оптимистической на настороженную. На фоне участия российских войск в решении конфликтов на постсоветском пространстве и в совокупности с заявлением в апреле 1994 г. руководства России о том, что планируется построить российские военные базы в СНГ и Латвии, а также победы на выборах в Украине и Беларуси пророссийских кандидатов в президенты политика Кремля стала расцениваться в Вашингтоне как установление политического контроля Москвы над постсоветским пространством, угроза

возрождения царизма [2, р. Е655]. Россию стали воспринимать не столько как американского партнера, сколько как соперника («*tough rivals*») [3, р. 5169].

В 1997 г. Центр стратегических и международных исследований США (CSIS) отметил, что не ясно, является ли военное вмешательство России для решения этнических конфликтов в Молдове, Нагорном Карабахе, Грузии попыткой интегрировать эти государства в единое пространство и установить свою зону влияния [6, р. 4]. Однако этот вариант не исключался. Чтобы Соединенным Штатам получить выгоду от такой интеграции, видя ее причиной экономические проблемы стран-участниц, было предложено выделять больше финансов соседям России, стимулировать экономическую «естественную интеграцию» в противовес «политической реинтеграции» в Советский Союз [6, р. 1]. Такая помощь должна была поддержать экономики бывших республик СССР, чтобы они не были зависимыми от российских субсидий. А финансовая помощь России и контроль Соединенных Штатов над расходованием этих средств по назначению (для рыночных реформ) должны были препятствовать ее интеграционным планам в отношении новых независимых государств, особенно Центральной Азии. Выгодой для США при реализации такого подхода должна была стать стабилизация постсоветского пространства и создание выгодных условий для международной торговли [6, р. 6]. Таким образом, к XXI в. позиция США сменилась с одобрения постсоветской интеграции на неприятие ее политической составляющей, не отвечающей интересам Вашингтона. Одним из факторов выступали российско-американские отношения, одной из причин ухудшения которых стала активная политика Кремля по урегулированию конфликтов в регионе (рис. 1).

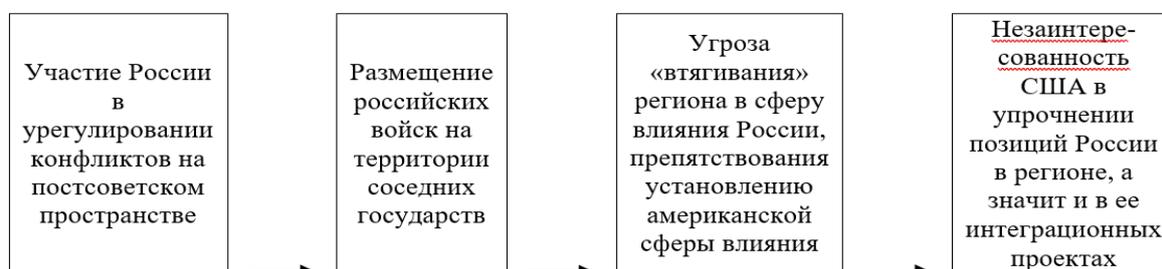

Рисунок 1

После терактов 11 сентября 2001 г. в США взаимодействие Вашингтона с постсоветским пространством должно было укладываться в общую концепцию американской внешней политики,

направленную на борьбу с терроризмом. Это диктовало особый статус России как главного партнера в американской миссии, что было зафиксировано в Стратегии национальной безопасности США 2002 г. [12, Preface]. С одной стороны, Вашингтон стремился наладить диалог с Москвой, с другой стороны, позволить ей укрепить свои позиции в регионе и мире не отвечало американским интересам. В связи с этим Белый дом активизировал политику поддержки прозападных настроений внутри стран, что привело к «цветным революциям». Ослабленные этническими конфликтами страны становились более уязвимыми к манипуляциям общественным сознанием, доверяли привлекательному образу западной стабильности и мира, нуждались в материальной помощи ведущих экономик стран Запада (рис. 2).

С аналогичной целью укрепить позиции США в регионе и создать конкуренцию региональным лидерам (России, Китаю) Вашингтоном было поддержано создание ГУАМ (Организация за демократию и экономическое развитие), характеризующейся как «относительно прозападная группа постсоветских государств с общими проблемами безопасности: Грузия, Украина, Азербайджан и Молдова» (*«a relatively pro-Western group of post-Soviet states with common security concerns: Georgia, Ukraine, Azerbaijan, and Moldova»*) [13, p. 8]. В начале 2000-х гг. в ГУАМ также входил Узбекистан, а организация обозначалась аббревиатурой ГУУАМ. В 2001 г. была подписана ее Хартия.

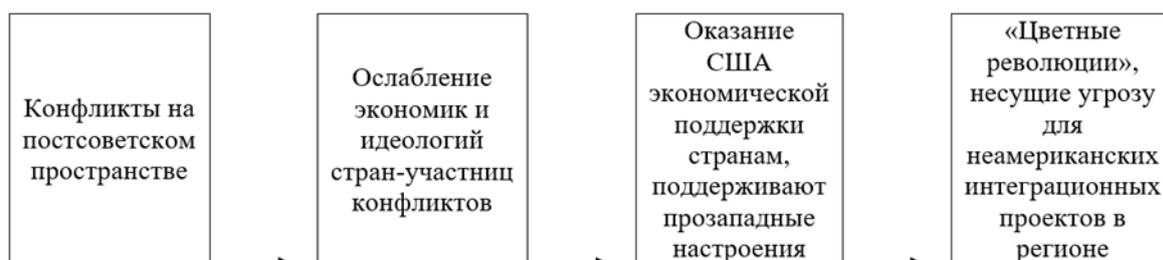

Рисунок 2

Решение и последствия Нагорно-Карабахского, грузино-осетинского, грузино-абхазского конфликтов пришлось на окончание президентского срока Дж. Буша-мл. и президентство Б. Обамы. В политическом плане Нагорно-Карабахский конфликт имел для Белого дома положительный момент в том, что позволил установить более тесные отношения с Азербайджаном. Аналогично для укрепления грузино-американских отношений использовались грузино-осетинский и грузино-абхазский вооруженные конфликты,

признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии. Соединенные Штаты выразили сожаление о решении провести выборы в признанных Россией независимыми регионах Грузии, не признали их законность и результаты, выразили поддержку суверенитету и территориальной целостности Грузии [8]. Б. Обама подтвердил приверженность США прочным отношениям с Азербайджаном и поддержке прогресса в урегулировании Нагорно-Карабахского конфликта [10]. Все эти действия укладывались в обозначенный курс – снизить российское и китайское влияние через поддержку режимов в отдельно взятых странах региона.

При Дж. Буше-мл. и Б. Обаме стало очевидным, что США нуждаются в доброжелательном диалоге с российским руководством для достижения успеха в урегулировании конфликтов в Афганистане, Нагорном Карабахе, борьбе с сирийским режимом и иранской угрозой, договоренностей в сфере вооружения. В связи с этим заявления о принципах сотрудничества с Грузией, Украиной, Азербайджаном, Казахстаном и об их поддержке Вашингтоном не имели предметного наполнения, в отличие от диалога с Кремлем, главным результатом которого стал Договор между Соединенными Штатами Америки и Российской Федерацией о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (Договор о СНВ) и союз в решении ряда международных конфликтов. По замечанию экспертов Фонда Карнеги, американские аналитики «по сути, просят относиться к России так, как будто она не способна к демократическим преобразованиям» (*«Obama is essentially being asked to treat Russia as though it is incapable of democratic transformation»*) [5]. Но президент публично не учитывал это мнение, поставив Россию наравне с США в ряд мировых держав, несущих ответственность за стабильность и безопасность во всем мире (*«As global powers, the United States and Russia have a special responsibility for ensuring peace and stability in the world»*) [14], а также увидев в России «потенциал для того, чтобы быть силой стабильности и процветания в международном сообществе» (*«Russia is a great country with an extraordinary culture and extraordinary traditions. It remains one of the most powerful countries in the world and has, I think, enormous potential for being a force for stability and prosperity in the international community»*) [7]. Важным для Белого дома результатом стало подписание не только нового Договора о СНВ, но и заключение в начале и середине 2009 г. соглашений, которые должны были позволить США совершать перевозку своей военной техники и персонала через Россию для поддержки сил НАТО в Афганистане [4].

Таким образом, несмотря на включение США в процессы урегулирования конфликтов на постсоветском пространстве, миротворческая миссия в регионе не являлась для Белого дома главной. Проблемы терроризма и энергоресурсов (Афганистан, Сирия, Иран) занимали первое место в американской повестке дня на международной арене. Однако конфликты на постсоветском пространстве использовались как инструмент, который мог быть полезен в решении определенных внешнеполитических задач. Так отдельное место они нашли в стремлении Вашингтона подорвать российско-белорусскую интеграцию. В поле зрения американцев попали такие моменты, как отказ Беларуси признать Абхазию и Южную Осетию независимыми государствами, как это сделала Россия. В совокупности с другими разногласиями Минска и Москвы, этот факт оценивался как намерение Беларуси снизить давление России на страну [11]. Визиты советника по национальной безопасности 2018–2019 гг. Дж. Болтона (John Bolton), заместителя государственного секретаря по политическим вопросам 2018–2021 гг. Д. Хейла (David Hale) и государственного секретаря 2018–2021 гг. М. Помпео (Michael Richard «Mike» Pompeo) в Беларусь составили пик «оттепели» белорусско-американских отношений, который пришелся на 2019 – начало 2020 гг. Визит М. Помпео планировался и осуществлялся параллельно с развитием договоренностей А. Лукашенко и В. Путина об углублении интеграции в начале 2020 г. Продолжение такого курса американской политики стало невозможным на фоне достижения ряда новых договоренностей по российско-белорусскому сотрудничеству.

Таким образом, межгосударственные кризисы в регионе, связанные с этнотерриториальными конфликтами, США стремились использовать с выгодой: подорвать авторитет России и Китая, как следствие – их интеграционных проектов, и укрепить свои международные позиции. Политика Вашингтона была направлена на заполнение идеологического вакуума и помощь в экономической стабилизации стран, ослабленных конфликтами, что вело к активизации прозападных настроений, «цветным революциям», подрыву неамериканских интеграционных проектов в регионе.

Библиографический список

1. Бжезинский З., Скоукрофт Б. Второй шанс. Америка и мир : [сборник : перевод с английского О. Колесникова, И. Добровольского]. М.: АСТ, 2018. 448 с.
2. Congressional Record – House // Congress.gov. 22 March 1995. URL: <https://www.congress.gov/104/crec/1995/03/22/CREC-1995-03-22.pdf> (date of access: 29.11.2021).

3. Congressional Record – Senate // Congress.gov. 17 March 1994. URL: <https://www.congress.gov/103/crecb/1994/03/17/GPO-CRECB-1994-pt4-5.pdf> (date of access: 31.10.2021).
4. FACT SHEET: United States-Russia Military Transit Agreement // The White House President Barak Obama. 6 July 2009. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/fact-sheet-united-states-russia-military-transit-agreement> (date of access: 03.06.2022).
5. False Choices For Russia [Electronic resource] / L. Shevtsova [et al.] // Carnegie Endowment for International Peace. 9 June 2009. URL: <https://carnegiemoscow.org/2009/06/09/false-choices-for-russia-pub-23252> (date of access: 07.06.2022).
6. Hale H. Russia's Fiscal Veto on CIS Integration Russia's Fiscal Veto on CIS Integration [PONARS Policy Memo 15] // CSIS. October 1997. URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csis/pubs/pm_0015.pdf (date of access: 02.12.2021).
7. Interview of the President by ITAR-TASS/Rossiya TV, 7-2-09 // The White House President Barak Obama. 5 July 2009. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/interview-president-itar-tassrossiya-tv-7-2-09> (date of access: 03.06.2022).
8. Kelly I. Georgia: "Elections" in the Abkhazia region of Georgia // U.S. Department of State 2009–2017. 14 December 2009. URL: <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/ps/2009/dec/133532.htm> (date of access: 24.05.2022).
9. National Security Strategy of the United States // National Security Strategy Archive. 1 January 1993. URL: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/1993.pdf> (date of access: 08.05.2021).
10. Readout of the President's call with President Aliyev of Azerbaijan // The White House President Barak Obama. 7 April 2009. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/readout-presidents-call-with-president-aliyev-azerbaijan> (date of access: 01.06.2022).
11. Rumer E., Belei B. U.S. Belarus: With Friends Like These... // Carnegie Endowment for International Peace. 31 May 2017. URL: <https://carnegieendowment.org/2017/05/31/belarus-with-friends-like-these.-.-pub-70135> (date of access: 15.09.2022).
12. The National Security Strategy of the United States of America // National Security Strategy Archive. 17 September 2002. URL: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2002.pdf> (date of access: 09.11.2021).
13. Trenin D. Central Asia's Stability and Russia's Security Central Asia's Stability and Russia's Security [PONARS Policy Memo 168] // CSIS. November 2000. URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csis/pubs/pm_0168.pdf (date of access: 01.03.2022).
14. United States-Russia Military to Military Relations // The White House President Barak Obama. 6 July 2009. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/united-states-russia-military-military-relations> (date of access: 03.06.2022).

**ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР
ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ ТУРЕЦКОЙ
РЕСПУБЛИКИ (НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ
ТУРЦИИ НА БАЛКАНАХ)**

**THE ETHNO-CONFESSIONAL FACTOR IN THE FOREIGN
POLICY CONCEPTS OF THE TURKISH REPUBLIC
(THE EXAMPLE OF TURKEY'S REGIONAL STRATEGY IN THE
BALKANS)**

Mekhedor S. V.

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Mekhedor S. V.

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация: В статье рассматривается современная региональная политика Турции на Балканах под призмой идей неосманизма и неопантюркизма. Автор исследует концептуальные подходы руководства страны к этноконфессиональным меньшинствам стран Балканского полуострова, основные направления «мягкой силы» Турции в регионе, а также анализирует генезис неосманизма и неопантюркизма как политических проектов.

Abstract: This article examines Turkey's contemporary regional policy in the Balkans through the prism of neo-Ottomanism and neo-panturkism ideas. The author examines the conceptual approaches of the country's leadership to ethnic and religious minorities in the Balkan Peninsula, the main directions of Turkey's "soft power" in the region, as well as analyzes the genesis of neo-Ottomanism and neo-panturkism as political projects.

Ключевые слова: неосманизм, пантюркизм, этноконфессиональные меньшинства, турецкая диаспора, мягкая сила, пантуранизм.

Keywords: neo-Ottomanism, pan-Turkism, ethno-confessional minorities, Turkish diaspora, soft power, pan-Turanism.

Исследователи, изучающие эволюцию внешнеполитической мысли Турции, делают акцент на достаточно резком в историческом плане развороте Республики в стороны «новых» (или хорошо забытых старых) идей. Обращаясь к причинам популяризации идей тюркизма и османизма, эволюционировавших в неопантюркизм и неосманизм, следует выделить падение авторитета ранее популярного в Турции т. н. «евразийского проекта», сформулированного бывшим президентом Сулейманом Демирелем. Вот как определяет понятие «евразийского проекта» для Турции Павел Вячеславович Шлыков, доцент кафедры истории стран ближнего и среднего востока МГУ имени Ломоносова:

«Демирель возлагал большие надежды на потенциальную роль Турции в «Евразийском проекте», одну из главных составляющих которого он видел в выстраивании нового уровня связей между Европой и Азией посредством разветвленной системы нефте-и газопроводов» [2, с. 62]. Однако, переговоры между Брюсселем и Анкарой по вопросу евроинтеграции Турции зашли в тупик из-за разногласий позиций стран в кипрском и курдском вопросах. Турецкое общество разочаровалось в ранее популярном концепте внешней политики, что спровоцировало обращение к более традиционным идеям, которые, однако, претерпели качественные изменения.

На сегодняшний день существует три концептуальных подхода Турецкой республики к Балканской политике.

Первый подразумевает развитие идей об Османском наследии Балкан, общности истории стран региона и Турции. Такой подход предполагает развитие идей пантюркизма и паносманизма в регионе, поощрение изучения турецкого языка – важное направление мягкой силы Турции на Балканах – которое осуществляется под эгидой сети институтов им. Юнуса Эмре. Ежегодно на сайте сети выходят стратегические видения на каждый год, в которых декларируются «цели миссии» [6]. В отделении института в Сараево обучение турецкому языку проходят тысячи студентов. Так же в Боснии был запущен проект по изучению турецкого языка в школах, в котором на момент 2021 г. участвовали более 8 тыс. боснийских школьников [8].

Второй подход рассматривает Балканы и Турцию как единое цивилизационное пространство, указывает на их единую культуру, формировавшуюся в период осmano-мусульманского периода. В последние годы эта идея получает прикладной характер: поощряются проекты по реставрации зданий османского периода, всячески актуализируется возрождение исламских искусств (ковроткачество, керамика, каллиграфия). В стратегии турецкого МИДа «О культурном присутствии за рубежом» [14]. подчеркивается, что сохранение и реставрация культурного наследия Балкан является «неизменным приоритетом Турции» [5]. Турция использует целый ряд государственных структур для продвижения своей культуры на Балканах. Наиболее ярким примером служит деятельность организации ТИКА (Турецкое агентство по сотрудничеству и координации), отвечающее за реализацию широкого спектра культурных, социальных и экономических проектов в регионе. В отчете о деятельности ТИКА за 2021 г. [12]. отражены реальные результаты такой деятельности: было увеличено число проектов в регионе, в т.ч. проектов по «сохранению

культурного и исторического наследия Турции на Балканах». Одно из важных направлений деятельности этой организации – реставрация памятников архитектуры османского периода, что крайне позитивно воспринимается как этническими турками внутри страны, так и за рубежом. В стратегии на 2019–2023 год [13, с. 30] предусматривается увеличение числа проектов на Балканах и в Восточной Европе с 235 до 350, в том числе проектов «по сохранению общего исторического и культурного наследия».

Третий же подход подразумевает рассмотрение Балкан как части Исламского мира, поощрение исламизации населения региона, поддержку мусульманской общины. Однако идея Балкан как части Исламского мира не приоритетна для Турции, потому как последняя вряд ли может претендовать на лидерство среди мусульманских стран, да и исламский фактор на Балканах – следствие не только Турецкого влияния, но и политики Саудовской Аравии, Ирана.

Все три подхода в последние годы получают не только концептуальное, но и практическое оформление посредством деятельности организаций Диянет (Управление по делам религии), ТИКА.

Анализ практических подходов руководства страны к внешней политике в регионе показывает, что важной вехой её являются неопантюркизм и неосманизм, которые, в свою очередь, в ряде вопросов пусть и совпадают друг с другом, однако различаются как по целям, так и по возможной степени реализации.

Неопантюркизм сформировался на основе синтеза идей пантюркизма, пантуранизма и тюркизма. До сих пор ни учеными, ни собственно идеологами неопантюркизма не было предложено чёткого определения упомянутого понятия. Обратимся к определению, которое даёт А.Б. Бурашников: «В самом общем смысле пантюркизм – это идеологическое, политическое и до некоторой степени культурное движение, нацеленное на достижение большей степени единства между всеми тюркскими народами вплоть до создания конфедерации тюркских государств или даже тюркской федерации» [1, с. 65]. Это определение многие исследователи порой дополняют более конкретными переменными такими как освобождение всех тюркских народов от колониального гнёта или переход на общий алфавит или язык, единую культуру и т. д.

Современными представителями идей пантюркизма является ультраправая националистическая партия «Партия Националистическое движение» [11], которая действует легально, а соответственно

представлена в парламенте Турции. Явные пантюркистские идеи можно проследить в программе [9], упомянутой партии. Так, в разделе «Наше Видение» на официальном сайте партии присутствуют следующие формулировки «Наше видение заключается в том, чтобы прийти к власти в одиночку, завоевав всеобщее согласие большинства наших граждан, и сделать нашу страну сверхдержавой и «Страной-лидером» как в своем регионе, так и в мире с новой концепцией тюркоцентричной цивилизации» [11].

Несмотря на то, что пантюркизм или неопантюркизм не являются основополагающей идеей внешней политики Турции, в период с 1990-х гг. предпринимаются действия по всестороннему сотрудничеству тюркоязычных стран и стран, с тюркоязычным населением. Так, например, начиная с 1992 г., регулярно проходят саммиты тюркских государств, первый из которых состоялся по инициативе Тургутта Озала. В 1993 г. создается организация по совместному развитию тюркской культуры и искусства – ТЮРКСОЙ (Международная организация тюркской культуры) [10].

Однако, возрождение идей пантюркизма не сделало их детерминантой турецкой внешней политики. Важным фактором идеологического обоснования собственной региональной стратегии для Турции стал неоосманизм.

Впервые термин неоосманизм появился в работах греческих и балканских исследователей в 1974 г., после оккупации части территории о. Кипр Турцией. Тогда это понятие указывало на политику экспансионизма, приверженность политических элит Турции к реставрации Османской империи. В дальнейшем термин неоосманизм приобрел новое значение: он уже указывал не только лишь на военный экспансионизм, но и на культурно-идеологический, религиозный. «Османское наследие» на Балканах рассматривается по-разному. Для многих стран борьба против владычества турок является героической страницей национальной истории. Множество исследователей рассматривают турецкое наследие как анахронизм, пятно на самобытной культуре стран региона.

С развалом биполярной системы международных отношений, образованием идеологического вакуума после прекращения существования Югославии на Балканах, начала формироваться новая геополитическая картина. Многие исследователи называют регион «пороховой бочкой Европы», указывая на сложность этноконфессиональной картины в регионе и территориальное положение Балкан в целом. Так, согласно подходу Сэмюэля

Хантингтона [7, с. 22-49], в фокусных зонах, таких как Балканы, цивилизации «сталкиваются» друг с другом, создавая очаг напряженности. Регион находится на стыке двух миров: Европейской цивилизации и Исламского мира. В подобной парадигме Турции, как исторической правопреемнице Османской империи и «покровителю» всех тюркских народов, отводится важнейшая, если не первостепенная роль в региональной геополитике Балкан. Дуализм во внешней политике Турции периода нахождения у власти Р. Т. Эрдогана и Партии Справедливости и Развития (сочетание европейских либеральных и демократических принципов с мусульманскими ценностями) позволяет республике играть роль посредника-координатора между двумя цивилизациями на полуострове.

В начале 2000-х гг. с приходом к власти в Турции партии Справедливости и Развития, во внешней политике республики прослеживаются порой явные, порой не очень неоосманистские тенденции. В принципе, новая концепция внешней политики – неоосманизм – предполагает расширение влияния Турции в странах, территории которых некогда входили в Османскую Империю. Бывший министр иностранных дел Турции Ахмет Давутоглу, идеолог неоосманизма, в работе «Стратегическая глубина» [4] объясняет необходимость такой политики «желанием обезопасить внутренние области Турции»

Однако ряд исследователей подвергают критике сам термин неоосманизма. Османизм сам по себе был политикой культурно-религиозной ассимиляции, проводимой турецкой кликой в период Османской Империи. Современная политика Турции предполагает не только идеологическую, религиозную и культурную интеграцию, но также подразумевает наличие интеграции экономической. Кроме того, турецкий истеблишмент не ставит целью обращение всех Балканских народов в ислам. Именно поэтому как среди ученых-тюркологов, так и среди турецких исследователей всё чаще можно встретить термин паносманизм, который лучше отражает саму цель политики Турции – расширение сотрудничества, углубление отношений со странами и народами, имеющими османское прошлое. В частности, такое понятие употребляет отечественная исследователь-тюрколог А.В. Орловская [3, с. 68–85].

Приверженности такой политики может свидетельствовать концепция «Ноль проблем с соседями», которая предполагает не только миролюбивую и взаимовыгодную политику в том числе и на Балканах, но и возможность быть посредником, независимым арбитром в регионе,

который обладает большой степенью конфликтности на религиозной и этнической почве.

Относительно неоосманизма А. Давутоглу высказался так: «Мы желаем новых Балкан, основанных на политических ценностях, экономической взаимозависимости и культурной гармонии. Это были османские Балканы. Мы восстановим эти Балканы. Люди называют это «неоосманизмом». Я не говорю об Османском государстве как вопросе внешнеполитической повестки. Я подчёркиваю османское наследие». Он решительно заявлял: «я не являюсь неоосманом и такой политики на самом деле нет».

Современная стратегия Турции на Балканах отошла от доктрин кемализма и озализма, рассматривавших турецкую диаспору на Балканах как обузу. Прежние режимы поддерживали репатриацию турок, возвращение их на историческую Родину. Давутоглу признаёт ошибочным подход прежних режимов и видит в балканских турках не обузу, но возможности, основу для политического влияния Турции в регионе. Турция, по его мнению, должна стать защитницей, спикером Балканских мусульман и турок на международной арене.

Будучи несостоятельными для масштабной внешнеполитической экспансии в идеологическом аспекте, (в силу того, что Турция не обладает должным статусом ни в так называемом Тюркском мире, ни в Мусульманском мире) неопантюркизм и неоосманизм, однако, стали прекрасным базисом для культурного, религиозного, гуманитарного взаимодействия. В сочетании со здоровым прагматизмом эти две идеи смогут дать Турции достаточную сферу влияния, для последующего ее становления как региональной державы и одного из ключевых акторов международных отношений. Конфессиональный и этнический аспекты внешнеполитических концепций прочно закрепились в политическом инструментарии правящей партии. В дальнейшем можно прогнозировать еще большее усиление этноконфессионального фактора во внешней политике Турции, что не может не сказаться на формирующейся картине евразийского геополитического пространства.

Библиографический список

1. Бурашников А.Б. Неопантюркизм и неоосманизм во внешней политике Турции // Саратовский государственный университет. Всеобщая история и международные отношения. 2013. С. 65. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neopantyurkizm-i-neoosmanizm-vo-vneshney-politike-turtsii> (дата обращения: 21.10.2022).
2. Шлыков П.В. Евразийство и евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № 1. С. 62.

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evraziystvo-i-evraziyskaya-integratsiya-v-politicheskoy-ideologii-i-praktike-turtsii> (дата обращения: 21.10.2022).

3. Orlovskaja A.V. Ways of Building a State Ideology in the Novel by Halide Edip Adıvar. "Yeni Turan" // Turkophone. С. 68–85. URL: https://web.archive.org/web/20220828024516id_/https://dergipark.org.tr/en/download/article-file/2482545 (дата обращения: 23.10.2022).

4. Davutoğlu, A. Stratejik Derinlik. // Türkiyenin Uluslararası Konumu. İstanbul: Küre Yayınları. 2001.

5. Kültürel Diplomasi Faaliyetlerimiz: [Электронный ресурс] // The official site of Turkish Ministry of Foreign Affairs. URL: https://www.mfa.gov.tr/site_media/html/TKGM-Prestij-Kitab%C4%B1-R1.pdf (дата обращения: 21.10.2022).

6. Mission statement: [Электронный ресурс] // The official site of Yunus Emre Institute. URL: <https://www.yee.org.tr/tr/kurumsal/vizyon-misyon> (дата обращения: 21.10.2022).

7. Samuel Phillips Huntington. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. 1993. Vol. 72. № 3. P. 22–49.

8. The annual report for 2021: [Электронный ресурс] // The official site of Yunus Emre Institute. URL: <https://www.yee.org.tr/tr/yayin/2020-faaliyet-raporu> (дата обращения: 21.10.2022).

9. The nationalist movement party program: [Электронный ресурс] // The official site of Nationalist Movement Party. URL: https://www.mhp.org.tr/usr_img/en/the-nationalist-movement-party-program.pdf (дата обращения: 21.10.2022).

10. The official site of International Organization of Turkic Culture. [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20140103104335/http://www.turksoy.org.tr/ru/turksoy/about_us (дата обращения: 22.10.2022).

11. A Turkish look at the future: [Электронный ресурс]. // The official site of Nationalist Movement Party: URL: https://www.mhp.org.tr/mhp_dil.php?dil=en (дата обращения: 21.10.2022).

12. TİKA 2021 İdare Faaliyet Raporu: [Электронный ресурс] // The official site of Turkish Cooperation and Coordination Agency. URL: <https://www.tika.gov.tr/upload/sayfa/FAAL%C4%B0YET%20RAPORU%202021/T%C4%B0KA%202021%20%C4%B0dare%20Faaliyet%20Raporu.pdf> (дата обращения: 21.10.2022).

13. TİKA. Stratejik plan 2019- 2023: [Электронный ресурс] // The official site of Turkish Cooperation and Coordination Agency. С. 30. URL: https://www.tika.gov.tr/upload/2021/06/2021%20performans%20program%C4%B1/TİKA_PP2021Web.pdf (дата обращения: 21.10.2022).

14. Yurtdışındaki Türk Kültür Varlığı: [Электронный ресурс] // The official site of Turkish Ministry of Foreign Affairs. URL: <http://www.mfa.gov.tr/yurtdisindaki-turk-kultur-varligi.tr.mfa> (дата обращения: 21.10.2022).

НЕМАТЕРИАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ В ПОЛИТИКЕ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ: ОПЫТ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ¹

INTANGIBLE RESOURCES IN DEVELOPMENT POLICY FOR RURAL AREAS: CONCEPTUALIZATION EXPERIENCE

Мирошниченко И. В., Морозова Е. В., Ракачев В. Н., Самаркина И. В.
Кубанский государственный университет, г. Краснодар.

Miroshnichenko I. V., Morozova E. V., Rakachev V. N., Samarkina I. V.
Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация: В статье представлены результаты концептуализации нематериальных ресурсов как многосоставного компонента политики развития сельских территорий. В качестве нематериальных ресурсов авторы рассматривают человеческий потенциал, локальную идентичность, социальный капитал, социально-психологические ресурсы местных сообществ, институты развития территорий.

Abstract. The article presents the results of conceptualization of intangible resources as a compound component in rural development policy. The authors consider human potential, local identity, social capital, socio-psychological resources of local communities, institutions for territories development as core intangible resources.

Ключевые слова: нематериальные ресурсы, политика развития, сельские территории, местные сообщества.

Keywords: intangible resources, development policy, rural areas, local communities.

Современные страны, включая Россию, столкнулись с вызовами развития сельских территорий, когда ориентация на сельскохозяйственное и агропромышленное производство и поддержку фермерства перестало давать ощутимые социально-экономические результаты. Противоречие между существующими многообразными институциональными практиками социально-экономического развития сельских территорий в современных западных и незападных странах обусловили поиск эффективных моделей и ресурсов развития, выходящих за «пределы» социально-экономического научного и управленческого инструментария. Такими «опциями» новых моделей политики развития территорий могут стать нематериальные ресурсы.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ и КНФ в рамках конкурса 2021 года «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс), проект № 22-18-20059 «Политика развития сельских территорий Краснодарского края: потенциал нематериальных ресурсов»

Согласно авторскому определению, под нематериальными ресурсами сельских территорий понимается совокупность разноуровневых, многосоставных и полифункциональных компонентов, имеющих разный генезис, которые образуют систему социальных отношений и обеспечивают устойчивость развития местных сообществ. К числу ключевых нематериальных ресурсов территорий относятся: человеческий потенциал (интегральная оценка свойств населения, отражающая уровень и возможности развития людей при определенных природно-экологических, социально-экономических и политико-правовых условиях); локальная идентичность (идентификации граждан с территорией проживания/рождения, чувство привязанности, причастности к локальной территории; наличие общего символического и публичного пространства территории); сетевые ресурсы как социальный капитал (социальный капитал местных сообществ, плотность межличностных и институциональных связей, уровни межличностного и институционального доверия); социально-психологические ресурсы местных сообществ (реальные или потенциальные психологические возможности локального сообщества, определяющие его социальную успешность); институты развития территорий (лидерство, институты местного самоуправления и самоорганизации граждан, кадровый потенциал местных сообществ, акторы политики развития и их управленческие практики, стратегии развития территории и публичные ценности).

Сложность концептуализации понятия нематериальных ресурсов как структурного компонента политики развития территорий определяется с одной стороны, гетерогенностью и эклектичностью теоретических оснований исследования каждого выделенного ресурса, с другой – выработкой аналитического инструментария, позволяющего определить степень их актуализации в практике местных сообществ и значимость в политике развития сельских территорий.

Ключевой компонентой в структуре нематериальных ресурсов территории является человеческий ресурс [6, с. 120]. Возможность его развития и эффективного использования предполагает наличие соответствующих методологических оснований, позволяющих оценивать состояние человеческих ресурсов в настоящем, прогнозировать их развитие в будущем, определять факторы, обеспечивающие данное состояние и перспективы развития.

Под человеческим потенциалом рассматривается совокупность качеств человека и общества, способных проявиться в благоприятных

обстоятельствах или остаться скрытыми; они могут оказывать влияние на экономический рост и инновационное развитие государства и его отдельных территорий [13]. В современных социологических исследованиях акцентируется внимание не только на структурных характеристиках человеческого потенциала, но и на условиях, необходимых для максимальной реализации человеческих возможностей [14]. В результате пересмотра базовых принципов ключевых подходов и теорий, связанных с теорией человеческого развития применительно к условиям современного общества [20] появляются инструменты оценки разных составляющих человеческого потенциала. Одним из интегральных показателей, позволяющих проводить оценку свойств населения, отражающим уровень и возможности развития людей при определенных природно-экологических, социально-экономических и политико-правовых условиях является индекс развития человеческого потенциала (Human Development Index). Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) предложен в 1989 г. и включен в Программу развития ООН (ПРООН) [12]. Индекс развития человеческого потенциала, не являясь всеобъемлющим показателем, фокусируется на основных аспектах человеческого развития: долголетию, уровне образования и уровне доходов населения, определяемому по значению внутреннего валового продукта. Использование интегрального показателя, позволяет проводить сравнение на межстрановом, межрегиональном и муниципальном уровнях.

Локальная идентичность как нематериальный ресурс представляет собой нижний уровень территориально-пространственной идентификации и фиксирует принадлежность и привязанность сообщества [21, 22]. Объективной основой для формирования локальной идентичности служат культурно-исторические особенности местного сообщества, экономическая специализация, природно-климатическое своеобразие и ряд других факторов. Теоретические интерпретации локальной идентичности в контексте сельских исследований делают акцент не только на индивидуальном и коллективном измерении чувства принадлежности к территории, но конвергенции коллективных и частных интересов в практиках развития как результата консолидированных действий местного сообщества [15]. Локальная идентичность может быть ориентированной на изменения, сохранение стабильности или переживание утраченного прошлого [16], что влияет на устойчивость сельского местного сообщества и политику развития сельских территорий [9].

Структурные компоненты локальной идентичности аналогичны региональной [3] и представлены тремя компонентами, которые имеют соответствующие эмпирические маркеры: когнитивный (наличие представлений об истории и географии поселения, осознание общих черт местного сообщества и ключевых отличий от других сообществ); эмоциональный (характер восприятия людьми своего места проживания, комплекс чувств и эмоций, которые они испытывают, - чувство привязанности, гордости за свою «малую Родину», местный патриотизм); инструментальный (идентичность становится основой для коллективных действий в интересах территории и её жителей).

Социальный капитал является, как и локальная идентичность, «связующим» местные сообщества нематериальным ресурсом. Социальный капитал как «общественное благо» [8, 11, 19] воплощает в себе накопленное (институционализированное или деперсонифицированное) доверие, являющееся продуктом тех моральных норм и ценностей, которые сложились и функционируют в социокультурном пласте конкретного общества. Плотность горизонтальных сетевых отношений обеспечивает доверие не только к ближайшему социальному окружению, но и к институтам власти и позитивной оценки их роли. Социальный капитал как совокупность сетевых отношений солидарности, помощи, поддержки и взаимного сотрудничества порождает обширные положительные внешние эффекты, способствуя мобилизации гражданского участия и созданию различных структур коллективного действия [4]. Связывающий социальный капитал способствует формированию у жителей сельских территорий чувства гражданственности и ответственного участия в решении проблем сообществ [7]. Одним из результатов формирования ответственного гражданства у жителей территорий является «культура соучастия», на основе которой формируются и распространяются практики управления на основе сотрудничества [5]. Эмпирическими признаками развития социального капитала сельских сообществ являются уровень включенности в социальные сети (родственные, соседские, земляческие, гражданские и др.), наличие активно действующих сообществ локального характера в социальных сетях, в месседжерах.

Важной составляющей нематериальных ресурсов развития территории являются социально-психологические ресурсы, под которыми понимаются реальные или потенциальные психологические возможности локального сообщества, определяющие его социальную успешность [1, 2]. Социально-психологические ресурсы способствуют

оптимизации процессов социального взаимодействия, адаптации личности и группы в местном сообществе; позволяют оценить состояние социально-экономических условий жизни сообщества еще до диагностики экономических показателей; оказывают воздействие на социально-экономические условия жизни сообщества. В контексте исследования к социально-психологическим ресурсам развития сельских территорий относятся: уровень социальной солидарности сообщества, уровень доверия (поддержки) власти членами сообщества и уровень субъективного благополучия. Эмпирическими параметрами для определения уровня социальной солидарности в контексте исследования являются включенность в основные сферы жизни сообщества, уверенность в социальной поддержке, поддержка направления развития сообщества и общее разделяемое будущее.

Институты развития территорий как нематериальные ресурсы представлены широким набором институциональных практик, которые способствуют выработке местным сообществом в публичном пространстве локальной политики общих ориентиров и публичных ценностей социального общежития, определению стратегических целей и приоритетов развития. Такие институты закладывают систему координат взаимодействия субъектов локальной публичной политики, создания комплекса стимулов через особый процесс разработки политики, что находит свое объяснение в концептах «государства развития» [17, 18] и ответственного развития [10]. Институты развития сельских территорий в парадигме «государства развития» являются «проводниками» изменений, которые формируются в результате консолидированной деятельности местных сообществ и создают условия для инвестирования ресурсов в новые виды деятельности и освоение новых технологий. Лидеры, представители органов местного самоуправления становятся «предпринимателями» и «администраторами», которые способны формировать и реализовывать стратегии социально-экономического развития территорий, обеспечивать эффективное функционирование всех задействованных в данном процессе институтов. Институциональная среда локальной публичной политики выходит за границы сельских территорий и включает различные региональные и национальные институты развития (государственные и общественные фонды, программы поддержки экономической деятельности предпринимателей, хозяйствующих субъектов и социальных инициатив представителей и организаций местных сообществ). Эмпирическими признаками, позволяющими определить качество институциональной среды

сельских территорий, являются поддержка населением деятельности и инициатив лидера и органов местного самоуправления, наличие команды изменений, наличие стратегии развития территории и уровень ее проработки, уровень межсекторного взаимодействия в развитии территорий, использование представителями местных сообществ различных мер поддержки, представляемыми институтами регионального и национального развития.

Таким образом, теоретическая интерпретация отдельных нематериальных ресурсов позволило определить аналитическую рамку для их дальнейшего эмпирического исследования как многосоставного компонента в политике развития территорий. Согласно междисциплинарному подходу, предложенного авторским коллективом, политика развития сельских территорий является процессом выработки стратегических приоритетов и закрепления институциональных механизмов, позволяющим местным сообществам в практиках взаимодействия с органами власти различного уровня, бизнес-структурами и институтами гражданского общества, создавать, воспроизводить и использовать разнообразные ресурсы, в том числе и нематериальные, для достижения качественного нового уровня жизни населения. Кардинальным отличием данной модели является наличие социокультурного механизма интеграции традиций и инноваций в процессе выработки и реализации политики развития. Дальнейшие эмпирические исследования позволят авторскому коллективу определить успешные вариации нематериальных ресурсов в различных практических моделях политики развития сельских территорий.

Библиографический список

1. Горшков М.К. Неэкономические факторы экономического роста: неиспользованные резервы // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2013. № 2 (10). С. 33–43.
2. Журавлёв А.Л., Китова Д.А. Социально-психологические ресурсы развития общества в условиях цифровых технологий // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 2. С. 24–40.
3. Китинг М. Новый регионализм в Западной Европе // Логос. 2003. № 6. С. 67–116.
4. Мирошниченко И.В. Сетевой ландшафт российской публичной политики. Краснодар: «Просвещение-Юг», 2013. 295 с.
5. Мирошниченко И.В., Рябченко Н.А. Экосистема сетевого публичного управления: оценка готовности сетевого окружения к инновационным практикам (на примере субъектов РФ) // Человек. Сообщество. Управление. 2017. Т. 18. № 4. С. 6–21.

6. Михалкина Е.В., Косолапова Н.А. Оценка использования потенциала нематериальных ресурсов региона // *Пространство экономики*. 2018. № 1. С. 118–133.
7. Никовская Л.И., Якимец В.Н. Типологические особенности муниципальной публичной политики: специфика состоятельности институтов // *Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика*. 2021. № 14. С. 79–82.
8. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии. М., 1996. 288 с.
9. Плотицкина Н.В. Территориальная идентичность как ресурс политики сельского развития // *Среднерусский вестник общественных наук*. 2020. Т. 15. № 3. С. 18–28.
10. Семененко И.С. Горизонты ответственного развития: от научного дискурса к политическому управлению // *Полис. Политические исследования*. 2019. № 3. С. 7–26.
11. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: пер. с англ. М.: ООО «Изд-во АСТ»; ЗАО НПП «Ермак», 2004. 730 с.
12. About Human Development. URL: <http://hdr.undp.org/en/humandev>.
13. Bowen W. Investment in Human Capital and Economic Growth. 1968. Becker, GS Human capital: A theoretical and empirical analysis, with special reference to education. 1964. New York.
14. Voxman E. A. W., de Graaf P. M., & Flap H. D. The impact of social and human capital on the income attainment of Dutch managers // *Social Networks*. 1991. № 13 (1). С. 51–73.
15. Capello, R. Interpreting and Understanding Territorial Identity // *Regional Science Policy and Practice*. 2019. № 11. P. 141–158.
16. De Rubertis, S. Partecipazione e identita territoriale. Il caso di Castel del Giudice (Molise) // *Geotema*. 2018. № 56. P. 48–54.
17. Esteban Pérez Caldentey. The concept and evolution of the developmental state. // *International journal of political economy*. 2008. Vol. 37. N 3. P. 27–53.
18. Evans P. Embedded autonomy: states and industrial transformation. Princeton: Princeton university press. 1995. 336 p.
19. Krishna A. Enhancing Political Participation in Democracies: What is the Role of Social Capital? // *Comparative Political Studies*. 2002. Vol. 35. P. 85.
20. Mellander C., Florida R. The Rise of Skills: Human Capital, the Creative Class, and Regional Development. In: Fischer M.M., Nijkamp P. (eds) *Handbook of Regional Science*. Springer, Berlin, Heidelberg, 2021.
21. Place and the Politics of Identity. Ed. by M.Keith and S.Pile. New York: Routledge Press, 1993. 235 p.
22. Rokkan S., Urwin D. The Politics of Territorial Identity. London: Sage, 1982. 438 p.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ С ЮГО-ВОСТОКА УКРАИНЫ В ПОЛИКУЛЬТУРНУЮ СРЕДУ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ¹

PECULIARITIES OF SOCIO-CULTURAL ADAPTATION OF MIGRANTS FROM SOUTH-EAST UKRAINE INTO THE MULTICULTURAL ENVIRONMENT OF KRASNODAR REGION

Муха В. Н.

Кубанский государственный технологический университет, г. Краснодар

Mukha V. N.

Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

Аннотация: В статье представлены результаты социологического исследования социокультурной адаптации мигрантов с Юго-Востока Украины. На основании анализа данных анкетного опроса жителей Краснодарского края и результатов полуструктурированного интервью с мигрантами определены особенности социокультурной инкорпорации мигрантов, взаимные аккультурационные установки мигрантов и принимающего общества Краснодарского края.

Abstract: The article presents the results of a sociological study of the sociocultural adaptation of migrants from South-East Ukraine. Based on the analysis of questionnaire survey data of Krasnodar Krai residents and the results of semi-structured interviews with migrants the peculiarities of migrants' socio-cultural incorporation, mutual acculturation attitudes of migrants and the host society of Krasnodar Region are determined.

Ключевые слова: социокультурная инкорпорация, практики адаптации, аккультурационные установки, правовая адаптация.

Keywords: sociocultural incorporation, adaptation practices, acculturation attitudes, legal adaptation.

Социокультурная адаптация мигрантов заключается в приспособлении социального субъекта, будь то отдельная личность или же целая общность, к изменениям в ходе взаимодействия с новым социокультурным окружением, которое ведет в дальнейшем ведущего к модификации системы идентичности, изменению стереотипов поведения [1]. В свою очередь, социокультурная интеграция не предполагает простого приспособления, это единство сохранения себя как этнофора и одновременно приобретение новых социальных знаний

¹ Исследование выполнено в рамках проекта «Зеркальные лаборатории НИУ ВШЭ», проект «Ценности и межкультурные отношения в контексте транзитивного общества: кросс-региональный анализ».

и навыков, важных для существования в новой социальной среде, в иных социокультурных условиях. Успешная интеграция предполагает включение в другую культуру, без потери собственной социокультурной уникальности.

Адаптация и интеграция связаны между собой стадийно: мигранты, которые адаптировались к новым социально-культурным, политико-правовым, экономическим условиям, в дальнейшем смогут интегрироваться в местные сообщества, стать его частью. В рамках социокультурной интеграции субъекты взаимодействия связаны между собой в общем идентификационном и ценностном пространстве, что не может не сказываться на членах принимающего сообщества, менять, трансформировать их модели поведения, их социально-психологические установки.

Мигрантам проходят данные этапы в рамках процесса инкорпорации. Инкорпорация предполагает социально-экономическое, культурное, политическое включение мигрантов в принимающее сообщество, итоговой точкой которого выступает интеграция, гармоничное вхождение в новую социокультурную среду и принятие норм социального взаимодействия данной среды, что выражается в освоении норм среды, ее ценностей и правил поведения, что в свою очередь не предполагает потерю собственной этнокультурной идентичности. Сложность самого процесса инкорпорации и влияние на него как миграционной политики государства и региона, установок принимающего населения, так и от ожиданий самих мигрантов, что предопределило использование нескольких методов: анкетный опрос принимающего населения, полуструктурированное интервью с мигрантами, экспертный опрос.

В анкетный опрос были включены блоки вопросов, ориентированные на выявление: субъективной оценки миграционной ситуации в крае, отношения к мигрантам с Юго-Востока Украины и факторы, определяющие такое отношение, готовность оказывать помощь вынужденным мигрантам, наличие/отсутствие интолерантных установок, оценка положительных и отрицательных эффектов от присутствия мигрантов в крае и др. В анкетировании приняли участие 460 жителей Краснодарского края в 2021-2022 году. Обозначим общие тенденции которые выявил опрос:

1) Принимающее население в своем большинстве толерантно относится к мигрантам с Юго-Востока Украины, понимая вынужденный характер миграции, тогда как мигранты из других стран, а также мигранты внутренние воспринимаются менее толерантно.

2) Жители края видят преимущественно положительные эффекты от присутствия данной категории мигрантов, указывая на то, что мигранты работают в непрестижных, низкооплачиваемых сферах, меняют демографическую ситуацию в крае за счет омоложения структуры населения, селятся в сельской местности и тем самым нивелируют отток населения из этих мест и др. Часть опрошенных помимо положительных моментов указывает на отрицательные эффекты миграции среди которых прежде всего – дефицит рабочих мест в определенных сферах и рост преступности.

3) Дифференцированное отношение местного населения к украинским мигрантам: те, кто вынужденно уехал из зон вооруженного конфликта воспринимаются положительно, с сочувствием, с установкой помогать и содействовать адаптации, тогда как выходцы из других районов Украины, приехавшие как трудовые мигранты, воспринимаются отрицательно, как потенциальные конкуренты за рабочие места.

4) Большая часть опрошенных считает, что необходимы определенные действия как со стороны власти (федеральной и региональной), так и со стороны общественных организаций по адаптации вынужденных мигрантов. Среди направлений деятельности с мигрантами чаще всего фигурировала необходимость проведения информационно-разъяснительной работы как с самими мигрантами, так и с местным населением, содействие в трудоустройстве, оказание адресной социальной помощи, медицинское обслуживание и др.

Предыдущий этап исследования показал, что чаще, чем в остальных возрастных группах фиксировались интолерантные установки группе от 18 до 25 лет, была произведена довыборка респондентов этой возрастной группы (120 человек) и среди них проведен опрос.

Опрос показал, что более половины респондентов (62%) положительно оценивают миграционную ситуацию в крае, но отношение молодых людей к мигрантам зависит от страны исхода и этнической принадлежности мигрантов. Мнение респондентов относительно мигрантов из Юго-Востока Украины разделились, так около 30% относятся к данной категории мигрантов положительно, 40% – равнодушно и почти 25% указали на негативное отношение. Причиной негативного отношения преимущественно выступают вопросы трудоустройства и льготное поступление в вузы. Что вполне согласуется с положениями теории групповых угроз, которая объясняет

межэтническую напряженность в молодежной среде конкуренцией за работу и образование [2]. Причинами более выгодного положения мигрантов на рынке труда респонденты считают более низкие притязания на заработную плату и условия труда, согласие на неформальную занятость. Следует отметить, что по сравнению с 2019 гг., согласно исследованию проведенному среди молодежи Кубани К.А. Чернявской [3], выросло число негативно настроенных по отношению к мигрантам молодых людей. В целом, в молодежной среде можно выделить сегмент с преобладанием негативных межэтнических установок, что при определенных обстоятельствах может способствовать эскалации межэтнической напряженности в регионе. Данное обстоятельство требует дальнейшего внимания к этой возрастной группе, исследования причин и факторов, определяющих негативное отношение, разработку специализированных образовательных, информационных мероприятий по формированию толерантного отношения к мигрантам.

Метод полуструктурированного интервью использовался нами для определения адаптационных стратегий мигрантов. На предыдущем этапе исследования было 35 глубинных интервью с мигрантами с Юго-Востока Украины, которые позволили определить, что основными трудностями адаптации стали социально-экономические, из-за которых часть мигрантов вынуждена была поменять сферу деятельности, заняться менее престижными видами деятельности. Отношения с принимающим населением большая часть информантов оценивала как бесконфликтные, но отмечая, что существует напряженность внутри украинской диаспоры между «старыми» и «новыми» мигрантами.

В целом, вынужденные мигранты с территории Юго-Востока Украины обладают положительной комплиментарностью по отношению к принимающему сообществу. Но высокий уровень адаптированности не исключает трудностей, в частности в трудовой сфере, а также в области правовой адаптации.

Для понимания особенностей правовой адаптации часть интервью проводилась по расширенному гайдю, в который включались вопросы относительной правовой информированности, правосознания, включенности в неправовые практики. Уточним, что под правовой адаптацией понимают «процесс приспособления человека или группы к иной правовой среде, который включает получение новых правовых знаний, формирование правовых убеждений и реализацию на практике правомерного поведения» [4].

В свою очередь, правовая адаптация невозможна без правовой

культуры. Применимо к мигрантам, правовую культуру можно трактовать как «систему правовых ценностей и знаний, сформированных на основе общей системы ценностей, требований правового развития общества территории-донора и территории-реципиента и проявляются через повседневную и публичную деятельность»[4].

Анализ данных интервью показал, что правовая культура мигрантов коррелирует с образованием и уровнем квалификации. Низкий уровень образования, низкая квалификация, непрестижная профессия определяют установку на нелегальное трудоустройство. При этом данная группа мигрантов не готова отстаивать свои права, в большинстве случаев попросту о них ничего не знает, мирится с дискриминацией и нарушениями трудовых прав. Мигранты, обладающие высоким уровнем квалификации и образования, ориентированы на легализацию своего статуса и готовы отстаивать свои интересы законом путем. Готовность включиться в неправомерные практики трудоустройства, регистрации, получения разрешительных документов на работу чаще демонстрировали информанты с низким уровнем правовой культуры. Информанты с высшим образованием обладают большей правовой информированностью, мониторят изменения в области законодательства, чаще обращаются за квалифицированной юридической помощью.

В целом, можно отметить, что уровень правовой культуры влияет на успешность социальной адаптации мигрантов. Мигранты с высоким уровнем правовой культуры проявили большую адаптированность (нашли работу и жилье, включились в жизнь принимающего сообщества и др.). Но проблема формирования правовой культуры является актуальной, требует разработки комплекса мер, в том числе и информационно-разъяснительного характера.

Инкорпорация определяется множеством факторов, среди которых и социально-демографические характеристики мигрантов, культурная дистанция с принимающим сообществом, уровень социально-экономического развития самого региона миграции, в случае с украинской диаспорой этнокультурные факторы не являются препятствиями, что способствует более успешной и быстрой инкорпорации.

Библиографический список

1. Тужба Э.Н., Муха В.Н. Социальная адаптация мигрантов: теоретическая модель анализа // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. № 12. 2019. С. 137–140.

2. Мاستикова Н.С. Отношение к мигрантам сквозь призму ценностей российской молодежи // Власть. 2019. № 3.

3. Чернявская К.А. Отношение молодёжи Краснодарского края к мигрантам с Юго-Востока Украины // Молодежь XXI века: образ будущего / Материалы научной конференции XIII Ковалевские чтения 14–16 ноября 2019 года / отв. редакторы: Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2019. С. 684–685.

4. Биль М.М. Правовая культура как важная составная социально-экономической защищенности трудовых мигрантов Украины // Миграционные процессы: тренды, вызовы, перспективы: сборник материалов международной научно-практической конференции. Казань: Отечество, 2014. С. 46–53.

РОЛЬ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ФАКТОРА В СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ КАЛМЫКИИ В 2000–2010-е гг.¹

THE ROLE OF THE ETHNO-CONFESSIONAL FACTOR IN THE SOCIALIZATION OF THE YOUTH OF KALMYKIA IN 2000–2010

Намруева Л. В.

Калмыцкий научный центр РАН, г. Элиста

Namrueva L. V.

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Elista

Аннотация: В статье проанализирована этноконфессиональная социализация молодежи Республики Калмыкия в 2000-2010-е гг. Показано, что происходит повышение роли религиозных институтов, растет общественное признание конфессиональных организаций и их лидеров, молодежь активно приобщается к религии.

Abstract: The article analyzes the ethno-confessional socialization of the youth of the Republic of Kalmykia in 2000-2010. The role of religious institutions is increasing, the public recognition of confessional organizations and their leaders is growing, young people are actively joining religion.

Ключевые слова: Калмыкия, республика, калмыцкий этнос, этническая идентичность, социальный институт, традиционные конфессии, буддизм, православие, историко-культурное наследие, современная культура, вероисповедание, этническая социализация

¹ Подготовлено при финансовой поддержке в рамках научного проекта Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» (2020-2022 гг.)

Keywords: Kalmykia, republic, Kalmyk ethnicity, ethnic identity, social institution, traditional confessions, Buddhism, Orthodoxy, historical and cultural heritage, modern culture, religion, ethnic socialization.

Традиционные конфессии, являясь культуuroобразующей составляющей в системе духовных ценностей того или иного народа, направлены на сохранение национальной культуры, воспитание следования нравственным постулатам. Калмыкия является уникальным регионом, где буддизм, доминирующая конфессия, на протяжении четырех столетий гармонично взаимодействует с православием и исламом, приверженцы которых проживают на территории республики. Исследователи отмечают «целый ряд позитивных процессов в современной Калмыкии: рост авторитета традиционных религий, их влияния на сохранение историко-культурного наследия, формирование современной культуры региона. Отмечается активное участие представителей религиозных объединений в жизни общества» [9, с. 254]. Буддизм оказывает мощное влияние на процессы возрождения этнокультурных ценностей и выступает как важнейший фактор консолидации, сохранения и дальнейшего развития калмыцкого этноса. Об этом свидетельствуют рост количества верующих, увеличение численности религиозных общин, строительство новых и возвращение старых культовых зданий общинам верующих. В республике заметно выросло как количественном, так и качественном выражении число молодых людей, обращающихся к вере как к важному фактору. Республиканская власть, лояльно относясь к традиционным религиям в регионе, развивает религиозную инфраструктуру, содействует благоустройству священных мест, строительству хурулов, молельных домов. Ежегодно проводятся международные научно-практические конференции по развитию духовности.

Анализ публикаций, посвященных вопросам отношения молодежи к религии, свидетельствует, что за последние 20–30 лет наблюдалась тенденция к изменению религиозности в молодежной среде [4-8]. Однако увеличение числа молодых людей, признающих себя верующими, нельзя однозначно интерпретировать как стремительный подъем религиозности, как показатель глубоких изменений в мировоззрении этой возрастной группы. В значительной степени это связано с изменением государственной идеологии, когда в начале 1990-х гг. жесткий идеологический контроль сменился ориентацией на демократические нормы, в том числе и в вопросах вероисповедания. Появилась возможность для удовлетворения

духовных или интеллектуальных потребностей посредством религии. Именно в ней население находит моральную опору и надежду на гармонизацию жизни, средство духовно-нравственного совершенствования.

В условиях глобализирующегося мира фактор этноконфессиональной идентичности приобрел особое значение, конфессиональная принадлежность становится одним из основных этнических маркеров. Для калмыков, живущих на протяжении четырех столетий в тесном взаимодействии с народами иных культур и религий, конфессиональная принадлежность играет важную роль не только в идентификационном процессе, но и в сохранении своеобразной культуры. Религия, прочно укрепившись в эпицентре общественной, политической, идеологической жизни республики, играет функцию социального института и в рамках общепринятых морально-этических и правовых норм и ценностей.

В целях определения осведомленности молодежи проанализируем результаты опроса, проведенного в 2018–2019 гг. сотрудниками кафедры философии и культурологии Калмыцкого государственного университета [1, с. 110]. В исследовании было опрошено 1001 человек, жителей районов республики и г. Элисты. По признанию 46,7% опрошенных, они хорошо знают основы своей религии. Немного более трети, 36,9%, имеют неполное представление об основных положениях вероучения, при этом только 3,8% респондентов хорошо осведомлены об основах других религий. Практически ничего не знают об основных положениях других религий – 26,8%, а 20,7% вообще не интересуются такими вопросами. Эти данные показывают, что явно недостаточно опрошенное население знает основы религии, к которой относятся, еще более низкий уровень осведомленности о других конфессиях.

В раскрытии религиозной идентичности молодых жителей республики, представляющих две основные этнические группы (калмыков и русских) проанализируем результаты социологического исследования, проведенного нами в 2011 г. Опрошено 272 молодых человека, из них 54% калмыки и 46% русские. Старшеклассники составляют 52,8% от выборочной совокупности, студенты колледжа – 14,8%, студенты высших учебных заведений – 32,4% выборки. Респонденты, проживающие в г. Элисте, представляют 47,2% всего массива, респонденты-жители райцентров – 52,8 [8, с. 92].

Религиозность проанализирована по двум основным параметрам – религиозное сознание (верования) и религиозное поведение (практика). Для определения религиозной идентичности был задан закрытый

вопрос «Являетесь ли вы верующим человеком?», в котором прилагались три варианта ответов. Полученные данные показывают, что 62,8% калмыков и 84,3% русских считают себя верующими. Отметим, что среди русских респондентов велика доля тех (68,8%), кто верует, но не соблюдает всех обрядов, т.е. их характеризует невключенность в религиозную жизнь.

Среди верующих респондентов-калмыков в равной мере распределено соотношение тех, кто соблюдает обряды и обычаи (31,4%), и тех, кто этого не делает (31,4%). Согласно разделяемому нами мнению Л.Б. Четыровой, религиозность калмыцкой молодежи заключается в следовании ритуалам, но не в знании вероучения. Большинство молодых людей плохо представляют себе главные положения вероучения той религии, к которой себя причисляют. Молодые калмыки считают себя религиозными, полагая, что традиции должны воспроизводиться, и следуют им. Их сакральное и социальное значение раскрывается у калмыков при помощи буддийской религии. В ритуале как действии представляются и выражаются рождение, смерть, женитьба, и одновременно даются в опыте и подтверждаются коллективные религиозные установки [12]. Таким образом, полученные данные свидетельствуют, что среди русских и калмыцких респондентов преобладают те, кто считает себя верующими, но которые не соблюдают все религиозные обряды.

Неверующими себя назвали 16,4% респондентов-калмыков и 15,7% респондентов-русских, которые при этом уважают религиозные чувства других. Исследователи отмечают, что «в республике отсутствуют предпосылки для конфликтов на религиозной почве, политика органов власти и управления способствует формированию толерантного сознания, взаимопонимания людей разных национальностей и вероисповеданий» [2].

Один из вопросов анкеты выявлял причины того, почему молодые люди обращаются к религии. Анализируя данные, отметим, что одинаковое количество, четверть опрошенных в обеих группах, не тянется к религии (27,7% калмыков, 27,5% русских). Большая часть респондентов (72,2% калмыков, 72,5% русских) призналась, что они приобщаются к религии. Основной причиной обращения к вере является потребность в духовно- нравственном совершенствовании. Далее мотивация обращения к религии несколько различается: респонденты-русские в большей степени, чем калмыки, ищут в религии утешение в горе, в жизненных трудностях. А респонденты-калмыки в большей степени, чем русские, тянутся к религии, потому что это

приобщает их к национальной традиции, вере предков [8, с. 92].

В объяснении этих различий воспользуемся выводами Б.М. Муняновой, сделанными ею по итогам многолетних исследований в регионе. Она отмечает, что «у калмыцкой молодежи более выражено по сравнению с русскими стремление к таким национально-культурным формам жизнедеятельности, как этнические обряды, традиции, религия, приобщение к истории и культурным достижениям своего этноса, что свидетельствует о росте национального самосознания, стремления к сохранению и реализации своей этничности» [3].

В приобщении современных молодых людей к традиционному вероисповеданию помимо этнокультурных запросов отметим и прагматические цели: решение каждодневных проблем («продлить жизнь», «устранить препятствия, «открыть дорогу» для успехов в учебе, деле, во взаимоотношениях с людьми). В этой связи верно утверждение О.М. Хомушку о том, что «современный человек, а тем более молодой, опирается на религию в основном при решении каких-либо своих внутренних вопросов, отбирая в ней для себя то, что наиболее соответствует его жизненному опыту, уровню знаний, психологическому состоянию, душевному складу» [11]. Можно констатировать, что для молодых калмыков буддизм является определенной системой взглядов и действий, которые ими восприняты в детстве, а затем благодаря социальным институтам образования, республиканских СМИ, буддийских общин превратились в привычную форму отношения к действительности. При этом у части верующих преобладает культурная или внешняя составляющая (участие в праздниках, ношение амулетов, четок и т.д.). У другой части, напротив, превалирует собственно религиозная сторона, которая проявляется в потребности в самообразовании, углубленном чтении и постижении буддийской литературы, строгом соблюдении принципов учения и т.д.

Таким образом, в Калмыкии заметно возросла как количественном, так и качественном выражении численность молодых людей, которые обращаются к вере как к значительному для себя фактору. Традиционные конфессии играют важную роль на этническую социализацию молодежи, формирование ее ценностных ориентаций, влияние на их жизнедеятельность. Молодежь Калмыкии включена в процессы возрождения традиционных религий — буддизма и православия. Необходимо дальнейшее изучение этноконфессиональных процессов в молодежной среде, чтобы определить перспективы развития традиционных религий в данном регионе, а также для понимания развития духовности в этой возрастной группе.

Библиографический список

1. Бадмаев В.Н., Пурэвсурэн Б. Феномен идентичности и этнокультурное многообразие народов в регионе (по материалам социологического исследования в республике Калмыкия) // Вестник Калмыцкого университета. 2019. № 4 (44). С. 108–114.
2. Марзаева М.Б. Религиозная ситуация во 2-й половине XX века // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Элиста: ГУ «Издательский дом «Герел», 2009. Т. 3. Г. 6. С. 343–363.
3. Мунянова Б.М. Формирование этнонациональной идентичности калмыцкой молодежи в условиях модернизации // Вестник Регионального института инновационных исследований. 2010. № 1. С. 114–122.
4. Намруева Л.В. Конфессиональный фактор в идентификационных процессах (по итогам опроса 2008 года в Калмыкии) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2009. № 1. С. 59–64.
5. Намруева Л. В. Конфессиональная идентичность монголоязычных народов // Социологические исследования. 2012а. № 2. С. 124–128.
6. Намруева Л.В. Молодежь и возрождение этнической культуры в Калмыкии // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012б. Т. 5. № 4. С. 76–80.
7. Намруева Л.В. Этническая социализация молодежи Республики Калмыкия (анализ 2000–2010-х гг.) Элиста: КИГИ РАН, 2015. 195 с.
8. Нуксунова А.М. «Твердые» и «текущие» типы идентичности молодых калмыков // Вестник Адыгейского государственного университета. 2017. Вып. 2(199). С. 104–108.
9. Очирова Н.Г. Традиционные религии и межконфессиональные отношения в современной калмыкии // Ислам и исламоведение в современной России: сборник докладов Всероссийского исламоведческого форума (Махачкала, 27–28 сентября 2019 г.). Махачкала: ООО «АЛЕФ», 2019. С. 246–255.
10. Уланов М. С., Грищенко А. М. Буддизм и православие в социокультурном пространстве современной Калмыкии: опыт межконфессионального диалога // Вестник Калмыцкого университета. 2022. № 3 (55). С. 143–150.
11. Хомушку О.М. Этнические особенности культуры человеческой общности // Мир психологии. Научно-методический журнал. № 1 (45). 2006. С. 161–170.
12. Четырова Л.Б. Калмыки: между Востоком и Западом // Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация / под ред. Ю.В. Попкова. Новосибирск: Нонпарель, 2010. 449 с. Раздел V. С. 292–332.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ФЕНОМЕНА НАЦИОНАЛИЗМА ПРИ ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА: НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦИИ

THE ORIGIN OF THE PHENOMENON OF NATIONALISM DURING THE FORMATION OF THE NATIONAL STATE: ON THE EXAMPLE OF FRANCE

Николаев Ю. Б.

Донецкий национальный университет, г. Донецк, ДНР

Nikolaev Yu. B.

Donetsk National University, Donetsk, DPR

Аннотация: Исследование процесса формирования французской нации позволило выявить возникновение системы конфликтных ситуаций, в следствии чего в этнических группах появляются националистические настроения и движения. Выявленные процессы являются типовыми и протекают при формировании нации в любом полиэтническом государстве.

Abstract: The study of the process of formation of the French nation has revealed the emergence of a system of conflict situations, as a result of which nationalist sentiments and movements appear in ethnic groups. The identified processes are typical and take place during the formation of a nation in any multi-ethnic state.

Ключевые слова: нация, этническая территория, национализм, национальное движение, сепаратизм, формирование национального государства, полиэтническое государство.

Keywords: nation, ethnic territory, nationalism, national movement, separatism, formation of a national state, multiethnic state.

Актуальность настоящего исследования определяется установлением обстоятельств возникновения мотивации националистических настроений в процессе формирования нации в полиэтничном государстве, каким была Франция накануне революции 1789 г. Это позволяет использовать полученный опыт в российских условиях. Целью данного исследования является изучение процесса возникновения феномена национализма при формировании французской нации.

Исследованием феноменов нации занимались десятки специалистов. Среди наиболее полезных для настоящего исследования стали труды Ю.И. Семёнова, В.А. Тишкова, Ф.Т. Барта, Р.Т. Белла, Э.А. Геллнера, М. Гроха, Э.Д. Хобсбаума.

На момент начала революции 1789 г. Франция представляла собой типичное полиэтническое государство и делилась на 34 исторические

провинции, население которых говорило на местных языках групп [3, с. 10].

Итогом начального этапа революционных преобразований стало принятие Учредительным собранием Франции Конституции 3 сентября 1791 года, провозгласившей, что «Суверенитет принадлежит нации: он един, неделим, неотчуждаем и неотъемлем [6, с. 116]. Нация становится единственным источником всех властей и реализовывает свои права путем уполномочия [6, с. 112–113]. Конституция 1791 г. превращала Францию в национальное государство в форме конституционной монархии. От короля суверенитет перешёл к нации, которая делегировала ему права исполнять предусмотренные конституцией функции [6, с. 116]. Преамбулой конституций 1791; 1793 и 1795 гг. стала Декларация прав человека и гражданина, принятая Учредительным собранием 26 августа 1789 года, что превратило её в символ Великой французской революции и национальную идею Франции.

Равенство жителей государства означает, что любой из них может стать его руководителем. На момент революции 1789 г. подавляющая часть населения Франции не владела французским языком, а значит и не имела такого права. В Декларации прав человека ничего не говорится ни о существовании в государстве национальных меньшинств, ни об их правах. Следовательно, первоначально Декларация касалась только представителей доминирующей во Франции этнической группы франков, на языке которой разговаривала столица государства и примыкавшие к провинции Иль де Франс регионы. По мере освоения французского языка представители иных народов страны вливались в общность, на которую распространялась провозглашённые декларацией права. Ключом к успеху в преодолении энтропии и налаживании коммуникативных систем в национальном государстве Э.А. Геллнер называет ассимиляцию [4, с. 146–147].

Постановление Национального учредительного собрания Франции от 22.12.1789 г. отменило старое административное деление страны на провинции [6, с. 68]. В марте 1790 г. реформа завершилась и европейская территория Франции была разделена на 83 департамента. В результате французское государство из полиэтнического, субъекты которого формировались по этническому принципу, превратилось в унитарное. Все департаменты были сформированы по территориальному принципу, наделены одинаковыми правами и не имели законодательных органов, что создавало гомогенную структуру государства и укрепляло его централизацию [6, с. 68].

В процессе формирования французской нации в центре событий находилась доминирующая в государстве этническая группа франков, представители которой считали французское государство своим и являлись наиболее патриотически настроенной частью его населения. В глазах остального населения страны доминирующая этническая группа становится титульной и ассоциируется со всем государством в целом. Представители недоминирующих этнических групп оказались формальными гражданами государства, поскольку им ещё только предстояло овладеть национальным языком и приобрести национальное самосознание.

С начала французской революции возникла проблема доведения до народа революционных идей и содержания принимаемых декретов [10, с. 216]. С целью её решения в сентябре 1791 г. Ш.М. де Талейран предложил ввести обязательное обучения французскому языку в начальных школах [10, с. 216]. В дальнейшем идею продвижения единого языка развивал аббат А.Ж. Грегуар, который, являясь депутатом Конвента, «становится во главе движения за уничтожение местных диалектов и национальных языков» [10, с. 221]. А.Ж. Грегуар исследовал языковую ситуацию в стране и 4 июня 1794 года представил Конвенту свой доклад. В нём он указывал: «Можно без преувеличения заверить, что по меньшей мере шесть миллионов французов, проживающих в сельской местности, не знают национального языка; что примерно такое же количество не в состоянии поддерживать беседу на нём; что в конечном итоге число тех, кто говорит на нем чисто, не превышает трех миллионов; и, вероятно, число тех, кто пишет на нем правильно, еще меньше» [9].

Основой формирования нации в полиэтническом государстве является единый язык [11]. Проблему выбора официального языка в государстве исследовал британский лингвист Р.Т. Белл. По его мнению оптимальным вариантом выбора может стать язык народа, имеющего наиболее развитую литературу и культуру [2, с. 226]. Данный подход в лингвистике получил название «Великой традиции» [14].

Значительная роль в процессе формирования французского национального государства была отведена министерству образования, целью которого стало обучение населения государства национальному языку; овладение знаниями национальной истории и приобщения к национальной культуре.

Французская нация формировалась из десятков этнических групп путем проведения целого ряда реформ и является социальным конструктом. При реализации конструктивистской модели

формирования нации представителей недоминирующих этнических сообществ необходимо обучить единому языку и увлечь объединяющей национальной идеей [14, с. 44–46]. Во Франции Национальной идеей стала Декларация прав человека и гражданина и девиз «Свобода, равенство, братство», впервые произнесённый Максимилианом Робеспьером в его речи «Об организации Национальной гвардии», произнесённой в Национальной ассамблее 5 декабря 1790 г. [16, с. 643].

В сентябре 1792 г. Конвент отменил Конституцию 1791 г., упразднил королевскую власть и взял на себя подготовку новой конституции [6, с. 156–157]. Статья 122 Второй Конституции Франции, принятой Конвентом 24 июля 1793 г. гарантировала французам всеобщее образование [6, с. 156–157].

Значительное влияние на развитие народного образования оказал доклад Ж.А. Кондорсе «Об общей организации народного образования», сделанный апреле 1792 г. и План Национального воспитания Л.М. Лепелетье от 13 июля 1793 г. [6, с. 441–445]. В 1793 и 1795 гг. были опубликованы Декрет об образовании начальных школ [6, с. 454–464]. Во Франции был создан инструмент формирования нового гражданина республики, воспитанного на идеалах революции и владеющего официальным языком [7, с. 366]. Единство норм национального языка утвердилось с введением в 1896 г. во Франции обязательного начального обучения [7, с. 367–368].

Развитие капиталистических отношений требовало формирования единых рынков товаров, капиталов и труда в масштабах всего государства. «Члены зрелого индустриального общества нуждаются в беспрепятственных коммуникациях и беспрепятственной мобильности», – указывал Э.А. Геллнер [4, с. 328]. Формирование единой французской нации вынуждало членов недоминирующих этнических групп к обязательному изучению французского языка и приобщению к национальной культуре, что вытесняло на периферию общественной жизни страны языки и культуры малых этносов, делая их маргинальными. Так происходит ассимиляция представителей недоминирующих этнических групп, которой не возникало в предшествующие исторические эпохи.

Маргинализация языков и духовных ценностей недоминирующих этнических групп на их собственной этнической территории, воспринимается его членами как нарушение их естественных прав и вызывает у них эмоции негодования, формирующие националистические чувства, о которых говорил Э.А. Геллнер [4, с. 23].

На этой почве происходит зарождение системы конфликтной ситуации между доминирующей и каждой недоминирующей этнической группой в отдельности. Пути их разрешения заключались в полной ассимиляции малых этнических групп, либо созданием ими собственных национальных государств. Последние М. Грох называет нациями второго этапа [5, с. 121–145]. Доминирующая этническая группа полиэтнического государства будет расценивать такие действия как национализм и сепаратизм.

Таким образом, модель возникновения национализма выглядит следующим образом:

1. В период наступления индустриальной эпохи роль коммуникативной системы возрастает, что приводит к формированию национальных государств с единым официальным языком [4, с. 163].

2. Официальным в государстве становится язык доминирующей этнической группы. В привилегированном положении оказывается не только язык, но и культура этой группы. Одновременно языки и культуры всех иных этнических групп страны вытесняются из государственной жизни и маргинализуются.

3. Для нахождения в мейнстриме, представители недоминирующих этнических групп вынуждены изучать язык титульной этнической группы и приобщаться к её культуре. Процесс ассимиляции недоминирующих этнических групп происходит на их собственных этнических территориях, которые они считают своей родиной, воспринимается ими как нарушение их естественных прав, что стимулирует возникновение у их членов эмоций негодования, недовольства, раздражения, обиды, гнева, ярости и т.п., формирующих чувство национализма, как составляющее более общего чувства собственного достоинства [4, с. 23].

4. Националистическое чувство представителей недоминирующих этнических групп направлено против титульной этнической группы и государства в целом [5, с. 121–143; 13, с. 146–147]. Нивелирование националистических настроений осуществляется путём формирования и продвижения национальной идеи, а также создания благоприятных условий для ассимиляции этнических меньшинств. Национализм недоминирующей этнической группы, по определению Дж. Брейли – «сепаратистский национализм» [1, с. 49].

5. В процессе формирования национального государства языки и культуры доминирующих этнических групп не маргинализуются, а наоборот ускоренно развиваются, их представители, например,

англичане, русские, французы и т.п. априори не могут быть националистами.

6. Националистические чувства представителей доминирующих этнических групп может проявляться только в форме шовинизма, который является следствием. Такой национализм Джон Холл называет «интегральным» [15, с. 1–27; 12, с. 9].

7. Политику в отношении нивелирования угроз, исходящих от националистических элементов, в том числе преодоления последствий негативного влияния украинского национализма в новых субъектах Российской Федерации политику необходимо строить исходя из выводов данной статьи.

Библиографический список

1. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология: Учебник для вузов. М.: Аспект-Пресс 1999. 271 с.
2. Белл Р.Т. Социоллингвистика. Цели, методы и проблемы. М.: Международные отношения. 1980. 320 с.
3. Гак В.Г. Введение во французскую филологию. М.: Юрайт. 2019. 303 с.
4. Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс. 1991. 320 с.
5. Грох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм. М., 2002. С. 121–145.
6. Документы истории Великой французской революции. В 2-х т. Т. 1 / отв. ред. А.В. Адо. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1990. 528 с.
7. Катагощина Н.А., Гурычева М.С., Аллендорф К.А. История французского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1963. 448 с.
8. Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др.; пер. с англ. и нем. М.: Праксис, 2002. 416 с.
9. Отчет Анри Грегуа Национальному Конвенту Франции «О необходимости и способах уничтожения языка патуа и универсализации использования французского языка» от 4 июня 1994 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.axl.cefan.ulaval.ca/francophonie/gregoire-rapport.htm> (дата обращения 13.02.2022).
10. Сергиевский М.В. История французского языка. Учебник для высших учебных заведений. М.: Учпедгиз. 1938. 216 с.
11. Тишков В.А., Шабаетов Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности. М.: Изд-во Московского ун-та, 2011. 375 с.
12. Федоров С.Е., Филюшкин А.И. История и теория наций и национализма. Учебник. СПб.: Изд-во СПб. ун-та. 2016. 208 с.
13. Хобсбаум Э.Д. Нации и национализм после 1780 года. СПб: Алетейя, 1998. С. 146–147.
14. Fishman, J. National Languages and Languages of Wider Communication in the Developing Nations. Whiteley. W.H. 1971. P. 27–56.

15. Hall J.A. Nationalisms: Classified and Explained. «Daedalus» (Summer 1993). MIT Press. USA. P.1–27.

16. Robespierre M. Œuvres complètes de Maximilien Robespierre (фр.). Presses universitaires de France. 1950. Т. VI. с. 643.

ЦЫГАНСКИЙ ЯЗЫК И ЕГО ДИАЛЕКТЫ КАК ВЫРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО КОДА В УСЛОВИЯХ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

THE GYPSY LANGUAGE AND ITS DIALECTS AS AN EXPRESSION OF THE CULTURAL CODE IN THE CONTEXT OF INTERETHNIC INTEGRATION

Nor V. A.

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Nor V. A.

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация: В статье рассматривается цыганский язык как часть этнокультуры, а именно как элемент культурного кода цыганского народа. Язык интегрирует в себе особенности жизнедеятельности и является важной формой передачи культуры последующим поколениям. Цыганский язык существует в виде различных диалектов, как похожих друг на друга, так и нет. Межэтнические процессы и культурное смешивание оказывают сильное воздействие на будущее состояние языков цыганских народов.

Abstract: The article considers the Gypsy language as a part of ethnic culture, namely as an element of the cultural code of the Gypsy people. Language integrates the features of life and is an important form of culture transmission to subsequent generations. The Gypsy language exists in the form of various dialects, both similar to each other and not. Interethnic processes and cultural mixing have a strong impact on the future state of the languages of the Roma peoples.

Ключевые слова: этническая культура, культурный код, национальный язык, диалекты, цыгане, цыганский язык, романи, языковые различия, этнические меньшинства, этнос.

Keywords: *ethnic* culture, cultural code, language, dialects, gypsies, gypsy language, romani, language differences, ethnic minorities, ethnos.

Введение. Потребность в исследовании социокультурного опыта прошлого и проблем преемственности культуры является перманентно актуальной сферой исследований.

Исторически сложившаяся система социокультурных коммуникаций, поступков, деятельности людей, их жизненная позиция,

стратегии их поведения и все то, что относится к психологическим аспектам той или иной нации, воплощается в виде культурного кода. Культурный код интегрирует в себе целостность духовно-нравственных, семейно-бытовых, хозяйственно-экономических и других особенностей, считающихся общепринятыми для людей, как представителей той или иной нации, и передаваемых из поколения в поколение в рамках культурно-цивилизационных границ посредством обучения и воспитания, сохранения и их дальнейшего воспроизводства.

Язык как элемент культурного кода. Неотъемлемым компонентом культурного кода той или иной этнокультурной общности и его передачи последующим поколениям является язык. Язык представляет собой уникальную систему архетипов народов и характеризует духовно нравственные установки людей, их менталитет. Мышление людей родном языке, его использование в процессе коммуникации является важным инструментом познания, интерпретации и структурирования мира.

Многие известные филологи и лингвисты, например, И. Гердер, В. фон Гумбольдт, К. Фосслер, Э. Бенвенист говорили о свойстве и способности языка оказывать воздействие на формирование народной культуры, психологии и творчества.

Один из известных американских лингвистов и культурологов начала XX в. Э. Сепир занимался изучением взаимосвязи языка и культуры. В его работе «Избранные труды по языкознанию и культурологии» отмечалось, что язык предшествует культуре и является инструментом её выражения [2, с. 42]. Эту мысль разделял отечественный культуролог Ю.М. Лотман.

Позже французский этнолог К. Леви-Стросс предложил свою формулу: «Язык – часть культуры, её продукт и её основание. ...Язык не существует... вне культуры» [2, с. 185]. Таким образом, язык – созданный на протяжении многих веков феномен, составляющий важную часть культуры определенного народа, и не может быть оторван от неё.

С конца XX столетия и по сегодняшний день проблема соотношения «языка и культуры» перемещается в центр внимания исследователей и становится одним из приоритетных направлений в развитии науки о языке. Язык накапливает и наследует культуру, а самыми распространёнными формами сохранения культуры являются сказки, пословицы, молитвы, народные предания, родословные [2, с. 245].

Язык как проявление культуры является динамичным феноменом:

меняются значения слов, уходят устаревшие языковые формы, появляются новые [2, с. 243]. Каждая последующая культурная волна приносит с собой новые лексические заимствования, изучение которых может служить комментарием к истории культуры и определить направление инокультурного влияния на народ. Языковые различия – свидетельства различий в культуре [2, с. 245]. В нынешних условиях язык рассматривается как инструмент групповой стереотипизации поведения, система кодирования и передачи информации, а одной из основных функций, которую он выполняет, является социальное дифференцирование общества.

Цыганский язык и диалекты. Отдельные малочисленные народы России до сих пор сохраняют черты традиционного уклада, соответствующие культурные механизмы, бесписьменную передачу своего культурного наследия. К числу таких народов можно отнести цыган. Исторически они не имели развитой государственности, с чем связана ограниченная традиционно коммуникативная сфера. Поэтому социокультурное развитие и интеграция цыганского народа рассматривается в контексте развития их коммуникативного пространства, в том числе через развитие письменности на родном языке.

До 1780-х гг. происходит накопление отдельных сведений об этом народе и его языке, предпринимаются первые попытки его изучения. Впервые цыганский язык и его происхождение были описаны в работе Э. Борде «Первая книга введения в знание» и философском трактате Я. Томасиуса «Философская диссертация о цыганах».

Й. Рюдигером в статье 1782 г. была показана связь цыганского языка с индоарийскими диалектами, и цыганский язык романи был отнесен к индоарийской ветви индоевропейских языков.

Формальное выделение цыгановедческих исследований в качестве отдельной научной специализации устанавливается с 1980 гг. Так, например, в Карловом университете Праги с 1990–1991 гг. введена такая специальность, как ромистика (исследования цыганской культуры и языка). В университетах Франции, Италии, Словакии, Румынии, Великобритании появились отделения ромологии и спецкурсы по цыганскому языку и культуре. Начали проводиться национальные и международные конференции. После 1990 г. резко увеличилось количество исследований романи и публикаций на романи, а уже к 2003 г. появилось более 500 монографий, полностью или частично написанных на цыганском языке и большое количество публикаций о нём.

В России начало изучения цыганского языка относят к 1851 г., когда в свет вышла работа М. Григорьева «Формы и словарь цыганского языка». На её основе Отто фон Бетлингк – российский и немецкий учёный в 1853 г. опубликовал свою статью «О языке цыган России».

Интерес к изучению цыганского языка не угасает и в последнее десятилетие: значительно увеличилось число ученых, изучающих романи, цыганский язык получил признание на политическом уровне, а некоторые страны (Швеция, Финляндия, Македония) и вовсе признали романи в качестве официального языка этнического меньшинства. В США используют цыганский язык и в официальных документах.

В числе лиц, относящих себя к цыганам, имеется большое разнообразие цыганских субэтнических групп и, следовательно, сам цыганский язык существует в форме многочисленных диалектов, чаще всего в бесписьменной форме, некоторые из которых настолько сильно различаются, что их носители не могут полноценно понимать друг друга.

С середины XIX в. начинается процесс активного изучения цыганских диалектов учеными, в том числе знаменитыми лингвистами этого периода 1840–1870 гг. – А.Ф. Поттом, Г. Асколи, В. Миклошичем, в первой четверти XX в. – Дж. Симпсоном и Р.Л. Тернером. После того, как с середины XIX в. государственные учреждения начали систематизировать данные о народах России, появляется ряд описаний отдельных диалектов цыган.

После длительного перерыва, вызванного революцией, Гражданской войной и принятием в 1918 г. «Декларации прав народов России», в стране была реализована политика «языкового и культурного строительства», направленная на развитие языков и литературы народов СССР, обучение грамоте и создание письменности для бесписьменных языков. В этот период государство активно поддержало исследования цыганского языка, развитие образования и литературы на цыганском языке (в качестве такого был выбран диалект русских цыган, в то время как цыганское население СССР говорило на разных диалектах).

Со сменой идеологических установок в политике СССР и формированием новой общности – советского народа, использование нерусских языков стало нежелательным. Все исследования цыганской культуры и диалектов были прерваны, публикации были прекращены.

В 1960–1970 гг. вместе с новыми авторами, среди которых носители цыганского языка, исследования возобновляются, а с 1990 г.,

когда был отменён государственный идеологический контроль, их количество резко растёт.

Работа английского лингвиста Ярона Матраса «Классификация цыганских диалектов: географическо-историческая перспектива» представляет нижеописанную общепринятую классификацию цыганских диалектов [5, с. 7–26].

Наиболее известная по количеству носителей и распространению по территориям влашская группа диалектов, включает две подгруппы: старовлашскую или южно-влашскую и нововлашскую или северно-влашскую. Первоначально влашские диалекты сформировались среди групп цыган, проживающих в среде румыноговорящего населения. Сейчас эти диалекты используют цыгане-сэрвы, проживающие на постсоветском пространстве, однако, их говоры находятся под угрозой вымирания вследствие влияния на них украинского и русского языков. К говорящим на влашских диалектах можно отнести и цыган-влахов. В результате миграций эта субэтническая группа цыган распространилась от Правобережной Украины до ареала обитания сэрвов, в частности в южных областях России. Также к носителям влашских цыганских диалектов относят цыган-кэлдэрбров, ловарей и кишиневцев [4, с. 1].

Следующая группа диалектов – северная, в которой выделяются северо-западные диалекты, сформировавшиеся и распространённые в Западной Европе, диалект цыган Финляндии каалэ и северо-восточные диалекты прибалтийских стран, Польши и севера России. Северо-западные диалекты присущи цыганам-синти в Германии, Австрии, Северной Италии и т. д., однако, между ними существуют некоторые отличия в лексике за счет большего числа немецких заимствований и влияния польско-цыганских диалектов. Северо-восточные диалекты близки друг к другу и взаимопонимаемы, но с локальными разновидностями: русскоцыганский или севернорусский диалект, диалект «польских» цыган Западной Белоруссии и Латгалии (область Латвии), говор сибирских цыган (сибиряки, тоболяки), литовских цыган, диалект латышских цыган.

Работы некоторых учёных цыганологов также посвящены изучению конкретных диалектов цыган. Так, например, исследованием диалекта севернорусских цыган занимается Шаповал В.В., который в 2007 г. опубликовал работу «Самоучитель цыганского языка. Русская рома: севернорусский диалект». С середины 1980-х гг. русскоцыганский диалект исследует и А.Ю. Русаков, который выпустил несколько работ, посвященных данному диалекту, в том числе и языковые материалы.

Другая группа диалектов – балканские диалекты (сформировались на Балканах), на которых говорит основная часть цыганского населения в Турции, Греции, Болгарии, Македонии, Албании и Косово.

Существует и центральная группа цыганских диалектов, которые распространены в основном в Чехии, Словакии, Словении, а также включают в себя карпатские диалекты.

Отдельно можно выделить диалекты пара-романи, не включённые в данную классификацию, относящиеся к группам цыган, географически оторванных от основной зоны их расселения в Европе. Эти диалекты со временем всё больше утрачивают себя и исчезают (Уэллса (Британия), диалекты испанских калэ, диалект финских каалэ).

В России наибольшее число цыган – носители северо-восточной группы диалектов (русска рома, сибирска рома), влашской (нововлашской: кэлдэрари, ловари, кишинёвцы; старовлашской: сэрвы, влахи), балканской (крымские цыгане).

Цыганский язык и процессы межэтнической интеграции. В современную эпоху полиэтничности, в условиях тесного взаимодействия различных культур особое значение приобретает проблема сохранения культурной специфики. Прежде всего, это касается национальных меньшинств, имеющих существенные отличия от окружающего их этнокультурного большинства.

В Российской империи цыганский народ без собственной территории, государственности и письменности не представлял особого интереса для государства, поэтому цыгане оставались вне процессов распространения грамотности, образования, никакой специальной политики в отношении их не проводилось [1, с. 35–80]. Эти условия говорили о низкой реализации их потребностей в образовании и культуре, нежели у других народов. Ещё одной проблемой было различие цыганских диалектов и невозможность создания учебных материалов сразу на нескольких цыганских языках – за основу разработки был взят только диалект русских (северо-русских) цыган и большая часть народа оказалась неохваченной образованием. Кроме того, предоставление образовательных средств и ресурсов для обучения цыган зависело напрямую от властей, в интересах которых было в первую очередь русскоязычное население.

Такая ситуация обусловлена сохранением традиционных форм в цыганской среде, сложностями взаимодействия с инокультурным окружением, трансляцией своей этнокультуры [3, с. 49–51], а также неадаптированностью образовательных учреждений к потребностям цыганских учащихся [3, с. 51–74]. К русской культуре самой

адаптированной группой цыган являются русска рома (русские цыгане), они имеют более высокий образовательный уровень, чем представители других групп.

В ходе проводимого нами исследования, методом которого являлось глубинное интервью, а целью – выявление социокультурных характеристик цыган Краснодарского края, выяснилось, что цыгане, как национально-этническая группа действительно является одной из наиболее закрытых групп. Большая часть респондентов-цыган традиционно сохраняют свои культурные и психологические черты, несмотря на то, что они достаточно давно обосновались и ассимилировались на территории края, в частности в г. Краснодаре и Славянском районе Краснодарского края. В крае наиболее многочисленными являются русска рома, котляры, сэрвы, ловари и влахи. Цыгане, принявшие участие в исследовании являются выходцами из Молдавии, Узбекистана, а также представителями крымских цыган (Крымы) (говорят на собственном диалекте, с лексическими заимствованиями из крымско-татарского и русского языков). Местные цыгане неплохо говорят на русском, достаточно для понимания и взаимодействия с окружением, а диалекты используют для диалогов с представителями своей национальной группы, в семье, общине. Хоть и не пишут на своём языке и не изучают в школе, но с детства общаются, слышат его и передают из поколения в поколение. Большинство цыган понимают друг друга благодаря схожести диалектов, заимствованию и долговременному проживанию на данных территориях. В школе, обучаются в специализированных классах, численность которых небольшая, одноклассники в основном – такие же цыгане, однако, есть и русские, ученики с низким уровнем знаний. Уроки проходят на русском языке, так как все его понимают.

Система образования для цыган является важнейшим каналом культурной адаптации к условиям полиэтничного общества и интеграции в него.

В настоящее время существует множество документов, регламентирующих использование родных языков. В России – это Конституция РФ (ст. 68, п. 2), Закон РФ «Об образовании», Закон РФ «О языках народов Российской Федерации», Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС). На международном уровне – Конвенция ООН о правах детей (1989), Европейская Хартия о региональных языках и языках этнических меньшинств (1992), Декларация ООН (1993) о правах народов, принадлежащих к национальным, этническим, религиозным и

языковым меньшинствам, на публичное использование своих языков и на их развитие в разнообразных сферах общественной жизни. Все эти документы посвящены вопросам сохранения и развития языков малых народов и меньшинств.

Государственная образовательная и языковая политика также выступает в качестве важного инструмента социокультурного развития и регулирования жизнедеятельности малых народов в поликультурной среде. Возможность получения образования носителями языка устной традиции во многом влияет на то, будет ли их язык использоваться в образовании как предмет и средство обучения и сохранится ли при этом идентичность и культура народа.

Языки определяют культуру людей и народов, влияют на то, как устроен мир вокруг, однако, ежегодно они могут «умирать». Чаще всего это начинается с культурного смешения нескольких народов, затем новые поколения становятся двуязычными, а со временем их дети или внуки перестают говорить на языке предков, выбирая доминирующий язык, который постепенно становится более распространенным в их среде обитания. Исчезнувшие языки документируются и сохраняются историками как свидетельство старых культур, традиций и жизни предков.

При утрате элементов своей культуры этническое меньшинство не приобретает автоматически культуру окружения, так как культурный комплекс народов передается и невербальным путем, в процессе социализации и инкультурации. Этническая идентичность приобретается через освоение своей культуры и язык играет важнейшую роль в этом процессе. Без освоения культурной и языковой модели окружения меньшинства не могут полноценно интегрироваться. В таком случае возникает культурная и языковая маргинализация и утрата собственных традиций.

Заключение. Таким образом, наиболее глубоко и многопланово национальный культурный код проявляется в языке того или иного народа. Функционирование и развитие родных языков является важнейшим аспектом интеграции меньшинств в поликультурном пространстве через формирование у них архетипов, моделей мышления и структурирования мира.

Одним из направлений языковой государственной политики должно стать создание условий для сближения коммуникативных моделей меньшинства и доминирующего окружения через развитие младописьменных и бесписьменных языков.

Библиографический список

- 1 Калинин В.И., Подлипский А.М. Загадка балтийских цыган. Очерки истории, культуры и социального развития балтийских цыган. Минск: Логвинов, 2005. 238 с.
- 2 Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / пер. с англ. под ред. и с предисл., [с. 5-22] А.Е. Кибрика. М.: Прогресс, 1993. 654 с.
- 3 Смирнова-Сеславинская М.В., Цветков Г.Н. Антропология социокультурного развития цыганского населения России. М.: Федеральный институт развития образования, 2011. 128 с.
- 4 Смирнова-Сеславинская М.В. Баллада цыган-ловарей «Машкар лэ стрийна» – «Среди чужих» // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 413–420.
- 5 Цыганский язык в России. Сборник материалов Рабочего совещания по цыганскому языку в России, Санкт-Петербург, 5 октября 2012 г. / ред. К.А. Кожанов, С.А. Оскольская, А.Ю. Русаков. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2013. 230 с.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЛМЫКИЯ¹

NATIONAL POLICY AND ITS IMPLEMENTATION IN CONDITIONS OF ETHNOCULTURAL DIVERSITY IN THE REPUBLIC OF KALMYKIA

Очирова Н. Г.

Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону

Ochirova N. G.

Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Rostov-on-Don

Аннотация: Статья посвящена опыту реализации государственной национальной политики Российской Федерации в одном из ее субъектов – Республике Калмыкия. В полиэтничном регионе удалось достичь стабильных результатов в деле гармонизации межэтнических отношений и укрепления единства в обществе благодаря совместной работе органов государственной власти, местного самоуправления, институтов гражданского общества. Важное место в публикации отводится деятельности национально-культурных центров.

Abstract: The article is devoted to the experience of implementing the state national policy of the Russian Federation in one of its subjects - the Republic of Kalmykia. In the multi-ethnic region, it was possible to achieve stable results in harmonizing interethnic relations and strengthening unity in society thanks to the joint

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН № гр. проекта 122020100347-2

work of state authorities, local self-government, and civil society institutions. An important place in the publication is given to the activities of national centers

Ключевые слова: Калмыкия, государственная национальная политика, межэтнические отношения, этнокультура, национально-культурные центры.

Keywords: Key words: Kalmykia, state national policy, interethnic relations, ethnocultural diversity, national cultural centers.

Калмыкия является полиэтнической республикой, на территории которой проживают представители более 90 национальностей. Регион уникален тем, что здесь на протяжении более четырех столетий мирно сосуществуют народы, исповедующие три мировые религии: буддизм, христианство (православие) и ислам. Процессы модернизационных изменений в российском обществе в конце XX – начале XXI в. в полной мере охватили все стороны жизни Калмыкии – экономику, политику, систему ценностей, социальные институты и повседневные реалии, что привело к непредвиденным последствиям, резко изменив социально-политическое положение разных слоев населения степного региона, характер общественной среды, обострив проблему безработицы, миграционные и демографические процессы. Переход к новой модели развития общества в Калмыкии, как и в других субъектах Российской Федерации, имеет свою специфику, обусловленную особенностями ее предшествующего развития. Республика занимает важное геополитическое положение на Юге России, на ее территории пересекаются стратегические транзитные транспортные пути, связывающие Европу с Азией, Север с Югом. Калмыкия выступает контактной зоной христианской, исламской и буддийской цивилизаций и имеет выход к побережью Каспийского моря, в акватории которого открыты достаточно большие запасы нефти и газа, представляющие ресурсный интерес не только для России, но и для ряда ведущих мировых государств, стремящихся поставить основные запасы мировых природных ресурсов под свой контроль. Республика играет роль пограничного рубежа, обеспечивающего защиту национально-государственных интересов России на южном направлении. Не случайно, что Республика Калмыкия вошла в «список Шойнеманна».

Исходя из вышеуказанного, следует, что Калмыкия представляет несомненный интерес для изучения как один из важных регионов в прикаспийском и северокавказском геополитическом пространстве.

В ходе радикальных перемен, происходящих в регионах России, накапливается уникальный опыт социально-экономического и политического развития, в результате чего изменяется социокультурный облик России и идентичность населяющих ее

народов. Без систематического изучения этого опыта, знания объективных и субъективных факторов и тенденций этих процессов, меняющихся в соответствии с требованиями времени ориентиров и программ реализации национальной политики трудно ожидать прогресс в развитии страны и ее граждан. В реализации государственной национальной политики важное место отводится созданию условий для этнокультурного развития представителей всех народов России и содействие в укреплении единства российского гражданского общества. Позитивный опыт и практики реализации национальной политики и гармонизации межэтнических отношений востребованы практически во всех регионах Российской Федерации. Проблемы национальной политики, межнациональных отношений, исследованы в трудах отечественных ученых Р.Г. Абдулатипова [1] В. Ю. Зорина [7] Г.Г. Матишова [10], Г.И. Юсупова [13], Л.М. Дробижевой, Э.А.Паина [5], Е.А. Куштавкиной [9], Ю.В Арутюняна [2] и др. Эта тема нашла отражение в работах региональных исследователей К.П. Катушова [8], С.С. Белоусова [3], Б.Б. Дякиевой [6], Очировой Н.Г. [11] Е.А. Гунаева [4] и др. В этих исследованиях отмечается, что национальная политика в этнической республике – это комплекс мер и мероприятий по решению национальных проблем этнических общностей региона, а также по стабилизации и гармонизации межнациональных отношений.

Историческая память народов Калмыкии не запечатлела в прошлом каких бы ни было серьезных конфликтов на национальной почве, способных осложнить современные межнациональные отношения в республике. Вместе с тем, этнополитические и этносоциальные процессы в республике на рубеже XX и XXI вв. свидетельствуют о том, что на пути демократизации Калмыкия, как и многие другие субъекты Российской Федерации, прошла через провозглашение государственного суверенитета, митинги, съезды, шествия, пикеты, которые в той или иной степени отражали интересы этносов, социальных слоев и отдельных групп населения. Будучи многонациональным субъектом России, республика не избежала обострения межнациональных отношений. В конце 1990-х – 2000-е гг. в ряде районов Калмыкии происходили конфликты с представителями северокавказских народов, причем начинались они, как правило, на бытовой почве и перерастали порой в групповые антиобщественные проявления. Заметное влияние на общественно-политическую ситуацию оказывала и имеющаяся территориальная проблема между Республикой Калмыкия и Астраханской областью, являвшаяся последствием насильственного переселения калмыцкого народа и

ликвидации Калмыцкой АССР. Вопросы возврата территорий были основными в программе общественной организации Долбанско-Приволжского землячества, созданного выходцами из двух районов, не возвращенных Калмыкии после восстановления республики и возвращения калмыцкого народа из ссылки.

После принятия Верховным Советом РСФСР Закона «О реабилитации репрессированных народов» в апреле 1991 года, эти вопросы активно обсуждались в Калмыкии и Астраханской области, вызывая тревогу и необоснованные слухи среди населения с той и другой стороны, что осложняло ситуацию в межнациональных отношениях. Другой территориальный спор Калмыкии с Астраханской областью был связан с возвратом отгонных пастбищ, принадлежавших республике, но длительное время используемых Астраханской областью без оплаты аренды. Аналогичная ситуация у Калмыкии существовала и с Дагестаном, но две соседние республики сумели найти компромиссный вариант и подписали договор аренды с последующим выводом их хозяйств за пределы республики. Ликвидация республики в 1943 г. и насильственное переселение калмыцкого народа привели к тяжелым демографическим последствиям, повлияли на генофонд калмыков, нанесли тяжелый урон их духовной культуре и социально-экономическому развитию региона. Несмотря на противоречия, неоднозначное и негативное историческое наследие, благодаря продуманной, взвешенной политике руководства республики и общим усилиям всего населения, на рубеже XX–XXI вв., в Калмыкии удалось сохранить баланс интересов различных этнических групп, избежать серьезных конфликтов на национальной почве, добиться стабильной обстановки. Этому способствовали и принятые меры по национально-культурному возрождению калмыцкого и других народов республики, разработка и реализация Программ по проблемам развития языка, культуры, национальных традиций и обычаев.

Результаты опроса, проведенные в этот период в Калмыкии, межнациональные отношения оценивали в равной степени положительно подавляющее большинство калмыков (74,5%) и русских (75,9%); отрицательно – 23,5 и 22,3% соответственно. Хотели бы уехать из Калмыкии, чтобы жить в своей национальной среде – 2,6% опрошенных, из-за не сложившихся межнациональных отношений – 1,8%. Когда же речь шла об области непосредственных контактов между народами, то показатели положительного самоощущения у тех и других еще выше. У населения доминирует положительное мнение о

государственной национальной политике в республике. Так, одобрили национальную политику руководства республики 45,1% калмыков и 40,7% русских. Более всего, по мнению опрошенных, национальная политика содействует развитию калмыцкого народа. Такое мнение выразило 68,6% калмыков и 66,7% русских [13]. Большинство населения вполне адекватно оценивало национальную политику, проводимую республиканским руководством, как направленную на сохранение благоприятного межнационального климата, мира и стабильности в регионе.

На современном этапе одной из приоритетных задач в Республике Калмыкия является реализация Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года» Подпрограмма «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов Республики Калмыкия», Государственная программа «Развитие культуры и туризма Республики Калмыкия на 2013–2020 годы» направлены на создание в республике максимально благоприятных условий для соблюдения национальных интересов народов, проживающих на ее территории, обеспечения их полноправного участия во всех сферах культурной, общественной жизни республики и сохранения межнационального мира. Министерством культуры и туризма РК, районными, сельскими муниципальными образованиями осуществляется постоянное взаимодействие с национально-культурными центрами и общественными организациями. В республике работают такие национальные объединения как «Азербайджанский конгресс РК», Армянский культурный центр «Масис», «Дагестанская диаспора», культурное объединение «Согласие» (БАРТ) (чеченское), Казахский культурный центр «Жерлестер», «Диаспора турок – месхетинцев», которые являются активными участниками и организаторами различных массовых этнокультурных мероприятий.

Первые национально-культурные центры в Калмыкии были созданы в 90-х годах XX века при поддержке республиканских органов государственной власти. Их появление было связано, с одной стороны, с ростом национального самосознания народов, населяющих Калмыкию, с другой – с попытками государства перевести энергию национального возрождения в культурно-просветительское русло, отводя от излишней политизации. Национально-культурные центры были созданы как издавна и компактно проживающими этническими группами (казахи, татары, немцы и др.), так и сравнительно недавно появившимися диаспорными группами, представляющие ближнее

зарубежье (армяне, азербайджанцы, турки-месхетинцы). Национально-культурные центры различаются по численности, интенсивности своей деятельности, участию в общественной жизни республики, уровню и активности контактов с этнической родиной. Основным направлением их деятельности является сфера культуры. При национальных организациях действуют ряд фольклорных ансамблей, организованные активистами этих центров. Например, татарский ансамбль «Аллабуга», кавказский танцевальный ансамбль «Ассалам». Национально-культурные центры совместно с органами культуры проводят большую работу по пропаганде национальных культур. Регулярно проводятся фестивали национальных культур республики (корейской, народов Северного Кавказа, немецкой, казахской и др.), праздники, конкурсы. Традиционными мероприятиями в республике стали «Дни национальных культур народов Калмыкии», «Дни славянской письменности и культуры» в рамках которых проходят Кирилло-Мефодиевские чтения, «Джангариада» и др. Ежегодно широко отмечаются калмыцкие религиозно-национальные праздники Зул, Цаган Сар, Урс Сар, славянские – Масленица, Рождество, Пасха; мусульманские – Ураза Байрам, Навруз, Курбан Байрам. Национально-культурные центры поддерживают связи со своей исторической родиной, развивая в основном культурные контакты.

Для координации действий в сфере межнациональных отношений в республике учреждён Межрелигиозный совет традиционных конфессий Калмыкии, в который вошли представители православия, ислама и буддизма. Большое значение для укрепления авторитета традиционных конфессий и межконфессиональных связей в республике имели визиты в Калмыкию Его Святейшества Далай - Ламы XIV и Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Представители традиционных конфессий республики принимают активное участие в проведении образовательных и культурных мероприятий (конкурсы, фестивали, выставки, встречи в школах, средних специальных учебных заведениях и пр.), направленных на укрепление межнациональных отношений, нравственное воспитание подрастающего поколения.

Таким образом, действия государственных органов и муниципальных властей, институтов гражданского общества Калмыкии в сфере межнациональных отношений носят скоординированный и комплексный характер, что позволяет на протяжении последних десятилетий сохранять в республике стабильность, способствуют активному межкультурному взаимодействию этносов, населяющих регион.

Библиографический список

1. Абдулатипов Р.Г. Этнонациональная политика в Российской Федерации (концепции, практика, реализация, перспективы). М.: Классикс Стиль, 2007.
2. Арутюнян Ю.В. Трансформация советских наций: по материалам этносоциологических исследований. М.: Наука, 2003. – 205с.
3. Белоусов С.С. Миграция турок-месхетинцев и их отношения с местным населением//Ойраты и калмыки в истории России, Монголии и Китая: Материалы международной научной конференции. г..Элиста – 14 мая 2007 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2008.
4. Гунаев Е.А. Конституционный строй Калмыкии в 90-е гг. XX – начале XXI в. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 223 с.
5. Дробижеева Л.М., Паин Э.А. Особенности этнополитических процессов и становления этнической политики в современной России//Политические и экономические преобразования в России и Украине / отв. ред. В.Смирнов. М., 2003.
6. Дякиева Б.Б. Развитие национально-регионального образования Республики Калмыкия: организационно-управленческие аспекты (XIX – XX вв. и начало XXI в.). Элиста: Издательство Калмыцкого государственного университета, 2006. 246 с.
7. Зорин В.Ю. Национальная политика Российского государства в XX – начале XXI века. М.: Юрайт, 2018. 251с.
8. Катусов К.П. Калмыкия в геопространстве России. Элиста: АПП «Джангар», 1998. 336 с.
9. Куштавкина Е.А. Современные проблемы этнополитической ситуации в условиях многонациональной России. Вопросы национальных и федеративных отношений: сб. ст./под общ. ред. В.М. Михайлова, К.В. Калининой. М., 2009.
10. Матишов Г.Г., Батиев Л.В., Пащенко И.В., Романов И.В. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Т. 5. Спец. вып. М., 2011.
11. Очирова Н.Г. Юг России: взаимодействие народов и культур». //Этнокультурное взаимодействие в Евразии в 2 кн. / отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин, В.А. Тишков; Отд-ие ист.-филол. наук РАН. М.: Наука, 2006. С. 405–418.
12. Текущий архив Администрации Президента Республики. Концепция государственной национальной политики Республики Калмыкия (Проект). 2001 г.
13. Юсупов Г.И. Миротворчество и народная дипломатия на Северном Кавказе. Махачкала, 2002.

ЭТНИЧЕСКИЕ МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ 1990-х гг.

ETHNIC MIGRATION PROCESSES IN RUSSIA IN the 1990 s.

Петров В. Н.

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Petrov V. N.

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация: В 1990-е годы XX в. существенное влияние на формирование и течение инновационных процессов в российском обществе оказали миграции населения, обусловленные комплексом объективных и субъективных причин, имеющие ярко выраженный этнический характер и содержание. Содержание данной статьи образовано материалами, характер которых направлен на поиск теоретических решений по дискуссионным вопросам в исследованиях эмпирического многообразия этнических миграций.

Abstract: In the 1990s of the XX century, population migrations caused by a complex of objective and subjective reasons, having a pronounced ethnic character and content, had a very significant impact on the formation and course of innovative processes in Russian society. The content of this article is formed by materials, the nature of which is aimed at finding theoretical solutions to controversial issues in the research of the empirical diversity of ethnic migrations.

Ключевые слова: теория этноса, факторы этнизации, этнические миграции, видовая классификация

Keywords: ethnos theory, factors of ethnization, ethnic migrations, species classification

Введение. Научным сообществом отечественных и зарубежных ученых проделана огромная исследовательская работа позволяющая систематизировать наши представления в области этнических миграций [1]. Творческими усилиями отечественных этносоциологов, этнопсихологов создана концептуальная база, разработаны эффективные инструментальные средства для исследования новых, по своей сути, свойств самой миграции населения, разнообразия в причинах, течении, результатах и следствиях миграционных процессов. Однако, имеющиеся наблюдения, результаты, выводы вряд ли можно признать завершенными и достаточными в силу присущего российской действительности своеобразия и многообразия миграционных событий. Обнаруживается неполнота в социологическом анализе понятий, социальных, пространственно-временных причин, порождающих те или иные конкретные этнические миграционные процессы, их результатов и следствий для отдающих и принимающих обществ.

Невысокой остается степень инструментальности имеющихся классификаций.

Этничность как свойство и содержательная характеристика миграционных процессов.

При рассмотрении тех или иных миграционных потоков, конечно же, возникает вопрос: имеет ли здесь место этничность как некая специфическая характеристика, придающая особенный вид и содержание миграционным процессам? Так, в энциклопедическом словаре "Народонаселение" для этого понятия приведены два существенно различающихся смысловых пояснения:

1) этнические миграции определяются этническим представительством, то есть это миграции населения, в которых участвуют люди определенных этнических (национальных) принадлежностей.

2) это такие миграции, где на первый план выступает роль этнического фактора [2].

На наш взгляд, в факте этничности и при определении тех или иных факторов как этнических необходимо различать в самой этничности ее индивидуальное и социально-групповое состояние. Этничность может определяться как личностное свойство постольку, поскольку находит свое существование и выражение в типических психо-физиологических, психологических, социальных характеристиках индивидов, принадлежащих по своему родовому происхождению и социализационному развитию определенной этногруппе. В социально-групповом случае этничность существует как результат собирательности множества представлений, находящих свое выражение в комплексе семантических самопределений и определений ингруппами, в частности, в виде идентичности, авто- и гетеростереотипов. Последние создаются и инструментально используются как коммуникативные маркеры, посредством которых этносы позиционируются в своих взаимодействиях и отношениях с другими группами. Маркеры могут иметь устойчивый и преходящий характер, использоваться ситуативно и универсально.

Вместе с тем, этносы, как групповые общности, обладают надиндивидуальными, системными свойствами. В этом случае содержание идентичности, авто- и гетеростереотипов образовано (сконструировано) не столько для потребностей конкретной ситуации, возникающих в процессе и исчезающих всякий раз по окончанию актов социального взаимодействия, сколько присущей данному этносу родовидовой определенностью его сущности, сложившейся в ходе

длительной и уникальной истории его существования.

Отсюда понимание этнического фактора (факторов) складывается из тех свойств, что принадлежат этносу и его представителям как личностные и социально-групповые устойчивые константы и изменяющиеся сущности, адаптируемые к потребностям ситуации социального взаимодействия.

Еще один вопрос, осложняющий понимание этничности: насколько она гомогенна или гетерогенна в своей отнесенности к этногруппе и ее представителям [3, с. 35]. Очевидно, что этничность, являясь интегральным свойством этногруппы, не представлена в одинаковой и равной степени во всех ее структурных элементах. Ее распределение и своеобразное присвоение, актуализация в сознании и активация в социальных практиках находится в корреляционной зависимости от социальной дифференциации и стратификации, общеполитической ситуации в обществе. Именно это взаимовлияние порождает феномены «плавающей», «навязанной» идентичности, ее видовые различия, проблему ее наличия и достижения «критической массы». То же самое можно сказать и об идентичности и стереотипах, распространенность которых и их влияние на производство действий в социальных практиках имеет, несомненно, селективный характер.

Факторные предпосылки этнизации миграционных процессов в современной России. В первую очередь, это кардинальные изменения в этносфере, которые выразились, в актуализации и наполнении новым содержанием этнических потребностей [4].

Во вторых, это совокупность объективных факторов, влияющих на формирование потребностей в миграционном движении, мотивов и миграционных установок у человека, принадлежащего к определенному этносу, и приобретающих таким образом этнический смысл. Это ряд условий, приобретающих значение социального факта при конструировании этничности. К таковым относятся:

- природно-географические и климатические особенности, территории исторического проживания, ее экологическое состояние;
- социально-историческая специфика экономической и трудовой деятельности и производящей специализации, быта, социально-институциональной организации этноса;
- трудозанятость и трудоизбыточность в конкретном регионе и среди представителей определенного этноса;
- развитость мигрантских сетей;
- политика отпускающих и принимающих государств (сообществ);

- возможности реагирования определенного этноса на конкретные и изменяющиеся запросы принимающего общества;
- миграционная история данного этноса.

В-третьих, это комплекс личностных и социально-групповых свойств этничности, влияющих на миграционное поведение. К ним относятся социальные и социально-психологические особенности личности потенциального мигранта, принадлежащего к определенному этносу, которые находят свое выражение в особенностях потребностно-мотивационной системы личности, системы интересов, установок и целей. На формирование потребности в миграционном движении, на миграционные намерения и поведение существенно влияют такие субъективные факторы, как:

- конкретные проявления этнической ментальности;
- особенности личности как носителя характерологических черт этноса;
- самоидентификация потенциального мигранта;
- этнические авто- и гетеростереотипы;
- чувство этнической родины.

Итак, этнические миграционные процессы (синонимы: процессы этнических миграций, этнические миграции) рассматриваются нами как серии социальных взаимодействий акторов, для которых характерна идентичность с выраженной этнической определенностью и происходящих под влиянием факторов, приобретающих этническое значение, ведущих к изменениям в социально-территориальном и социальном положении отдельных представителей и групп определенных этносов. Этнизация (этническое представительство и обусловленность этническими факторами) стала присущей в 1990-е гг. всем без исключения потокам мигрантов на пространстве бывшего СССР.

Конкретизация объективных и субъективных факторов по их воздействию на миграционное движение на пространстве бывшего СССР. Рассмотрим более детально объективные факторы, вызванные ими субъективные переживания и состояния, в совокупности, воздействующие на интенсификацию миграционного движения и направленность миграционных потоков на постсоветском пространстве.

Формирование некоторых из этих факторов относится к 1960–1970 гг. В этот период происходил ряд этносоциальных процессов: рост этнического самосознания, развитие национальной культуры, укрепление национальной интеллигенции, повышение роли национальных кадров в управлении, расширение и совершенствование

профессиональной подготовки высококвалифицированных специалистов и квалифицированных рабочих из состава автохтонного (титульного) местного населения. Специфика демографических процессов и традиционность в экономико-хозяйственной специализации вела к росту трудоизбыточности в ряде союзных республик. В период после распада СССР к этим факторам присоединились другие, а влияние их на формирование миграционных потоков усилилось.

Экологические катастрофы, обострение межнациональных отношений на исходе существования СССР и его последующий распад, изменения в международных отношениях, радикальные изменения в экономической и политической системах, нестабильность обстановки, внутренние межнациональные и межгосударственные конфликты, межэтнические столкновения и войны стали главными причинами образования интенсивных потоков, во многих случаях, вынужденной этнической миграции из стран "ближнего зарубежья". В самой Российской Федерации сепаратизм, терроризм и борьба с ними на Северном Кавказе, создали прямую угрозу жизни для населения различных национальностей и этнических групп, сопровождались его массовым исходом за пределы опасных территорий.

Отсутствие гарантий безопасности, бытовой национализм и нетерпимость к нетитульному населению, возрастающая межэтническая разобщенность, дискриминация по национальному признаку, расы, вероисповедания, языка, политических убеждений и принадлежности к определенной социальной группе стали весомыми выталкивающими факторами практически на всем постсоветском пространстве.

Кроме того, принятие во многом дискриминационных законов о гражданстве, форсированное закрепление в законах и на практике государственного статуса титульных языков с сознательным сокращением для русскоязычного населения времени овладения ими, дискриминация при оформлении на работу и приобретении жилья, ограничение прав в приватизации и предпринимательской деятельности, сложность получения образования на родном языке и сужение информационных связей с Россией, исламизация образа жизни в ряде среднеазиатских государств – все это создало крайне дискомфортные условия не только для русского и другого славянского, но, в более общем плане, для нетитульного населения [5, 22; 258; 143].

Этнизация миграционных потоков происходила и под влиянием идеологических факторов, среди которых центральное место занимает

доктрина этнического национализма, суть которой заключается в идее увязывания государственности с этническим происхождением людей. Весьма сомнительная в гуманитарном плане и практически не реализуемая идея создания этнически чистого государства, тем не менее, оказалась весьма заманчивой для элит титульных национальностей, поскольку позволяет им обосновывать якобы правомерность их преимущественного доступа к власти и ресурсам. Широко используемые лозунги создания этнонациональных государств, громкие призывы к соотечественникам вернуться на свою «историческую родину», узко трактуемый национализм сформировали достаточно сильную мотивацию для перемещения людей на «свои» этнические территории, россиян – в Россию, а представителей титульных национальностей бывших союзных республик – в новые постсоветские государства [6, 8-9; 150].

В Российской Федерации действия политической элиты, ряда преобразованных национальных республик, направленные на обеспечение этнического превосходства и закрепление положения титульной нации, так трансформировали здесь политическую, экономическую и культурную действительность, что создалось ощущение социального и психологического дискомфорта для нетитульного населения и образовался миграционный обмен, в котором наряду с притоком в республики представителей титульной нации происходит выезд иноэтничного и, в первую очередь, русского населения.

Современные перемещения этнических мигрантов интенсифицируются также под влиянием явно выраженной экономической вынужденности: из трудоизбыточных в трудонедостаточные районы, из депрессивных регионов в регионы с благоприятной экономической конъюнктурой. В этих случаях факторами, стимулирующими этническую миграцию, становятся нищета и социально-экономическое бесправие, поиск более благоприятных условий для социальной самореализации личности (в более конкретных вариантах – трудовой и профессиональной), выгодность занятий бизнесом, обеспечение лучших перспектив для семьи, особенно, для детей.

Эти причины действуют особенно сильно в случаях трудовой миграции, поскольку на пространстве СНГ Россия является экономически и социально привлекательным обществом. В то же время она сама становится страной явно выраженной эмиграции из-за резких различий в уровне и качестве жизни с западными странами.

Объединение понятий «автохтонный» – «титульный» как инструмент анализа и классификации этнических миграционных процессов. Выше уже отмечалось, что на постсоветском пространстве особое значение приобрела потребность в статусной этнической принадлежности. Данная потребность актуализировалась под влиянием процессов суверенизации и повышения государственного статуса бывших республик СССР, национальных образований внутри России. В политическом смысле эти процессы были и остаются связанными с широким распространением определения «титульное население». Именно это понятие призвано стать маркером одного или нескольких этносов, которые по определению автохтонности или укорененности, в современной России, то есть, по некоей исторически сложившейся или политически и юридически сформулированной определенности (титульный этнос дает самоназвание политическому образованию на данной территории) обладают реальными или символическими правами на данную территорию и ее ресурсы, имеют преимущества в доступе к политической деятельности и управлению, в социально-культурном доминировании.

Что касается населения, обозначаемого понятием «автохтонное», то к нему относят тех, о ком неизвестно, как они появились, или же, когда и откуда они пришли на данную территорию. В этом случае смысл понятия «территория автохтонного проживания» применительно к тому или иному этносу синонимичен понятию «территория происхождения» этого этноса [7, 12]. В других случаях понятием автохтонное обозначают население, проживавшее на данной территории до прихода других, до колонизации. Такая трактовка значения «автохтонное», в значительной степени, совпадает с тем смыслом, который вкладывают, когда население определяют как коренное.

«Автохтонный – титульный» совпадающие по смыслу понятия применительно к специфическим условиям миграционного движения, сложившимися на пространстве бывшего СССР в 1990-е г. – начале XXI в. Объединение данных понятий создает новый инструмент для анализа (исследования) этнических миграционных процессов. Его использование заключается в опоре на выяснение роли групповой этнической идентичности в миграционном поведении людей. При этом принадлежность к группе определяется:

- «автохтонное население» – статусом этноса, определяемым этнической историей, регионом (ареалом) исторического выхода;
- «титульное население» – политическим статусом этноса на

территории современного проживания (страны «дальнего» зарубежья, страны «ближнего» зарубежья, республики Российской Федерации).

Содержание понятий «репатриация», «реэмиграция», «возвращение»: в каких случаях, какое из них адекватно миграционным потокам. Один из спорных для миграционной проблематики вопросов – это применение терминов «репатриация» и «реэмиграция» к возвращению тех или иных этнических групп. Дискуссия вокруг этих понятий возникла в связи с необходимостью обозначения характера миграционного движения на постсоветском пространстве русских и другого славянского населения к местам исторического проживания.

Одну из интерпретаций содержания и соотношения данных понятий предлагают составители «Демографического понятийного словаря», подготовленного под редакцией проф. Л.Л. Рыбаковского. Они полагают, что термины «репатриация», «репатриант» используются применительно к конкретным случаям возвращения на историческую родину и в целом равнозначны терминам «реэмиграция», «реэмигрант». «Во всех случаях, – подчеркивают авторы словаря, – использование терминов реэмиграция и репатриация достаточно условно, и уж совсем не к месту их применение для характеристики миграции в Россию русскоговорящего населения из стран нового зарубежья, которые еще недавно были частями единого государства. Это скорее вызванная политическими причинами, запоздалая обратная миграция, хотя формально для государств нового зарубежья это теперь эмигранты или реиммигранты, а для России – реэмигранты или иммигранты» [8, 256–257].

На наш взгляд, несмотря на близость явлений, описываемых понятиями «репатриация» и «реэмиграция», между ними существуют определенные смысловые различия. Так, в реэмиграции подчеркивается ее самостоятельный и добровольный характер, в то время как под репатриацией понимается возвращение в страну гражданства или происхождения, которое обычно осуществляется на основе международных договоров и может быть недобровольным.

В международной практике репатриация относится к долгосрочным программам государственной политики принимающей страны при решении проблем беженцев, в частности, их возвращения домой [9, 56]. В многоязычном демографическом словаре отмечается, что «возвращение на родину именуется также репатриацией, но этот термин обычно применяется только в тех случаях, когда переезд лиц, задержанных или задерживающихся в чужой стране, организуется государственной властью» [10, 65]. В данном случае речь идет о возвращении конкретных мигрантов, покинувших, в силу вынужденных

обстоятельств, страну (территорию) своего постоянного проживания и вынужденно временно находящиеся в другой стране (на другой территории). Страной, организующей репатриацию, может быть и страна приема, и страна возвращения.

Термин «возвращение» имеет более широкое смысловое значение в контексте этнических миграционных процессов. Согласно международной классификации «возвращающиеся этнические группы – это люди, которые допущены в страну, не являющуюся их собственной, благодаря их историческим, этническим или другим связям с этой страной, и которым немедленно предоставляется право постоянного проживания в этой стране, или которые, имея право на получение гражданства в этой стране, становятся её гражданами в течение короткого периода после их приема» [11, 88; 105].

Можно ли и в каком объеме применять эти понятия к миграционным процессам, развертывавшимся на пространстве бывшего СССР и внутри самой России в 1990-е гг.?

С точки зрения использования термина «репатриация» к случаям выезда русских и иного славянского населения из стран СНГ и Балтии и въезда их в Россию, то был ли здесь фактор вынужденности, повлиявший на то, когда и как они оказались за рубежом? Можно ли говорить о вынужденности применительно к миграции русского населения в Среднюю Азию или Закавказье, когда они уже были включены в состав Российской империи, затем в союзные республики СССР, и в большинстве своем живущих здесь не в одном поколении? Очевидно, что нет.

В ином, а именно, положении вынужденных мигрантов оказались депортированные народы. Но и здесь есть свои различия. Например, для немцев Поволжья в Казахстане эта вынужденность существовала только по отношению к территории их постоянного проживания в России и никак не была вынужденной сама историческая миграция немцев. Вместе с тем возвращение немцев из стран СНГ было подкреплено разработанными в ФРГ специальными программами по приему въезжающих на свою историческую родину. Подобного рода программы в рамках алии были разработаны Израилем по приему евреев и Грецией для российских греков. В этой части миграционное движение этих этносов можно признать репатриацией.

Об иммиграции русских и иного славянского населения из стран СНГ в 1990-е гг. нельзя в полном объеме сказать, что она происходила на основе договоренностей, хотя попытки такого регулирования предпринимались неоднократно. В Российской Федерации были

предприняты определенные действия программного характера по отношению к той части мигрантов из стран СНГ, которая была признана в соответствии с законами «О беженцах» и «О вынужденных переселенцах» беженцами и вынужденными переселенцами. В этой части этническую миграцию из стран СНГ и Балтии в Россию можно признать репатриацией.

Если использовать понятие реэмиграции, то ему не соответствует то, что миграционное движение этносов на постсоветском пространстве не во всех случаях носило добровольный характер. В значительной части случаев это было недобровольное переселение. Для остальной же, гораздо большей части иммигрантов из стран СНГ и Балтии в 1990-е гг. переселение в Россию стало результатом добровольного выбора, хотя и происходило в большей или меньшей степени под давлением резко обострившихся причин социально-экономического и социально-культурного характера. По отношению к этой части мигрантов их миграционное движение можно признать реэмиграцией.

Критерии группировки и классификация этнических миграционных процессов. В предлагаемой классификации этнических миграций в России 1990-х гг. мы исходим из необходимости использования в ее разработке критериев общего и специфического характера. В этой классификации учитываются так же особенности этнического представительства и пространственно-временная конкретика причин, воздействующих на поведение мигрантов, направленность и формы миграционного движения.

Общие критерии: пересечение государственной границы (внутренние и международные миграции), стационарность (временные, постоянные мигранты), форма движения (добровольные, вынужденные миграции), допуск на территорию и совпадение с целями пребывания, по определению принимающей стороны (трудовые и экономические, легальные, нелегальные мигранты).

Специфические критерии: характер и содержание влияния этнического фактора; принадлежность к автохтонной (титульной) нации. Одним из важнейших классификационных признаков этнических миграций являются то, что они совершаются относительно этнической родины (этнической территории).

Обобщая случаи, в которых определяющее значение принадлежит этническим факторам, представляется возможным выделить следующие виды миграций:

1. Реэмиграция (внешняя и внутренняя) русских и другого славянского населения. К этой группе относятся мигранты,

добровольно, хотя в той или иной степени вынужденно (под действием «выдавливающих» этнических факторов), покинувшие места своего постоянного проживания в странах СНГ и Балтии, в субъектах РФ, не обращавшиеся за получением статуса вынужденного переселенца или не получившие такового после обращения в органы ФМС. Общий приток мигрантов в Россию из стран ближнего зарубежья в 1989–2002 гг. составил около 11 млн. чел., миграционный прирост составил более 5 млн чел. Доля русских в числе мигрантов – около 70%. Из Таджикистана и стран Закавказья выехало более половины русского населения. Из Киргизии, Туркмении и Узбекистана – более четверти. Казахстан потерял 19% русских, обеспечив 38,8% от общего числа тех, кто переехал в Россию за 1990–2001 гг., притом, что там в 1989 г. было сосредоточено 24,5% русского населения вне РСФСР. Азербайджан покинули порядка 250 тыс. русских. В целом более чем 25-ти миллионное русское население в неславянских постсоветских странах к началу 2002 г. сократилось на 23% [12, 72].

Согласно переписи 1989 г., общая численность русских, проживающих на территориях национальных республик составляла 10,1 млн чел., или 8,4% от всех русских в РФ. В 1990–е годы русские стали выезжать из всех российских республик, где тенденция их оттока была хронической уже на рубеже 1980–1990–х гг., а прирост русского населения в Татарстане и Башкортостане сменился миграционным оттоком. Причины здесь во многом те же, что и в случае с бывшими союзными республиками. В тройку лидеров самой неэффективной русской миграции (без учета Чеченской Республики и Республики Ингушетия) входят Дагестан, Саха (Якутия) и Тува. Например, в Дагестане, в 1959 г. русские составляли 20% населения. Начиная с 1970 г., их доля в составе населения стала снижаться: 1970 г. – 14,6%, 1979 г. – 11,1%, 1989 г. – 9,2%, 1998 г. – 6,5% [13, 215].

2. Репатриация (внешняя и внутренняя) представителей русского и других этносов. В эту группу включаются вынужденные переселенцы и беженцы, признанные РФ в соответствующем статусе. В 1990–х годах вынужденные мигранты составляли пятую часть (21,2%) от всех мигрантов на территории России из бывших республик СССР. За 1992–2000 гг. в Российской Федерации получили статус вынужденных переселенцев и беженцев 1612,4 тыс. чел. из более 2 млн подавших соответствующие ходатайства. Из государств – участников СНГ и стран Балтии получили статус 1369 тыс. чел., а из регионов России (Чечня, Осетия и Дагестан) – 241,5 тыс. чел. В среднем за все годы доля русских составила 71 % (в 1995–1996 гг. их доля достигала 80%). Заметную

долю в общем составе составляют осетины, татары, украинцы, чеченцы, ингуши [14, с. 572].

3. Репатриация и реэмиграция автохтонных (титульных) этносов Российской Федерации из стран дальнего зарубежья, стран СНГ и Балтии не в свои национальные (титульные) государственные образования. Аналогичные первым двум видам потоки мигрантов, наполненные представителями других этносов. Например, вынужденные переселенцы и «добровольные» мигранты из числа татар, движущиеся не в места своего автохтонного или исторического проживания.

4. Этнические международные миграции, посредством которых происходит реэмиграция и возвращение автохтонных (титульных) этносов в свои национальные образования. Пример – выезд из России в страны СНГ и Балтии: латышей в Латвию, эстонцев в Эстонию, казахов в Казахстан и т.п. Въезд из стран СНГ и Балтии автохтонных (титульных) этносов РФ в свои титульные национальные образования. Въезд из дальнего зарубежья представителей титульных этносов, исторически проживающих на территории РФ (например, въезд косоваров из Сербии (Косово) в Адыгею). В Краснодарском крае с движением этносов реэмигрирующих в места своего исторического проживания связано значительное уменьшение в межпереписной период численности представителей автохтонных (титульных) этносов из стран СНГ и Балтии: белорусы – на 24,3%; киргизы на 85,1%; латыши – на 29,0%; литовцы – на 27,2%; молдаване – на 12,5%; эстонцы – на 28,8%; туркмены – на 30,3%; узбеки – на 24,3% [15].

5. Этнические внутривосточные миграции, посредством которых происходит выезд из субъектов РФ и въезд автохтонных (титульных) этносов в свои национальные образования. Это, прежде всего, отмеченное выше движение русского населения из национальных республик, Возвратные миграции этого вида так же можно показать на материале данных о приросте/убыли населения по Краснодарскому краю. Здесь за период 1989–2002 гг. почти исключительно, по причине выезда в титульные этнообразования, произошло уменьшение численности в таких этногруппах как адыгейцы на 23,9%; коми – 24,9%; мордва – 28,8; удмурты – 22,9%; и представителей целого ряда других этносов [16].

6. Выезд из национальных республик и возвращение (внутренняя репатриация) автохтонных (титульных) этносов, вынужденно покинувших территорию этих республик в связи с военными действиями и межэтническими столкновениями. Например, движение

чеченцев по отношению к Чечне, ингушей по отношению к Северной Осетии как граждан, «временно покинувших» территорию этих республик. В 1999–2002 гг. места проживания на территории Чеченской республики, по данным государственной регистрации покинули 568,7 тыс. чел., из них в Ингушетию переместились 308,9 тыс. чел., преимущественно чеченцы [17, с. 240].

7. Внутренняя миграция автохтонных (титульных) этносов из национальных субъектов РФ на постоянное место жительства в другие регионы. Например, чеченцев в Ростовскую область, народностей Дагестана в Ставропольский и Краснодарский края. Так, в Краснодарском крае за период 1989–2002 гг. произошел прирост численности осетин, чеченцев, ингушей более чем в 2,5 раза. Заметно изменение численности в этногруппах, принадлежащих по истокам своего автохтонного проживания к народам Дагестана: аварцы – 146,1%; кумыки – 155,4%; лезгины – 133,1%; табасараны – 182,1%; удины – 532,2% [18, с. 241].

8. Иммиграция в Россию на постоянное место жительства представителей автохтонных (титульных) этносов из республик СНГ и стран Балтии. Например, армян, азербайджанцев, грузин, таджиков, узбеков и др. В межпереписной период (1989–2002 гг.), как результат переселений в Россию, произошел существенный рост в этнических диаспорах азербайджанцев с 335,9 тыс. чел. до 621,8 тыс. чел. (+ 185%); армян с 532,4 тыс. чел. до 1130,5 тыс. чел. (+ 212%); грузин со 130,6 тыс. чел. до 170,9 тыс. чел. (+151,5%); таджиков с 38, 2 тыс.чел. до 120,1 тыс. чел. (+314,4%) [19, с. 241].

9. Репатриация и реэмиграция по программе добровольного переселения российских соотечественников из ближнего и дальнего зарубежья. Указом президента РФ от 22 июня 2006 г. утверждена «Программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом», рассчитанная на реализацию в 2006–2012 гг., обращенная к 30–ти миллионам соотечественников и предполагающая переселение 5–6 миллионов из них [20, с. 76–77].

10. Репатриация в места исторического проживания этносов и этнических групп, подвергшихся депортациям в период 1938 – 1940–х гг. В рассматриваемый период времени эти потоки были не столь масштабны и интенсивны, как это происходило в 1970–1980 гг., но, все же, оставались значимыми для понимания этнических миграций.

11. Выезд из мест депортации и въезд не на территорию депортационного выезда этносов и этнических групп, подвергшихся

депортациям в период 1938–1940-х гг. (например, турок–месхетинцев, курдов, хемшилов). Этот вид миграционных перемещений возник под влиянием резко выраженных сресогенных факторов. В 1989 г. в Узбекистане проживало 106,3 тыс. из 207,5 тыс. турок–месхетинцев в СССР. С 23 мая по 8 июня 1989 г. в городах Фергана и Маргилан произошли массовые столкновения узбеков и таджиков с турками–месхетинцами, сопровождавшиеся насилием и погромами, в которых было убито более 100 чел., пострадали около тысячи, разграблено и сожжено более 1000 домов. Массовый выезд турок–месхетинцев из Узбекистана превратился в бегство из мест выселения и стал прологом столь же массовой вынужденной миграции. Расселение беженцев происходило по всей территории СССР. Так, в начале 1990-х гг. в Краснодарском крае проживали 13580 турок–месхетинцев (из них только в Крымском районе более 8,5 тыс.), в областях: Белгородской – 3372, Воронежской – 2387, Курской – 1839, Волгоградской – 1560, Ростовской – 1447, Орловской – 635, Смоленской – 503 чел [21].

12. Международная иммиграция в Россию представителей автохтонных (титульных) этносов из стран дальнего зарубежья на постоянное место жительства. Например, сербов, китайцев, вьетнамцев, арабов, пуштунов и др. Так, представительство вьетнамцев среди населения России между переписями 1989–2002 гг. выросло с 2,1 тыс. чел. до 26,2 тыс. чел. (+ 1223,4 %); китайцев с 5,2 тыс. чел. до 34,6 тыс. чел. (+ 665,3%) [22, с. 68].

13. Этнические (по представительству) трудовые миграции (международные и внутренние). В 2006 г. иностранная рабочая сила в Российскую Федерацию прибывала из 120 стран мира. Численность легальной составляющей – более 1 млн. чел. Объем нелегальной оценивается в 7–10 млн. чел. Среди бывших союзных республик, из которых в Россию направлены важнейшие потоки трудовой миграции, выделяются Украина, Таджикистан, Узбекистан, Молдавия, Армения, Азербайджан, Грузия. Из стран дальнего зарубежья самыми крупными экспортерами иностранной рабочей силы выступают Китай, Турция, Вьетнам, КНДР и Югославия. Кроме того, на потребности российского рынка труда все больше ориентируются такие восточноевропейские страны, как Болгария, Румыния, Польша, а также соседняя Финляндия. Новые тенденции трудовой миграции в Россию связаны с расширением географии стран – экспортеров рабочей силы. На работу в Россию стали приезжать трудовые мигранты практически из всех европейских государств, стран Африки, Центральной и Южной Америки, Австралии [23, с. 323].

14. Стационарная эмиграция представителей русского и других автохтонных (титульных) этносов из России в страны дальнего зарубежья. Валовая численность эмигрантов из России в 1990–е гг. в этом направлении составила около 1 млн чел. В 2000 г. русские составили 41,5% эмигрантов. В целом же за период 1993–2000 гг. из России выехали 222,8 тыс. русских [24].

15. Репатриация и реэмиграция евреев, немцев, греков на историческую родину в места автохтонного проживания этносов в странах дальнего зарубежья. В 1993–2000 гг. из России выехали 293,6 тыс. немцев, 83,2 тыс. евреев [25].

16. В отдельную группу этнических миграций попадает уже состоявшийся массовый выезд турок–месхетинцев в США. По данным профильного департамента Краснодарского края в 2005–2008 гг. по программе переселения в США из Краснодарского края выехали 11315 турок–месхетинцев [26].

Предлагаемая классификация охватывает широкий круг миграционных явлений и процессов, происходящих в современной России, но не претендует на завершенность и окончательность. Напротив, предполагает продолжение исследовательских действий в этом направлении. События, связанные с вторжением грузинских войск в Южную Осетию в августе 2008 г., их военные действия здесь, представляющие по содержанию этнические чистки, вызвали появление новой волны этнических беженцев в Россию. Несомненно, что и в дальнейшем те или иные проявления факторов этнического характера приведут к образованию других новых потоков этнических мигрантов.

Заключение. Итак, этнические миграционные процессы на пространстве бывшего СССР и внутри России возникают под влиянием специфических факторов, формируются из представителей этнических общностей и групп, объединяемых идентичной или сходной мотивацией и направляющихся в определенные общие места нового поселения.

Несмотря на существенное сокращение объема и интенсивности миграционных потоков миграционная проблематика продолжает оставаться в поле зрения ученых и практиков в силу целого ряда уже имевших место и новых обстоятельств. Среди них, на наш взгляд, имеют очень актуальное значение такие, как необходимость разработки политических стратегий поведения России в решении вопросов внешней и внутренней миграции, поиск оптимальных и эффективных правовых регуляторов иммиграции, особенно в части трудовой миграции, репатриация соотечественников, сокращение оттока из

страны в группах интеллектуального, высококвалифицированного и демографически-активного населения.

Предлагаемая классификация призвана дать более четкие ориентиры для выработки политики и формирования институциональных регуляторов в области управления внутримиграционным движением российского населения, приема различных категорий внешних мигрантов, регулирования эмиграционных процессов. Дифференциация миграционных потоков, образующихся под влиянием этнических факторов и имеющих те или иные следствия для отдающих и принимающих обществ, позволит выработать критерии и конкретные ожидания применительно к каждому из них. В свою очередь, это необходимо для разработки конкретных программ и проектов, адресованных, с учетом ее специфики, отдельным категориям мигрантов на всех этапах миграционного процесса. Это и пресловутые требования в иммигрантам, воплощенные, скажем, в балльные системы приема. Это и программы адаптации и интеграции мигрантов в принимающих обществах. Это и программы обустройства условий в России для сокращения нежелательного оттока из нее своих граждан.

Есть и другой, не менее важный, аспект практического использования классификации. Он находится в плоскости коммуникации как непосредственно контактной межличностной и межгрупповой, так и посредством СМК. Совершенно очевидна необходимость перехода от вульгарного, по своей простоте, определения всех иных как «понаехали тут» к более адекватному представлению о сложном категориальном составе мигрантов, причинах их появления, целях и функциях, правах и обязанностях. Необходим безусловный отказ от журналистских неряшливо сработанных штампов, клеймящих и стигматизирующих всех без разбора определениями типа «гастарбайтеры», «желтая угроза» и т.д.

Необходимость продолжения внимательного изучения своеобразия и многообразия этнических миграций на пространстве бывшего СССР в конце XX – начале XXI вв., которые с течением времени становятся историей, актуализируется их воздействием на текущее состояние и ситуации взаимодействия мигрантов и местного населения, острой потребностью в выработке институциональных регуляторов, позволяющих сбалансировать интересы взаимодействующих сторон.

Продуктивное исследование свойств социальных феноменов в этой области зависит от последовательных научных действий, призванных объединить в познавательную систему комплекс теоретических конструкций, более валидно моделирующих реальную

ситуацию, апробированных и новых методико-инструментальных средств корректно и по принципу дополнительности взаимоотносящихся друг с другом.

Библиографический список

1. 35 лет исследований в области миграции в центре народонаселения (1967 – 2002 гг.): Аннотированный библиографический указатель / сост. И.В. Ивахнюк / гл. ред. В.А. Ионцев. М., 2002.; Миграции в трансформирующемся обществе: аннотированный библиографический указатель литературы, изданной в странах СНГ. 1992–1999 / отв. ред. Ж.А. Зайончковская. М., 2000.
2. Арутюнян Ю.В. О симптомах межэтнической интеграции в постсоветском обществе (на материалах социологического исследования в Москве) // Социологические исследования. 2007. № 7.
3. Билсборроу Р.Е., Хьюго Грэм, Обераи А.С., Злотник Х. Статистика международной миграции: рекомендации по совершенствованию систем сбора данных. М., 1999.
4. Борзунова Т.И., Макарова Л.В., Морозова Г.Ф. Республики России: этническая миграция и ее социальные последствия. М., 1998.
5. Население России на рубеже XX–XXI веков: проблемы и перспективы / Под ред. В.А. Ионцева, А.А. Саградова. М., 2002; Население России 2001: Девятый ежегодный демографический доклад / Под ред. А.Г. Вишневого. М., 2002.
6. Воробьева О.Д. Вынужденная миграция в России // Современные проблемы миграции в России. М., 2003; Население России 2001: Девятый ежегодный демографический доклад / под ред. А.Г. Вишневого. М., 2002..
7. Воробьева О.Д. Вынужденная миграция в России // Современные проблемы миграции в России. М., 2003.
8. Демографический понятийный словарь / под ред. проф. Л.Л. Рыбаковского. М., 2003.
9. Итс Р.Ф. Введение в этнографию. Л., 1991.
10. Каламанов В.А., Моисеенко В.М. и др. Управление миграционными процессами. М., 2002.
11. Миграция населения // Приложение к журналу «Миграция в России». Вып. 2: Трудовая миграция в России. М., 2001; Ивахнюк И.В. Евразийская миграционная система: теории и политика // Миграция и развитие: доклады и статьи ведущих секций и докладчиков международной конференции «Миграция и развитие», Москва 13-15 сентября 2007 г. Сборник статей / гл. ред. В.А. Ионцев. М., 2007.
12. Многоязычный демографический словарь. Русское издание. ООН. Нью-Йорк, 1964.
13. Мудуев Ш.С. Миграция и рынок труда в Дагестане // Трудовая миграция в СНГ: социальные и экономические эффекты / отв. ред. Ж.А. Зайончковская. М., 2003.
14. Народонаселение: Энциклопедический словарь / гл. ред. Г.Г. Меликьян. М., 1994.
15. Новые явления в этнических миграциях России во второй пол. 90-х гг. М., 1999.

16. Нормативно–правовая база и реализация Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Материалы Международного информационного форума «Интеграция соотечественников – 2007». М., 2007.

17. Петров В.Н. Влияние миграций на этноструктурные изменения в Краснодарском крае // Власть и общество в Краснодарском крае: опыт истории и современность. 1906–2006 гг. (к 100–летию российского парламентаризма). Краснодар, 2006.

18. Петров В.Н. Иноэтничные мигранты и принимающее общество: особенности проблемного взаимодействия // Социологические исследования. 2005. № 9. С. 76–77.

19. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998.

20. Степанов В.В., Тишков В.А. Россия в этническом измерении (по результатам переписи 2002 г.) // Социологические исследования. 2005. № 9.

21. Ионцев В.А., Лебедева Н.М., Назаров М.В., Огороков А.В. Эмиграция и репатриация в России. М., 2001.

ТИПОЛОГИЗАЦИЯ ПРИЗНАКОВ КСЕНОФОБИИ И ТОЛЕРАНТНОСТИ В ОРИЕНТАЦИЯХ ЖИТЕЛЕЙ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ

TYPOLOGIZATION OF FEATURES OF XENOPHOBIA AND TOLARANCE IN THE VIEWS OF THE RESIDENTS OF VLADIMIR REGION

Петросян Д. И.

Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы, г. Владимир

Владимирский государственный университет, г. Владимир

Свинцов И. В.

Владимирский государственный университет, г. Владимир

Petrosyan D. I.

Vladimir Branch of Russian Academy of National Economy and Public
Administration, Vladimir

Vladimir State University, Vladimir, Russia

Svintsov I. V.

Vladimir State University, Vladimir, Russia

Аннотация: В статье приводятся результаты факторного и кластерного анализов, проведенных с помощью пакета SPSS на базе опросов жителей Владимирской области. Выделены четыре относительно четких типа жителей области по шкале терпимость и нетерпимость в сфере межнациональных

отношений: ксенофобы (21,4% населения), умеренно нетерпимые (19,3%), умеренно терпимые (29,2%), толерантные (30,1%). Описаны основные характеристики этих типов. С помощью факторного анализа выявлена тесная и устойчивая взаимосвязь признаков ксенофобии.

Abstract: The authors present the results of SPSS factor and cluster analyses on the base of the polls of residents of Vladimir region of Russia. The article presents the characteristics of four types of people, which differ on the scale “tolerance – non-tolerance” in the sphere of multinational relations: xenophobes (21,4% of population), moderate xenophobes (19,3%), moderate tolerant (29,2%), tolerant (30,1%). Factor analysis shows the strong link between all the marks of xenophobia.

Ключевые слова: межнациональные отношения, миграция, толерантность, ксенофобия.

Keywords: Multinational relations, migration, tolerance, xenophobia

Начиная с 2012 г. Администрацией Владимирской области инициирован целый ряд социологических исследований, направленных на изучение состояния межнациональных отношений в регионе. Авторы статьи приняли участие в исследовательских проектах, организованных различными организациями: Исследовательская компания «Среднерусский консалтинговый Центр», «Академия профессионального образования», Владимирский филиал РАНХиГС [см. 1–7].

Интерес к подобной тематике был вызван тем, что бурный рост потока трудовых мигрантов из бывших республик СССР, начавшийся в 2004–2005 гг., привел к заметному усилению межэтнического напряжения в регионах Центральной России, коренное население которых, в подавляющем большинстве состоящее из представителей русского этноса (во Владимирской области – 93% населения), впервые столкнулось с присутствием столь большого числа людей других национальностей, являющихся явными носителями иных культур и иных религиозных верований. Нарастание тревожности в вопросах межнациональных отношений выразилось в том, что тема мигрантов в 2010–2014 гг. стала одной из центральных на региональных выборах.

Исследования предусматривали использование широкого спектра методов сбора и анализа информации: анкетные опросы, индивидуальные и групповые интервью, экспертные семинары, контент-анализ СМИ. Помимо сравнения обычных процентных распределений, традиционно применяемых при анализе количественных данных, авторы статьи прибегли также к использованию методик факторного и кластерного анализа, позволивших более глубоко изучить взаимосвязи в массовом сознании

жителей области установок, отражающих, как вполне терпимое отношение к лицам других национальностей, так и явное их неприятие.

Таблица 1 – Соотношение респондентов, выбравших варианты ответов, характеризующих терпимое или нетерпимое отношение к проблеме межнациональных отношений

Показатели терпимости		Показатели нетерпимости	
Варианты ответов	% выбравших	Варианты ответов	% выбравших
В многонациональности РФ больше положительного - разные народы обогащают друг друга	25,6	В многонациональности РФ больше отрицательного - одни народы живут за счет других	15,9
Не видят ничего плохого в межнациональных браках	49,0	Брак следует заключать только с представителем своей национальности	16,0
Считают, что патриотом России может быть любой человек, вне зависимости от этнической принадлежности	47,1	Считают, что патриотом России может быть только русский	37,7
Не готовы участвовать в акциях националистического характера	71,3	Готовы участвовать в акциях националистического характера	7,2
Имеют среди друзей и знакомых лиц других национальностей	73,9	Не имеют среди друзей и знакомых лиц других национальностей	20,7
Не испытывают трудностей в общении с лицами других национальностей	52,4	Испытывают постоянные трудности в общении с лицами других национальностей или стараются избежать любого общения с ними	9,8
Готовы работать вместе с людьми других национальностей	40,3	Не готовы работать вместе с людьми других национальностей	18,9
Готовы работать под руководством людей других национальностей	26,6	Не готовы работать под руководством людей других национальностей	45,2
Нанимали мигрантов	28,2	Не допускают возможности нанять мигрантов	33,5
Считают необходимым привлекать еще больше мигрантов, так как нам не хватает рабочей силы	3,4	Считают необходимым полностью ограничить приток мигрантов и по возможности избавиться от тех, которые уже приехали	35,1
Мигранты - это совершенно нормальное явление в современном глобальном мире	36,4	Мигранты - это угроза для местного населения, которую надо искоренять	16,6

Варианты ответов на предложенные респондентам анкетные вопросы были сформулированы таким образом, что позволяли выявить как крайнюю нетерпимость в сфере межнациональных отношений, так и высокую степень толерантности.

Таблица 1, в которой приведены процентные доли выбравших те или иные варианты ответов, показывает, что в большинстве случаев доля толерантных жителей области преобладает над долей нетерпимых.

Учитывая, что среди вариантов ответов были еще и отражающие более или менее нейтральные позиции, ксенофобы, как правило, оказываются в явном меньшинстве.

Подсчитав средние значения, мы увидим, что доля респондентов, выбравших варианты, отражающие нетерпимость составляет 22%, а доля выбравших варианты, характеризующие толерантность, составляют 42%.

Однако, следует учитывать, что анализируя сферу межнациональных отношений, мы имеем дело не столько с трезвыми и рациональными оценками и суждениями, сколько с ценностными установками, имеющими, с одной стороны, эмоциональный характер, а с другой стороны, базирующимися на мировоззренческой основе. Не случайно, уровень образования респондентов ни разу не оказался определяющим фактором их толерантности или ксенофобии.

В этом случае важно не просто сопоставить средние удельные веса респондентов, ориентированных на те или иные признаки ксенофобии или толерантности, но и проследить прочность и устойчивость взаимосвязей между различными показателями, характеризующими направленность ценностных ориентаций.

Поможет в решении этой задачи факторный анализ, который выявляет скрытые, не измеряемые простыми процентными распределениями взаимосвязи между переменными.

Используя метод главных компонент, мы, на основании полученных от респондентов ответов, выделяем наиболее значимые и влиятельные факторы, отражающие силу взаимосвязи и взаимозависимости между собой различных показателей толерантности или ксенофобии.

Помимо перечисленных в таблице 1 признаков толерантного или нетерпимого отношения к проблеме межнациональных отношений, в число анализируемых включены и переменные, непосредственно выражающие оценку отдельных качеств трудовых мигрантов.

Используя метод Кайзера, отбираем 18 факторов, имеющих собственное значение выше 1 и покрывающих 80% факторного поля

В то же время, метод «каменной осыпи» позволяет отобрать для анализа лишь 3 первых фактора, что вполне подтверждается и результатами интерпретации факторов.

Интерпретация результатов показывает, что первый фактор, наиболее влиятельный, покрывающий 16,7% факторного поля, объединяет практически все характеристики, соответствующие крайней форме ксенофобии (переменные расположены по мере

убывания значения внутрифакторного веса):

- согласие с необходимостью полностью ограничить приток мигрантов и по возможности избавиться от тех, кто есть (0,605);
- убежденность, что из-за мигрантов растет преступность (0,587);
- тревога и настороженность даже от внешнего вида мигрантов, поскольку сразу видно, что они «чужие» (0,549);
- согласие с тем, что мигранты ведут себя вызывающе, не уважают и не хотят изучать нашу культуру и стараются навязать свою (0,537);
- отказ работать как вместе (0,535), так и под руководством лиц других национальностей (0,527);
- убеждение, что мигранты в основном мусульмане и потому открыто не уважают православную веру местного населения (0,478)
- согласие с тем, что мигранты в основном работают плохо, некачественно и «наши» выполнили бы ту же работу лучше (0,462);
- представление о мигрантах как об угрозе для местного населения, которую необходимо искоренять (0,437);
- убежденность, что патриотом России может быть только русский человек (0,424);
- исключение для себя возможность нанять мигрантов для выполнения каких бы то ни было работ (0,395);
- согласие с тем, что чаще всего мигранты отнимают работу у местного населения (0,391);
- отрицательная оценка многонационального характера России, поскольку одни народы живут за счет других (0,363);
- согласие с тем, что в качестве мигрантов к нам на заработки в основном приезжают малообразованные и неквалифицированные люди (0,306);
- негативное отношение к межнациональным бракам, уверенность в том, что семью нужно создавать только с представителем своей национальности (0,301);
- отсутствие среди друзей и знакомых лиц другой национальности (0,288);
- не только наличие проблем в общении с людьми других национальностей (0,266), но и стремление избежать любого общения с подобными (0,285);
- готовность участвовать в акциях националистического характера (0,230).

Второй фактор объединяет характеристики, которые позволяют назвать соответствующих им жителей области, умеренными ксенофобами, отличающимися терпимым отношением к мигрантам, но испытывающих проблемы в сфере личных отношений с людьми других национальностей и в целом негативно воспринимающих многонациональный характер РФ:

– отсутствие среди друзей и знакомых лиц другой национальности (0,568);

– согласие с тем, что мигранты в основном работают хорошо, стараются все делать качественно (0,443);

– стремление избежать любого общения с людьми других национальностей (0,398);

– согласие с тем, что мигранты относятся с уважением к нашей культуре и языку, хотя и придерживаются, прежде всего, своих традиций (0,390);

– уверенность, что мигранты-мусульмане в основном не демонстрируют открыто свои убеждения и не представляют угрозы для православия (0,369);

– убежденность в том, что патриотом России может быть только русский человек (0,339);

– согласие с тем, что мигранты в большинстве своем нормальные, дружелюбные люди, и стараются не совершать правонарушений и соблюдать законы РФ (0,306);

– уверенность в том, что среди мигрантов немало вполне образованных людей, которые вынуждены заниматься неквалифицированной работой (0,306);

– отказ работать как вместе (0,292), так и под руководством лиц других национальностей (0,200);

– отношение к межнациональным бракам либо совершенно нетерпимое, так как семью нужно создавать только с представителем своей национальности (0,122), либо допускающее их, при уверенности, что вступившие в такой брак будут испытывать серьезные проблемы из-за разницы культур (0,111);

– отсутствие тревоги в связи с принадлежностью мигрантов к другой национальности, поскольку они такие же люди, как и местные (0,103).

Третий фактор объединяет переменные, которые в сумме характеризуют тип жителей области, который может быть назван умеренно толерантным в общих вопросах межнациональных

отношений, но с весьма противоречивым отношением к мигрантам.

– в целом положительная оценка многонационального характера России, при том, что это может привести к межнациональным конфликтам (0,579);

– отношение к приезду мигрантов как к неизбежному, хотя и неприятному явлению, с которым приходится считаться, из-за нехватки у нас рабочей силы (0,522);

– несогласие с тем, что мигранты отнимают работу у местного населения (0,495);

– убеждение в том, что к нам на заработки в основном приезжают малообразованные и неквалифицированные люди (0,428);

– согласие с тем, что региональные власти могут оставить количество мигрантов на том уровне, который уже есть, но больше привлекать не нужно (0,383);

– терпимое отношение к межнациональным бракам, при том, что вступившие в такой брак будут испытывать серьезные проблемы из-за разницы культур (0,319);

– согласие с тем, что мигранты-мусульмане в основном не демонстрируют открыто свои убеждения и не представляют угрозы для православия (0,271), соседствует в этом типе с представлением о религиозной идентичности мигрантах как об открытой угрозе для православных (0,123);

– согласие с тем, что мигранты в основном работают хорошо, стараются все делать качественно (0,219);

– убеждение в том, что из-за мигрантов растет преступность (0,262);

– отказ работать под руководством лиц других национальностей (0,224), но готовность работать вместе с представителями других этносов (0,209);

– к данному типу относятся как тревога и настороженность даже от внешнего вида мигрантов (0,202), так и отсутствие страха в связи с принадлежностью приезжих к другой национальности (0,142);

– готовность нанять мигрантов на работу (0,183);

– смешаны в данном типе и представление о том, что мигранты ведут себя вызывающе по отношению к культурным традициям местного населения (0,189), и убеждение в том, что мигранты относятся с уважением к нашей культуре (0,182);

– наличие среди друзей и знакомых есть люди других национальностей (0,164);

– исключение возможности лично участвовать в акциях националистического характера (0,137).

Начиная с четвертого фактора, характеристики оказываются все более противоречивыми. Так, с одной стороны данный тип взаимосвязей включает в себя наличие среди друзей и знакомых лиц других национальностей, опыт найма мигрантов для выполнения различных работ и позитивную оценку отдельных человеческих качеств мигрантов. Но, с другой стороны, данному типу соответствуют и такие характеристики, как наличие трудностей в общении с людьми других национальностей, исключение возможности личного найма мигрантов для выполнения каких-либо работ, готовность участвовать в акциях националистического характера, признание мигрантов угрозой для местного населения, нетерпимое отношение к межнациональным бракам, негативное отношение к многонациональному характеру России, отказ от работы под руководством лиц другой национальности, убеждение в том, что приток мигрантов необходимо полностью ограничить, а по возможности избавиться и от тех, которые уже приехали.

Таким образом, перед нами тип жителей области, которые в целом позитивно оценивают отдельные человеческие качества мигрантов, но ощущают угрозу от их присутствия в области в качестве особой социальной группы. Этот тип можно было бы назвать *трезвомыслящими умеренными толерантами*, если бы не преобладание негатива в оценке общих аспектов многонациональности социума и не выражение готовности к участию в националистических акциях. Фактически данный тип характеризует людей, которые не имеют ничего против каждого мигранта в отдельности, но хотели бы избавиться от них как от особого социального явления. Последующие типы также представляют собой разнообразную смесь характеристик и не заслуживают отдельного рассмотрения в силу малого веса

Самое главное, что если тип ксенофобов (фактор 1), отличается четкой взаимосвязью признаков и выглядит довольно устойчивым, нам не удастся выявить ни одного типа, который характеризовал бы однозначную и устойчивую терпимость в сфере межнациональных отношений, противостоящую явной ксенофобии.

Данный анализ подтверждает, что хотя жители области, отличающиеся крайней формой нетерпимости в сфере межнациональных отношений, представляют собой меньшинство, их взгляды и ценностные ориентации достаточно взаимосвязаны, последовательны и устойчивы. Их ксенофобия осознана и внутренне

обоснована. Это поистине убежденные ксенофобы. Мы явно видим в пространстве массового сознания жителей области твердый сгусток установок на ксенофобию и нетерпимость.

А вот толеранты не отличаются такой прочной внутренней ценностной убежденностью и последовательностью. Установки на терпимость очевидно разбросаны и самым причудливым образом перемешаны с ориентациями на негативное восприятие феномена многонациональности.

Подобное различие и делает взгляды и ценности сплоченного меньшинства более влиятельными, чем взгляды и ценности аморфного большинства.

Если факторный анализ позволяет группировать переменные (то есть скрывающиеся за вариантами ответов установки) на основе их смысловой близости, взаимосвязи и взаимовлияния в типичные комплексы ценностных ориентаций, то *кластерный анализ* дает возможность определить типичные группы ценностно близких друг другу респондентов, а также определить долю каждой из таких групп.

При анализе использована кластеризация методом К-средних, при котором наблюдения группируются в кластеры по принципу наименьшей внутренней дисперсии при максимальной межгрупповой дисперсии.

Задав те же параметры переменных, что и в процедуре факторного анализа, мы получаем две достаточно однородные группы респондентов (толерантные и ксенофобы), и две смешанные (умеренно нетерпимые и умеренно терпимые).

Группа 1 – толерантные. Типичные представители этой группы составляют 30,1% от общей выборки.

Группа 2 – ксенофобы. Составляют 21,4% от общей выборки.

Группа 3 – смешанная. Умеренно нетерпимые. Составляют 19,3% от общей выборки.

Группа 4 – смешанная. Умеренно терпимые. Составляет 29,2% выборки.

Отметим, что по результатам кластеризации нетерпимость в межнациональных отношениях связана, прежде всего, с личными проблемами в общении с людьми других национальностей и, в особенности, с фактором негативного отношения к мигрантам. Несмотря на то, что лишь меньшинство жителей области видят в них угрозу, но, во-первых, подобная установка входит в сумму наиболее тесно взаимосвязанных и устойчивых характеристик ксенофобии, а во-вторых, именно появление подобной социальной группы в регионе

влияет на конфигурацию смешанных типов ориентаций в сфере оценки характера межнациональных отношений. Именно негативное отношение к мигрантам проявляет признаки латентной ксенофобии в сознании той части жителей области, которая может быть названа вполне толерантной, если отталкиваться только от таких ценностных аспектов многонациональности, как оценка наличия среди населения России большого количества разных этносов, отношение к межнациональным бракам, готовность и способность общаться с людьми разных национальностей.

Сопоставление социально-демографических характеристик полученных с помощью кластерного анализа групп «толерантных» и «ксенофобов» показывает, что они мало отличаются друг от друга по гендерным признакам, возрасту, уровню образования или месту жительства.

Тем не менее, если среди «ксенофобов» мужчины и женщины составляют по 50%, то среди «толерантных» преобладают женщины (60% против 40% мужчин).

Молодежь в группе «ксенофобов» составляет почти половину (48%), представители среднего возраста – треть (35%), а старшее поколение – шестую часть (17%). Среди «толерантных» доля молодежи уменьшается до трети (33%), пожилых жителей области, наоборот, увеличивается до четверти (25%), а доля представителей среднего возраста становится наиболее заметной (42%). Однако, эти различия вряд ли можно считать существенными, поскольку средний возраст обеих групп различается незначительно – 35 лет у «ксенофобов» и 39 лет у «толерантных».

Как отмечалось выше, крайне слабое влияние оказывает на соотношение толерантности и ксенофобии уровень образования респондентов. Конечно, высокообразованных немного больше среди «толерантных» (37%), чем среди «ксенофобов» (26%). Тем не менее, тот факт, что четверть нетерпимых составляют люди с высшим образованием, не позволяет нам говорить о том, что диплом высшей школы обеспечивает толерантность его владельцу.

Жители области со средним специальным образованием составляют по 37% в обеих группах. Среднее образование чаще встречается у «ксенофобов», чем у «толерантных» (23% против 13%). Тем не менее, результаты еще раз доказывают, что ориентация на толерантность или ксенофобию зависят не столько от образования, сколько от того, на какую мировоззренческую базу, чаще всего приобретенную в семейном кругу, это образование ложится.

Мало заметно и влияние места жительства. Хотя жители областного центра составляют более половины «толерантных» (57%), но и среди «ксенофобов» их 50%. Доли жителей малых городов в обеих группах практически равны (29,5% среди «толерантных» и 32% среди «ксенофобов»). И лишь жители села составляют вдвое большую долю среди «ксенофобов», чем среди «толерантных» (20% против 11%).

Жители области с низкими доходами составляют чуть большую часть «ксенофобов», чем «толерантных», а респонденты с относительно высокими доходами, наоборот, чуть чаще встречаются среди «толерантных». Средний размер доходов обеих групп различается крайне незначительно.

Все отмеченные различия не очень существенны. Склонность к ксенофобии довольно равномерно распределена по разным социально-демографическим группам, хотя на молодых мужчин и на жителей села следует обратить особое внимание.

Подводя итог, отметим следующие наблюдения.

Факторный анализ позволяет выделить очень тесную и устойчивую взаимосвязь признаков, характеризующих ксенофобию, но не выявляет ни одного типа, который характеризовал бы однозначную и устойчивую терпимость в сфере межнациональных отношений, противостоящую явной ксенофобии.

Толерантность жителей Владимирской области не отличаются такой же прочной внутренней ценностной убежденностью и последовательностью, как ксенофобия. Подобное различие делает взгляды и ценности сплоченного меньшинства более влиятельными, чем взгляды и ценности аморфного большинства.

Результаты кластерного анализа дают нам возможность получить две достаточно однородные группы респондентов - толерантные (31%) и ксенофобы (21%) - и две смешанные - умеренно нетерпимые (19%) и умеренно терпимые (29%).

Нетерпимость в межнациональных отношениях, характерная для группы «ксенофобов», связана, прежде всего, с личными проблемами в общении с людьми других национальностей и, в особенности, с фактором негативного отношения к мигрантам.

«Толерантные» и «ксенофобы» мало отличаются друг от друга по гендерным признакам, возрасту, уровню образования или месту жительства. Можно лишь говорить о чуть более высоком распространении нетерпимости среди мужчины, молодежи и жителей сельской местности.

Существенным является более низкий уровень социального самочувствия «ксенофобов» в сравнении с «толерантными». По-видимому, нетерпимость в сфере межнациональных отношений является одним из проявлений общего ощущения неудовлетворенности жизнью.

Библиографический список

1. Калмыкова М.В., Петросян Д.И., Плеханов Е.А. Социокультурные ценности жителей Владимирской области. Владимир, 2013. 276 с.
2. Петросян Д.И., Свинцов И.В., Социологический анализ факторов, способствующих снижению напряженности в сфере межнациональных отношений Владимирской области. Владимир. 166 с.
3. Петросян Д.И. Проблема ксенофобии в сознании жителей Владимира // Ученые записки ВФ РАНХиГС. 2013. № 4.
4. Петросян Д.И. Анализ некоторых аспектов соотношения толерантности и ксенофобии в сознании жителей Владимирской области // Вестник ВЛГУ им. А.Г. И Н.Г. Столетовых. 2015. С. 90–106.
5. Петросян Д.И. Баланс ксенофобии и толерантности в ориентациях жителей Владимирской области как фактор социокультурной модернизации // Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов». Омск, 2015. С. 147–153.
6. Петросян Д.И. Противостояние ксенофобии и толерантности в массовом сознании жителей Владимирской области // Общество и личность: гуманистическая идея в теории и практике, Ставрополь, АНО ВО СКСИ, 2016.
7. Реализация государственной национальной политики Российской Федерации на региональном уровне: учебное пособие / под ред. Е.А. Плеханова, Владимир: ВФ РАНХиГС, 2020.
8. Кельберг А.А. Ксенофобия как социально-психологический феномен // Вестник СПбГУ. 1996. Сер. 6. Вып. 2 (№ 13). С. 46–57.
9. Муравьев А.В. Ксенофобия: от инстинкта к идее // Отечественные записки. 2004. № 4. С. 12–17.
10. Прокопенко В.А. Толерантность и мир, в котором мы живем // Новая библиотека. 2006. № 3 (63). С. 40–41.
11. Соколов В.М. Толерантность: состояние и тенденции // Социс. 2003. № 8. С. 54–63.
12. Шалин В.В. Толерантность (культура, норма и политическая необходимость). Ростов н/Д., 2000. 356 с.
13. Классификация и кластер / под ред. Дж. Вэн Райзина. М.: Мир, 1980. 389 с.
14. Крыштановский А.О. Анализ социологических данных с помощью пакета SPSS. М.: ГУ ВШЭ, 2006. 284 с.

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ АРМЯНСКИХ МИГРАНТОВ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ МИГРАЦИЙ¹

ETHNO-CONFESSIONAL IDENTITY OF ARMENIAN MIGRANTS IN THE CONTEXT OF TRANSNATIONAL MIGRATIONS

Ракачев В. Н., Ракачева Я. В.

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Аветисян В. Г.

Российско-Армянский (Славянский) университет, г. Ереван, Республика
Армения

Rakachev V. N., Rakacheva Ya. V.

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Avetisyan V. G.

Russian-Armenian (Slavonic) University, Yerevan, Armenia

Аннотация: Одним из новых явлений современного общества является транснационализм, в ситуации с миграцией он проявляется в том, что мигрант не рассматривает переезд на новое место жительства как конечный результат, а перемещается между двумя и более государствами с определенной степенью интегрированности в новое и старое социокультурное пространство. Такой мигрант сохраняет социальные связи, инкорпорирован в социальные и экономические институты как страны исхода, так и нового места жительства. Такая ситуация непосредственно влияет на идентичность мигранта, которая становится амбивалентной, в его идентификационной матрице в зависимости от ситуации усиливаются одни компоненты и ослабевают другие. В рамках данной статьи, подготовленной на основе результатов эмпирического исследования, проведенного среди армянских мигрантов в России и Армении, рассматриваются особенности их этноконфессиональной идентичности в контексте транснациональных миграций. Делается вывод о тесной связи между конфессиональной и этнической идентичностью армянских мигрантов, их влиянии на многие аспекты жизни.

Abstract: One of the new phenomena of modern society is transnationalism, in the situation with migration it manifests itself in the fact that the migrant does not consider moving to a new place of residence as the end result, but moves between two or more states with a certain degree of integration into the new and old socio-cultural space. Such a migrant retains social ties, is incorporated into the social and economic institutions of both the country of origin and the new place of residence. Such a situation directly affects the migrant's identity, which becomes ambivalent; in his identification matrix, depending on the situation, some components are strengthened and others are weakened.

¹ Статья подготовлена в рамках реализации совместного российско-армянского проекта «Механизмы трансформации национальной идентичности в современных миграционных процессах (на примере миграционной сети Армения-Юг России)», № 20-511-05019 Арм_а, при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.

Within the framework of this article, prepared on the basis of the results of an empirical study conducted among Armenian migrants in Russia and Armenia, the features of their ethno-confessional identity are considered in the context of transnational migrations. The conclusion is made about the close connection between the confessional and ethnic identity of Armenian migrants, their influence on many aspects of life.

Ключевые слова: этническая идентичность, конфессиональная идентичность, Армения, Россия, транснациональные миграции, транснационализм

Keywords: ethnic identity, confessional identity, Armenia, Russia, transnational migrations, transnationalism

Современные миграционные процессы все чаще описываются и объясняются через концепцию транснационализма [7], согласно которой мигранты создают и существуют в рамках социальных полей, пересекающих географические, культурные и политические границы. Мигранты становятся трансмигрантами в том случае, когда развивают и поддерживают множественные социальные, экономические, организационные, семейные, религиозные и политические отношения, а их идентичность формируется во взаимодействии с более чем одним национальным государством. В принимающем обществе они не временные жители, поскольку поселились и начали инкорпорироваться в экономику, в политические институты, в повседневную жизнь страны, где живут в настоящий момент. Однако в то же самое время они сохраняют связи, строят институты, управляют транзакциями и влияют на локальные и национальные события в странах выхода. Миграция, таким образом, превращается из одностороннего движения из пункта «А» в пункт «Б» как конечный пункт назначения, в постоянный процесс, который не заканчивается.

Даже переехав, люди продолжают жить одновременно в двух и более местах, поддерживать экономические, социальные, символические, политические, культурные и другие связи с теми местами, из которых они уехали. Они расширяют свое жизненное пространство поверх государственных границ и выстраивают свои жизненные стратегии, ориентируясь и на место исхода, и на новое место жительства.

Особый интерес в рамках транснационального подхода представляет изучение миграций в направлении Армения – Россия. На протяжении всего постсоветского периода Российская Федерация выступает главной страной-реципиентом для Армении, на ее долю приходится от 80 до 90% всех выездов из страны [5, с. 264].

Согласно результатам социологического исследования, проведенного в рамках проекта РФФИ № 20-511-05019 в последнее время принципиально меняются миграционные стратегии армянских

мигрантов, от ассимиляции и интеграции происходит движение в сторону транснационализма: мигранты одновременно включены в социальные сети страны исхода и принимающего сообщества, при этом происходит постоянное движение мигрантов между разными этнокультурными пространствами, участие в экономике, политике, повседневной жизни обеих стран.

В ситуации транснациональных миграций складывается транснациональная идентичность – это многогранный феномен, при котором человек находится в постоянном контакте сразу с несколькими сообществами и чувствует свою принадлежность к ним, а различные составляющие его идентичности могут быть в разной мере отнесены к этим группам.

Исследования показывают, что идентичности современных мигрантов отличается «сверхразнообразием» [8; 1024], поскольку мигранты нередко находятся в ситуации противопоставления норм и ценностей, формирующих их идентичность в отправляющем обществе и тех, которые преобладают в обществе принимающем. Это побуждает их постоянно задумываться и помнить, о том, кто они и как они присутствуют в различных ситуациях. Они также вынуждены постоянно осознавать, как другие (в основном в обществе назначения) воспринимают их, и какое положение они в нем занимают. При этом мигрант может одновременно испытывать как сильное чувство принадлежности к «исходному» обществу, так и стремиться ассимилироваться в обществе принимающем, идентифицировать себя с ним. Обе идентичности могут сосуществовать друг с другом, но также могут формироваться различные кризисные типы.

В контексте миграции этническая принадлежность и религия могут выступать особенно важными маркерами идентичности, воспроизводство которых способны обеспечить «трансмиграционные общины», в рамках которых воссоздается среда привычных социальных и культурных моделей поведения мигранта, и благодаря которым определенным образом поддерживается устойчивость исходной этнонациональной идентификации мигранта.

Рассуждения о месте и роли религии в формировании этнической идентичности развивались в нескольких направлениях. Так П. Бергер и Т. Лукман при рассмотрении религиозной идентичности предлагают расширить принцип интенциональности и изучать религию с позиции социально-феноменологического конструктивизма [2]. Э. Смит выделяя этническую, родовую, гендерную, пространственную, социально-классовую и религиозную идентичности, определял последнюю как

наиболее устойчивую. А. Щюц отмечал, что религия появляется как результат конструктивной деятельности личности и ее направленной творческой интерпретации окружающей среды, а религиозная идентичность конструируется самим индивидом и его социальной группой на основе системы ценностей и понимания своего места в обществе. При типизации объектов и оценке социальных действий каждым из индивидов используется тот набор религиозных символов, который является характерным для его «домашней группы» [6].

На процесс конструирования конфессиональной идентичности оказывали влияние различные социальные факторы, меняющиеся на протяжении истории. Религиозная идентичность появлялась и обретала целостность как объективированная и интериоризированная сущность. Объективированная часть религиозной идентичности предстает как внешний мир конфессиональных социально-культурных институтов, символов, текстов. Интериоризированная часть религиозной идентичности проявляет себя в индивидуальном практическом дискурсе, позволяющем субъекту конструировать новые смыслы и вкладывать их в текущую культуру. Оптимальный баланс между объективной и субъективной реальностями формирует устойчивую религиозную идентичность.

Материалы интервью, собранные в рамках реализации проекта, убедительно демонстрируют тот факт, что религиозная принадлежность выступает одним из ключевых элементов, на основе которых армяне-мигранты идентифицируют себя со своим народом. Иначе говоря, этническая и конфессиональная идентичности тесным образом переплетаются и неразрывны в сознании респондентов.

«Христианская вера, для нас очень важна, потому что армяне первые в мире приняли христианство и много страдали из-за веры. Я в детстве читала еще Библию и в семье воспитали нас по христианским обычаям. Русские тоже такие и наша вера роднит нас. Хотя сегодня много людей просто так называются христианами и не всегда сохраняют христианские традиции, но все равно наша культура основана на этом».

В отдельных случаях религиозная идентичность преобладает над этнической: *«Религия важнее, чем нация, потому что религия о многом».*

Объяснением этому может служить тот факт, что религия в Армении с самого начала выступала мощным символическим ресурсом. Это было обусловлено определенными историческими условиями, когда в условиях упадка или утраты государственности выразителем

интересов нации выступала Армянская Апостольская церковь как единственный общенациональный институт. Поэтому не случайно, что национально-политическая проблематика часто приобретала форму национально-церковной проблематики: политическая мысль решала проблемы защиты интересов и безопасности нации, национальной идентичности под оболочкой церковно-политических проблем и наоборот.

В постсоветский период в условиях становления независимого Армянского государства роль христианской религии как этнообъединяющего многократно усиливается. Роль и место церкви в государстве были закреплены в Конституции Армении и ряде законодательных документов. В частности Конституция Республики Армения 2005 г., определяя ее как светское государство, вместе с тем в ст. 18.1 закрепляет «исключительную миссию Армянской Апостольской Святой Церкви как национальной церкви в духовной жизни армянского народа, в деле развития его национальной культуры и сохранения его национальной самобытности» [3].

Армянской апостольской церкви также отводится важная роль в вопросе консолидации армянской диаспоры и обеспечения духовных потребностей, поддержки армянских мигрантов за пределами исторической родины. Не редко именно вокруг церкви формируются иммигрантские общинные структуры, создаются и функционируют армянские национально-культурные центры.

Как показывают исследования, наибольшая приверженность церкви традиционно более сильная у «старой» части армянской диаспоры в России, тогда как представители новых миграционных волн (постсоветской и современной) чаще рассматривают принадлежность к церкви как важный элемент армянской идентичности, а собственно религиозные практики в них менее интенсивны [1, с. 57]. Вместе с тем, во всех случаях диаспоральная идентичность (старая новая) включает в себя религиозную составляющую, которая в условиях диаспоры может усиливаться, так как служит дополнительным мобилизационным и интегрирующим мотивом. Это происходит почти всегда в тех случаях, когда доминирующая религиозная традиция принимающей страны отличается от иммигрантов.

Однако, как отмечали многие респонденты-мигранты, в ситуации с Россией это отличие достаточно условно, поскольку обе церкви: Армянская апостольская и Русская православная являются церквями христианскими.

Показательно, что в ситуации, когда армянские мигранты не имеют возможности посещать в России армянский храм, проживая там, где армянская диаспора малочислена, при необходимости посещают Русскую православную церковь.

«Проживая в России, я ходил в Православную церковь и, в принципе, большой разницы между ними не вижу. Если бы была там армянская церковь – то ходил бы в армянскую».

Эта ситуация наглядно демонстрирует нам феномен транснационализма, когда мигрант встраивается в конфессиональное пространство нового общества, находит своеобразный компромисс для удовлетворения своих религиозных, духовных потребностей, посещая Русскую православную церковь. Конфессиональная идентичность таких мигрантов в некотором роде переходит на более широкий, общехристианский уровень.

Респонденты подчеркивают духовную и культурную близость с Россией, поскольку *«... все-таки восточные христиане там. Это православная, восточно-христианская культура, которые являются связующими звеньями: они оказывают влияние на меня конкретно».*

Как справедливо отмечают С.А. Ляужева и А.А. Нагой, культурная идентичность оказывает определяющее влияние на процессы межкультурной коммуникации. Она предполагает совокупность определенных устойчивых качеств, благодаря которым те или иные культурные явления или люди вызывают у нас чувство симпатии или антипатии. В зависимости от этого мы выбираем соответствующий тип, манеру и форму общения с ними [4, с. 221]. В этом контексте россияне (русские) и Россия в целом выступают для армянских мигрантов как близкие в конфессиональном и культурном отношении люди.

Религиозный аспект в интервью возникал и в связи с вопросами семейно-брачных отношений. Здесь важно отметить тот факт, что в семейно-брачной сфере у армянских мигрантов существует достаточно категоричная ориентация на единоверцев, хотя и тут есть определенные предпочтения. В частности, при возможном выборе партнера, армянские респонденты считают наиболее приемлемым брачный союз с русскими. Главной причиной у большинства – духовно-цивилизационная близость.

«С девушкой другой национальности я, наверно да, смог бы завести отношения и семью, а с девушкой другой веры – наверно нет. Предпочтительнее, если жена была бы христианкой, потому что я сам христианин».

«По поводу возможного брака с представительницей другой национальности, скажем так: из христианских цивилизаций и стран со всеми в принципе. Касательно многонациональных браков, я ничего не имею против, но хочу сказать, что конкретно ничего не имею против мусульман, но лично я не представляю себя женатым на мусульманке».

Также опросы показали высокий процент намерений эмигрировать при возможности из Армении, с целью улучшения социально-экономического положения семьи. При этом стоит отметить, что для респондентов возрасте выше 45 лет среди стран возможной эмиграции Россия является самой предпочтительной. Основные факторы формирования данной концепции следующие: знание русского языка, близкие нормы социально-культурного поведения, общее прошлое и восприятия России как «большого дома».

В ситуации растущих транснациональных миграций власти в Армении всемерно поддерживают церковь в роли посредника между армянским государством и диаспорами. Транснациональные мигранты, оказываясь в «третьем», промежуточном социальном пространстве между страной выхода и принимающими странами, находятся в «постоянном переходном» состоянии, вопросы идентичности, в том числе конфессиональной, встают для них в острой форме и церковь, культурно-национальные центры, мигрантские общины и диаспоры становятся теми структурами, которые помогают им сохранять и воспроизводить прежние и формировать новые идентичности. Как следствие у транснациональных мигрантов формируются гибридные идентичности, которые создаются в процессе взаимодействия различных культур, варьируются в зависимости от ситуационной обстановки и типа взаимодействия, им свойственна определенная лиминальность. В российских условиях этнического плюрализма, предоставления прав и свобод на этническое самоопределение и реализацию национальных интересов транснациональные мигранты-армяне в меньшей степени подвержены ассимиляционным процессам, что, в свою очередь, и определяет высокую степень интенсивности в миграционной сети Армения – Россия.

Библиографический список

1. Агаджанян А.С. Религия и общество на Кавказе: формы взаимодействия и современная динамика. М., 2017. – 65 с.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
3. Конституция Республики Армения. URL: <https://www.president.am/ru/constitution-2015/> (дата обращения: 25.10.2022).

4. Ляушева С.А., Нагой А.А. Религиозная идентичность в современной культуре // Вестник АГУ. Сер. Регионоведение: философия, история, социология, экономика, юриспруденция, политология, культурология. 2009. Вып. 9. С. 221–225.

5. Ракачев В.Н., Ракачева Я.В. Миграционный обмен между Арменией и Россией: структура и направленность миграционных потоков // III Всероссийский демографический форум с международным участием: материалы форума (Москва, 3–4 декабря 2021 г.). М. : ФНИСЦ РАН, 2021. С. 264–267.

6. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 129–137.

7. Glick Schiller N., Basch L., Szanton Blanc Ch. Transnationalism: a new analytic framework for understanding migration // Towards a Transnational Perspective on Migration: Race, Class, Ethnicity, and Nationalism Reconsidered. New York: New York Academy of Sciences, 1992. P. 1–24.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ГЕТЕРО- И АУТОСТЕРЕОТИПОВ (НА ОСНОВЕ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ВЗАИМНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ГРАЖДАН РОССИИ И ТУРЦИИ)

INTERRELATION OF HETERO AND AUTO-STEREOTYPE (BASED ON COMPARATIVE ANALYSIS OF MUTUAL REPRESENTATIONS OF CITIZENS OF RUSSIA AND TURKEY)

Ракачев Д. Н.

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Rakachev D. N.

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье анализируются ауто- и гетеростереотипы граждан Турецкой Республики и граждан Российской Федерации. Приводятся данные прикладного социологического исследования, проведенного как в Турции, так и в России по единой методике и единому инструментарию. Дается авторская трактовка феномена негативных аутостереотипов и специфики изменения этнических стереотипов в целом.

Abstract. The article analyzes the auto- and heterostereotypes of citizens of the Republic of Turkey and citizens of the Russian Federation. The data of applied sociological research conducted both in Turkey and in Russia using a single methodology and a single toolkit are presented. The author's interpretation of the phenomenon of negative autostereotypes and the specifics of changing ethnic stereotypes in general is given.

Ключевые слова: Россия, Турция, этнические стереотипы, аутостереотип, гетеростереотип, негативные этнические аутостереотипы.

Keywords: Russia, Turkey, ethnic stereotypes, autostereotype, heterostereotype, negative ethnic autostereotypes.

Человеческое сознание ограничено. Во многих случаях восприятие окружающего социального (да и не только социального) мира происходит в соответствии с упрощенными образами. Стереотипами. Причем с возрастом устойчивость стереотипов увеличивается. Если сознание ребенка более открыто к познанию окружающего мира (первичная социализация), то сознанию взрослого, для принятия какого-либо нового социального опыта (вторичная социализация) нужно изменить уже сложившиеся нормы, правила, стереотипы и образцы поведения.

Здесь необходимо выделить профессиональную сферу, сферу интересов – то есть ту сферу, от адекватности представлений в которой зависит профессиональные компетенции, а, следовательно, и социальная успешность индивида. Эта сфера систематически переосмысливается человеком, из окружающего мира извлекаются новые факты, формируются новые модели поведения (или подтверждается правильность старых). Соответственно, стереотипы в этой сфере не так значимы и меньше определяют поведение людей.

В сфере же общей эрудиции, общих представлений о мире и обществе неадекватность представлений, излишняя стереотипизация оказывается незначимой для конкретного индивида, незаметной. Человек может сохранять восприимчивость к поступающей информации – сохранять профессиональную компетентность, и, соответственно оценивать себя как адекватного и критически мыслящего члена общества. Но эта адекватность и критическая оценка будет касаться только узкой части представления, а в значительной части своих представлений человек будет находиться в рамках социальных стереотипов, воспринятых в детстве.

Именно это обуславливает стабильный интерес к исследованиям стереотипных представлений в целом, и этнических стереотипов в частности.

В первые исследования 1920–1930-х гг. в Соединенных Штатах Америки [12, 15] сам факт стереотипизированных представлений расценивался как негативный, проблемный [5]. Ко второй половине века отношение стало гораздо более нейтральным [10], в том числе и в отечественной науке [1, 11, 9] и в целом, подобный взгляд остается доминирующим и сейчас [16, 2, 6].

В данной работе под стереотипом понимается феномен, аккумулирующий некий стандартизованный коллективный опыт и внушенный индивиду в процессе обучения и общения с другими [7] (определение И.С. Кона). Поскольку этот коллективный опыт не верифицируется индивидом периодически (в отличие от профессионального опыта), то не происходит осознания его возможного несоответствия реальности.

Очень важным является разделение аутостереотипа и гетеростереотипа. Аутостереотипы – общее представление людей о своей группе традиционно описывались как более положительные, в отличие от гетеростереотипов (представления о других группах) – как более отрицательных [3, 8].

Однако, такой взгляд сейчас пересматривается [4], и, например, в модели содержания стереотипов Сьюзен Фиске указывает, что стереотипы часто амбивалентны и различаются по нескольким параметрам [12, 14].

Этнические стереотипы, особенно в отношении тех народов, с представителями которых нет частых контактов – это чрезвычайно инертные феномены, они изменяются весьма медленно. Соответственно, в формировании существующих, бытующих сейчас стереотипах значительна роль исторических процессов и государственной пропаганды.

И наоборот, в обществах с высокой этнической мозаичностью, в отношении тех народов с представителями которых индивид контактирует, этнические стереотипы постоянно пересматриваются и верифицируются. При оценке степени верификации (и, как следствия – трансформации стереотипа) необходимо учитывать и специфику контактов, так как эти изменения могут быть обоснованными, но нерепрезентативными. Базироваться на реальном опыте контактов, но распространять не только на узкую группу с которой эти контакты происходили (возрастную, социальную, профессиональную и т.д.), но и на весь этнос.

Сравнительное исследование ауто- и гетеростереотипов населения России и Турции проводилось в 2020 г., методом анкетирования. И выборка и инструментарий использовались «зеркальные», чтобы обеспечить максимальную симметричность получаемых данных. Исследование не претендует на полноту охвата всего российского и турецкого общества. Так, хотя половозрастная структура выборки обеспечивала репрезентативные данные, территориальная структура не вполне репрезентативна, в выборке представлены только городские

жители, и нет сельских. Социальная структура симметрична, но завышена – доля квалифицированных специалистов, руководителей, студенческой молодежи выше чем в генеральной совокупности. Тем не менее, выборка полностью симметричная по России и по Турции и позволяет корректно сравнивать этот, пусть и не идеальный срез турецкого и российского общества.

Все опрошенные респонденты не имели опыта длительного контакта (проживания, работы в одном коллективе) с другой культурой, но могли иметь (и некоторая часть имела) различные поверхностные, мимолетные контакты. Соответственно, их представления о другой стране и ее народе (у турок – о России, у россиян – о Турции) базировались на распространенных в данной культуре этнических стереотипах.

Стереотипы замерялись по отдельным качествам (в форме качественного определения – «счастливые», «трудолюбивые», «общительные» и т.д.) по шкале позитивных оценок, где максимальная оценка ставилась респондентом, если, по его мнению, это качество максимально присуще этому народу, и минимальная – если оно практически не присуще.

Особую актуальность данное исследование приобретает учитывая исторический и экономический контекст. Оба государства имели достаточно длительный период войн, который не мог не оставить свой след в культуре. Однако это был достаточно далекий исторический период. В настоящее время, хотя экономические связи активно развиваются, личных контактов не так много. Между странами нет устоявшихся миграционных потоков, нет миграции неквалифицированной рабочей силы, нет потоков беженцев и т.д., что влияло бы на этнические стереотипы. Скажем, стереотипный образ немца или француза в российском обществе нагружался бы уровнем жизни в этих странах. А стереотипный образ таджика – значительной долей рабочих из Таджикистана в России. В случае же Турции, мы можем наблюдать именно современное состояние достаточно нейтрального, малоактуального (а как следствие – малоосмыслеваемого, маловерифицируемого) стереотипа.

В исследовании, одним из оцениваемых качеств было указано «счастливые». Отдавая себе отчет в крайней условности такой формулировки, тем не менее, такая комплексная эмоциональная оценка у респондентов не вызвала сложности. И при этом показала весьма нетипичную картину: стереотипы были не позитивно акцентированы (что было бы более типично для этнических стереотипов), а негативно.

Позитивные качества приписывались не себе, а другому народу. При этом нужно учитывать – оценка этих качеств происходила в рамках соседних вопросов и была достаточно осознанной, это не столько внутренняя неосознаваемая установка, сколько осознанная, открыто декларируемая позиция.

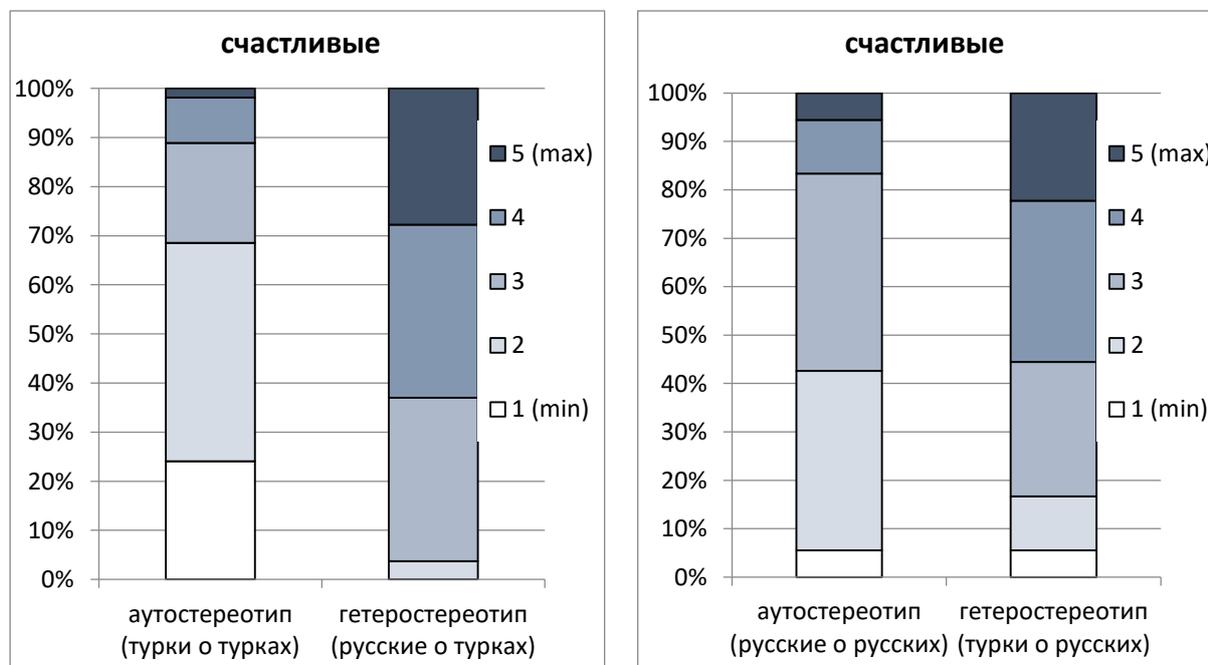

Рисунок 1 – Сравнение ауто- и гетеростереотипов по критерию «счастливые»

Только 2% опрошенных турок¹ назвали себя, свое общество счастливыми в максимальной степени, и только 9,5% указали вторую позицию шкалы. На фоне такой «несчастливости», турки, напротив, представляют русских намного более счастливыми. Аналогичная ситуация и с русскими респондентами – аутостереотип включает достаточно негативную оценку (хотя чуть выше, чем по Турции), и точно также весьма высока оценка турок как «счастливых».

По максимально низким оценкам – негатив в аутостереотипе турок выше (24% самой минимальной оценки против 5,6% самой минимальной оценки в аутостереотипе русских), но в крайне малой

¹ В анкете и в работе термины «турки» и «граждане Турции», так же как и «русские» и «россияне» используются как синонимы. Хотя в точном научном значении, естественно, эти термины являются совершенно различными понятиями, при измерении общественного мнения мы были вынуждены пойти на обобщение и упрощение картины. В анкете на русском языке использовался термин «турки», обобщая в него и любые этнические меньшинства проживающие в Турецкой Республике, а на турецком языке – термин «guslar» который формально означает этнически русских, но так же фактически применяется в значении «русскоговорящие» или «граждане РФ».

доле максимальных оценок (сумма 2 максимальных оценок – 11,1 % в аутостереотипе турок и 16,7% в аутостереотипе русских) они весьма похожи.

То есть здесь, в отсутствии давления негативных факторов (конфликтов, конкуренции за рабочие места и т.д.), при слабой роли исторически сложившихся стереотипов (которые как раз должны быть более негативными), работает некорректное обобщение редких социальных контактов.

С кем контактируют турки и россияне в своих странах? С социально успешными представителями другого общества. В Россию прибывают турки в основном по различным вопросам связанным с тем или иным бизнесом – то есть это состоявшиеся в профессиональном плане (а, следовательно – и в материальном) специалисты, руководители. Прибывают студенты на обучение (а в другие страны выезжают преимущественно более подготовленные и мотивированные, материально обеспеченные студенты из общей массы молодежи страны). То есть россияне в России контактируют в основном с социально успешными, благополучными, законопослушными турками. Развитие туристического бизнеса в Турции и активность российских туристов на этом направлении так же не способствует формирования полного образа – на курортах россияне сталкиваются с персоналом, который создает именно позитивный имидж коллектива и вообще принимающего общества (что закономерно и экономически обусловлено именно условиями данного бизнеса).

Аналогичная ситуация и с турками – причем здесь значительный перекоп в сторону туристов. То есть в Турции видят русских преимущественно как веселых, беспечных, не испытывающих материальных проблем отдыхающих.

Стоит отметить, что дисперсия оценок не коррелировала с наличием личного опыта взаимодействия. Эти стереотипы, формируемые теми, кто имел поверхностные контакты, циркулируют в обществе и воспринимаются некритически теми, кто не может сформировать своего обоснованного мнения.

Причины же столь низкой оценки своего народа лежат в реальных социально экономических процессах - на 2020 год и в России и в Турции были существенные инфляционные ожидания, недовольство экономической политикой правительства и т.д. Так же здесь следует учитывать специфику выборки – это в основном городские жители, специалисты и руководители, интеллигенция – то

есть «образованный класс», который в значительной степени обладает завышенными социальными ожиданиями, но не всегда может их реализовать.

Асимметричность контактов (русские в достаточно значительных количествах посещают Турцию, но не наоборот) формирует и другой стереотип – «деловитости» турок.

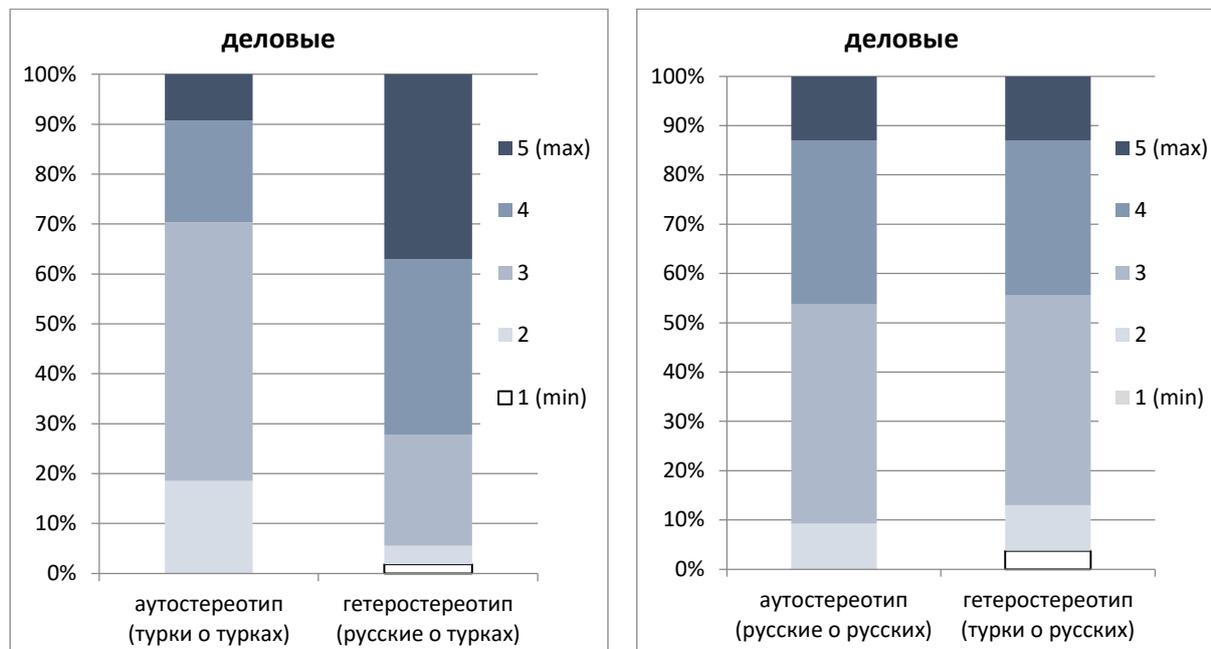

Рисунок 2 – Сравнение ауто- и гетеростереотипов по критерию «деловые»

Причем здесь все также прослеживается негативность аутостереотипа – и турки и русские отзываются о себе менее позитивно, чем о другом народе. Разница в турецкой оценке не столь значительна (9,3% против 12%) но она присутствует. Разница в русской оценке куда существеннее – 13% против 37% по максимальной оценке. Это уже чисто российский стереотип, и, видимо, он формируется так же курортной спецификой. В этой специфике русские отдыхают, а турки – работают (т.е. – более активны и деловиты). Так же русские попадают в максимально благоустроенную среду морских курортов, туристических районов больших городов и т.п., но не касаются обыденной жизни турецкого населения – квартир, домов, семейного быта, производства, управления – то есть таких сфер, где как раз и проявляется недовольство теми или иными проблемами, которые неизбежны в организации любого общества. Турки, бывающие в России наоборот, больше контактирует в деловой сфере, и, соответственно, больше погружены в реальные сложности и проблемы.

Другой интересной картиной является образ трудолюбия. Здесь как раз-таки, можно проследить значительные культурные различия. В русской культуре, в русском самосознании трудолюбие выступает важным положительным качеством, одним из определяющих общих морально-этический облик общества в целом и отдельного его члена в частности. Не зря большинство положительных характеристик в русском языке и русской культуре завязано именно на труд.

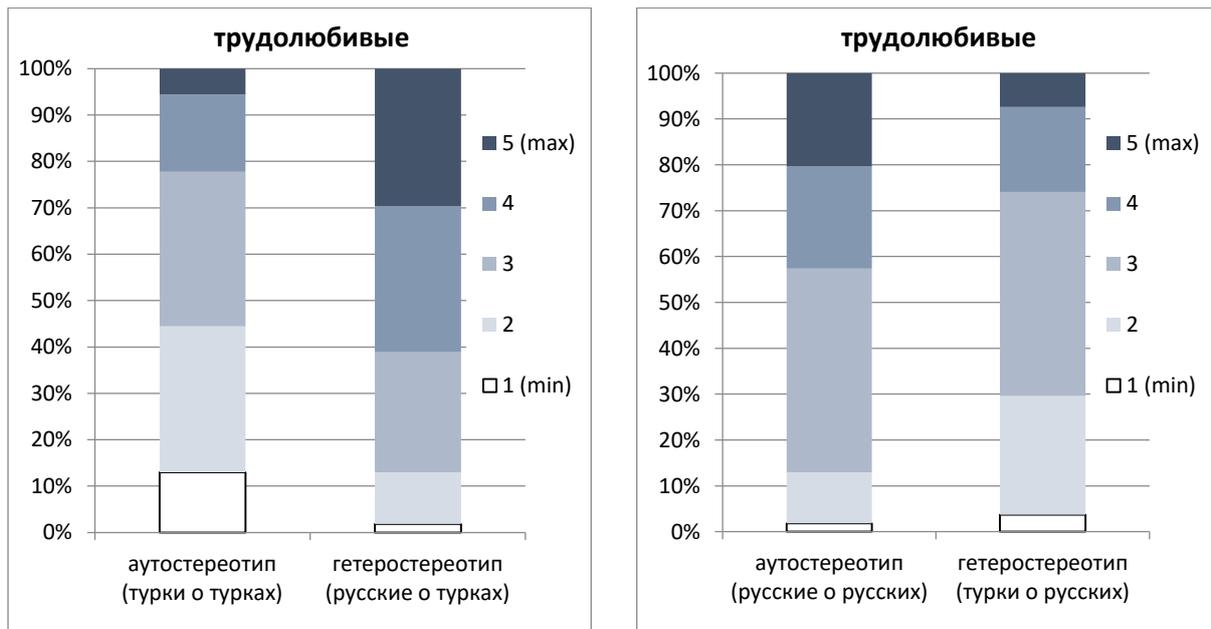

Рисунок 3 – Сравнение ауто- и гетеростереотипов по критерию «трудолюбивые»

Русские высоко оценивают свое трудолюбие, но еще выше – турецкое трудолюбие. Положительный опыт взаимодействия формирует в российской аудитории даже более положительный образ турка-сотрудника, чем собственный образ. Однако турки представляют ситуацию совершенно иначе. Уровень трудолюбия россиян они оценивают достаточно низко... но себя – еще ниже! Примечательно и то, что трудолюбие оценивается ниже деловой активности, предприимчивости, и то, что сохраняется обратная оценка – аутостереотип более негативный чем гетеростереотип.

Отчасти аналогичная картина по критерию «развитые». В инструментарии целенаправленно не уточнялось – развитие в какой именно области имеется ввиду – подразумевалась усредненная «продвинутость» общества во всех возможных смыслах. И здесь русские показывают симметричную оценку – и себя и турок они оценивают весьма близко (16,7% максимальной оценки себя и 20,4% – турок).

Турки же считают себя более «развитыми», хотя разница тоже не значительна и общая оценка (что своей, что русской развитости) существенно ниже, чем оценки русских респондентов. Интересный момент – только в аутостереотипе турок проявилась максимально низкая оценка. Пусть минимально (3,7%), но она присутствует, тогда как среди русских не было столь критически настроенных респондентов.

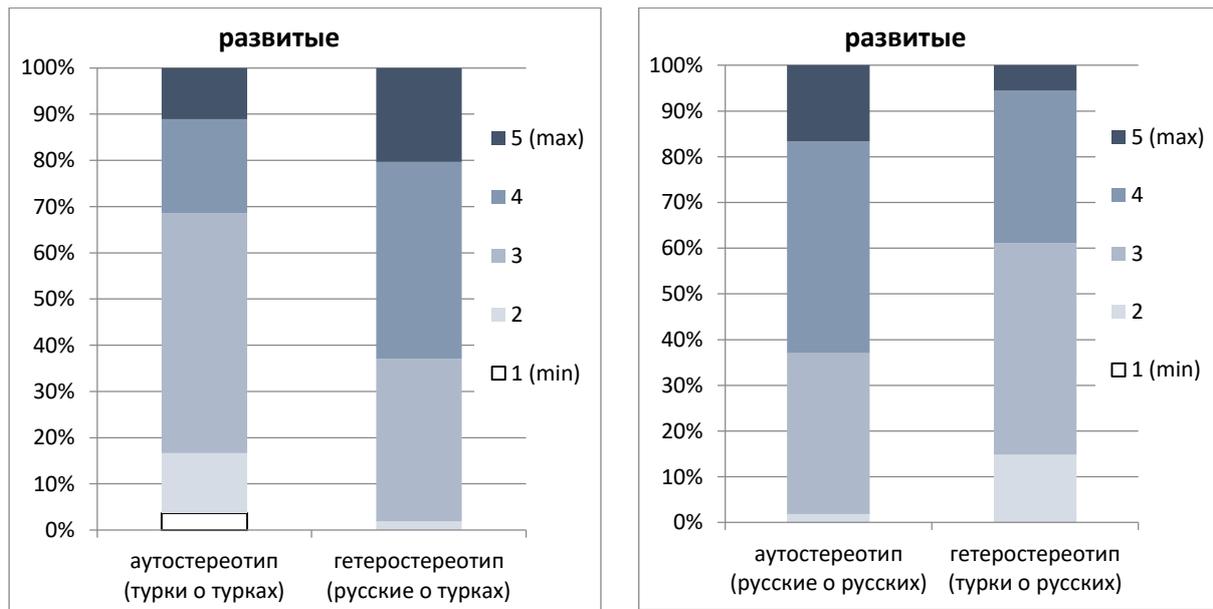

Рисунок 4 – Сравнение ауто- и гетеростереотипов по критерию «развитые»

По всей видимости, степень критичности аутостереотипа зависит от конкретности, очевидности, наглядности оцениваемого качества. Вышеуказанные «трудолюбие» и «деловитость» – типичные качества, предъявляемые к сотрудникам любых сфер деятельности, и их недостаточность (этих качеств) – типичные поводы недовольства теми или иными сервисами, подрядчиками, сотрудниками и т.д. В любом обществе и любом государстве работодатель будет не вполне доволен своими сотрудниками, а население – властями. Когда же респондентам предлагалось оценить более абстрактные категории, тогда срабатывала субъективная «национальная гордость» и критичность к проявляемым недостаткам снижалась.

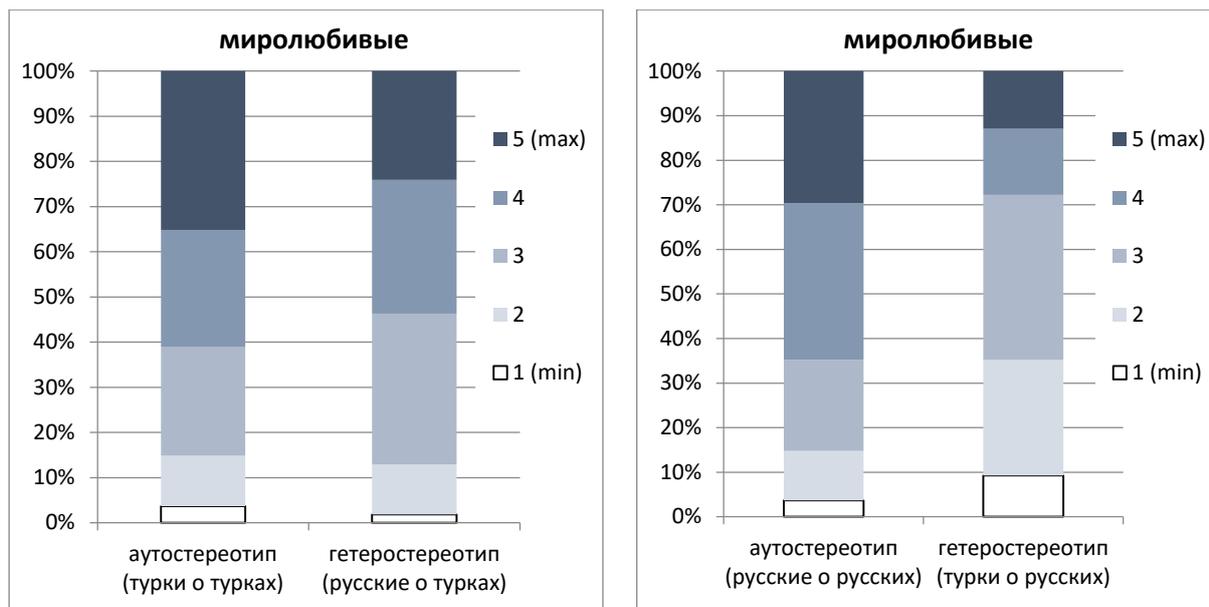

Рисунок 5 – Сравнение ауто- и гетеростереотипов по критерию «миролюбивые»

Учитывая исторический «бэкграунд» российско-турецких взаимоотношений, который включал в прошлом крупные войны, в число качеств было включено миролюбие. Аутостереотипы и по Турции и по России более положительные (что естественно – ведь в субъективном восприятии в любом государстве любая агрессия всегда приписывается злым врагам, а свои армии всегда доблестно защищают). Однако, значительная историческая удаленность от эпохи турецко-русских войн формирует достаточно «мирный» и гетеростереотип. Сейчас, в 2022 г. эти оценки могли измениться, но хочется отметить, что на момент опроса уже произошел инцидент со сбитым турецкими ВВС российским самолетом в Сирии, и в целом ситуация конфликта в САР и разногласий между Турцией и Россией по этому поводу не являлась «спокойной». Соответственно, негатив в межгосударственных отношениях формировал и изменение этнических стереотипов. И тем не менее, образ что турок, что россиян в глазах друг друга достаточно положительный и «мирный».

Тем не менее, степень этого «миролюбия» отличается. Турецкий гетеростереотип заметно сильнее отличается от аутостереотипа. Так, 9,3% турок оценили «миролюбие» россиян по минимальной оценке. Аналогичной негативный образ турок показали только 1,8% россиян. По максимально позитивной оценке так же заметное расхождение – максимальный уровень «миролюбия» россиян отметили только 13% турок, а аналогичную максимальную оценку турецкому «миролюбию» дали 24,1% россиян.

Специфично выглядят распределения по стереотипу «сильные». Это достаточно важный для национального самосознания стереотип, обеспечивающий внешнеполитические или даже цивилизационные притязания. Здесь мы также не конкретизировали аспекты силы, предпочтя обобщить все ее проявления.

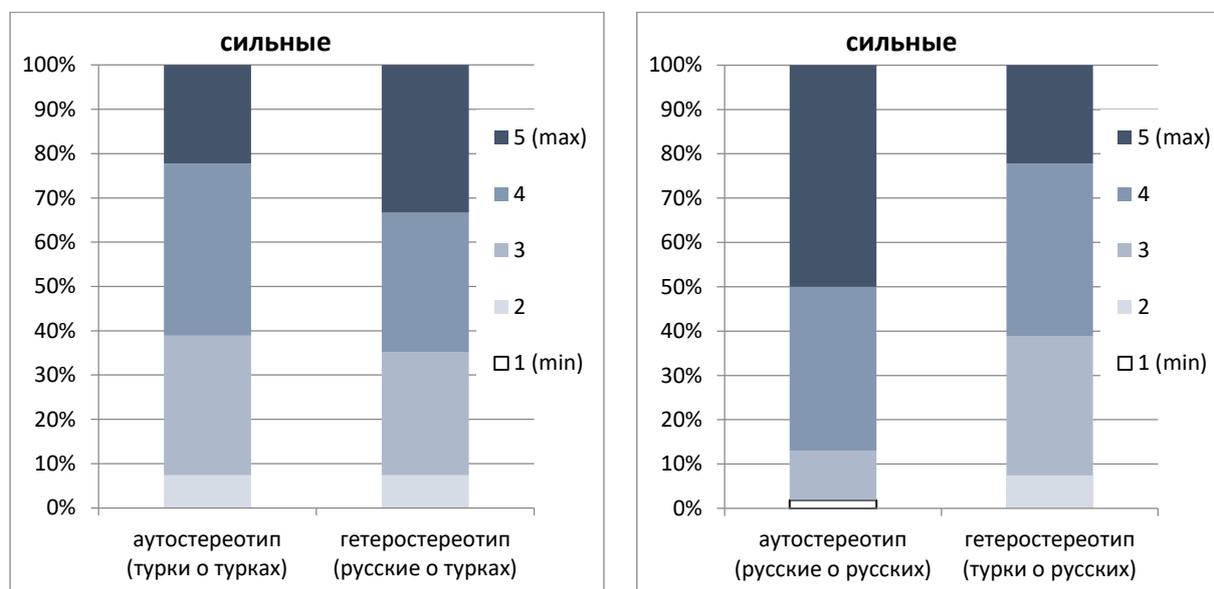

Рисунок 6 – Сравнение ауто- и гетеростереотипов по критерию «сильные»

В данном показателе максимально поляризованным оказался аутостереотип русских. С одной стороны крайнепозитивная оценка себя (50% опрошенных, ровно половина - указала максимальную оценку), а с другой – 1,9% минимальных оценок, то есть указавших крайнюю слабость России и русских. При этом русские достаточно серьезно оценивают и турецкую силу (33,3% максимальных оценок).

Турецкий аутостереотип несколько скромнее, и оценка как Турции, так и России – одинаковая.

Интересным примером стереотипизации оказалась общительность. Так, русские респонденты очень высоко оценивали это качество среди турок, но турки с этим не согласны. Они, в свою очередь – считают, что русские более общительные (хотя разница уже не столь значительная).

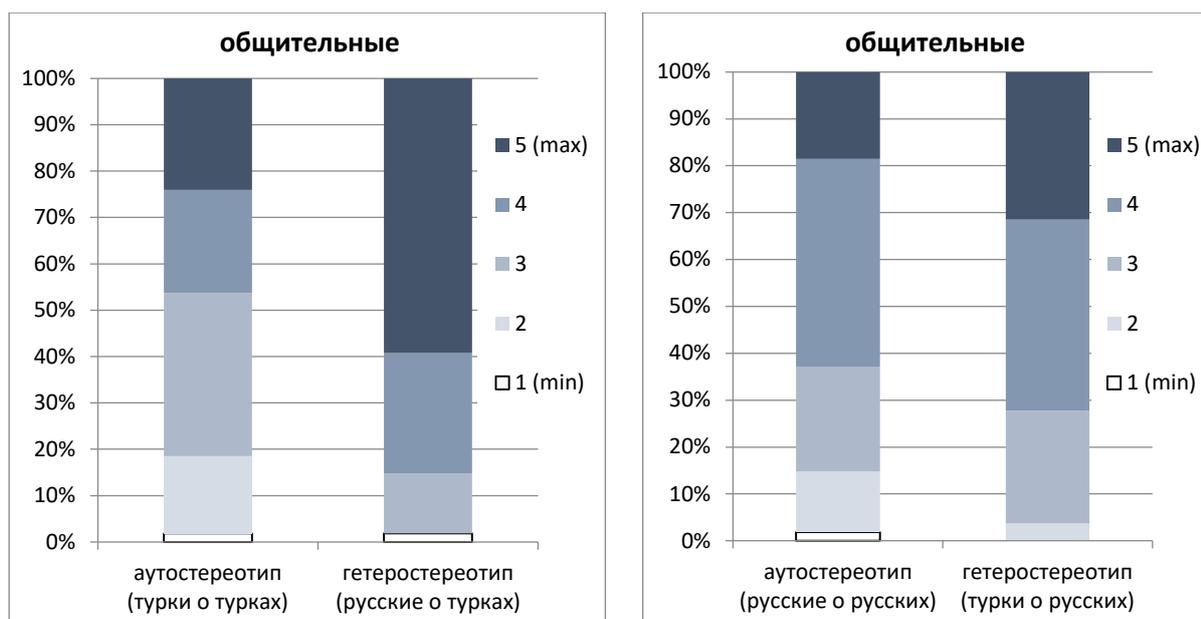

Рисунок 7 – Сравнение ауто- и гетеростереотипов по критерию «общительные»

Значительно стереотипизировано представление о правосознании. Так, русские считают турок достаточно законопослушными, хотя сами турки наоборот – указывают крайне слабую степень законопослушности. В оценке россиян – разницы не принципиальная.

Таким образом, позитивные аутостереотипы, в которых свой народ представляется лучше, чем чужой, проявились в исследовании только в более абстрактных, но в то же время более этически нагруженных определениях «миролюбивые» и «сильные». В этих понятиях положительный аутостереотип играет значительную роль в цивилизационных притязаниях, является базой, основой для национального самосознания и патриотизма.

Определения, которые больше ориентированы на конкретные (и проблемные) качества в значительной степени сформировали негативные аутостереотипы. Такие качества как «деловитость», «трудолюбие», «законопослушность» - оцениваются респондентами достаточно критично. По этим понятиям аутостереотипы в большинстве случаев менее позитивные чем гетеростереотипы. Особенно интересны ситуации, где идет взаимное завышение образа другого народа. Так, в критерии «счастливые» – «другие» всегда счастливее чем «мы».

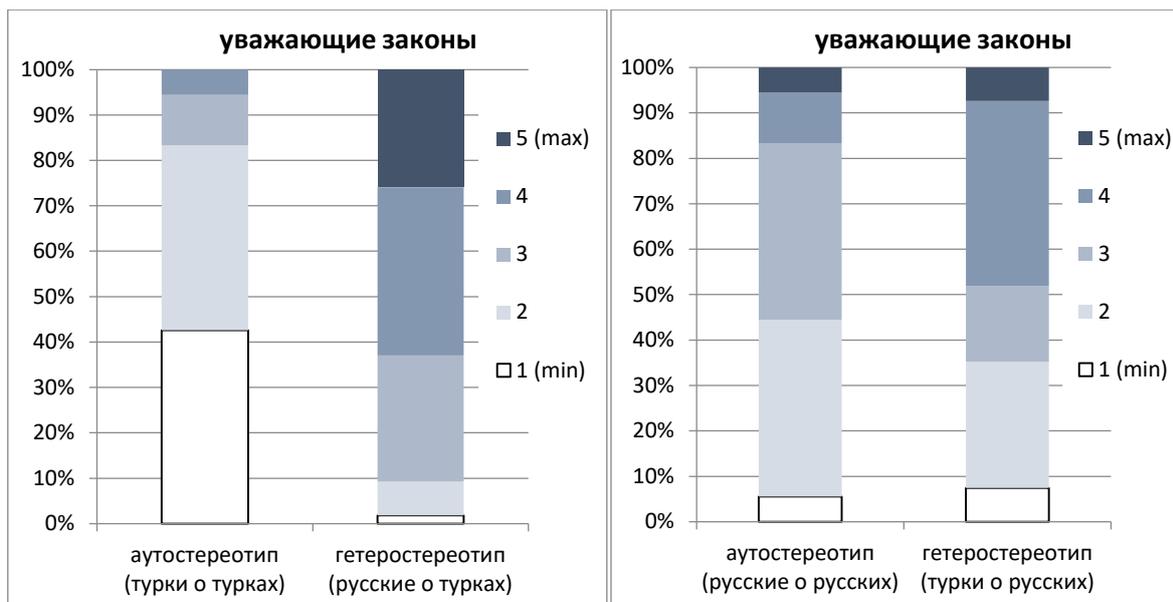

Рисунок 8 – Сравнение ауто- и гетеростереотипов по критерию «уважающие законы»

Представляется, что более абстрактные и более фундаментальные стереотипы («миролюбивые», «сильные») более стойкие и воспроизводятся на уровне культурного кода нации. Более конкретные и «приземленные» стереотипы («законопослушные», «трудолюбивые» и т.д.) пересматриваются на основании контактов с представителями других народов, но этот пересмотр достаточно условен и субъективен. Как видно на представленных данных, эти пересмотренные стереотипы все так же схематичны, упрощены, и базируются на нерепрезентативных фактах имеющихся межэтнических контактов.

Несмотря на выявленный факт существенного искажения реальности в представлениях респондентов, необходимо отметить в целом позитивную оценку «чужого» показанную респондентами, которая не содержит в большинстве случаев конфликтного потенциала.

Библиографический список

1. Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука. 1973. 285 с.
2. Брубейкер Р. Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012. 408 с.
3. Бурукина О.А. Национальные стереотипы как культурные универсалии. М., 2018. 205 с.
4. Григорьев Д.С. Модель содержания стереотипов и этнические стереотипы в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. № 23(2). С. 215–244.

5. Завалишин А.Ю., Костюрина Н.Ю. Этнические стереотипы: экспликация и анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. № 20. С. 177–196.
6. Ильюшкин В.В. Стереотипы межнационального восприятия // International scientific review. 2014. № 1. С. 34–40.
7. Кон И.С. Психология предрассудка. О социально-психологических корнях этнических предрассудков // Новый Мир. 1961. № 10. С. 187–205.
8. Мутагчи Е.П. Этнические стереотипы в межкультурной коммуникации. М., 2012. 256 с.
9. Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в России. М.: ИЭА РАН, 1997. 532 с.
10. Шибутани Т. Социальная психология. Сокр. пер. с англ. М.: Прогресс, 1969. 534 с.
11. Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследований / Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, В.С. Кондратьев, А.А. Сусоколов. М.: Наука, 1984. 255 с.
12. Bogardus E. S. Immigration and Racial Attitudes. Boston: D.C. Heath, 1928. 268 p.
13. Fiske S.T., Cuddy A.J. C., Glick P., Xu J. A model of (oft en mixed) stereotype content: Competence and warmth respectively follow from perceived status and competition // Journal of Personality and Social Psychology. 2002, Vol. 82. No. 6. P. 878–902.
14. Fiske S.T., Durante F. Stereotype content across cultures: Variations on a few themes. // Handbook of Advances in Culture and Psychology. 2016. Vol. 6. New York: Oxford University Press. P. 209–258.
15. Katz D., Braly K. Racial Stereotypes in One Hundred College Students // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1933. № 28. P. 280–290.
16. Tajfel N. Social categorization, Social identity and Social // Comparison / Differentiation between Social groups. London. 1978, P.146-156.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ НОСИТЕЛЯ ЭКЗОТЕРИЗМА

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE PERSONALITY OF THE BEARER OF EXOTERICISM

Reut E. V.

Белорусский государственный университет, Факультет философии и
социальных наук, г. Минск, Беларусь

Reut E. V.

Belarusian State University, Faculty of Philosophy and Social Sciences,
Minsk, Belarus

Аннотация: На основе анализа научных работ отечественных и зарубежных исследователей, предлагается теоретическое описание понятий «эзотеризм», «экзотеризм» и «мистицизм». В статье анализируется понятие «экзотеризм», направленное на реализацию магического мышления в рамках современного общества. Ставится акцент на процессе социализации индивида, которое складывается из освоения общественных и родовых сущностей.

Abstract: Based on the analysis of scientific works of domestic and foreign researchers, a theoretical description of the concepts of "esotericism", "exotericism" and "mysticism" is proposed. The article analyzes the concept of "exotericism", aimed at the implementation of magical thinking within the framework of modern society. The emphasis is placed on the process of socialization of the individual, which consists of the development of social and tribal essences.

Ключевые слова: экзотеризм, эзотеризм, мистицизм, субъективная реальность, личность, имплицитные теории личности, социализация, экзотерическая картина мира.

Keywords: exotericism, esotericism, mysticism, subjective reality, personality, implicit theories of personality, socialization, exoteric world view.

В данной статье, ставя перед собой цель подвергнуть анализу психологические особенности носителей экзотеризма, необходимо добиться научной строгости. Что в свою очередь, обязывает нас предоставить четкие определения, которые невозможно установить, базируясь на принципе «свалки истории», где все, что носит вуаль таинственного и необъяснимого, нивелируется под одну рубрику. Как писал А. Февр: «из-за интеллектуальной лени люди часто используют термин «эзотерика», чтобы обозначить некоторые образы, темы и мотивы, которые они с готовностью смешивают под маркой «эзотерика»» [10; с. 4].

В отличие от отечественных нормативных подходов, термины «Mysticism» и «Esotericism» в западной справочной литературе рассматриваются без оценочного окраса, т.е. объективно: как широкая традиция в истории религии, которая подчеркивает духовные и трансцендентные религиозные стороны [9; с. 164]; как духовное вопрошание прямой связи с Богом или с высшей мудростью [9; с. 355]; как практики и системы постижения, которые связаны с мистическим опытом [8]; как теорию и практику религиозного экстаза [11]; как секретные знания, доступные только для посвященных и т. п. Подобный подход прослеживается и в энциклопедическом словаре «Религиоведение», где подобные термины устанавливаются как: «вера в возможность непосредственного духовного общения человека с таинственными метафизическими силами... путем, выходящим за пределы естественных человеческих способностей» [7], или как:

«совокупность тайных учений и практик, доступных только посвященным последователям» [5; с. 1213–1214].

В рамках данной статьи, мы заявляем, что все то, что принято называть эзотеризмом, является *экзотеризмом*. Экзотерика, по своей сути, доступна для изучения и понимания посторонними людьми, которые не входят в круг посвященных лиц. И, если эзотерические знания передаются от учителя к его ученику исключительно устно, то экзотерические носят публичный характер. Иными словами, любые эзотерические знания, после публикации в массы, автоматически становятся экзотерическими, т.е. доступными для всех и каждого. Данный контекст берет свое начало еще с учения Пифагора, в котором говорилось о том, что индивид неспособен усвоить эзотерические знания без необходимой подготовки. При этом, для экзотерических знаний в подобной подготовке нужды нет.

Для представителя экзотеризма характерно наделять свои слова, мысли или действия глубоким мистико-символическим подтекстом. Разбирая психологические особенности каких-либо социальных групп, необходимо разграничивать понятие «личность» и что мы в это понятие вкладываем.

В работах Р.С. Немова, личность представляется человеком, изъятым в социально обусловленной системе его психологических характеристик, которые отражаются через отношения и связи, носящие общественный, по своей природе, характер. Подобные связи характеризуются своей устойчивостью и способностью конструировать нравственные поступки человека (которые играют значительную роль, как для самого субъекта, так и для его социального окружения).

В процессе исследования вопроса личности, И.С. Кон пришел к заключению, что: «с одной стороны, она обозначает конкретного индивида (лицо) как субъекта деятельности, в единстве его индивидуальных свойств (единичное) и его социальных ролей (общее). С другой стороны, личность понимается как социальное свойство индивида, как совокупность интегрированных в нем социально значимых черт, образовавшихся в процессе прямого и косвенного взаимодействия данного лица с другими людьми и делающих его, в свою очередь, субъектом труда, познания и общения» [2].

Доктор психологических наук К.К. Платонов определяет личность как человека или же носителя сознания, где сознание (как состояние собственного бытия) выступает в качестве отличительной

черты, разделяющей человека от других живых существ. Здесь, в роли центрального проявления человеческого сознания выдвигается самосознание, являющееся своеобразным отражением окружающей действительности. В свою очередь, самосознанием называют не что иное как отделение человеческого «Я» от физической реальности, когда происходит противопоставление своего Я (или «себя») остальному миру (т.е. все то, что воспринимается как «не Я»). Самосознание – это осознание самого себя и всего того, что он в себя включает (свои чувства, цели, поступки, внутренний мир) [6; с. 68].

Согласно А.Г. Маклакову: «личность – это конкретный человек, взятый в системе его устойчивых социально обусловленных психологических характеристик, которые проявляются в общественных связях и отношениях, определяют его нравственные поступки и имеют существенное значение для него самого и окружающих» [4].

Если суммировать все вышесказанное, можно прийти к заключению, основанному на одном единственном предположении – становление личности есть не что иное, как процесс социализации человека, складывающийся из освоения общественных, родовых сущностей, которые, все без исключений, осуществляются в определенно-исторических обстоятельствах жизни человека. Само понятие «личность» нередко имеет в качестве составной части какого-либо устойчивого человеческого свойства, обуславливающего по отношению к другим субъектам значимые поступки. Например, человек, отделившийся от животного мира благодаря труду, приобретает способность в дальнейшем эффективно развиваться в рамках социума (по Леонтьеву), за счет совместной деятельности и коммуникации с другими людьми. Именно благодаря этому человек становится личностью (субъектом познания), который не только выживает в этом мире, но и активно преобразовывает физическую действительность, включая как общество, так и самого себя.

Выполнив первичное условие (появится на свет как индивид), человек в процессе проживания своей жизни в социальном обществе, постепенно начинает обретать особое социальное качество, трансформирующего его в личность. Однако, здесь, необходимо уточнить, что личностью называют не только продукт социальных отношений, но и носителя опыта, заключающего в себе информацию об общественных взаимодействиях, активного творца, способного видоизменять свое физическое окружение.

Из чего следует, что личностью называют системное (социальное) качество, которое индивид приобретает в процессе коммуникации и предметной деятельности, что выявляет степень представленности в нем общественных отношений.

В данной статье, мы изучаем психологические особенности представителей экзотеризма (которые в процессе социализации, вступают в экзотерический круг), при помощи имплицитных теорий личности, способных наиболее ярко охватить механизм восприятия личности другой личностью в контексте выстраивания субъективной реальности.

Имплицитные представления (в переводе с англ. *implicit* – невыраженный, скрытый) – это представления или знания, бытующие на уровне сознания, и содержащиеся в опыте в виде условных сгруппированных механизмов и структур, сводящих существования и функционирования человека, общество, а также природы до уровня концепций [1].

Рассматривая имплицитные теории личности, как одни из механизмов восприятия и понимания друг друга в процессе взаимодействия, необходимо отметить, что данные представления направлены, в первую очередь, на выявление корреляций между внешним видом, поведением и чертами человеческого характера. Иными словами, индивид, в процессе эксплуатации данных представлений, основываясь на внешности другого человека, начинает судит о возможных чертах его личности и прогнозировать вероятность его будущих поступков, чтобы в дальнейшем приспособить себя к определенным формам поведения по отношению к соответствующему человеку. Данные теории черпают себя в индивидуальном опыте, который складывается в процессе взаимодействия между людьми, со временем приобретая все более и более устойчивую структуру, которая, впоследствии, начинает диктовать межличностное восприятие.

В первую очередь, имплицитные теории личности формируют у индивида установку по отношению к другим людям, обладающим определенными физическими особенностями, благодаря чему, невзирая на условия ограниченной информации о каком-либо субъекте, индивид начинает судить о том, что ему свойственно. Иными словами, если в структуре имплицитных теорий, у личности находится знание, например, о том, что низкий рост, как правило, гармонирует с агрессивным поведением, то индивид при подобном знании, будет на бессознательном уровне считать всех низких людей

агрессивными (или склонными к агрессии) несмотря на то, что подобная связь может оказаться «притянутой». На основе чего же базируется подобная житейская логика?

Человек, проживая свою жизнь, так или иначе, пересекается с большим количеством людей, которых он, для успешной социализации, начинает улавливать и фиксировать в своей памяти, оставляя в ней какие-либо впечатления о конкретных людях, с которыми он, так или иначе, вступал в контакт. Как правило, в эти впечатления входят: внешние данные, поступки и какие-нибудь яркие черты характера. Человеческие наблюдения, накладываясь друг на друга, начинают формировать определенные представления, состоящие из наиболее общих и устойчивых образов (особенность долговременной памяти), образуя ту тройственную структуру, являющееся фундаментом имплицитной теории личности (взаимосвязь характера, поведения и внешнего облика). И как следствие, когда индивид начинает контактировать с другим человеком, который пусть и отдаленно, но начинает внешне напоминать ему кого-либо, о ком у него уже сформировалось определенное впечатление, то автоматический начинает приписывать этому человеку те же черты характера, которые входят в сложившуюся у него структуру имплицитной теории личности. Однако, утверждать, что имплицитные теории личности в корне ошибочны, невозможно и некорректно. Т.к. имплицитная теория личности также содействует в конструировании быстрого (без особой затраты когнитивных усилий) образа другого человека, который может быть и предельно точным, невзирая на условия информационного голода. Именно в этом и заключается главная, положительная особенность данного социально-психологического явления, который может, как создать благоприятные условия для межличностного взаимодействия, так и потенциально неблагоприятные.

Для чего нужны имплицитные теории личности? Человек старается стабилизировать свое состояние, живя в непрерывно видоизменяющемся мире. Пытаясь через организацию собственного окружения, выявить закономерности социальной среды, в условиях неустойчивости признаков, поведений и ситуаций. Здесь, имплицитные теории личности и выступают в качестве способа, позволяющего «навести порядок» в личном окружении индивида. С их помощью, появляется возможность воздействовать на свое окружение, путем его прогнозирования, что, в свою очередь,

приводит к упрощениям (и ошибкам) в восприятии.

В соответствии с утверждениями Майка Кордуэлла, основное достоинство имплицитной теории личности выражается в облегчении обработки информации о внешнем мире, окружающем нас. Однако необходимо понимать, что внушительный процент информации, таящийся в имплицитной теории личности, является не более чем совокупностью ничем не подтвержденных между собой допущений, которые практически не содержат данные, касающиеся доподлинности характера партнера по общению [3].

Библиографический список

1. Иванченко Г.В., Казарян М.Ю., Кошелева Н.В. Имплицитные концепции. М.: Смысл, 2012. 192 с.
2. Кон И.С. Социология личности. М.: Политиздат, 1967. 243 с.
3. Кордуэлл М. Психология А-Я. Словарь-справочник / пер. с англ. К.С. Ткаченко. М.: ФАИР–ПРЕСС, 2000. 448 с.
4. Маклаков А.Г. Общая психология. Учебник для вузов. СПб.: Питер, 2006. 470с.
5. Пахомов С.В. Эзотеризм. Религиоведение. Энциклопедический словарь. М., 2006. С. 1213–1214.
6. Свенцицкий А.Л. Социальная психология: Учебник. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. 336 с.
7. Тажуризина З.А. Мистика. Религиоведение. Энциклопедический словарь. М., 2006. С. 642.
8. Bowker J. Mysticism. Concise Oxford Dictionary of World Religions Oxford, 2000. P. 395.
9. Goring R. Esotericism. The Wordsworth Dictionary of Beliefs & Religions. Herts: Wordsworth Editions Ltd, 1995. P. 624. ISBN10 1853263540.
10. Hanegraaff W. J. Antoine Faivre and Western Esotericism. Esotericism and the Academy: Rejected Knowledge in Western Culture. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 480 p.
11. Mysticism. Encyclopedia Britannica. [Электронный ресурс]: <https://www.britannica.com/>. Режим доступа: 02.03.2022.

ПАТРИОТИЗМ И ЭТНИЧНОСТЬ: СООТНОШЕНИЕ И ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЕ КОНЦЕПТОВ

PATRIOTISM AND ETHNICITY: CORRELATION AND INTERPENETRATION OF CONCEPTS

Савва Е. В.

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Savva E. V.

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация: Концепты патриотизма и этничности в отечественном научном дискурсе тесно взаимосвязаны: в российском концепте патриотизма активно присутствует этничность. Эти концепты существенно изменились на протяжении досоветского, советского и современного периодов. Динамика концептов патриотизма и этничности, а также их российские особенности создали ситуацию активного сближения и взаимопроникновения данных концептов.

Abstract: The concepts of patriotism and ethnicity in the domestic scientific discourse are closely interrelated: ethnicity is actively present in the Russian concept of patriotism. These concepts have changed significantly throughout the pre-Soviet, Soviet and modern periods. The dynamics of the concepts of patriotism and ethnicity, as well as their Russian characteristics, created a situation of active convergence and interpenetration of these concepts.

Ключевые слова: Патриотизм; этничность; гражданский патриотизм; идеологизированный патриотизм; гражданско-этнический дуализм; регенерация патриотизма.

Keywords: Patriotism; ethnicity; civic patriotism; ideological patriotism; civic-ethnic dualism; regeneration of patriotism.

В современном отечественном научном дискурсе концепты патриотизма и этничности принято рассматривать отдельно. Патриотизм воспринимается как политический принцип и чувство принадлежности к стране, этническое самосознание – как осознание принадлежности к этнической общности. Россия – государства многих этносов, и в силу этого российский патриотизм позиционируется в целом как гражданское, а не этническое чувство. В то же время, концепт (общее понимание) патриотизма объективно представляет собой одну из наиболее широких и слабо определенных научных идей, давно присутствующих в научном дискурсе. Долгая история понятия патриотизма с неизбежностью определила его сложную структуру, в которой отразились идеи прошедших эпох, когда этничность и родина не разделялись. Кроме того, рост

актуальности этничности в процессе разворачивания «этнического ренессанса современности», актуализация сепаратизма в конце 1980-х – начале 1990-х гг. создали предпосылки для сближения идей патриотизма и этничности.

Автор статьи поставил перед собой цель рассмотреть вопрос об оценке соотношения и взаимопроникновения концептов патриотизма и этничности в современном отечественном научном дискурсе.

«Толковый словарь русского языка» определяет патриотизм как «преданность и любовь к своему отечеству и своему народу» [8, с. 510]. Это популярное и сегодня пособие было подготовлено в период, когда термин народ имел явно выраженную этническую составляющую. Содержание патриотизма, таким образом, было дуальным и сочетало осознание принадлежности как стране, так и этнической общности. Возникают закономерные вопросы: Как понимается концепт патриотизма в современной России? Это причастность к государству или этносу, или же некий симбиоз чувств принадлежности? Насколько изменилось понимание патриотизма, каковы тренды этой динамики? Статья посвящена ответам на данные вопросы.

Ответы на эти вопросы имеют прикладное значение для понимания политического процесса, субъектом которого является многонациональный народ Российской Федерации [1, с. 1]. Патриотизм инструментален. Он способен, по мнению А.И. Паберзса, выступать в качестве фактора консолидации общества, согласования интересов различных социальных общностей, а также содействовать конструктивному сотрудничеству общества и власти [9, с. 35–37]. В конечном итоге, как указывают О.Н. Коршунова и А.А. Шульмин, патриотизм призван стать одним из стержневых конструктов российской национальной идеи [7, с. 288]. Действительно, патриотизм, как чувство принадлежности к стране, является одной из ключевых ценностей, которые определяют большинство внешнеполитических установок граждан государства.

Традиционный дуализм концепта патриотизма проявляется в целом ряде других определений, помимо данного в «Толковом словаре русского языка». Как писали О.Н. Коршунова и А.А. Шульмин, патриотизм представляет собой особую часть общественного сознания, которая проявляется в коллективных настроениях, чувствах, оценках, в отношении к своему народу, его образу жизни, истории, культуре, государству, системе основополагающих ценностей [7, с. 289]. Обратим внимание на то,

что такое понимание патриотизма было сформировано на основе результатов многочисленных исследований имперского, советского и современного периода отечественной истории. Другими словами, приведенное выше определение характеризует устойчивое ядро концепта патриотизма. В данном ядре присутствует народ и его образ жизни, а также история и культура. Образ жизни в значительной степени определяется особенностями этнической культуры, то есть он этнически ориентирован. Это подтверждает гражданско-этнический дуализм традиционного для России концепта патриотизма.

Концепт патриотизма характеризуется высокой устойчивостью. Одна из причин такой стабильности содержания состоит в слабой определенности данного концепта: нет потребности изменять его, потому что можно по-разному понимать.

В то же время, некоторые изменения понимания патриотизма в современный период отечественной истории (с конца 1980-х – начала 1990-х гг.) все же имели место. Автор полагает, что анализ динамики научных концептов в сфере общественных наук позволяет выявить устойчивое их содержательное «ядро», которое не подвержено изменениям и определяется главным образом социокультурными особенностями. Помимо этого, исследование этой динамики важно для понимания соотношения и взаимного влияния концептов патриотизма и этничности.

По мнению Ю.Г. Волкова, С.П. Куликова и С.А. Глушковой, в Российской Федерации произошла актуализация имперского мышления. Это усилило понимание патриотизма, связанного с историей и образом империи как сильного государства. Подобный концепт патриотизма существенно отличается от гражданского патриотизма, в котором народ понимается как согражданство [5, с. 62]. Указанные авторы ввели понятие регенерации патриотизма, которое делает акцент в содержании патриотизма на прошлом. Чем далее в прошлое, тем более моноэтничным становится образ родины и тем он дальше от идеи согражданства.

М.А. Ешев сформулировал стратегию анализа динамики российского патриотизма. В рамках данной стратегии эта динамика определяется двумя группами факторов: внутренними и внешними. При этом в каждой из этих групп присутствуют противоречия [6, с. 117]. С этим необходимо согласиться. Проведенный автором статьи анализ подтверждает противоречивость как самого концепта патриотизма, так и его динамики.

Регенерацию патриотизма необходимо воспринимать как ответную реакцию на депатриотизацию, характерную для переходного периода 1990-х гг. Депатриотизация перехода от советского авторитаризма представляется неизбежной и органичной. Советский патриотизм был атрибутом отрицаемой в тот период социалистической эпохи. Соответственно, некоторая часть российского общества в период ранней постсоветской демократии отвергала также советский патриотизм. Это вызвало уже в первое десятилетие XXI в. сильную ответную реакцию, а именно – тенденцию регенерации патриотизма в РФ.

Индикатором регенерации патриотизма является активная героизация военных подвигов. Это явление описано И.А. Афанасьевым и С.В. Тихоновой и включает несколько методик: строительство памятников, присвоение имен героев улицам, создание произведений искусства и их популяризация в массовой культуре, создание специальных сайтов, активное использование рг-технологий в целях героизации войны [2, с. 65–70]. Одной из основных идей традиционного патриотизма является идея военной жертвы как обязанности человека.

Каковы причины регенерации патриотизма в России? Установка значительной части российского общества на восстановление патриотизма традиционного для России государственного типа, то есть на регенерацию патриотизма, определена слабой укорененностью в общественном сознании гражданского патриотизма.

Слабая выраженность гражданского патриотизма определена отсутствием у него исторических корней в советском периоде. В то время идеологизированный советский патриотизм был единственно допустимым. Он постулировал не столько принадлежность человека к государству, сколько его верность коммунистической идее. В 1990-е гг. идея гражданского патриотизма не закрепились в общественном сознании россиян в силу ряда причин. Переходный период от социалистического общества к обществу частной собственности был трудным для значительного большинства населения РФ как в материальном смысле, так и в силу радикального разрушения привычных социальных практик. К этим практикам относится уравнильное распределение благ, которое прочно ассоциировалось со справедливостью. Гражданский патриотизм воспринимался как атрибут нового, несправедливого для большинства образа жизни. Закрепление гражданского патриотизма в

общественном сознании возможно лишь при наличии позитивных прототипов идентичности, которые являются носителями такого типа патриотизма. Но таких прототипов идентичности не могло быть в тот период. Они конструируются из исторических персонажей, а не из современности. Но в советском прошлом таких не было. Кроме того, эти прототипы должны не просто присутствовать на периферии общественного сознания. Необходимо согласиться с мнением ряда отечественных исследователей, которые констатируют разрыв между «народным» и «политическим патриотизмом» [3, с. 54].

Прототипы идентичности гражданского патриотизма необходимо активно продвигать, например, в сфере массового искусства. В России 1990-х гг. присутствовал дефицит как прототипов идентичности – носителей гражданского патриотизма, так и средств их продвижения в общественном сознании. Необходимо упомянуть такой фактор минимизации распространения идеи гражданского патриотизма, как связь в общественном мнении трудностей ситуации 1990-х гг. с негативным влиянием «коллективного Запада». Данное мнение наглядно представлено, например, в следующей оценке: слово «патриотизм» в обществе произносили исключительно шепотом, а любить свою страну на фоне «цивилизованного Запада» считалось, в лучшем случае странной причудой [10, с. 12].

Этничность, в соответствии с определением В.А. Тишкова – широко используемая в науке категория, обозначающая существование культурно отличительных (этнических) групп и идентичностей. В отечественном общественном сознании более широко употребляется термин «этнос» во всех случаях, когда речь идет об этнических общностях (народах) различного историко-эволюционного типа (племя, народность, нация). Понятие этноса предполагает существование гомогенных, функциональных и статичных характеристик, которые отличают данную группу от др., обладающих иными параметрами тех же характеристик [11].

Необходимо особо подчеркнуть, что этничность весьма условно связана с государством. Границы между этническими общностями являются культурными и не совпадают с государственными. В современном мире этнически гомогенные страны, в которых политические границы совпадают с этническими, являются скорее исключением, чем правилом. В приведенном выше определении академика В.А. Тишкова нет ни одной характеристики этноса, которая бы связывала его с государством. В связи с этим дуальность

патриотизма, отмеченная автором выше, становится чрезвычайно актуальной проблемой: принадлежность к определенному этносу не означает чувства причастности к государству, и наоборот. Например, человек может ощущать прочную связь с этносом и жить за пределами государства, в котором данный этнос является титульным. Это создает предпосылку для конфликта патриотизмов, то есть осознаний причастности к стране с одной стороны и к этносу с другой.

Концепт этноса прошел долгий эволюционный путь в отечественной науке. Для досоветского и советского периода было характерно примордиалистское понимание этноса, в котором этническая принадлежность определялась происхождением. «Позднесоветский» вариант примордиализма, а именно теория этноса Ю.В. Бромлея, настаивала на существовании устойчивого ядра этноса, так называемого этникоса, к которому относились язык, материальная культура, самосознание, выраженное, например, в самоназвании, и даже нормы поведения с психическим складом [4]. Такая трактовка привязывала человека к этносу его родителей не менее прочно, чем идеи советского патриотизма – к коммунистической идеологии.

В постсоветский период примордиализм был вытеснен более гибкими концептами этноса. Современное понимание этничности, выраженной в определении В.А. Тишкова, утверждает, что она не наследуется, а приобретается в ходе социализации, то есть определяется культурой. Смена социально-культурной среды жизни человека может привести к изменению его этнического самосознания. В то же время, примордиалистские идеи, которые уже практически отсутствуют в отечественной науке, по-прежнему широко распространены в массовом сознании россиян.

Таким образом, на протяжении досоветского, советского и современного периодов изменялись как концепт патриотизма, так и концепт этничности. Содержание патриотизма претерпело очень значительные идеологически определенные изменения: от принадлежности нераздельному этносу-государству досоветского периода к причастности интернациональной коммунистической идеологии советского времени и затем к дуальному (государственно-этническому) патриотизму современности. Необходимо подчеркнуть эту характеристику отечественного концепта патриотизма – в нем присутствует компонент этничности. Распространенности дуалистического концепта патриотизма способствовала

неукорененность идеи гражданского патриотизма в современной РФ. Данная идея не получила широкого распространения в результате ее отторжения значительной частью населения в силу атрибутивности гражданского патриотизма для 1990-х гг. Этот объективно сложный переходный период ассоциируется у этих людей с такими негативными явлениями, как социально-политический хаос и низкий уровень жизни.

Концепт этничности изменялся эволюционно, путем отказа от жесткой предопределенности этнического самосознания в рамках примордиализма и перехода к более гибким концептам, определяющим этничность через культуру. Важно подчеркнуть, что в современной России в силу ее федеративного устройства идея этничности оказалась довольно тесно связанной для представителей многих этносов РФ с национальной государственностью: субъекты Федерации с титульными этносами (национальные республики) воспринимаются как обязательные и необходимые элементы функционирования этноса.

Динамика концептов патриотизма и этничности, а также российские особенности этих концептов создали ситуацию активного сближения и взаимопроникновения данных концептов.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе всероссийского голосования 1 июля 2020 года // Российская газета. 04.07.2020.
2. Афанасьев И.А., Тихонова С.В. Контуры российской патриотической идеологии: к проблеме конструирования // Власть. 2007. № 1. С. 65–70.
3. Бахлова О., Бахлов И. Патриотизм как компонент политики нациестроительства (опыт стран ЕАЭС) // Современная Европа. 2020. № 7. С. 46–55.
4. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 2-е, доп. Издательства ЛКИ. 2008.
5. Волков Ю.Г., Куликов С.П. и Глушкова С.А. Основные стратегии регенерации патриотизма в российском обществе и риски имитации // Вестник Адыгейского государственного университета. 2016. Вып. 3 (184). С. 60–68.
6. Ешев М.А. Российский патриотизм как основа национальной идентичности // Власть. 2013. № 6. С. 116–123.
7. Коршунова О.Н., Шульмин А.А. Концепт патриотизма в постсоветской России: к постановке проблемы // Вестник Казанского технологического университета. 2013. Т. 16. № 23. С. 287–293.
8. Ожегов С.И., Шведов Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

9. Паберзс А.И. Военно-патриотическое воспитание молодежи Санкт-Петербурга в 1992–2005 гг. (опыт деятельности государственных органов и общественных организаций) // Власть. 2009. № 7. С. 35–37.

10. Ремарчук В.Н. «Новый патриотизм» в современной российской политике // Этносоциум и межнациональная культура. 2014. № 12. С. 9–17.

11. Тишков В.А. Этничность // Новая философская энциклопедия / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд. 2-е изд., испр. и допол. М., Мысль, 2010.

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

ETHNODEMOGRAPHIC PROCESSES AND PROSPECTS FOR EURASIAN INTEGRATION

Ситнянский Г. Ю.

Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва

Sitnyansky G. Yu.

Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Аннотация: При обсуждении перспектив евразийской интеграции достаточно часто поднимается вопрос об угрозе нарушения исторически сложившегося этнодемографического баланса на Евразийском пространстве ввиду неравномерности прироста населения у разных субъектов интеграции. В статье на основании анализа этнодемографической ситуации за последние 30 лет показана преувеличенность этих опасений в случае ограничения интеграции только этносами Евразийской славянско-степной общности.

Abstract: When discussing the prospects of Eurasian integration, the question of the threat of violation of the historically established ethno-demographic balance in the Eurasian area due to the uneven population growth among different subjects of integration is often raised. The article shows basing on the analysis of the ethnodemographic situation over the past 30 years that these fears are exaggerated if this integration will be limited by the ethnoses of the Eurasian Slavic-Steppe community only.

Ключевые слова: интеграция евразийских государств, этнодемографические процессы, этнодемографический баланс, внутренние и внешние миграции.

Keywords: integration of Eurasian states, ethnodemographic processes, ethnodemographic balance, internal and external migrations.

При обсуждении перспектив евразийской интеграции (автор настоящей статьи полагает субъектами такой интеграции три

восточнославянских государства, а также тюркские скотоводческие Казахстан и Киргизстан [см.: 20; 23 и др.]) достаточно часто поднимается вопрос об угрозе нарушения в случае такой интеграции (а то и без неё, в результате имеющего место в последние годы притока в Россию «гастарбайтеров») исторически сложившегося этнодемографического баланса на Евразийском пространстве ввиду неравномерности прироста населения в разных субъектах интеграции.

В своих ранних работах (1994–1997 гг.) автор, признавая опасность различных (в том числе геополитических) последствий такого нарушения баланса, в то же время доказывал на основании анализа этнодемографической ситуации в позднем СССР, что, если интеграцию ограничить только упомянутыми двумя из пяти перечисленных государств Центральной Азии, то эти опасения выглядят сильно преувеличенными [20; 22]. Однако за прошедшие с тех пор без малого тридцать лет демографическая ситуация сильно изменилась. Задача настоящей статьи – исследовать, как обстоят дела в наше время.

Начать надо с того, что не все мигранты несут в себе угрозу архаизации России (именно эта опасность наряду с геополитической представляется важнейшей, о чём автору тоже приходилось говорить [19, с. 288–290]): некоторые авторы признают, что до 20% выходцев из Средней Азии (здесь и далее Средней Азией будет называться Центральная Азия без Казахстана – Г.С.) сами бегут от архаики и готовы влиться в российскую культуру [10 и др.]. Здесь речь идёт, таким образом, о культурной ассимиляции иммигрантов. Однако, к сожалению, при этом не приводится статистика отдельно по выходцам из евразийских государств, то есть Казахстана и Киргизстана, того, какой процент *этих* мигрантов «бежит от архаики». Есть основания полагать, что среди них этот процент значительно выше, во всяком случае, среди киргизов (среди казахов он, скорее всего, ниже просто потому, что у них архаизации значительно меньше).

Важнее для нас, однако, проблема остальных 80%, того, какое демографическое и этнокультурное влияние на развитие России окажут они. Есть мнение, что, чтобы такие мигранты интегрировались, их детей должно быть не более 5–10% на школу и не более 10% на класс [10].

О различных опасностях неконтролируемого наплыва автору многократно приходилось писать [22 и др., особ. 19, с. 281–307]; однако мигранты, как уже можно понять из сказанного выше, разные.

Представляется, что предпочтение при приёме мигрантов надо отдавать именно выходцам из евразийских государств (Казахстана и Киргизстана) в силу их большей склонности к восприятию европейской культуры. О восприимчивости казахов и киргизов к европейской культуре автор многократно говорил и писал, писали об этом и многие другие исследователи ещё в XIX – начале XX вв. [напр.: 11]. В последние 10–15 лет, правда, имеют место и иные, тревожные тенденции, ведущие к росту архаизации и «остернизации» киргизов и в меньшей степени казахов, но это отдельная тема; в этой статье она отчасти будет затронута ниже.

В плане иммиграционной политики интересен, например, опыт Испании: из семи стран, с которыми она подписала двусторонние соглашения о сотрудничестве в области миграции, две страны – новые члены ЕС, причём, как и Испания, южноевропейские (Румыния и Болгария), три – латиноамериканские (Колумбия, Эквадор, Доминиканская Республика) и только две – арабские, причём территориально и цивилизационно более близкие к Испании, чем другие арабские государства – именно выходцы с их территорий с VIII по XV вв. оказывали большое влияние на этнокультурное развитие этой страны (имеются в виду Марокко и Мавритания) [5, с. 31].

В нашей стране, однако, тенденции иные. Если в 1995 г. среди трудовых иммигрантов в Россию подавляюще преобладали евразийцы – украинцы, белорусы, казахи, киргизы (108,1 тыс. из 134,4, то есть более 80%), то уже в 2010 г. их доля упала примерно до 22,2% (295,5 тыс. из 1330) [подсчёты автора по: 3, с. 46, 50; 18, с. 25; 26, с. 11–12]. При этом украинцы к 2010 г. передвинулись с первого места на пятое, уступив узбекам, таджикам и китайцам. Через десять лет, на середину 2021 г., среди иностранцев, имевших действующий патент (иностранцы, работающие без патента, точному учёту не поддаются), граждане Узбекистана составляли 62% (803,8 тыс.), Таджикистана – 31% (400,2 тыс.), Азербайджана – 3% (40,9 тыс.), Украины – 3% (39,4 тыс.), Молдавии – 1% (17,5 тыс.) (граждане Армении, Казахстана и Киргизии в 2015 г. получили право осуществлять трудовую деятельность в России без оформления разрешительных документов, на тот момент тех, других и третьих было примерно по 200 тыс.; граждан Узбекистана тогда было 1200 тыс., Таджикистана – 600 тыс.) [28]. Таким образом, преобладание неевразийцев продолжается.

В отношении киргизов, правда, в августе 2018 г., после того как Киргизстан стал полноправным членом Евразийского экономического союза, политика Российского государства радикально изменилась. Помимо того, что им теперь не требуется оформлять трудовой патент, они получили право требовать от работодателя записи о приёме на работу в трудовую книжку. Работа в России будет засчитываться в общий трудовой стаж, а члены семей получают право претендовать на социальные обеспечение: бесплатную медицину, места в детских садах, школах и ВУЗах России. Работа в России будет засчитываться в общий трудовой стаж. Поэтому, как представляется, вырастет число тех, кто, заработав деньги, захочет вернуться на родину через какое-то время; во всяком случае, проведённые автором в это время, в 2018 г., опросы свидетельствуют именно о таких намерениях значительной части киргизов-гастарбайтеров [подр. см.: 22]. Таким образом, если миграции из Центральной Азии в Россию ограничатся гражданами государств «евразийской общности», то серьёзного нарушения исторически сложившегося этнодемографического баланса не произойдёт, даже если бы у киргизов и казахов сохранялся прежний уровень рождаемости, который постепенно снижается (об этом чуть ниже).

А вот трудовые мигранты из более южных государств угрожают нарушением сложившегося этнодемографического баланса не только России, но и Казахстану и Киргизстану. Казахстан в новом столетии стал принимать иностранную рабочую силу, в основном из Средней Азии. К лету 2006 г. в стране насчитывалось 138 тыс. трудовых мигрантов, из них около 100 тыс. из Узбекистана, 19,4 тыс. из Киргизстана и только чуть более 4 тыс. из Таджикистана. Однако по последним есть и другие данные: в 2007 г. было уже 50 тыс. или даже 89 тыс. таджиков. В 2009 г. трудовых мигрантов в Казахстане было уже 500 тыс. [3, с. 60–62; 16, с. 301; 29, с. 174–175], в 2012 – 700 тыс., из них 600 тыс. из стран СНГ (остальные, скорее всего, из Китая – Г.С.) [17, с. 62]. В 2019 г. в Казахстане работало уже порядка миллиона только среднеазиатских мигрантов [7].

Что касается Киргизстана, то он занимает в миграционном плане двойственное положение: с одной стороны, отдаёт сотни тысяч трудовых мигрантов России и Казахстану, с другой – принимает сопоставимое число таковых из государств, расположенных южнее.

Среди трудовых мигрантов из Таджикистана только 1,4% едут в Киргизстан. Это вроде бы немного, но мы только что видели, что и в Казахстане таджиков, по некоторым данным, немного, в Казахстан

едет лишь 0,7% таджиков, остальные предпочитают Россию (96,9%, а 0,2% едут на Украину) [2, с. 45], а не тюркские государства. Так, как уже сказано, в Казахстане на декабрь 2007 г. было легализовано всего 4100 трудовых мигрантов из Таджикистана – в 25 раз меньше, чем из Узбекистана [3, с.62] (впрочем, как мы видели, есть и другие данные, в 10, 20 и более раз *большие*). Так что есть все основания думать, что, во-первых, таджиков и в Киргизстане значительно больше официальных данных, а во-вторых, приезжих узбеков намного больше, чем официально (вероятно, и больше, чем имеется неофициально) таджиков, по крайней мере так было до известных событий в Южном Киргизстане лета 2010 г., но есть основания думать, что и после. Во всяком случае, когда осенью 2007 г. И.А. Каримов запретил узбекам ехать наниматься на работу к южнокиргизским фермерам, то это вызвало серьезное беспокойство в Киргизстане по поводу нехватки рабочих рук для уборки урожая (полевые материалы автора 2007 г.). точных данных по числу трудовых мигрантов в Киргизстане, правда, у меня нет, поскольку по закону граждане Узбекистана права работать в Киргизстане не имеют, и им приходится наниматься нелегально, многим при этом рискуя, но, судя по контексту цитируемого источника, среднеазиатских гастарбайтеров в Киргизстане немало, поскольку шансы найти работу дома есть далеко не у всех, а до Киргизстана добраться намного легче, чем до России [25].

В ряде своих работ автор уделял проблеме «перетока с юга на север», многопланового процесса, включающего в себя и переезд трудовых мигрантов в Россию, Казахстан и Киргизстан, и отъезд «русскоязычного» населения из Средней Азии, и приток населения в Среднюю Азию и Казахстан из-за пределов СНГ [19, с. 228–240; 24, с. 22–34 и др.], с одновременным запустением ряда регионов Казахстана и Киргизстана коренным населением. Этот процесс, с которым связаны и усилившиеся в последние 10–15 лет вышеупомянутые тенденции к архаизации и «остернизации» киргизов и отчасти казахов, усугубляется и угрозой демографической ямы, пока не сопоставимой с российской, но с теми же тенденциями. Так, в Казахстане за 1999–2007 гг. взрослых (от 15 лет и старше) стало на 5% больше, а детей – на 5% меньше [3, с. 59]. Доля детей 10–14 лет в населении только за 2003–2007 гг. сократилась с 25,71% до 23,98%, подростков 15–19 лет – с 10,34% до 10,11%, и только доля молодых людей 20–24 лет пока выросла – с 8,67 до 9,62% (что и неудивительно: в 2007 г. поколение 20–24-летних составляли

родившиеся в 1983–1987 гг., когда в СССР имел место некоторый рост рождаемости – Г.С.) [1, с. 112]. В Киргизстане «происходит запустение стратегически важных приграничных (надо думать, имеются в виду приграничные с Узбекистаном и Китаем – Г.С.) регионов страны» [13, с. 114]. Вероятно, этот вакуум и заполняется переселенцами из более южных государств Центральной Азии и из-за её пределов.

Но и в Узбекистане на подходе та же проблема. Количество детей до 16 лет за 1991–2009 гг. сократилось с 43% до 33% населения, и через 7–8 лет (написано в начале 2010-х гг.) «эхо рождаемости» приведёт к тому, что не будет возможностей для экспорта рабочей силы этой страной. [12, с. 339–340]. Корреспондент «Аргументов и фактов» констатирует: «В Самарканде пустынно: все уехали в Россию» [8]. Это, скорее всего, газетное преувеличение, да и прогноз Л.П. Максаковой пока не оправдался, вероятно, потому, что, по имеющимся данным, в 2010-х гг. спад рождаемости в Узбекистане, как и в Киргизстане, приостановился на уровне примерно 2,5–3 ребёнка на семью, но долгосрочный демографический тренд сомнений не вызывает.

И кто тогда займёт место узбеков на евразийском пространстве? Выходцы из Афганистана и Пакистана (в последней стране населения уже сейчас больше, чем в России)? Автор упоминал, как со ссылкой на С. Олимову, так и в собственной работе по данной теме, о пока небольшом, но растущем (первое упоминание относится примерно к 2010 г., второе – к концу 2010-х гг.) тренде миграции из этих стран в Узбекистан и Таджикистан [24, с.41; 25]. В 2020 г., например, в Таджикистан въехало около 6000 граждан Афганистана [15], а на середину октября 2021 г., после победы «Талибана», количество афганских беженцев в Таджикистане достигло уже 15 тыс. чел. [9].

Словом, есть все основания утверждать, что иммигранты из Казахстана и Киргизстана не нарушат исторически сложившийся этнодемографический баланс населения России, а вот наплыв иммигрантов из более южных регионов способен это сделать и в России, и в других евразийских государствах, а именно в Казахстане и Киргизстане. И Россия должна проводить свою иммиграционную политику с учётом этого фактора. В завершение отмечу, что есть и другие данные, более благоприятные – например, о трёх миллионах украинских гастарбайтеров в 2013 г. [6]; дальнейшие подсчёты проводить затруднительно, поскольку непонятно, сколько теперь в нашей стране украинцев-гастабайтеров, а сколько беженцев. Есть и

данные (пока непроверенные) о том, что в этом году наметилось снижение числа работников из стран СНГ в России, при этом, как ни странно, меньше всего уехало граждан Украины.

Библиографический список

1. Агентство Республики Казахстан по статистике. Астана, 2008. 173 с.
2. Азимов А.Д., Пулатова И.Х. Тенденции развития рынка труда в Центральной Азии и влияние миграции рабочей силы на экономику региона // Миграционный мост между Центральной Азией и Россией. М.: Экон-информ, 2011. С. 42–47.
3. Вешкурова А.Б. Регулирование процессов внешней трудовой миграции из стран Центральной Азии в РФ и Казахстан. Дисс... к.э.н. М., 2011. 154 с.
4. Голубицкая Ж. «Мы будем посмотреть» // Московский комсомолец. 2015. 23 янв.
5. Денисенко М.Б. Механизм регулирования трудовой миграции в развитых странах. М.: МАКС Пресс, 2011. 33 с.
6. Домчева Е., Панина Т. Константин Ромодановский: мы примем всех украинских беженцев // RG.RU. 2014. 23 сентября. URL: <https://rg.ru/2014/09/22/migranty-site.html>.
7. Джорбенадзе И. Казахстан становится Меккой для гастарбайтеров, но туркмены рвутся в Россию // РосБалт. 2021. 10 июня. URL: <https://www.rosbalt.ru/world/2021/06/10/1906061.html>.
8. Зотов Г. Как к нам едут гастарбайтеры // Аргументы и факты. 2013. № 31 (1708). 31 июля – 6 августа.
9. Количество афганских беженцев в Таджикистане превышает уже 15 тысяч человек // K-News. – 2021. – 15 октября. URL: <https://knews.kg/2021/10/15/kolichestvo-afganskih-bezhentsev-v-tadzhikistane-prevyshaet-uzhe-15-tysyach-chelovek/>.
10. Кузнецов И. «Свои» и «чужие» // Аргументы и факты. 2013. № 43 (1720). 23–29 октября.
11. Липский В.А. По горным тропам Русского Туркестана // ИРГО. 1907. Т. XLII. С. 91–236.
12. Максакова Л.П. Оценка трудового потенциала Узбекистана с позиций перспектив миграции // Миграционный мост между Центральной Азией и Россией. С. 337–341.
13. Мендибаев Н. Бедность как основной фактор миграции населения Кыргызстана // Проблема бедности и богатства в контексте концепции державности. Материалы международной научно-практической конференции. Тамбов: Изд-во ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2012. С. 113–117.
14. Мендикулова Г. Незаконная миграция в Казахстане – угроза национальной и региональной безопасности // Афганистан и безопасность Центральной Азии. Бишкек: Илим, 2006. С. 251–253.
15. Миграционная ситуация в Республике Таджикистан за 2020 год // Интернет-портал стран СНГ. URL: <https://e-cis.info/cooperation/3782/91011/>.
16. Олимова С. Место трудовой миграции в экономике стран Центральной Азии // Внешнеполитическая ориентация стран Центральной Азии в свете

глобальной трансформации мировой системы международных отношений. Бишкек: Илим, 2009. С. 300–304.

17. Прокурорский надзор в сфере трудовой миграции в Российской Федерации и Республике Казахстан. М.: Академия Генеральной Прокуратуры РФ, 2012. 122 с.

18. Рязанцев С., Хорие Н. Моделирование потоков трудовых миграций из стран Центральной Азии в Россию. М.: Научный мир, 2011. 191 с.

19. Ситнянский Г.Ю., Бушков В.И. Миграции населения в Центральной Азии: прошлое, настоящее и будущее. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2016. 340 с.

20. Ситнянский Г.Ю. Естественные границы: какой быть новой России?// Общественные науки и современность. 1994. № 6. С. 112–119.

21. Ситнянский Г.Ю. Киргизы в России: «как дома» или «почти как дома»? // Среднеазиатские диаспоры в России: пересечение идентичностей и взаимодействие с постсоветскими государствами. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 86–97.

22. Ситнянский Г.Ю. Откуда исходит угроза единству России // Азия и Африка сегодня. 1997. № 12. С. 36–39.

23. Ситнянский Г.Ю. Проблемы реинтеграции бывшего СССР в свете исторических судеб Евразийской цивилизации// Вестник Евразии. 1996. № 2. С. 161–170.

24. Ситнянский Г.Ю. Россия и Центральная Азия: вместе или врозь? Межэтнические отношения в Средней Азии и Казахстане и Россия. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2011. – 290 с.

25. Ситнянский Г.Ю. Трудовые миграции из Афганистана в Центральную Азию// Вопросы гуманитарных наук (Душанбе). 2020. № 1. С. 226–242.

26. Трудовая миграция в ЕЭП. СПб.: Центр интеграционных исследований, 2012. 52 с.

27. Уметов Ч. Отчаявшиеся узбекские мигранты ищут работу в Кыргызстане // Eurasianet. 2020. 23 января. URL: <https://russian.eurasianet.org/node/58012>.

28. Щербакова Е. Иностранная рабочая сила в России по итогам первого полугодия 2021 года // Демоскоп. 2021. № 917–918. 19 октября – 1 ноября. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2021/0917/barom02.php>.

29. Dave Bh. Tajik Migrant networks in Almaty and Astana // Миграционный мост между Центральной Азией и Россией. С. 173–179.

**ЕКАТЕРИНОДАРСКИЙ ОТДЕЛ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ:
ФОРМИРОВАНИЕ, ОСНОВНЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ,
ОСОБЕННОСТИ СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ**

**EKATERINODAR DEPARTMENT OF THE KUBAN REGION:
FORMATION, MAIN SETTLEMENTS, FEATURES
OF THE COMPOSITION OF THE POPULATION**

Скорик А. П.

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова, г. Новочеркасск

Федина И. М.

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Skorik A. P.

South Russian State Polytechnic University (NPI) named after M.I. Platova,
Novocherkassk, Russia

Fedina I. M.

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация: В статье представлены итоги исследования самой развитой во многих отношениях административно-территориальной единицы Кубанской области – Екатеринодарского отдела в конце XIX – начале XX вв. На основе привлечённого комплекса исторических источников, часть из которых введена в научный оборот впервые, дана комплексная характеристика Екатеринодарского отдела с акцентом на этнокультурные сюжеты. Особо выделен национальный состав населения, приведены его количественные и конфессиональные параметры.

Abstract: The article presents the results of a study of the most developed administrative-territorial unit of the Kuban region in many respects - the Yekaterinodar department in the late 19th - early 20th centuries. On the basis of the attracted complex of historical sources, some of which are introduced into scientific circulation for the first time, a comprehensive description of the Yekaterinodar department is given with an emphasis on ethno-cultural subjects. The national composition of the population is highlighted, and its quantitative and confessional parameters are given.

Ключевые слова: аулы, горцы, великороссы, демографические процессы, Екатеринодар, жители, казаки, крестьяне, Кубанская область, малороссы, мусульмане, православные, станицы, этнический состав.

Keywords: auls, highlanders, Great Russians, demographic processes, Yekaterinodar, residents, Cossacks, peasants, Kuban region, Little Russians, Muslims, Orthodox, villages, ethnic composition.

Екатеринодарский отдел Кубанской области в территориальном отношении на момент образования отдела в 1888 г. волею судеб

оказался наименьшим по занимаемому пространству при сопоставлении с другими отделами Кубанской области, и его общая площадь составляла всего лишь 8346,5 квадратных вёрст, или 9498,3 км², если обращаться к современной метрической системе мер [4, л. 164]. Отдел располагался с географической точки зрения в юго-западной части Кубанской области, и при этом в административно-территориальном отношении с юго-запада граничил с Черноморской губернией, с запада соприкасался своими угодьями с Таманским отделом, врезаясь в него острым клином части своих земель, с севера угловатыми линиями границ делил территорию с Кавказским отделом, с северо-запада чуть-чуть примыкал к Лабинскому отделу, и с востока проходила извилистая линия территориального разграничения с Майкопским отделом Кубанской области.

Внутренней границей Екатеринодарского отдела являлась общерегиональная река Кубань, которая размежёвывала его своим руслом на две большие части: северную и южную. Северная (степная, равнинная) часть отдела исторически относилась к бывшему Черноморью, или части территории бывшего Черноморского казачьего войска. Вместе с городом Екатеринодаром в поселенческом плане северная часть отдела состояла из наиболее крупных, очень многолюдных и довольно богатых казачьих станиц, в основном из числа исторических куреней Запорожского войска. Здесь привольные широкие степи бывшей Черномории и равнинные места по правому берегу реки Кубань имели чернозёмную плодородную почву, обеспечивавшую высокие урожаи сельскохозяйственных культур. Тем самым, большинство зажиточных станиц Правобережья основали черноморские казаки ещё в первые годы переселения на Кубань, и станичные поселенческие структуры к моменту образования в Кубанской области Екатеринодарского отдела успели должным образом укрепиться, основательно обжиться и хорошо вписаться в систему региональных хозяйственно-экономических связей.

Южная (предгорная) часть Екатеринодарского отдела, в свою очередь, делилась на две части и характеризовалась тремя типами различных поселенческих структур. Во-первых, поближе к столичному городу Екатеринодару, на равнинном левобережье Кубани располагались небольшие аулы горцев. Во-вторых, южнее, непосредственно в предгорьях, укоренились характерные для Закубанья малонаселённые казачьи станицы. В-третьих, в южной части отдела среди казачьих станиц находились «селения коренных жителей» [7, с. 6] (очевидно, коренного кубанского крестьянства, или,

как их называли в то время «вечняки», поскольку горцы в описании упоминаются отдельно), ибо на Кубани уже прожили свой век несколько поколений российских первопоселенцев, а потому и появились вечняки.

Рельеф местности южной части Екатеринодарского отдела в верховьях левых притоков реки Кубани (Афипса, Псекупса, Пчаса и др.) представлял собой возвышенную поверхность, постепенно восходящую всё выше и выше по направлению к югу. Территория отличалась значительными перепадами высот, поскольку сановитые с овальными вершинами холмы сочетались с сильно изрезанными низинными линиями оврагами. Вот такая получалась земная поверхность, сильно исполосованная не только оврагами, но и глубокими, протяжёнными балками, да ещё чрезвычайно заросшая хмеречами (труднопроходимыми зарослями мелкой лесной растительности; плотной стеной молодого вторичного леса), а во многих местах вообще царило бестропье. Впрочем, если смотреть оптимистично, то эти разновеликие земные контуры сглаживались густой лесной порослью и наполнялись влажным дыханием больших и малых рек.

Административным центром отдела являлся город Екатеринодар. На момент образования отдела в 1888 г. в него входили следующие населённые пункты (указываемые нами по отдельным видам поселений) [8, с. 46–47]: *город* Екатеринодар; *станции*: Азовская (с посёлком Азовским), Васюринская, Воронежская (с посёлком Праздничным), Георгие-Афипская, Динская, Елизаветинская, Ильская (с посёлком Ильским), Калужская, Марьянская (с посёлком Марьянским), Новодмитриевская, Новотитаровская, Пашковская, Пензенская, Пластуновская, Платнировская, Сёверская, Смоленская (с посёлком Смоленским), Старокорсунская, Старомышастовская, Усть-Лабинская (с посёлком Кирпильским); *посёлки*: Ставропольский, Шабано-Тхамахинский; *слободы*: Григорьевская, Усть-Лабинская; *аулы*: Асоколай, Афипсип, Бжегокай, Вочепший, Габукай, Гатлукай, Джиджихабль, Казанукай, Козет, Кончукохабль, Лакшукай, Несшукай 1-й, Несшукай 2-й, Нечерзий, Новый Бжегокай, Панахес, Понежукай, Псейтук, Пчегатлукай, Пшекуйхабль, Тахтамукай, Тлюстенхабль, Тоуй, Тугургой, Хаштук, Шабанохабль, Шаханчерийхабль, Шенджий, Эдепсукай 1-й, Эдепсукай 2-й.

В целом, по отдельным видам поселенческих структур в Екатеринодарском отделе Кубанской области на 1888 г.

насчитывалось: 1 город, 20 станиц, 8 посёлков (в том числе 6 посёлков при станицах), 2 слободы, 30 аулов. Основными поселенческими структурами по численности, как видим, являлись станица и аул, но за счёт явного количественного перевеса населения в станицах и смежных посёлках и хуторах более мощной поселенческой территорией выступала всё же станица.

Границы между отдельными станичными юртами и в целом между отделами постоянно менялись и уточнялись, из одного отдела в другой передавались как единичные населённые пункты, так и целый список станиц. Так, согласно новому расписанию [6, с. 50–55], утверждённому Военным советом 7 февраля 1891 г., перечислили в Екатеринодарский отдел следующие населённые пункты: 1) станица Ладожская (с посёлками Бейсугским и Ладожским) из Кавказского отдела; 2) станицы Бакинская, Ключевая (с местечком Горячий Ключ), Кутаисская, Мартанская, Рязанская, Саратовская, Суздальская, Черноморская, посёлки Безымянный, Пятигорский, Садовый, Фанагорийский, Хребтовый, селение Елизаветпольское из Майкопского отдела. Из Екатеринодарского в Темрюкский отдел передали следующие населённые пункты: станицы Азовская (с посёлком Азовским), Ильская (с посёлком Ильским), Марьянская (с посёлком Марьянским). Иначе говоря, Екатеринодарский отдел больше приобрёл, чем отдал.

В 1917 г. в Екатеринодарский отдел (управление в городе Екатеринодаре) входили населённые пункты (указываемые нами по отдельным видам поселений в алфавитном порядке) [1]: *город* Екатеринодар; *станицы*: Азовская, Бакинская, Бейсугская, Васюринская, Воронежская, Воронцовская, Восточная (бывший хутор Ладожский), Георгие-Афипская, Дербентская, Елизаветинская, Ильская, Калужская, Кирпильская, Ключевая, Крепостная (бывший хутор Смоленский), Кутаисская, Ладожская, Мартанская, Марьянская, Нововеличковская, Новодмитриевская, Новосуворовская, Новотитаровская, Пашковская, Пензенская, Раздольная (бывший хутор Праздничный), Рязанская, Саратовская, Сёверская, Смоленская, Ставропольская, Старокорсунская, Суздальская, Убинская, Усть-Лабинская, Черноморская; *хутора*: Азвездокова, Александровский, Афанасьевский, Бейсужёк 1-й, Бейсужёк 2-й, Бреуснева, Воропаевский, Ильященко, Каранькова, Коваленко, Кошарский, Кочканов, Кочеты 2-е, Лысенко, Малько, Пезе-де-Корваль, Первые Кочеты, Пономаренко, Рашпиля, Соляник-Краса, Серафимович, Старообрядческий, Султановский, Терновый,

Третья речка Кочеты, Три Дуба, Фельдфебелей, Хатыпс, Черкашина, Шелеста; *слободы*: Григорьевская, Усть-Лабинская; *местечко* Алексеевский Горячий Ключ; *сёла*: Белое, Еленовское, Львовско-Товарищеское, Николаевское, Новоалексеевское, Новобабычевское (бывший хутор Тщик), Новосевастопольское (бывший хутор Марухинский); Преображенское (бывший хутор Терновский), Пустосёловское, Соловьёвское, Тхамахинское, Фанагорийское, Хребтовое, Шабановское; *селения*: Безымянное, Гнадау, Ивановское, Пятигорское, Садовое; *аулы*: Адамиевский, Асоколай, Афиписп, Бгуашехабль, Бжегокай Новый, Бжегокай Старый, Вочепший, Габукай, Гатлукай, Джиджихабль, Казанукай, Козет, Кончукохабль, Лакшукай, Несшукай 1-й, Несшукай 2-й, Нечерзий, Панахес, Понежукай, Псейтук, Пчегатлукай, Пшекуйхабль, Тауйхабль, Тахтамукай, Тлюстенхабль, Тугургой, Хатукаевский, Хаштук, Шабанохабль, Шаханчерийхабль, Шенджий, Эдепсукай 1-й, Эдепсукай 2-й.

В целом, по отдельным видам поселенческих структур в Екатеринодарском отделе Кубанской области на 1917 г. насчитывалось: 1 город, 36 станиц, 30 хуторов, 2 слободы, 14 сёл, 5 селений, 33 аула. Основной поселенческой структурой, как видим, являлась станица, хотя добавились в подборке названий хутора, но они существовали и раньше, просто не всегда учитывались.

К примеру, хутор с очень замысловатым, явно французским названием Пезе-де-Корваль сформировался вокруг частного имения баронессы А.Н. Пезе-де-Корваль, поэтому получил вот такое неординарное наименование. Датой его основания принято считать 1902 г., но название поселения встречается, по некоторым неподтверждённым данным, ещё в 1882 г. В Алфавитном списке дач и населённых пунктов Кубанской области за 1917 г. (ранее процитированном нами) обозначен как хутор де Корваль. Ныне это посёлок Свободный в составе Хатукайского сельского поселения Красногвардейского района Республики Адыгея, расположенный на расстоянии 7 километров в северо-восточном направлении от села Красногвардейского, на побережье Краснодарского водохранилища реки Кубани. Что касается самой баронессы, то, как мы полагаем (на основе данных памятных книжек Полтавской губернии), речь идёт об Александре Николаевне Пезе-де-Корваль (урождённой Скалон), рано потерявшей мужа Юлия Карловича Пезе-де-Корваль (1832–1885), начальнице Полтавского института благородных девиц (старый адрес: город Полтава, улица Институтская, 22), занимавшей эту должность в

период 1906–1910 гг. Ныне в бывшем здании Полтавского института благородных девиц располагается центральный учебный корпус Полтавского национального технического университета имени Юрия Кондратюка (проспект Первомайский, 24).

Хутор Соляник-Краса первоначально возник в 1871 г. как временное поселение на частновладельческом участке (площадью 130 десятин 1040 сажень) бжедугского князя Ш. Ахеджакова. В середине 1870-х гг. участок земли размером 103 десятины у Ш. Ахеджакова выкупил отставной войсковой старшина и землевладелец (известный земельный спекулянт?!) Афанасий Соляник-Краса из Екатеринодара [9, с. 102; 10, с. 245]. По сведениям за 1882 г. в «Пустосельском посёлке» насчитывалось 20 дворов, 20 жилых домов и 111 жителей (53 мужчины, 58 женщин). Посёлок заселили преимущественно крестьяне из Курской губернии, имевшие оседлый статус. В 1884 г. они добились официального преобразования своего временного пристанища в селение Пустосёловское [3, л. 23–25] с причислением его ко 2-му полицейскому участку Майкопского уезда и административным откреплением от Хатукаевского аульного правления. Название населённого пункта дали по фамилии первопоселенцев-крестьян Пустосёловых. Однако, судя по всему, новое название прижилось далеко не сразу. По данным «Списка землевладельцев Кубанской области и Черноморской губернии» на 1911 год», обществу хутора Соляник-Краса принадлежало 160 десятин земли. По «Спискам населённых пунктов Кубанской области» на 1917 г. хутор Соляник-Краса относился к Николаевской волости, и в нём насчитывалось 23 двора. В 1930-е гг. к хутору присоединили хутор Мало-Сидоров. Ныне хутор Пустосёлов входит в состав Еленовского сельского поселения Красногвардейского муниципального района Республики Адыгея, и там проживает всего лишь 8 человек.

Екатеринодарский отдел и его управление продолжали действовать и во время функционирования на Кубани Кубанского краевого правительства (1918–1920 гг.). Управление Екатеринодарского отдела было ликвидировано с установлением советской власти на Кубани в марте 1920 г.

Тем самым, Екатеринодарский отдел в поселенческом отношении отличался не только наличием в нём административного центра всей Кубанской области, но и характеризовался существованием большого количества горских аулов, причём, как исторически сложившихся, так и возникших под воздействием

переселенческой политики властей. Наиболее крупными поселениями отдела в конце XIX в. являлись многочисленные казачьи станицы (Динская, Новотитаровская, Пашковская и др.), где проживало до 10 и более тысяч жителей. Общая численность населения отдела, по данным Всероссийской переписи 1897 г. [2, с. 7], составляла 187374 человек, в том числе: 96905 мужчин и 90469 женщин.

Население Екатеринодарского отдела состояло из четырёх основных групп по мере убывания их численности: казаков (84038 человек), иногородних («посторонних»; 79229 человек), горцев (20106 человек), поселян (государственных крестьян; 2456 человек), и, кроме них, фиксировались лица других сословий и групп (1545 человек). В этническом отношении преобладали малороссы (101937 человек, или 55 % от общего количества населения отдела) и великороссы (53939 человек, или 29 %). Представителей горских народов насчитывалось 20376 человек (11 %), и ещё значилось 6127 европейцев (из числа разных народов; 3 %). По конфессиональному признаку население делилось на следующие группы: православные (160746 человек, или 86 % всего населения), мусульмане (магометане; 20177 человек, или 11 %), представители иных вероисповеданий (старообрядцы и другие христиане, или 2 %). Во всех станицах и крупных казачьих хуторах отдела имелись начальные училища, в значительных станицах располагались двухклассные училища с четырёхлетним обучением. Уровень грамотности основной части населения Екатеринодарского отдела был относительно невысоким и составлял 14,5% (27020 человек), причём, у мужчин он заметно повышался до 23,8% (22810 человек), а среди женщин, по сравнению с мужчинами, снижался в 5 раз, до 4,6% (4210 человек) [2, с. 7].

Большинство населения Екатеринодарского отдела Кубанской области, три четвёртых всех жителей (77,4 %) проживало в турлучных («плетнёвых») хатах, каждый пятый житель отдела в качестве крыши над головой имел деревянный жилой дом (22 %), и лишь незначительное меньшинство населения могло себе позволить возвести благоустроенный каменный жилой дом (0,6 %). Общая численность домовладельцев составляла 24709 человек, а 7203 семейств своим жильём вообще не располагали, причём, в основном они относились к иногородним, которые также не были обеспечены земельными участками [5, л. 131].

Главным занятием жителей Екатеринодарского отдела являлось земледелие, которым занималось до 86% всего населения [7, с. 14]. Кроме того, развивались: скотоводство, виноградарство и

садоводство, пчеловодство, табаководство. Местная промышленность была представлена 413 предприятиями. Превосходными серными водами и дешёвой прожизивания в нём славилось курортное местечко Горячий Ключ.

В Екатеринодарском отделе неплохо была представлена инфраструктурно-коммуникационная сфера. В городе Екатеринодаре, станице Ладожской и местечке Горячий Ключ работали три войсковые больницы. В городе Екатеринодаре, станицах Усть-Лабинской и Ладожской действовали три почтово-телеграфные учреждения.

В целом же, переход к административно-территориальному делению Кубанской области на отделы одновременно зафиксировал реальность самостоятельной territory of nonresident (территории иногородних, или городовиков, как говорили на Кубани). По существу стартовал эволюционный процесс раскачивания исторического региона Кубани, нравится ли это кому-то, или нет, но такова была базисная историческая тенденция. Мы не утверждаем, что Кубань как казачий регион исчез, совсем не стало казачества и казачьих поселений. Однако объективные процессы развивались в общем направлении превращения исторического региона Кубани, сформировавшегося в составе Российской империи в основе своей как казачье поселенческое пространство (territory of Cossack traditions), в обычную губернию Российской империи, хотя в этом отсутствовал явный субъективный интерес имперских властей. Социальная звезда крупной кубанской станицы по-прежнему светила очень ярко, бисер хуторов всё также рассыпался по территории Кубанской области. Вместе с тем, Екатеринодарский отдел стал территорией межнационального взаимодействия, где различные этнические группы были заинтересованы в мирном экономическом сотрудничестве.

Библиографический список

1. Алфавитный список дач и населённых пунктов Кубанской области по данным переписи 1917 года. URL: https://drive.google.com/file/d/0B9Tzy9c-MaMSTUNQQWphdFRueHc/view?resourcekey=0-9_Rmcbr3G5LVK4KvIuE0Fw (дата обращения: 04.11.2022).
2. Всеобщая перепись населения (первая) Российской Империи, 1897 г.: Т. 65: Кубанская область / Центральная статистическая комиссия МВД; под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб.: Паровая скоропечатня П.О. Яблонского, 1905.
3. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 449. Оп. 2. Д. 8.

4. ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 28.
5. ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 2285.
6. Кубанская справочная книжка 1894 г. Екатеринодар: Типография Кубанского областного Правления, 1894.
7. Население Кубанской области по данным вторых экземпляров листов переписи 1897 г. / под ред. Л.В. Македонова. Екатеринодар: Типография Кубанского областного Правления, 1906.
8. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985 гг.). Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1986.
9. Памятная книжка Кубанской области за 1876 год. Екатеринодар: Типография Кубанского областного Правления, 1876.
10. Сборник сведений о Кавказе. Т. VIII. Тифлис: Типография Главного управления наместника Кавказского, 1885.

АРМЯНСКИЕ ШКОЛЫ КУБАНО-ЧЕРНОМОРСКОЙ ОБЛАСТИ: ОСОБЕННОСТИ И СЛОЖНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

ARMENIAN SCHOOLS OF THE KUBAN-BLACK SEA REGION: FEATURES AND COMPLEXITIES OF ORGANIZATION

Степанов М. А.

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Stepanov M. A.

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация: В статье рассматриваются различные аспекты существования армянских школ в Кубано-Черноморской области: в Краснодаре и остальных местностях. Организация национального образования была сопряжена с рядом сложностей: отсутствием высококвалифицированных кадров, дефицитом учебных материалов и помещений. Важную роль в развитии национального образования сыграла Армянская секция во главе с Г. Н. Алтуняном при Совете национальных меньшинств. Её плодотворная деятельность может говорить о бурном, но противоречивом развитии сети армянских образовательных учреждений на Кубани в начале 1920-х гг.

Abstract: The article deals with various aspects of the existence of Armenian schools in the Kuban-Black Sea region: in Krasnodar and other areas. The organization of national education was fraught with a number of difficulties: the lack of highly qualified personnel, the lack of educational materials and premises. A key role in the development of national education was played by the Armenian section headed by G. N. Altunyan under the Council of National Minorities. Its fruitful activity can speak of a rapid but contradictory development of the network of Armenian educational institutions in the Kuban in the early 1920s.

Ключевые слова: КубЧерОблОНО, Армянская секция, Г.Н. Алтунян, армянские школы в Краснодаре, национальные меньшинства, организация

национального образования.

Keywords: KubCherOblONO (Kuban-Black Sea Department of Public Education), Armenian section, G. N. Altunyan, Armenian schools in Krasnodar, national minorities, organization of national education.

Развитие и поддержка со стороны государства национально-культурной самобытности народов, его населяющих, являются одной из важных задач, стоящих перед ним. В связи с чем необходимо обратить внимание на исторический опыт решения этой задачи (в частности, организации национального просвещения) нашим предшественником в лице Советского государства, чтобы учесть его сильные и слабые стороны для выстраивания собственного подхода.

Реализации образовательной политики Советской власти среди армян юга России посвящены работы В.З. Акопяна [1], И.Г. Иванцова [17], М.С. Симоняна [19], К.Б. Садым [18], А.П. Скорика, И.М. Фединой [20] и др.

С установлением Советской власти на Кубани развернулась широкомасштабная кампания по созданию и развитию национальных школ. В апреле 1920 г. вышло постановление Кубано-Черноморского облревкома о создании школ нацменьшинств. В соответствии с ним, граждане всех национальностей, проживавшие в области, получили право организации обучения родному языку в единой трудовой школе [1], подразделявшейся на две ступени, существование которых зачастую было отдельным. Школы открывали там, где набиралось не менее 25 учащихся одной возрастной группы данной национальности [20, с. 95]. В силу сложившейся полиэтничности региона количество школ поражает своим разнообразием: так, в 1920-е гг. можно наблюдать наличие украинских, польских, армянских, немецких, греческих, эстонских, ассирийских, татарских и других школ.

В создании армянских (как и прочих национальных) школ была внутренняя историческая необходимость, так как уже к 1920-м гг. численность армян области составляла 57 822 чел. [11].

Обращение к архивным документам позволяет узнать, что организация армянских образовательных учреждений находилась в ведении Армянской секции под руководством Г.Н. Алтуняна при Совете национальных меньшинств [4]. Армянская секция заведовала вопросами снабжения, организации обучения и помещений для школ, повышения квалификации шкрабов (школьных работников) армянских образовательных учреждений, вопросами выездных инспекций в различные районы области с армянским населением.

Так, не позднее 1920 г. в Екатеринодаре уже находилось четыре

армянские школы первой ступени. Их особенность – сосуществование в одном здании в режиме «первая-вторая смена»: первая и вторая армянские школы на Екатерининской (современное название – Мира) ул., д. 23, третья и четвёртая – на Рашпилевской ул., д. 24 [4].

На март 1921 г. в Краснодаре уже девять армянских школ: одна – второй ступени, восемь – первой. Необходимо сказать, что адреса школ могли меняться (в том числе, и между собой): так, первая армянская школа первой и второй ступеней расположилась на Рашпилевской ул., д. 26, вторая и пятая – на Екатерининской ул., д. 23, третья и четвёртая – на Рашпилевской ул., д. 24, шестая – на Красной ул., д. 25, седьмая и восьмая – на Красной ул., д. 60 [9]. Ранее седьмая и восьмая школы первой ступени располагались на Динской (современное название – Леваневского) ул., д. 12 [10].

Для открытия школ необходимо было решение вопроса о поиске помещений для занятий. В связи с этим представляется интересной история о нахождении в декабре 1920 г. помещения для шестой армянской школы главой Армянской секции Георгием Никитывичем Алтуняном [7]: он предложил Кавказскому комитету по международному языку Эсперанто открыть курсы для изучения этого языка в Краснодаре и приобрести помещение для занятий. Когда эсперантисты нашли себе помещение, Г.Н. Алтунян обратился к вышестоящей инстанции по вопросам образования, указывая, что на курсы эсперанто никто не ходит, помещение простаивает и что в таком случае полезнее будет отдать простаивающие кабинеты шестой армянской школе. Так она и приобрела себе здание на Красной ул., д. 25.

Что касается количества учащихся, то оно смогло за 1921 г. вырасти с 67 до как минимум 542 (в целом на все восемь школ) [2]. Периодически в архивных документах говорится о Единой армянской трудовой школе, составленной из существовавших восьми, но документация по-прежнему велась по каждой в отдельности.

Помимо Краснодара сеть армянских школ развернулась и в остальных местностях Кубано-Черноморской области, наиболее явно это прослеживается по таблице из отчёта Армянской секции от 28 сентября 1921 г. [8]

Обратившись к таблице 1, можно сделать выводы:

1) о расселении армянского населения по районам Кубано-Черноморской области, соотносящимся с нуждами в национальном образовании;

2) о преимущественном проживании армян Причерноморья в сельской, а не городской местности;

3) о важном культурно-просветительском значении Краснодара, Армавира, Майкопа и Сочи, требующем наличия школ II-ой ступени.

Таблица 1. Распределение армянских школ по населенным пунктам и районам

наименование местности	школы			
	существующие	ступени школ	предполагаемые к открытию	ступени школ
Краснодар	9	1=II, 8=I	6	1=II, 5=I
Армавир	7	1=II, 6=I	8	1=II, 7=I
Майкоп	1	I	4	1=II, 3=I
Новороссийск	1	I	4	I
Ейск	1	I	–	–
Сочи	1	I	2	1=II, 1=I
Туапсе	1	I	1	I
Адлер	1	I	1	I
Анапа	1	I	1	I
Сочинский район	15	I	15	I
Туапсинский район	–	–	5	I
районы Горячего Ключа	12	I	8	I
Крымская	1	I	–	–
Шибек	1	I	1	I
Абинская	1	I	1	I
Славянская	1	I	1	I
Темрюк	1	I	1	I
Ахтырская	–	–	1	I
Брюховецкая	–	–	1	I
Кавказская	1	I	1	I
Усть-Лабинская	1	I	1	I
Ладожская	–	–	1	I
Тифлисская	–	–	1	I
Тихорецкая	1	I	1	I
Лабинская	1	I	2	I
Баталбашинская	1	I	1	I
Итого	60	2=II 58=I	69	4=II 65=I

Качество же национального образования, судя по инспекторским отчётам, не было высоким. У армян до 50% учителей получили среднее образование в Турции [13] в лютеранских школах. Также проблемой было, что учителя не знали восточноармянской нормы языка, которую должны были преподавать в школах –

предполагалось решение вопроса получением учительских кадров из Москвы и Армении для повышения уровня преподавания [16].

Посещаемость же занятий учениками за 1923/1924 учебный год составляла в среднем 50,5% по области [14]. Грамотность армянского населения составляла 47-48% по данным переписи 1920 г. [15], что может говорить об определённых трудностях, в том числе инфраструктурного и кадрового плана, на начальных этапах становления армянского национального образования в парадигме советской национальной политики и её реализации в нашем регионе.

Вопросы развития армянского национального образования на Кубани в этот период имеют куда больший диапазон, чем описанный в данной статье: так, интерес для исследователей представляют и учебные программы армянских школ, проблемы материально-технического и учебно-методического оснащения. Помимо школ в Кубано-Черноморской области существовали и армянские библиотеки [8], детский дом № 7 [12] на ул. Бурсаковской (современное название – Красноармейская) в Краснодаре, Армянский Народный Университет [5], сущность которого трудно определить, так как документов (особенно на русском языке) по его деятельности очень мало, армянские драматические труппы в Краснодаре и Новороссийске [3], которые тоже находились в ведении КубЧерОблОНО.

Библиографический список

1. Акопян В.З. Формирование и деятельность национальных структур в органах народного образования на Северном Кавказе в 1920–30-е гг. // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. № 1 (40). С. 101–104.
2. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 407. Л. 22.
3. ГАКК. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 412. Л. 8
4. ГАКК. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 412. Л. 9.
5. ГАКК. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 412. Л. 11.
6. ГАКК. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 412. Л. 12.
7. ГАКК. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 426. Л. 1.
8. ГАКК. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 578. Л. 8.
9. ГАКК. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 601. Л. 38.
10. ГАКК. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 608. Л. 39.
11. ГАКК. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 852. Л. 20.
12. ГАКК. Ф. Р-365. Оп. 5. Д. 86. Л. 15.
13. ГАКК. Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 820. Л. 39.
14. ГАКК. Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 820. Л. 56.
15. ГАКК. Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 820. Л. 59.
16. ГАКК. Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 820. Л. 159.

17. Иванцов И.Г. Армянский район Северо-Кавказского края в документах районного комитета ВКП(б) (1925 – начало 1930 гг.) // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее: материалы II Международной научной конференции. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. С. 118–125.

18. Садым К.Б. Основные направления деятельности армянской секции клуба Нацмен на Кубани // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее: материалы II Международной научной конференции. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. С. 205–210.

19. Симонян М.С. Армянская диаспора Северо-Западного Кавказа: формирование, культурно-конфессиональный облик, взаимоотношения с властью, общественными и религиозными объединениями (конец XVIII – конец XX века): дис ... канд. ист. наук. Краснодар, 2003.

20. Скорик А.П., Федина И.М. Миграционное перемещение армян в кубанские станицы в 1920-е гг.: опыт создания национального района // Армяне юга России: история, культура, общее будущее: материалы Всероссийской научной конференции. Ростов-на-Дону: Южный научный центр РАН, 2012. С. 94–100.

ЭТНОНАЦИОНАЛИЗМ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ КОНКУРЕНЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

ETHNONATIONALISM AS A COMPONENT OF CIVILIZATIONAL COMPETITION AT THE PRESENT STAGE

Тамбиянц Ю. Г., Кулик С. В.

Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина,
г. Краснодар

Tambiyants Yu. G., Kulik S. V.

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia

Аннотация. Предлагается анализ фактора этнонационализма в контексте усиливающихся цивилизационных противостояний на современном этапе. Исходя из «островной» концепции, рассматривается современная Украина как лимитрофное пространство, буфер между западной и российской цивилизациями. Украинский этнонационализм есть историческое явление, однако в настоящий момент с подачи прозападных глобальных акторов имеет ярко выраженный антироссийский смысл. Его успеху способствуют объективная раздробленность славянского мира, все более глубокое вовлечение Украины в сферу влияния Западного мира, наконец, отсутствие у современной России весомой альтернативы, которая могла бы реально нейтрализовать влияние этнонациональной мифологии на коллективное сознание украинцев.

Abstract: An analysis of the factor of ethno-nationalism is proposed in the context of increasing civilizational confrontations at the present stage. Based on the "island" concept, modern Ukraine is considered as a limitrophe space, a buffer between Western and Russian civilizations. Ukrainian ethno-nationalism is a historical phenomenon, but at the moment, at the suggestion of pro-Western global actors, it has a pronounced anti-Russian meaning. Its success is facilitated by the objective fragmentation of the Slavic world, the ever deeper involvement of Ukraine in the sphere of influence of the Western world, and finally, the absence of a significant alternative in modern Russia that could actually neutralize the influence of ethno-national mythology on the collective consciousness of Ukrainians.

Ключевые слова: цивилизационная конкуренция, этнонационализм, «островная» концепция, лимитроф, лимес, глобальное информационное общество, российская цивилизация, западная цивилизация.

Keywords: civilizational competition, ethno-nationalism, "island" concept, limitroph, limes, global information society, Russian civilization, Western civilization.

Проводимая Россией Специальная военная операция на Украине отражает глубокие противоречия современного мира, в основе которых лежат куда более глубокие длящиеся века противостояния, определенным вариантом которых, на наш взгляд, можно отчасти считать мировое соперничество капитализма и социализма. Речь ведется о цивилизационных столкновениях, проявления которых усмотрел С. Хантингтон уже в 1990-е гг. [10], а сейчас в ситуации явного кризиса проекта глобализации (кстати, все более приобретающей англо-саксонский уклон), актуализирующихся с новой силой. Закономерно, что известный эксперт по вопросам глобализации, экономист М. Делягин склонен рассматривать мировые процессы через призму противостояний трех ведущих цивилизационных комплексов – Западного мира, Китайской (конфуцианской) цивилизации, а также Исламского мира. Основой цивилизационной конкуренции при внешней экономической мотивации выступают все же культурные ценности, что и предопределяет крайнюю ожесточенность и бескомпромиссность междоцивилизационных столкновений. Здесь всегда налицо «несовместимость конфликтующих сторон» [6, с. 600]. Как утверждал тот же ученый в нулевые годы, на бывшем советском пространстве только формируются контуры православной российской цивилизации, судьба которой ясно не определена. В настоящий момент при всех сложностях СВО ценностный конфликт России и Запада проступает со всей отчетливостью. По мысли культуролога В. Хачатурян, собственная цивилизационная идентичность актуализируется в социальном сознанием «в ситуации кризиса,

вызванного вторжением извне инородного культурного материала, или внутренними причинами, связанными с качественными, глубокими трансформациями самих цивилизаций» [14, с. 227]. На наш взгляд, именно сейчас наступает момент истины для отечественной цивилизационной самобытности.

В настоящей статье мы ставим целью рассмотрение роль фактора этничности в рамках современной цивилизационной конкуренции на примере его использования Западом в цивилизационном противостоянии с Россией. В рамках обозначенной цели, мы намерены обозначить принципы «островной» концепции, с позиции которой нам представляется наиболее удобным анализ узловых моментов нынешнего цивилизационного противодействия, затем уточнить понимание категорий, связанных с процессами этничности, наконец, проследить влияние фактора этнонационализма в Украине.

«Островная» концепция предложена, уже, к сожалению, умершим, отечественным ученым Вадимом Цымбурским, который поначалу связывал свою деятельность с либеральным сегментом научного истеблишмента, однако после опубликования в 1993 г. статьи «Остров Россия» привлек внимание консерваторов [16]. В настоящий момент островная концепция развивается в работах соратника В. Цымбурского, воронежского историка и геополитика Станислава Хатунцева, который в соответствии с динамически меняющейся ситуацией, придал «островному» подходу несколько большую гибкость.

В. Цымбурский предлагает считать цивилизацией конкретную базовую этничность (большой народ или группу народов), которая оказывается интегрирована через посредство определенной сакральной (религиозной или идеологической) вертикали, иницирующей «готовность видеть в себе Основное Человечество», что обычно выражается в культурных и политических практиках. Данные сущности образуют своего рода этнокультурную платформу, за пределами которой проявляется уже внешнее силовое поле данной цивилизации, влияющее на другие народы [15]. В островной концепции немаловажное значение отводится промежуточным междцивилизационным пространствам. Здесь то и оказывается к месту островная модель, согласно которой любая цивилизация представляет собой некий «остров», обрамленный своеобразными географическими океанами и сухопутными «проливами» – лимитрофами [16].

Лимитрофным территориям (от латинского термина лимес – граница) присуща внутренняя межкультурная динамика, поскольку они отличаются менее устойчивыми и более текучими внутренними процессами. Лимитрофы выступают: во-первых, пространством контактов между конкретными цивилизациями; во-вторых, являются «буферными пространствами», разделяющими эти цивилизации; в-третьих, выступают в роли неких «рингов», «ристалищ», на которых происходят столкновения данных цивилизаций [13, с. 94]. Подобные территории естественным путем куда сильнее дезинтегрированы в духовном плане, их социокультурная наполняемость намного более противоречива. Закономерно, что в лимитрофах чаще происходят случаи этнических и расовых чисток, депортаций, а то и этноцида [13, с. 91, 93].

Однако и межцивилизационные пространства неоднородны. Тот же В. Цымбурский считал необходимым дополнить лимитроф категорией «лимеса», определяя его в качестве неустойчивой окраины цивилизационной платформы. Лимесные территории нередко стараются «отслоиться» от цивилизационного ядра, хотя и обладают его ключевыми признаками. И здесь В. Цымбурский считает необходимым геополитические меры, присоединяющие лимес к ядру, в противном случае лимес и далее может не определяться в собственной цивилизационной идентичности, часто "соскальзывая" в лимитрофы [15]. В то же время, черты межцивилизационных территорий изменяются не всегда лишь под действием геополитической динамики, но также и культурных процессов. При том, что лимесы представляют собой более податливую среду для внешних воздействий, переходные признаки нередко перекидываются на вроде как цивилизационно устойчивые территории. Например, советское общество эпохи перестройки испытывало значительные западные влияния.

В. Цымбурский в 1993 г. посчитал, что Россия, отойдя «к себе» на «остров» фактически восстановила естественные цивилизационные границы, и, соответственно, нет смысла в попытках пространственных расширений, а именно во всякого рода «похищениях Европы» и «евразийских интермедиях» [16]. Здесь патриарх оригинального островного подхода на тот момент несколько поторопился. Права В. Хачатурян, указывая на стремления к расширению в качестве универсального цивилизационного тренда. Это имеет историческое измерение, проявляясь с начала Осевого времени, и реализуясь как в плане территориальных экспансий

(имперские образования), так и в духовном смысле, где средством выступали в традиционную эпоху религии спасения, а в Новое время – идеологические системы [14, с. 222–223].

Тем не менее пространства, от которых добровольно отказалась Россия, стали быстро объектом экспансии других геополитических центров. В конце 1990-х гг. В. Цымбурский признавал обострение борьбы за контроль над различными секторами лимитрофа, причем эта борьба «постоянно увязывается с общей игрой его народов на повышение своего статуса и веса, в том числе за счет ядерных платформ» [15]. В 2010-х гг. С. Хатунцев развил данный тезис, уверенно указывая на главный вызов российской цивилизованности в лице западного мира. Последний стремится распространить собственное культурное и политическое влияние на окраинные территории российского культурно-исторического мира [12, с. 45–46]. Нынешняя Украина обоснованно рассматривается как лимитроф [3], причем по окончании СВО ее результаты наверняка где-то подкорректируют обозначенную картину. Тем самым логика нынешней «островной» концепции, стремясь сохранить аутентичность отечественной цивилизационной ниши, делает ставку уже не столько на изоляционизм, сколько на определенное расширение влияния, дабы обеспечить воспроизводство своего культурно-цивилизационного пространства. Между тем приходится сталкиваться с очень серьезным вызовом в лице украинского этнонационализма.

Этничность мы склонны рассматривать с опорой на примордиалистский подход, видя в ней обязательное наличие биологического признака. На таком понимании настаивает современный ученый В. Соловей, научную деятельность которого следует отделять от его выступлений в качестве политического блогера. В то же время сам В. Соловей подчеркивает, что основой этноса является не только «кровь», но и «почва» [10]. В плане последнего речь идет о совокупности культурных сущностей – языка, материальной культуры, норм поведения, а также ментальных характеристик, что где-то сближает данный подход с концепцией этноса Ю. Бромлея. Наконец, немаловажное значение имеет фактор исторической памяти, отмечаемый многими учеными (О. Бауэр, Л. Гумилев и др.).

Феномен нации, на наш взгляд, связан не столько с эпохой Нового времени, сколько со стадией, так называемого, развитого государства (Л. Гринин), которое оказывается напрямую

заинтересовано в обеспечении единства и целостности общества, естественной политической формой которого оно выступает [5]. Подобное единство обеспечивается как объективными процессами – единая экономика, институциональная структура и т.п., так и культурно-духовными средствами, в рамках которых значительную роль играет информационное пропагандистское воздействие. Значимость последнего фактора иллюстрируется наличием в науке конструктивистского подхода, который рассматривает нацию как результат именно политико-идеологических процессов. Вместе с тем историк С. Беляков предлагает разделять феномены гражданской нации, представляющей совокупность граждан конкретного государства, и этнической нации, которая может быть тождественна гражданской только в рамках моноэтнического государства. Нация являет собой такой этнос, который выступает активным субъектом исторического процесса и претендует на образование так называемого национального государства, где данная нация обладает монополией на государственно-политическую власть [1, с. 29]. Примерами подобных этнических наций служат хорваты, сербы, словенцы в рамках государства Югославия.

Разнообразие информационных воздействий многократно выросло в нынешних условиях глобального информационного общества (термин М. Делягина). В то же время подобное влияние совершается с учетом имеющихся «почвеннических» предпосылок. Речь идет о своеобразии коллективного бессознательного, а именно об особом содержательном наполнении универсальных архетипов, причем ведущую роль в формировании этнического сознания принадлежит оппозиции «мы-они». В рамках «они» центральное положение занимает «конституирующий Другой», который способствует более четкому определению собственной идентичности и ее определенной кристаллизации [10]. Естественно, что отношение к Другому может иметь враждебный или, наоборот, дружественный смысл, однако отношение к Другому–Врагу предполагает куда больше эмоциональной насыщенности, бдительности и напряженности, что позволяет лучше осознать и более четко сформировать образ Мы. В настоящий момент для сознания украинцев таким конституирующим Другим, причем имеющим очевидно враждебное наполнение, выступает Россия.

Производные от универсальных, так называемые, этнические архетипы служат базой осознания этнической идентичности. Они выступают в виде специализированных мыслеформ, в которых

«отложился не опыт человечества в целом, а специфический опыт групп людей», выделившихся сотни, а то и тысячи лет тому назад. Этнические архетипы также предполагают наличие врожденной этнической памяти [10]. В то же время в контексте исторических процессов продолжается и генетическая эволюция людей, этническое коллективное бессознательное обязательно меняется, получая в чем-то новое наполнение. Так бескрайние просторы отечественного ландшафта оказываются «вписаны» в русский генофонд, тогда как пространственно ограниченный западный человек «чувствует себя со всех сторон сдавленным как в мышеловке». Это отражается той самой пресловутой широтой русской души, в то время как западной ментальности более присуща организованность, сосредоточенность и напряженная активность [2, с. 327–328].

Однако этническое сознание находится под влиянием также исторических факторов, которые главным образом определяют оценочное восприятие иных этносов, нередко в форме устойчивых стереотипов. Речь можно вести об исторической памяти или более конкретизированном «геополитическом коде», под которым В. Соловей понимает сложившуюся по ходу истории предрасположенность восприятия других народов, цивилизаций. Геополитический код весьма устойчив. Это своего рода глубокая колея, выбраться из которой теоретически возможно, однако очень трудно совершить это практически [10]. Близкой геополитическому коду является категория ментальной карты, которая понимается как изображение части окружающего пространства, созданное человеком. Ясно, что подобные изображения субъективны и часто искажаемы. Они могут варьироваться в зависимости от того или иного угла зрения [17, с. 4]. Ментальная карта приобретает расширительный смысл в разработках социологов, затрагивая уже куда более масштабные сущности – национального и транснационального уровня. Естественна связь ментальных карт с коллективными идентичностями – первые определяют во многом содержательную сторону вторых. Например, ориентализм, цивилизационное сознание представителей западного мира по отношению к Востоку зиждется на осознании собственного превосходства (европоцентризм), а Восток в комплексе своих черт ставится в однозначно подчиненное положение [9].

Б. Шенк считает ментальные карты значительным фактором исторического процесса, и при этом отмечает их политическую и идеологическую обусловленность [17, с. 13]. Они отражены как в

виде коллективных установок, так и зафиксированы в различного рода политических культурных, художественных текстах. Формирование ментальных карт может происходить искусственно, что и происходит в современную информационную эпоху, в рамках которой манипулятивные возможности политических субъектов беспрецедентно расширились.

В эпоху глобального информационного общества, когда границы субъектности национальных государств становятся более расплывчатыми, заявляют о себе новые идентичности, претендующие на политическое самовыражение нередко в государственной форме. В этом ряду стоит явление микронационализма или этнонационализма, главным образом, приобретающего пафос воинственности [8]. В рамках мультикультурного проекта данный национализм «воспринимает ассимиляцию не как форму национальной интеграции, а как маневр, призванный подорвать ее изнутри», а национальная интеграция уже отождествляется с вытеснением «этнически чуждого элемента» [4, с. 80]. Однако конкретные проявления этнонационализма искусственно раскручивается глобальными акторами, как правило, в геополитических целях. Например, претензии шотландских или каталонских националистов встречают куда меньше сочувствия, чем амбиции косовских албанцев. Поддержка последних явно не в последнюю очередь обусловлена стремлением ослабить православное сербское государство, которое прежде всего в культурном плане не придерживается западной ориентации.

В рамках этих процессов следует рассматривать украинский национализм, полностью поддерживаемый Западом, с целью недопущения возврата украинцев в цивилизационную сферу России. Сразу следует подчеркнуть, что данный феномен имеет историческое, а не современное происхождение, на чем настаивают сторонники концепции Малороссии (А. Ваджра, О. Бузина и др.). Украинский национализм являлся фактом уже к середине XIX в., что отразилось в деятельности ряда разночинных по составу организаций (Кирилло-Мефодиевского общества в Киеве, киевского отделения Русского географического общества, многочисленных печатных изданиях) [7], и, разумеется, в стихах Т. Шевченко, где совершенно ясно и отчетливо звучала тема культурной автономии Украины от России, а также не особо скрываемое желание дополнить это еще и автономией политической.

Другое дело, что современный украинский национализм в

отличие от феномена полуторавековой давности имеет собственные черты, усиленные прозападными акторами. Если стремления к национальной самобытности в XIX в. были направлены как против русификации, так и против полонизации [7, с. 29], то сейчас идеология украинства имеет отчетливо русофобский смысл и соответствующую направленность. Так, на передний план антирусской пропаганды выдвигается ряд контрмифов, призванных нейтрализовать влияние факта советской национальной политики, всячески поощряющей культурный и до известных пределов политический национализм украинцев. Таким контрмифом может служить феномен голодомора, который подается в контексте якобы всегда существовавшего антиукраинского тренда российской политики. Акцентированно антироссийский пафос выражен в стихотворении современной украинской поэтессы Анастасии Дмитрук «Никогда мы не будем братьями».

Не вдаваясь глубоко в анализ украинского этнонационализма, укажем на те факторы, которые, с нашей точки зрения, работают на его усиление.

Во-первых, объективная раздробленность славянского мира. Как показывает история, центростремительные тенденции здесь обычно оказывались слабее центробежных, хотя для каждого случая имеются свои объяснения. Например, но идеология иллиризма, работающая на объединение южнославянских народов (прежде всего, сербов и хорватов) проиграла-таки хорватскому этнонационализму А. Старчевича. Какое-то время видимость единства обеспечивалась коммунистической идеологией, но, стоило ей ослабеть, как этнонациональные противоречия немедленно проявили себя в полной мере. Панславянизм в общем то так и не преодолел рамки политической концепции и не вышел на уровень серьезного цивилизационного проекта, хотя и привлекал в качестве сторонников таких известных людей как Н. Данилевский, Ф. Достоевский и др.

Во-вторых, ориентация на западный мир, который небезуспешно включает Украину в сферу собственного, прежде всего политического, да и культурного влияния. Запад по многим параметрам выглядит предпочтительнее России. Подобный выбор отражен в стихах той же Дмитрук: «Вы себя окрестили старшими, нам бы младшими, да не вашими». В то же время лимитрофный характер украинских земель мало можно подвергнуть сомнению. Это классическая «расколота страна», согласно терминологии С. Хантингтона [11, с. 206].

В-третьих, в настоящий момент Россия не имеет весомой альтернативы, которая могла бы перевесить влияние этнонациональной мифологии на Украине, как это имело место в СССР. Пропаганде бандеровского движения был тогда в целом успешно противопоставлен советский проект, который нес немало реальных черт социальной справедливости. Не случайно именно эпоха СССР характеризуется наибольшим расширением отечественного цивилизационного влияния.

Библиографический список

1. Беляков С.С. Усташи: между фашизмом и этническим национализмом. Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2009. 320 с.
2. Бердяев Н. Судьба России. Опыт по психологии войны и национальности. М.: ЭКСМО-Пресс. 2000. 756 с.
3. Ваджра А. Украинский лимитроф в геополитическом раскладе Евразии // Ваджра А. Распад. Хроника и анализ украинской катастрофы. М.: Книжный мир, 2019. С. 455–632.
4. Галкин А.А. Старые и новые лики национальной проблемы // Полития. 2005. № 1. С. 64–84.
5. Гринин Л.Е. Государство и исторический процесс. Эволюция государственности: от раннего государства к зрелому. М.: КомКнига, 2007. 368 с.
6. Делягин М.Г. Конец эпохи: осторожно, двери открываются! Том I. Общая теория глобализации. М.: ИПРОГ, Книжный мир, 2019. 832 с.
7. Миллер А.И. Укратиофильство // Славяноведение. 1998. № 5. С. 28–38.
8. Полянников Т.С. Национализм в (пост)современном мире. «Неожиданности» постбиполярного мира: национализм, сепаратизм и межэтнические конфликты // Полития. 2006. № 3. С. 67–95.
9. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. М.: Русский мир, 2006. 640 с.
10. Соловей В.Д. Кровь и почва русской истории М.: Русский мир, 2008. Электронный ресурс: https://www.rulit.me/books/krov-i-pochva-russkoj-istorii-read-217837-191.html#section_3 (дата обращения: 20.11.2019 г.).
11. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.
12. Хатунцев С.В. Запад и «Евразийская квадрига» (Россия, Китай, Индия, Иран) // Политические исследования. 2015. № 6. С. 45–46.
13. Хатунцев С.В. Лимитрофы – межцивилизационные пространства Старого и Нового света. // Политические исследования. 2011. № 2. С. 86–98.
14. Хачатурян В.М. Человек в пространстве цивилизаций: проблема цивилизационной идентичности // Вопросы социальной теории. 2010. Том IV. С. 218–240.
15. Цымбурский В.Л. Народы между цивилизациями // Pro et Contra Т.3. № 3. 1997 [Электронный ресурс] URL: www.intelros.ru (дата обращения: 15.01.2020 г.).

16. Цымбурский В.Л. Остров Россия. [Электронный ресурс] URL: <https://paraknig.me/reader/426453?page=1> (дата обращения: 15.01.2020 г.)

17. Шенк Б.Ф. Ментальные карты: Конструирование географического пространства в Европе // Политическая наука. № 4. 2001. С. 4–17.

**РЕСУРС МУЖЕСТВЕННОСТИ В ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ
КОНКУРЕНЦИИ: ПРОБЛЕМАТИКА ЗАПАДА
И ШАНСЫ РОССИИ**
**THE RESOURCE OF MASCULINITY IN CIVILIZATIONAL
COMPETITION: THE PROBLEMS OF THE WEST AND THE
CHANCES OF RUSSIA**

Тамбиянц Ю. Г.

Кубанский государственный аграрный университет имени

И.Т. Трубилина», Краснодар

Tambiyants Yu. G.

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar

Руденко М. В.

Донецкий национальный университет, г. Донецк

Rudenko M. V.

Donetsk National University, Donetsk

Аннотация: Рассматривается феномен мужественности, его использование в качестве ресурса в глобальной цивилизационной конкуренции. Выхолащивание мужественности выступает оборотной стороной развития западной цивилизации, претендующей на глобальный смысл. Предлагается ряд факторов, имеющих историческое измерение и комплексное воздействие которых работает на упадок мужественности. Это закон техно-гуманитарного баланса, общая военная эволюция, развитие института государства как регулятора насилия, динамика соотношения бойцовского и торгового духов, гедонистический дух современного общества потребления. Современный западный социум характеризуется как постгероическое общество, который идеологически обосновывают западные ученые, стремясь придать ему устойчивость. Подобной депассионаризацией Запада может и должна воспользоваться Россия в ходе обостряющейся сейчас цивилизационной конкуренции.

Abstract: The phenomenon of masculinity, its use as a resource in the global civilizational competition is considered. The emasculation of masculinity is the reverse side of the development of Western civilization, which claims to have a global meaning. A number of factors are proposed that have a historical dimension and a complex impact of which works on the decline of masculinity. This is the law of techno-humanitarian balance, the general military evolution, the development of the institution of the state as a regulator of violence, the dynamics of the ratio of fighting

and trading spirits, the hedonistic spirit of modern consumer society. Modern Western society is characterized as a post-heroic society, which is ideologically justified by Western scientists, striving to give it stability. Russia can and should take advantage of such depassionarization of the West in the course of the now escalating civilizational competition.

Ключевые слова: мужественность как ресурс, цивилизационная конкуренция, факторы выхолащивания мужественности, постгероическое общество, военная эволюция, асимметрия военного противоборства.

Keywords: masculinity as a resource, civilizational competition, factors of emasculation of masculinity, post-heroic society, military evolution, asymmetry of military confrontation.

После краха социалистической системы не наступил предсказанный Ф. Фукуямой «конец истории», более того, актуализировалось противостояние уже других – более глубоких, фундаментальных и менее склонных к компромиссам сущностей. Во второй половине 90-х годов при анализе мировых процессов стала усиливаться актуальность цивилизационного подхода, сохраняющего популярность, вопреки многочисленной критике, которая иногда принимает откровенно анекдотические формы в виду невежества собственно критиков [6].

Примечательно, что к категории цивилизации прибегает известный российский эксперт по вопросам мировой экономики и глобализации М. Делягин. Он делает акцент на том, что цивилизационное противостояние, ставящее во главу угла культурные различия, является наиболее бескомпромиссным и принимающим жесточайшие формы [5, с. 600]. Показательно, что в контексте современной динамики ряд цивилизационных контуров были размыты процессами глобального универсализма. Если по состоянию на вторую половину XX в. З. Бжезинский говорил о двузначном количестве цивилизационных комплексов, А. Уткин о семи, А. Тойнби писал о десяти цивилизациях, хотя рассматривал всего лишь пять по факту [14]. В нулевые годы М. Делягин указывал на соперничество лишь трех цивилизационных инициатив, устойчивых и реально влиятельных. Это западный мир, китайская (конфуцианская) цивилизация и ислам. При этом любая цивилизация «проникая в другую, не обогащает, но, напротив, разъедает и подрывает ее» [5, с. 601]. Что касается России, то здесь можно говорить только «о продолжающей распадаться советской или о складывающейся на ее руинах российской цивилизации», которая вряд ли может рассматриваться как полноценный игрок в глобальной конкуренции [5, с. 600]. Однако волей-неволей, но можно уверенно утверждать, что

Россия в настоящий момент оказывается наиболее открыто противостоящим западному миру актором, несмотря на все нюансы, связанные с СВО. Отсюда, мы считаем необходимым если и не констатировать, то как минимум ставить вопрос о выросшей субъектности России на мировом цивилизационном поприще. И в официальных идеологических текстах Россия позиционируется как самобытное цивилизационное образование.

В то же время, никак нельзя опускать факт западного лидерства в контексте современной конкуренции цивилизаций. Западный мир делает небезуспешную ставку на технологическое развитие, за счет чего им раскручиваются механизмы сетевых войн с целью ослабления стратегических конкурентов. На выходе получается частичная компрадоризация незападных обществ, и, как правило, наиболее значительных и влиятельных сегментов, стремление которых на Запад исходит из соображения, что «там лучше». Если рассматривать нашу страну в терминах цивилизационного субъекта, то бросаются в глаза последствия конкурентных воздействий со стороны Запада. Это масштабная социально-экономическая проблематика, заметная доля прозападно настроенных граждан, наконец, факт того, что ближайшие ежцивилизационные пространства (поляки, словаки, да и те же украинцы) тянутся обычно не к России, но всячески стремятся быть принятыми в Европейских странах.

При всем при этом, характеризуя западный мир в качестве наиболее сильной цивилизационной альтернативы, не стоит тем не менее заниматься абсолютизацией Западных стран, которые вовсе не лишены определенной уязвимости. Последние выступают во многом следствием собственных грандиозных успехов Запада в плане цивилизационного развития, оказываясь его оборотной стороной. Этим следует воспользоваться России, тем более что такого рода аспектов, где можно предполагать наше преимущество весьма немного. Да и тот, о котором пойдет речь, обсуждается больше на гипотетическом уровне. Имеется ввиду дефицит пассионарности, который неизбежно вытекает из процессов усиления комфорта и феномена общества потребления, характерных для стран западного мира. Это отмечает не только Л. Гумилев, но и современные авторы, при том, что демонстрируют здесь весьма различное отношение. Например, склонный к пацифизму Э. Геллнер приветствует это обстоятельство, видя в нем возможность выравнивания социальных позиций в том числе для «пугливых и робких» [4, с. 91], а вот израильтянин А. Гат не скрывает тревожности, видя здесь источник

долгосрочной проблематики – снижения рождаемости, старения населения, наконец, «эрозии патриархата» [2, с. 120]. Мы намерены употребить вместо пассионарности более расхожую категорию «мужественности». В качестве примера российского превосходства в этом компоненте можно назвать Вторую Мировую войну. Но способен ли российский социум именно сейчас сделать на это ставку и будет ли она эффективной? Все это весьма дискуссионные вопросы. Какое же содержание мы вкладываем в понятие собственно мужественности как социального феномена? Почеркнем, что для нас она имеет более расширительный смысл, чем категория пассионарности, причем как в трактовке Л. Гумилева, так и в более корректирующих вариантах (Т. Иббатуллин).

Мужественность нам видится как *черта характера (или особое внутреннее состояние), связанная с проявлением твердости, настойчивости в ходе достижения поставленных целей в контексте противодействия внешних обстоятельств или преодоления собственных психологических барьеров*. Причем мужественность может иметь как индивидуальные, так и коллективные проявления, а также приобретать знак минуса или плюса. Уже древнегреческая поэзия выделяет три модели мужественности, содержательно различающиеся между собой: «модель Ахилла», «модель Гектора», «модель Одиссея» [1]. Нами добавляется к этим трем моделям еще одна, которую мы обозначаем как «модель идентичности». Все упомянутые модели имеют базовое психическое (архетипическое) и психофизиологическое основание, но также подвержены внешней обусловленности посредством культурных традиций, идеологии, наконец, ситуационных факторов. В современном упадке мужественности, о котором в художественной форме ярко выразил западный автор Чак Полланик, нам видится системное историческое основание, включающее совокупность ряда факторов. Это итог процесса цивилизационного развития западного мира, благодаря глобализму распространяемого на широкий круг незападных стран. Дадим краткое описание упомянутых факторов.

Первым фактором выступает *закон техно-гуманитарного баланса*, согласно которому возрастание мощи боевых и производственных технологий требует и совершенствования средств культурной регуляции с целью безопасного применения названных технологий [12]. В виду стремительного прогресса в плане средств уничтожения людей по ходу истории все большую весомость приобретают идеи мирного сосуществования, тогда как параллельно

силовые методы подвергаются все большей дискредитации, трактуясь в терминах варварства.

Второй фактор затрагивает *общую военную эволюцию*, касаясь сфер, где мужественность долгое время действовала как важнейший ресурс. Происходившие на определенных исторических этапах военные революции принципиально меняли характер войны, а изменение принципов военных противоборств трансформировало воинское мышление и воинский дух. Например, войны прошлых исторических эпох требовали существования конкретных групп, обладающих соответствующими «боеспособными» качествами, а вот профессиональная специфика нынешнего военного уже не особо бросается в глаза. Как пишет тот же Э. Геллнер, профессию военного можно свободно получить и покинуть ее в любой момент и без каких-то ограничений [4, с. 90].

Третий фактор касается *развития института государства как регулятора насилия*. Сущность государственного аппарата изначально пытается максимально контролировать силовые ресурсы или установить монополию на насилие. И по ходу совершенствования государственной системы, ей свойственно накладывать на общество дополнительные контролирующие механизмы, заключая практику силовой реализации во все более жесткие, главным образом правовые рамки. В итоге «человек чести», предпочитающий разрешение жестких споров методом дуэли, уступает место «человеку достоинства», который использует уже не дуэль, а суд [10, С. 65].

Четвертый фактор – это *динамика соотношения бойцовского и торгового духов*, суть которых находится во взаимной оппозиции. Докапиталистические эпохи характеризовались уравниванием бойцовского и торгового духов, но в эпоху индустриального капитализма торговый дух начинает неуклонно брать верх над бойцовским в силу множества исторических обстоятельств. Здесь отметим только то, что конфликт, предполагающий разрешение через иррациональный бойцовский дух, сам по себе противоречит сущности капиталистической культуры, основанной на максимально точном рациональном расчете, не допускающем случайностей и непредсказуемых поворотов. Ее естественным выражением является торговый дух.

Наконец, пятый фактор представлен *гедонистическим духом*, который порожден уже современным обществом потребления, которое есть отражение современного постиндустриального капитализма. Всеобщая компьютеризация, сопровождающаяся

тотальным распространением геймерства и порно, направлена прежде всего против мужской сущности, выхолащивая и деформируя ее. Вполне естественные для мужчин достижительские цели «размываются», а практики поведения исходят из соображений принципа наименьшего сопротивления. Неким итогом подобных процессов является факт того, что женщины обгоняют мужчин по ряду социальных показателей [7], что укрепляет социальную базу некоторых политкорректных идеологических феноменов типа радикального феминизма.

Как уже отмечалось, тенденции подобного рода далее всего зашли на Западе. В силу этого германский ученый Г. Мюнклер обозначает собственный социум как постгероическое общество [11], в котором пассионариям фактически нет места. Это обстоятельство пытаются использовать более пассионарные незападные народы, противостоящие западному миру не посредством открытых столкновений, в которых у них нет шансов в виду технологического отставания, но через методы терроризма. Последний делает упор на устрашение, ослабление и без того некрепкой коллективной воли жителей западного мира. Другой немаловажной стороной слабости постгероического социума является его стремительно снизившаяся способность идти на жертвы. Так, в ходе планирования даже военных операций за ориентир берется нулевая смертность. К примеру, в бою 3–4 октября 1993 г. в Могадишо погибло 18 американских солдат (совершенно ничтожные жертвы в сравнении с уровнем дневных потерь американцев во Второй мировой войне или войне во Вьетнаме), что однако вынудило правительство США покинуть Сомали, а также почти на десятилетие отказаться от сухопутных военных операций [9].

В то же время Запад сумел по-своему использовать сложившуюся ситуацию как в информационно-идеологическом, так и в техническом смысле. В плане первого борьба с ополченцами, террористами или повстанцами стала подаваться в информационных источниках как противостояние цивилизации и варварства, что отразилось феноменом полицизации (констеблизации) военного процесса [9; 11]. В плане второго речь идет о роботизации или использовании боевых дронов – беспилотных летательных аппаратов, управляемых с земли. Определяя боевые дроны оружием именно постгероического общества, упомянутый Г. Мюнклер отмечает, что современная интеллектуализация военного процесса носит фактически односторонний смысл и вовсе не представляет собой

возврат к противостоянию героических личностей, характерному для той же эпохи холодного оружия. Использование дронов в военных операциях больше соответствует не характеру войны, но охоты. «Это не битва воинов, это ликвидация тех, кто классифицируется как враг, долго выслеживается и, наконец, оказывается застигнутым врасплох» [11, с. 180, 183]. Тем самым интеллектуализация войны возводя в крайние формы асимметрию противостоящих сторон, полностью перечеркивает военный принцип, согласно которому определенным рискам все же подвержены все противодействующие участники. Но для сильной стороны какие-либо риски фактически снимаются, что делает для нее ресурс мужественности фактически ненужным. Тем самым солдат попросту превращается в офисного работника [9].

Западные исследователи войн стремятся представить положение дел как свершившийся факт, которому они придают идеологически приемлемый смысл через реализацию идеала мира без войны. Г. Мюнклер в феномене западного постгероического общества видит проявление тенденций гуманизации войны, представляя именно постгероическую социальную модель в качестве ориентира. М. Калдор для утверждения среди людей господствующих стремлений к всеобщему миру предлагает сделать ставку на подход космополитизма [8]. М. Уолцер разрабатывает теорию «справедливой войны», в рамках которой должны быть использованы разнообразные и в том числе невоенные средства для обуздания различного рода агрессоров, вроде Югославии С. Милошевича [9]. Г. Мюнклер считает постгероизм неотвратимым продуктом эволюции, который пришел всерьез и надолго [11]. А вот белорусский ученый Е. Беляева в противовес пацифисту Э. Геллнеру, считает, что полный отказ от насилия обязательно подорвет фундаментальные моральные принципы верности и чести, дружбы и бескорыстия [3, с.38]. Фактически столетие тому назад именно эти идеи высказывал Ж. Сорель [13], и сейчас нечто похожее содержится в трудах А. Гата, который считает потребительский гедонизм серьезнейшим вызовом западному превосходству, в силу чего им предлагается разработать новый образ войны, адекватный запросам современности [2, с.120].

Российское общество не лишено влияний потребительства, и признаки тенденции выхолащивания мужественности у нас наблюдаются тоже. В то же время в этом аспекте Россия все же обладает преимуществом над Западом. Это нам видятся в следующих моментах. Во-первых, проект политкорректности затрагивает российское общество пока еще в меньшей степени, чему мешают как

национальные ментальные особенности, так и в некотором роде государственная культурная политика. Во-вторых, мобилизационный тип отечественной почвеннической культуры предполагает всплеск коллективного сознания и национальное сплочение в ситуации внешнего кризиса (что особенно показали события 1941–1945 гг.). С учетом этого государственная идеологическая политика может с успехом делать ставку на модель Гектора, предполагающую мужественность при защите Родины, а также модель Одиссея, в основе которой лежит стойкость перед обстоятельствами. Естественно, что достижение эффективности использования мужественности в качестве социального ресурса требует комплексных усилий как государства, так и российского ученого сообщества.

Библиографический список

1. Алымова Е.В. Тема мужества в доклассической греческой культуре (на материале эпической поэзии) // Вестник Ленинградского государственного университета. 2014. С. 7–19.
2. Балакришнан Г. Роль насилия в истории // Прогнозис. 2008. № 1 (13). С. 92–123.
3. Беляева Е.В. Воинский этос и универсалии морали // Философия и социальные науки: научный журнал. 2008. № 2. С. 34–38
4. Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М.: Московская школа политических исследований, 2004. 240 с.
5. Делягин М.Г. Конец эпохи: осторожно, двери открываются! Том I. Общая теория глобализации. М.: ИПРОГ, Книжный мир, 2019. 832 с.
6. Жуков К. А. Русская цивилизация: миф о русском мире URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tDF833obvpm>
7. Зимбардо Ф., Коломба Н. Мужчина в отрыве: Игры, порно и потеря идентичности. М.: Альпина Паблишер, 2017. 344 с.
8. Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 416 с.
9. Куманьков А.Д. Война в XXI веке. М.: Высшая школа экономики, 2020 URL: <https://fb2.top/voyna-v-xxi-veke-611558/read/part-3>, (дата обращения: 17.12.2021 г.).
10. Меннел С. История, национальный характер и американская цивилизация // Прогнозис. 2008. №3 (15). С. 59–77.
11. Мюнклер Г. Осколки войны: Эволюция насилия в XX и XXI веках М.: Кучково поле, 2018. 384 с.
12. Назаретян А.П. Антропология насилия и культура самоорганизации: Очерки по эволюционно-исторической психологии. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 256 с.
13. Сорель Ж. Размышления о насилии М.: КРАСАНД, 2011. 160 с.

14. Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад. М.: АСТ: Астрель, 2011. 318 с.

**ПОЗИТИВНЫЕ ПРАКТИКИ В УПРАВЛЕНИИ
ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫМИ ПРОЦЕССАМИ
И УРЕГУЛИРОВАНИИ КОНФЛИКТОВ
В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ¹**

**POSITIVE PRACTICES IN THE MANAGEMENT OF ETHNO-
NATIONAL PROCESSES AND CONFLICT RESOLUTION
IN REPUBLIC OF CRIMEA**

Тарасова М. В.

Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону

Tarasova M. V.

Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy
of Sciences (SSC RAS), Rostov-on-Don

Аннотация: В статье представлены результаты анализа этнополитической ситуации и межэтнических отношений в Республике Крым, а также позитивных практик в управлении этнонациональными процессами и урегулировании конфликтов на полуострове. Комплекс мероприятий, направленный на повышение эффективности механизмов по профилактике и противодействию идеологии экстремизма, разжигания социальной, расовой, национальной и религиозной розни способствует некоторой стабилизации в сфере межэтнических отношений в республике.

Abstract: The article presents the results of the analysis of the ethnopolitical situation and interethnic relations in the Republic of Crimea, as well as positive practices in the management of ethnonational processes and conflict resolution on the peninsula. A set of measures aimed at improving the effectiveness of mechanisms for preventing and countering the ideology of extremism, inciting social, racial, national and religious discord contributes to some stabilization in the sphere of interethnic relations in the republic.

Ключевые слова: позитивные практики, национальная политика, этнонациональные процессы, межнациональные конфликты, этнические группы, общероссийская гражданская идентичность Республика Крым.

Keywords: positive practices, national policy, ethno-national processes, interethnic conflicts, ethnic groups, all-Russian civil identity of the Republic of Crimea.

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН на 2022 г. (№ 122020100306-9)

На территории Республики Крым, по итогам переписи в Крымском федеральном округе в 2014 г., проживают представители 175 национальностей (в целом население составило 1,9 млн человек (1 895 915 чел.)). По национальному составу население Республики Крым насчитывает три наиболее многочисленных группы – русские, украинцы и крымские татары. Самую крупную группу представляют русские (1,2 млн человек) и составляют 65,2% общей численности населения Республики, указавшего национальную принадлежность. На втором месте украинцы – 291,6 тыс. чел., что составляет 16% от общей численности. Крымчан, указавших национальность «крымские татары», насчитывается 229,5 тыс. чел. (12,6%) [6]. К малым этническим группам относятся чеченцы, белорусы, армяне, азербайджанцы, турки, узбеки, грузины, молдаване, мордва, евреи, немцы, корейцы, болгары, греки, чувашаи, поляки, таджики, цыгане, марийцы, башкиры, арабы, казахи, осетины, удмурты; а к коренным народам Крыма – караимы и крымчаки.

В силу сложного полиэтничного сообщества на Крымском полуострове между представителями различных этнических групп могут возникать предпосылки к потенциальному развитию конфликтов. К таким конфликтным ситуациям на этнополитической почве можно отнести, например, конфликты крымских татар с русскими, украинцами, чеченцами, а также армян и турок, азербайджанцев и армян, украинцев и русских, украинцев и поляков. С целью регулирования конфликтов между представителями коренных национальных меньшинств руководством страны был принят ряд мер на законодательном уровне, которые устанавливали правовые гарантии социальной поддержки:

– Указ Президента РФ от 12.09.2015 г. № 458, который конкретизировал меры по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития [7];

– Закон Республики Крым от 18 февраля 2016 г. № 218-ЗРК/2016 «О мерах социальной поддержки реабилитированных лиц и лиц, пострадавших от политических репрессий» [3].

В рамках правового поля была решена и языковая проблема в Крыму, которая могла стать предпосылкой для возникновения достаточного большого спектра конфликтов, ведь использование лишь русского языка ущемляло бы права крымских татар и этнических украинцев. В Крыму выбор языка в обучении и общении зависит исключительно от желания граждан. Таким образом,

языковой вопрос был решен принятием Конституции Республики Крым, в соответствии с которой государственными языками в регионе стали русский, украинский и крымско-татарский. По данным переписи населения в Крымском федеральном округе 2014 г. [5] русский язык назвали своим родным языком 99,8% русских, 79,7% украинцев, 91,1% белорусов, 97,7% евреев, 95% крымчаков, 94% караимов, 92% немцев, 86% поляков, 83% греков, 81% болгар, 73% молдаван. Украинский язык в качестве родного языка указали 72,3 тыс. чел., в основном это украинцы. Однако среди всех украинцев украинский язык считают родным лишь 20,3%. Крымско-татарский язык считают родным 172,3 тыс. чел., это крымские татары, азербайджанцы и др. Среди крымских татар родным языком назвали крымско-татарский 74%.

В настоящее время межнациональные отношения в Республике Крым демонстрируют устойчивый рост позитивных тенденций, ситуация, по мнению руководителя ФАДН России Игоря Барина, является стабильной, руководством республики проделана большая работа по обеспечению межнационального мира и согласия на территории полуострова. По данным ежегодных социологических исследований [8], уровень общероссийской гражданской идентичности жителей Крыма составляет 91% и свидетельствует о поддержке населением статуса Крыма и общероссийских ценностей. Доля граждан, подтверждающих отсутствие в свой адрес дискриминации по признакам национальности, в 2020 г. составляла 79% и 83% в 2022 г., а 95% населения республики доброжелательно относятся к представителям других конфессий. Если сравнить цифры с ситуацией в целом в России, то 96% населения не имели проблем в связи со своей национальностью и 87% не испытывают вражды и ненависти к представителям других национальностей. Еще один важный показатель – российская гражданская идентичность – в настоящее время является самым высоким с 2014 г. и находится на уровне 91% в 2020 г. [1] и 93% в 2022 г. [9].

Необходимо отметить, что крымско-татарский народ достаточно настороженно воспринял воссоединение с Россией, в 2014 г. референдум был ими практически проигнорирован. Несмотря на это происходят позитивные изменения: в 2016 г. на парламентские выборы пришли 42% крымских татар, в 2017 г., согласно социологическому опросу [4], 3/4 крымских татар удовлетворены своим положением на полуострове (из них 82% хотели бы остаться в Крыму, 10% – поменять населенный пункт в пределах Крыма, лишь

2% готовы переехать в другой регион России) и 0% желали бы поменять место жительства, уехав на Украину. Данные цифры свидетельствуют об изменении жизни крымских татар в лучшую сторону, это своего рода пример концентрации проблемы не в конкретном субъекте или территории, а внутри этноса. До воссоединения с Россией Крым существовал в другой правовой плоскости, в настоящее время особое внимание уделяется репрессированным народам. На полуострове запущены системные социально-экономические процессы: получил статус государственного крымско-татарский язык, татарские праздники стали государственными, идет восстановление объектов культурного наследия, возводится Соборная мечеть в Симферополе, реализуются мероприятия по созданию и развитию транспортной и энергетической инфраструктуры (построены Крымский мост и энергомост Кубань-Крым, запущена автомагистраль «Таврида» и пр.), строятся образовательные и воспитательные детские учреждения, жилье и т.д. Эти позитивные тенденции благодаря комплексному подходу к реализации государственной национальной политики и системным решениям нашли отражение в изменении общественного сознания граждан и преодолении многочисленных негативных стереотипов в этноконфессиональной сфере.

В результате проведенного в рамках настоящего исследования анализа позитивных практик в управлении этнонациональными процессами и урегулировании конфликтов в Республике Крым установлено, что целенаправленная деятельность органов власти на государственном и региональном уровне, общественных объединений и научных организаций в Республике Крым способствует гармонизации межнациональных отношений и повышает эффективность механизмов по профилактике и противодействию идеологии экстремизма.

Государственный комитет по делам межнациональных отношений Республики Крым обеспечивает реализацию мероприятий, направленных на обеспечение межнационального согласия, социально-культурную адаптацию и интеграцию мигрантов, развитие сети СМИ на родных языках и противодействие экстремизму в Республике Крым в рамках реализации Государственной программы Республики Крым по укреплению единства российской нации и этнокультурному развитию народов России «Республика Крым – территория межнационального согласия» [2]. При поддержке Госкомитета проводятся мероприятия, направленные на:

– этнокультурное и духовное развитие народов России, проживающих на территории Республики Крым (различные праздники в рамках дней той или иной культуры, фестивали, национальные праздники, культурно-исторические конференции);

– повышение уровня добрососедства в обществе и противодействие проявлениям ксенофобии (конференции, посвященные Дню защитника Отечества, Дню памяти о россиянах, исполнявших служебный долг за пределами Отечества и т.д.);

– мероприятия, приуроченные ко Дню памяти жертв депортации из Крыма;

– духовно-просветительские мероприятия в сфере религий (православные праздники, армянские, греческие национальные праздники и т.д.);

– конкурсы на предоставление грантовой поддержки деятельности национально-культурных автономий и общественных организаций;

– мероприятия по поддержке средств массовой информации, издающих социально значимую литературу на родных языках народов России, проживающих на территории Республики Крым;

– мероприятия, направленных на социально-культурную адаптацию и интеграцию мигрантов в общественное пространство Республики Крым и т.д.

При оценке эффективности опыта позитивных практик в управлении этнонациональными процессами и урегулировании конфликтов в регионе необходимо отметить наряду с этнокультурными практиками внутри региона, которые преобладают, также активное участие и в общероссийских мероприятиях. Все мероприятия отражены на официальном сайте Государственного комитета по делам межнациональных отношений Республики Крым, частично мероприятия отражены на сайте центральной газеты, как правило, это освещение планируемых или прошедших национальных праздников, различного рода фестивалей.

В целом в Республике Крым государственная национальная политика, направленная на гармонизацию межнациональных отношений и урегулирование межэтнических конфликтов, проводится активно; оптимально выстроены взаимодействия органов власти с национально-культурными обществами. Учитывая многонациональный характер населения и наличие нерешенных проблем до 2014 г. на государственном и региональном уровне разработан эффективный комплекс программных документов,

направленный на регулирование национальных отношений. Наблюдается существенный прогресс в части осознания населением преимуществ культурного обмена и толерантности. В этой связи эффективна Государственная программа Республики Крым по укреплению единства российской нации и этнокультурному развитию народов России «Республика Крым – территория межнационального согласия», также внедрены учебные курсы в системе образования, способствующие взаимопониманию между конфессиями, народами и нациями. Особенно значимым направлением является работа с молодежью по воспитанию толерантного поведения. В решении этой задачи существенную помощь может оказать взаимодействие государства с экспертным и научным сообществом региона для улучшения научного обоснования государственной национальной политики в Крыму, а также для выявления в ней возможных этнополитических рисков, конфликтогенных факторов, способных негативно повлиять на сферу межэтнических отношений и религиозной ситуации.

В Республике Крым комплекс мероприятий, направленный на повышение эффективности механизмов по профилактике и противодействию идеологии экстремизма, разжигания социальной, расовой, национальной и религиозной розни способствует некоторой стабилизации в сфере межэтнических отношений. Однако проведенный анализ показал, что такие аспекты, как адаптация и интеграция мигрантов в российском обществе требуют дополнительной регламентации.

Библиографический список

1. Встреча с руководителем Федерального агентства по делам национальностей Игорем Бариновым [Электронный ресурс] // Официальный сетевой ресурс Президента России. 2020. 13 октября. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64196> (дата обращения 22.10.2022).
2. Государственная программа Республики Крым по укреплению единства российской нации и этнокультурному развитию народов России «Республика Крым – территория межнационального согласия». // Государственный комитет по делам межнациональных отношений Республики Крым: официальный портал. 2021. 3 августа [Электронный ресурс]. URL: <https://gkmn.rk.gov.ru/ru/structure/233> (дата обращения 18.10.2022).
3. Закон Республики Крым от 18 февраля 2016 года № 218-ЗПК/2016 «О мерах социальной поддержки реабилитированных лиц и лиц, пострадавших от политических репрессий» [Электронный ресурс] // Официальный портал Правительства Республики Крым. 2020. 19 ноября. URL: <https://rk.gov.ru/ru/document/show/11019> (дата обращения 19.10.2022).
4. Игорь Баринов: крымские татары не хотят переезжать на Украину

[Электронный ресурс] // Известия. 2017. 27 февраля. URL: <https://iz.ru/news/665752> (дата обращения 22.10.2022).

5. Итоги переписи населения в Крымском федеральном округе [Электронный ресурс] // Росстат. 2020. 19 ноября. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/KRUM_2015.pdf (дата обращения 22.10.2022).

6. Население [Электронный ресурс] // Официальный портал Правительства Республики Крым. 2020. 16 октября. URL: <https://rk.gov.ru/ru/structure/939> (дата обращения 21.10.2022).

7. Указ Президента РФ от 12.09.2015 № 458 [Электронный ресурс] // Официальный сетевой ресурс Президента России. 2020. 16 октября. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40037> (дата обращения 20.10.2022).

8. 12 октября 2020 года в рамках официального визита состоялась встреча руководителя ФАДН России Игоря Баринова с главой Республики Крым Сергеем Аксеновым [Электронный ресурс] Федеральное агентство по делам национальностей. 2020. 12 октября. // URL: <http://fadn.gov.ru/news/2020/10/12/4163-12-oktyabrya-2020-goda-v-ramkah-ofitsialnogo-vizita-sostoyalas-vstrecha-rukovoditelya-fadn-rossii-igorya-barinova-s-glavoy-respubliki-krym-sergeem-aksenovym> (дата обращения 22.10.2022).

9. 89 % крымчан оценивают межнациональные отношения в Республике Крым как стабильные [Электронный ресурс] // Государственный комитет по делам межнациональных отношений Республики Крым. Официальный портал. 2022. 5 июля. URL: <https://gkmmn.rk.gov.ru/ru/article/show/1638> (дата обращения 22.10.2022).

ОБРАЗ РОССИИ В ДИСКУРСЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ ИТАЛИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

THE IMAGE OF RUSSIA IN THE DISCOURSE OF THE POLITICAL ELITE OF ITALY: THE RESULTS OF A SOCIOLOGICAL STUDY

Тимченко В. А.

Кубанский государственный университет, Краснодар

Timchenko V. A.

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В настоящий момент взаимоотношения России с европейскими странами испытывают определенные сложности. В отношениях присутствует некоторая напряженность, и существует определенная тенденция к негативной оценке как к России в Европе, так и Европы в России. Однако, эта тенденция одновременно является темой политических спекуляций. Она может

как преувеличиваться, так и преуменьшаться в медиапространстве и политической риторике. В статье представлены результаты пилотажного социологического исследования, направленного на выявление образа России в публичных текстах итальянских политических и общественных деятелей за 2018–2022 гг.

Abstract: Nowadays Russia's relations with European countries are experiencing certain difficulties. There is some tension in the relations, and there is a certain tendency towards a negative assessment of both Russia in Europe and Europe in Russia. However, this trend is also a topic of political speculation. It can be both exaggerated and downplayed in the media and political rhetoric. This report presents the results of an applied study showing the image of Russia in the public speeches of Italian political and public figures in 2018-2022.

Ключевые слова: международные отношения, образ России, российско-итальянские отношения, Россия, Италия, политика, общество, СМИ.

Keywords: international relations, image of Russia, Italy–Russia relations, Russia, Italy, politics, society, mass media.

В современном обществе демократические принципы (то есть учет мнений всех граждан государства) декларируются как базовые и основополагающие. Соответственно, политика государства должна соответствовать общественному мнению граждан этого государства. Конечно, это процесс обоюдный, и общественное мнение так же подвергается воздействию как со стороны государства в целом, так и отдельными группами, элитами и т.д. В свою очередь выражение определенного общественного мнения, как правило, напрямую влияет на популярность политических партий и отдельных политиков. В целом, можно сказать, что общественное мнение – крайне важный элемент современных международных отношений. Это определяет актуальность данной работы, поскольку образ России и россиян в представлении итальянцев явно и значимо влияет на взаимоотношения двух стран, а через это – на внутреннюю политическую и экономическую жизнь. Соответственно, существует широкий потенциальный спектр направлений сотрудничества, и дальнейшая динамика развития этих связей зависит от формирующихся представлений о России в итальянском обществе.

На данный момент отношения как с Италией в частности, так и с Европейским Союзом в целом испытывают известный кризис, но и до обострения противоречий в 2022 г. они не были идеальными. Образ, представления о стране и народе в массовом сознании – это весьма инертный конструкт, который изменяется достаточно медленно, содержит в себе значительную часть живучих стереотипов, мифов.

Целью данного исследования является анализ высказываний

итальянских политиков и журналистов, а также формируемое для своей аудитории (электората) представление о России.

Объектом исследования являются высказывания, размещенные на страницах итальянских политических деятелей и журналистов в социальной сети Facebook, а предметом – образ России как государства транслируемый итальянскими политиками посредством публикуемых текстов.

Степень изученности проблемы, несмотря на большое количество литературы как зарубежной, так и отечественной именно по истории политических и культурных отношений России и Италии, актуальных для своего времени и в своей области, достаточно невелика, поскольку существует не так много работ, посвящённых современному имиджу России в Италии. В качестве таких исследований следует назвать С. Е. Князевой «Россия глазами итальянцев: вчера и сегодня» [1], «Россия глазами итальянцев: имидж России в Италии» [2]. Также анализу стереотипных представлений итальянцев о России и россиянах посвящена статья О.Л. Бутто и О.А. Перенижко «Россия глазами итальянских студентов» [3], а также статья О.Л. Бутто «Образ России глазами итальянцев: стереотипы и реальность», основанная на результатах анкетирования, проведенного среди студентов Университета перевода и переводоведения Нельсона Манделы г. Матеры [4].

Данное исследование охватило период с 2018 по конец 2021 гг., при этом можно отметить, что образ России транслируемый до событий начала 2022 г. в целом вполне актуален и на сегодняшний день как база, основа, на которую накладывается актуальная повестка. Для подсчёта аудитории и анализа постов в исследовании применялись количественный и качественный контент-анализ.

Отношения на государственном уровне формируют соответствующие образы стран в массовом сознании. Это формирование происходит также и через трансляцию позитивных (или наоборот – негативных) высказываний наиболее заметными, авторитетными политиками и общественными деятелями – лидерами мнений. Поскольку речь идет о динамическом процессе, и события последних полутора лет существенно повлияли на все мировые процессы, то наиболее интересна ситуация на момент написания работы: что сейчас говорят о России итальянские политики и какой образ России предстает сейчас перед итальянцами.

В современном мире наблюдается определенный кризис профессиональной журналистики, традиционных СМИ [5]. Все

большую роль обретают соцсети и мессенджеры, они позволяют любой личности доносить до весьма широкой аудитории свое мнение непосредственно [6]. Соответственно, в политической сфере ведение официальных аккаунтов социальных сетей крупными политиками фактически представляет собой официальную позицию. Facebook был выбран как наиболее популярная социальная сеть (на 2020 г. первая по популярности соцсеть и второй по посещаемости сайт в Италии) [7].

Для анализа были отобраны 12 представителей итальянской политической элиты, среди которых президент Италии Серджо Маттарелла, бывшие премьер-министры Джузеппе Конте и Марио Драги, по одному видному представителю из наиболее влиятельных и известных партий [8], а также Папа Римский и наиболее известные журналисты.

В ходе исследования было выявлено три типа «лидеров мнений»:

- «Молчаливые» или нейтральные;
- Положительно отзывающиеся;
- Негативно отзывающиеся.

К первому типу относятся, как правило, наиболее видные и наиболее значимые люди в стране, от которых многое зависит.

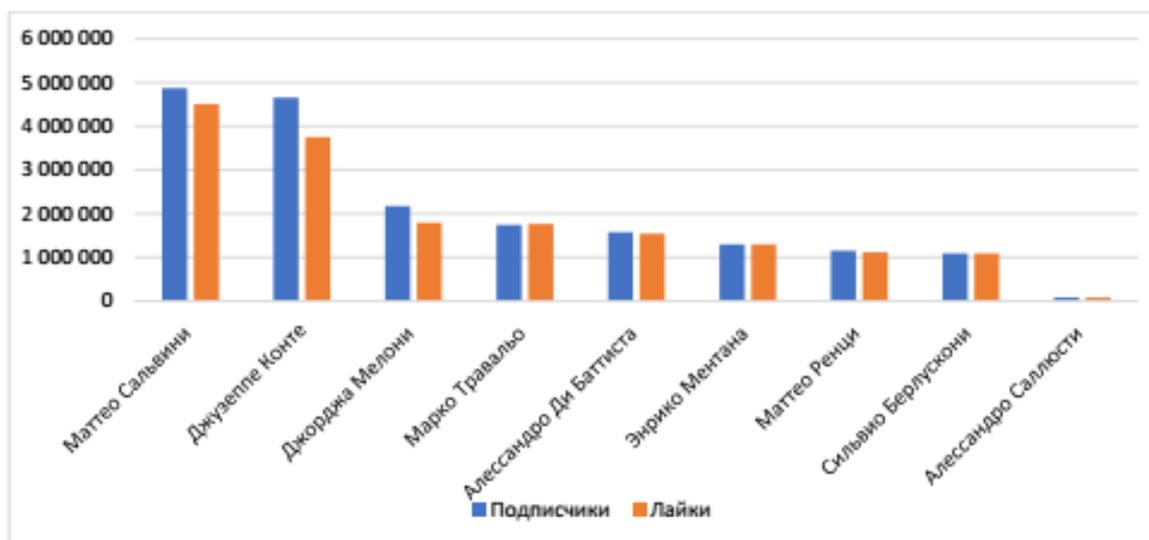

Рисунок 1 – Популярность рассматриваемых персон в социальной сети Facebook¹

¹ Данные взяты на основе внутренних единиц – «подписчики» и «лайки» самой страницы в Facebook

Так, Папа Франциск¹ ограничился лишь своей темой, религией, налаживая отношения как между христианами и мусульманами, а также разными течениями христианства, и, кроме того, высказывается очень мягко и выражает намерение устранить все препятствия для диалога.

С похожей риторикой выступает и Серджо Маттарелла, президент Итальянской Республики, поддерживая идею сотрудничества и взаимоуважения.

Ясных высказываний относительно самой России недавно ушедшего с поста премьер-министра Марио Драги (который вообще достаточно мало высказывается на темы внешней политики, в основном ограничиваясь экономикой) практически нет.

Нейтрален и Маттео Ренци, в прошлом национальный секретарь демократической партии, а на сегодняшний день лидер партии «Италия Вива», который, скорее всего, на данный момент занят внутривластной борьбой и продвижением новой партии.

Ко второму типу можно отнести практически всю правящую верхушку, несмотря на разные политические точки зрения, принадлежность к разным партиям, а также внутреннюю политическую борьбу. Основной посыл этого, условно названного «положительным» блока – это позитивная оценка России как экономического и политического партнера.

Можно привести следующие достаточно типичные цитаты.

Так Джорджа Мелони, итальянский политик, министр по делам молодёжи в четвёртом правительстве Сильвио Берлускони, партия «Братья Италии», в настоящее время премьер-министр заявлял: «Позорное молчание Запада по поводу турецкого вторжения в северную Сирию. США и ЕС оправдывали экономические санкции против России ... Теперь мы постоянно требуем, чтобы ЕС ввёл немедленные санкции против Турции султана Эрдогана за вторжение в северную Сирию и войну с курдами, народом, имеющим столько достоинств в борьбе с головорезами ИГИЛ» («Vergognoso silenzio dell'Occidente sull'invasione turca della Siria del nord. USA e UE hanno giustificato le sanzioni economiche contro la Russia ... Ora coerentemente pretendiamo che la UE attivi sanzioni immediate contro la Turchia del sultano Erdogan per l'invasione della Siria del nord e la guerra ai curdi, popolo che tanti meriti ha nella lotta ai tagliagole dell'ISIS») [9].

Джузеппе Конте, итальянский государственный и политический деятель. Председатель Совета министров Италии с 1 июня 2018 г. по

¹ Данные взяты из соцсети Twitter

13 февраля 2021 г., беспартийный: «Дружба и конфронтация, укрепление двустороннего партнерства и культурный обмен - ключевые слова, которые лучше всего описывают обстановку, в которой я сегодня встретился с президентом Путиным. ... у нас есть возможность ... и укрепить и без того прочные отношения, которые существуют между нашими двумя странами ... Дружба между Италией и Россией имеет огромный потенциал, который мы должны развивать изо дня в день для будущего, в знак безопасности, благополучия, справедливости» («Amicizia, confronto, rafforzamento del partenariato bilaterale e contaminazione culturale: le parole-chiave che descrivono al meglio la cornice in cui oggi ho incontrato il Presidente Putin. ... di rinsaldare il già solido rapporto che esiste tra i nostri due Paesi. ... L'amicizia fra Italia e Russia ha un enorme potenziale che dobbiamo sviluppare impegnandoci, giorno dopo giorno, per un domani nel segno della sicurezza, del benessere, della equità») [10].

Маттео Сальвини, итальянский государственный и политический деятель, один из лидеров «Лиги Севера»: «Изоляция и бойкотирование России, возобновление экономических санкций и высылка дипломатов не решает проблем, а усугубляет их» («Isolare e boicottare la Russia, rinnovare le sanzioni economiche ed espellerne i diplomatici non risolve i problemi, anzi li aggrava») [11].

Сильвио Берлускони, итальянский государственный и политический деятель, партия «Вперёд, Италия»: «Вчера вечером я встретился в Риме с президентом РФ Владимиром Путиным. Беседа стала поводом для подтверждения отношений уважения, дружбы и личного дружелюбия между нами, а также принципиальной важности отношений между Россией и Италией и между Россией и Европой.» («Ieri sera ho incontrato a Roma il Presidente della Federazione Russa, Vladimir Putin. Il colloquio è stato l'occasione per ribadire i rapporti di stima, amicizia e cordialità personale fra di noi, e l'importanza fondamentale del rapporto fra Russia e Italia e fra Russia ed Europa») [12].

Алессандро Ди Баттиста, итальянский политик, член «Движения пяти звёзд»: «Европейский союз пытается показать мышцы (а когда же покажет мозг?) Италия ищет другой выход из экономической трясины, но оказалась подданной чужих интересов, когда ввела санкции в Россию» («L'Unione Europea prova a mostrare i muscoli (il cervello quando?) se l'Italia cerca una via diversa per uscire dal pantano economico ma si è dimostrata suddita di interessi altrui quando ha imposto le sanzioni alla Russia») [13].

Таким образом, группа, выделенная нами как транслирующая

позитивный образ, не является активно – позитивной. В их речах Россия выступает равным, значимым партнером, взаимодействие с которым выгодно и продуктивно.

Представителями группы негативно отзывающихся в основном являются крупные журналисты, чьего мнения прислушиваются многие итальянцы, позиционирующие себя как независимые. Обычно главными негативными темами является теория о спонсировании Россией «Лиги Севера», внутренняя политика (борьба с оппозицией, митинги, задержание Навального и т.д.) и влияние на Беларусь.

Энрико Ментана, итальянский журналист, телеведущий и издатель. Он основал итальянскую новостную программу TG5 и руководил ею с 1992 по 2004 гг.: «... лига получила средства из Москвы. Однако невозможно отрицать, что Савойни является не маргинальной фигурой в отношениях Сальвини с Россией» («... la Lega abbia ricevuto fondi da Mosca. È invece impossibile negare che Savoini sia una figura non marginale nel rapporto di Salvini con la Russia») [14].

Алессандро Саллюсти, итальянский журналист и обозреватель, с 2010 года ответственный директор газеты Il Giornale: «Правда ли, что на встрече русские говорили о финансировании Лиги? Из записанного аудио, кто знает кем, и кто знает почему, но кажется, что да» («È vero che nell'incontro i russi hanno parlato di finanziare la Lega? Dagli audio registrati, chissà da chi e chissà perché, pare di sì») [15].

Марко Травальо, итальянский журналист-расследователь, писатель и лидер общественного мнения, редактор независимого журнала «Il Fatto Quotidiano:» Москва нервничает. И она решила арестовать своих самых непокорных детей еще до того, как они совершат преступление» («Mosca è nervosa. E ha deciso di arrestare i suoi figli più ribelli ancor prima che commettano reato») [16].

В целом условно позитивные высказывания о России количественно преобладают. Так же необходимо отметить, что аудитория политиков, более положительно отзывающихся о России численно заметно выше, чем аудитория отзывающихся критически, и совокупный эффект трансляции позитивного образа – выше. Однако здесь необходимо отметить значительную специфику как условно «положительных», так и условно «негативных» высказываний, – они не противоречат друг другу.

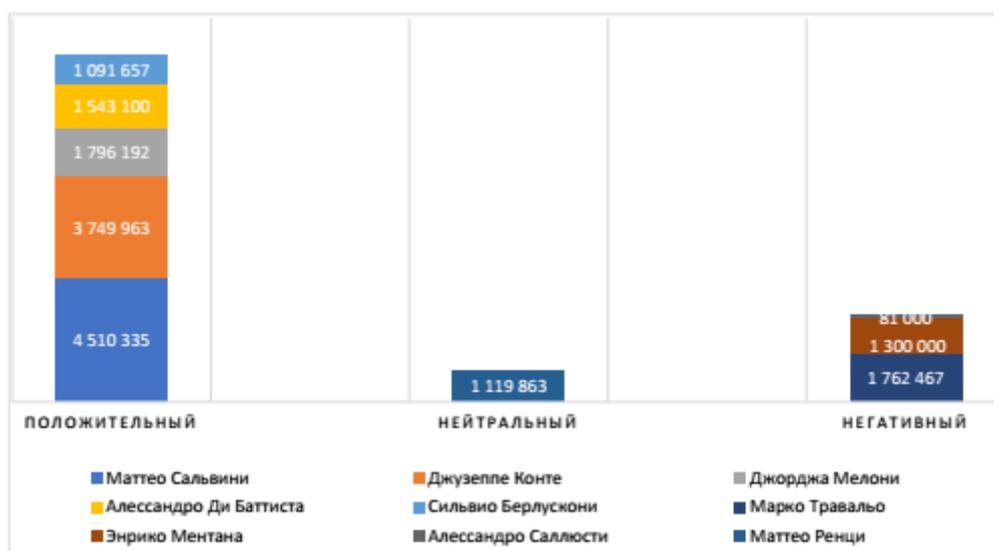

Рисунок 2 – Совокупный охват аудитории рассматриваемых персон по тональности высказываний¹

Суждения, учтенные нами как «позитивные» практически не включают в себя какой-то значимой, эмоционально-этической составляющей. Это прагматические высказывания о важности взаимодействия с Россией, о негативном влиянии санкционного режима на итальянскую экономику, о необходимости развития двусторонних отношений (или о значимости уже происходящих взаимодействий, заключенных соглашений и т.д. и т.п.).

Высказывания, оцененные как условно негативные наоборот – являются критикой РФ по поводу тех или иных событий внешней и внутренней политики (не касающихся напрямую позиции Италии). Фактически, реальная политическая риторика, таким образом, поляризуется не в системе координат «хорошая Россия – плохая Россия» а в системе «приоритет конкретно итальянских интересов – приоритет общеевропейских идеологических интересов».

Кроме того, исходя из количества публикаций о России, можно сделать вывод, что они в целом занимают незначительную долю в итальянском политическом дискурсе. В целом такая ситуация вполне объяснима и является вполне нормальной, поскольку итальянских политиков больше интересуют проблемы своей страны.

В целом итальянские лидеры мнений занимают прагматическую позицию, о чем свидетельствуют, например, слова М. Сальвини о том, что Россия является «стратегическим партнёром с точки зрения

¹ Диаграмма отражает объем аудитории, но поскольку доля Саллюсти крайне мала, поэтому на диаграмме его практически не видно.

энергетики и для наших компаний» [17]. И это можно связать с ростом евроскептицизма в словах самих политических деятелей, который и подталкивает их к сотрудничеству с Россией.

Библиографический список

1. Князева С.Е. Россия глазами итальянцев: вчера и сегодня. Журнальный зал – русский толстый журнал как эстетический феномен. - URL: <https://magazines.gorky.media/vestnik/2008/22/rossiya-glazami-italyanczev-vchera-i-segodnya.html> (дата обращения: 27.10.2022).

2. Князева С.Е. Россия глазами итальянцев: имидж России в Италии // На перекрестке Средиземноморья: "Итальянский сапог" перед вызовами XXI века. М.: Весь Мир, 2011. С. 383–404.

3. Бутто О.Л., Перенижко О.А. Россия глазами итальянских студентов // Диалог культур сквозь призму искусства: история, теория, прагматика : материалы VI Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, Нальчик, 04–05 октября 2019 года. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2019. С. 138–144.

4. Бутто О.Л. Образ России глазами итальянцев: стереотипы и реальность // Современные исследования в гуманитарных и естественнонаучных отраслях: Сборник научных статей / науч. ред. В.И. Спирина. М.: Издательство «Перо», 2020. С. 61–65.

5. Зорин К.А. Образование в условиях кризиса журналистики: поиск стратегии // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. № 6. С. 116–123.

6. Млечин Л. Продажные слова и слава. Что сегодня происходит с профессиональной журналистикой // Российская Газета. - URL: <https://rg.ru/2020/08/12/chto-segodnia-proishodit-s-professionalnoj-zhurnalistikoj.html> (дата обращения: 27.10.2022).

7. 2020 Italian regional elections : сайт. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/2020_Italian_regional_elections (дата обращения: 27.10.2022)

8. Рейтинг самых посещаемых сайтов в Италии : сайт. - URL: <https://spymetrics.ru/ru/topsites/country/italy> (дата обращения: 27.10.2022).

9. Официальный аккаунт Джорджа Мелони: официальный сайт / Facebook. - URL: <https://www.facebook.com/giorgiameloni.paginaufficiale> (дата обращения: 27.12.2021).

10. Официальный аккаунт Джузеппе Конте: официальный сайт / Facebook. - URL: <https://www.facebook.com/GiuseppeConte64> (дата обращения: 27.12.2021).

11. Официальный аккаунт Маттео Сальвини: официальный сайт / Facebook. - URL: <https://www.facebook.com/salviniofficial> (дата обращения: 27.12.2021).

12. Официальный аккаунт Сильвио Берлускони: официальный сайт / Facebook. - URL: <https://www.facebook.com/SilvioBerlusconi> (дата обращения: 27.12.2021).

13. Официальный аккаунт Алессандро Ди Баттиста: официальный сайт /

Facebook. - URL: <https://www.facebook.com/dibattista.alessandro> (дата обращения: 27.12.2021).

14. Официальный аккаунт Энрико Ментана : официальный сайт / Facebook. - URL: <https://www.facebook.com/enricomentanaLa7> (дата обращения: 27.12.2021).

15. Официальный аккаунт Алессандро Саллюсти: официальный сайт / Facebook. - URL: <https://www.facebook.com/alessandrosallustiofficial> (дата обращения: 27.12.2021).

16. Официальный аккаунт Марко Травальо: официальный сайт / Facebook. - URL: <https://www.facebook.com/marcotravaglio> (дата обращения: 27.12.2021).

17. Логунов, А. Вице-премьер Италии назвал Россию стратегическим партнером в торговле / А. Логунов : официальный сайт / РИА Новости. - URL: https://ria.ru/20180606/1522167777.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 27.10.2022).

ПРАВОВОЙ СТАТУС НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

LEGAL STATUS OF NATIONAL MINORITIES: PROBLEMS AND PROSPECTS

Ткачева Т. О.

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Tkacheva T. O.

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация: статья посвящена национальной политике Китайской Народной Республики на основе анализа принимаемых документов и государственно-законодательных актах. Показана эволюция проводимой национальной политики в малых отношении этнических групп.

Annotation: The article is devoted to the national policy of the People's Republic of China based on the analysis of the adopted documents and state legislative acts. The evolution of the national policy in relation to small ethnic groups is shown.

Ключевые слова: национальное меньшинство, национальная политика, Китайская Народная Республика, правовые документы, местные органы самоуправления.

Keywords: national minority, national policy, People's Republic of China, legal documents, local self-government bodies.

Стабильность современного государства зависит от многих факторов: экономических, политических, социальных. Одним из приоритетных является национальная политика, а для многонационального государства, коим является Китайская Народная

Республика, можно говорить о первостепенности разработки эффективных механизмов для снятия напряженности в отношении национальных меньшинств.

С 1 ноября по 10 декабря 2020 г. более семи миллионов переписчиков успешно завершили перепись на местах, охватив все домохозяйства и жителей, строго следуя программам переписи и требованиям регулярной профилактики эпидемий и борьбы с ними. Результаты переписи были признаны достоверными с показателем недоучета 0,05% [1]. Согласно данным переписи населения материкового Китая национальные меньшинства составляют 8,89% населения Поднебесной. Правда меньшинствами их назвать можно условно, так как 56 национальностей занимают 2/3 от территории всей страны и по численности составляют 125,47 млн чел. [2]. В ходе многовековой истории сосуществования на одной территории некоторого количества национальных групп, проблема взаимодействия государства с национальными меньшинствами была нелегкой для руководства современного Китая.

С образованием КНР в 1949 г. за основу национальной политики была взята советская модель. В сентябре 1949 г. были официально утверждены основы программы КПК по национальной политике в общей программе «Народного политического консультативного совета Китая». Несколько статей этой программы посвящены национальной политике нового государства. В частности, провозглашалось равноправие национальностей страны. В качестве основной формы разрешения национального вопроса была выдвинута местная национальная автономия в форме только административной автономии, т.е. создание автономных государств на территории страны не предусматривалось. Национальное самоопределение не провозглашалось. Заложенные Общей программой НПКСК основные принципы национальной политики в процессе дальнейшего конституционного развития страны кардинальных изменений не претерпели [3].

В современном Китае любые проявления дискриминации в отношении этнического меньшинства, позиционируется как подрыв единства и равенства между народами и преследуется по закону. Китай стал участником нескольких международных конвенций, направленных на борьбу с геноцидом, ликвидацией любых форм расовой и национальной дискриминации.

В 2015 г. Госсовет КНР был обнародован значительный документ в области политики государства по отношению к

национальным меньшинствам Китая – «Белая книга»: «Политика Китая в отношении национальных меньшинств и ее практическая реализация» Целью этого документа являлась разъяснение основных положений Закона о национальной территориальной автономии касающегося отношений центральной власти и местного самоуправления национально-территориальных автономий [4].

Базовыми правовыми документами, которые определяют национальную политику КНР можно разделить на несколько групп.

К первой группе можно отнести Основной закон страны – Конституции КНР 1954, 1975, 1982 гг.

Вторую группу составляют законодательные акты, такие как Закон о районной национальной автономии (1984 г.). А также Положение об автономии автономных областей, округов, уездов.

В третью группу входят партийно-государственные документы: Устав КПК (2002 г.), Постановления Государственного Совета КНР, относящиеся к теме национальных меньшинств.

Учитывая ограниченность формата публикации, целесообразно проанализировать основные документы по национальной политике КНР.

Конституция Китайской Народной Республики гласит: «Все этнические группы Китайской Народной Республики равны. Государство защищает законные права и интересы этнических меньшинств, поддерживает и развивает равенство, единство и взаимопомощь между всеми этническими группами Китая. Дискриминация и угнетение любой этнической группы запрещены» [5]. Согласно законодательству представители национальных меньшинств могут пользоваться всеми правами, предоставляемыми гражданам КНР: участие в выборах независимо от этнической и религиозной принадлежности, право на образование, право на использование и развитие своего национального языка, им предоставляются свобода слова, печати, собраний, шествий и демонстраций, право на научную деятельность, имеют право на социальное страхование в случае инвалидности и т.д. [6].

Анализируя статьи Конституции в редакции 1982 г. можно говорить о важности направлений национальной политики. Если обратиться к 52 ст. обязанностью всех граждан КНР является «защита единства Родины и сплоченность всех национальностей страны» [7]. Исходя из специфики национального вопроса в КНР в Конституциях редакций и более ранних годов подробно прописаны основные права национально-территориальных автономий и отдельно действующих

законов. В ст. 114 Конституции КНР устанавливает право занятия руководящих должностей в 45 национально-территориальных автономиях. В ст.4 констатируется, что «государство обеспечивает законные права и интересы национальных меньшинств, защищает и развивает взаимоотношения равноправия, сплоченности и взаимопомощи равноправия, сплоченности и взаимопомощи национальностей» [8].

Особое место в Конституции 1982 г. отведено регулированию функций местных органов самоуправления. Пять глав Конституции посвящены именно этим вопросам.

В Законе о районной национальной автономии (1984 г.) ст.48 посвящена обеспечению органами самоуправления равноправия всем нациям, проживающих на территории 46 национальных районов этих автономий [9].

В июне 1991 г. Государственной комиссией по делам национальностей был направлен и утвержден Госсоветом Циркуляр об отчете о дальнейшем совершенствовании работы над разговорным и письменным языками этнических меньшинств. В документе делался акцент на конкретизацию формулировок законов касательно использования и стандартизации национальных языков, содействие переводу, издательскому делу, академическим исследованиям, сотрудничеству и обмен на родных языках.

Правительство КНР прилагает значительные усилия для развития культуры и искусства этнических меньшинств [10]. Выделяются серьезные денежные субсидии на охрану, поддержание, реставрацию исторических реликвий и мест проживания этнических меньшинств.

В Плате развития национальных районов на 11-ю пятилетку (2006–2010 гг.) был четко определен курс руководства на усиление социально-экономической парадигмы развития.

Тема национальной политики в отношении национальных меньшинств КНР на современном этапе достаточно активно обсуждается и в средствах массовой информации и в академических исследованиях, тем не менее, точки зрения на действия китайского правительства в этом аспекте весьма различны. С одной стороны, правительство активно принимает государственно-законодательные акты по обеспечению равноправия и искоренения дискриминации этнических меньшинств. Активизация защиты юридических прав национальных меньшинств стала возможной после принятия Конституции 1982 г.

С другой стороны многие специалисты утверждают, что декларирование равноправия не произошло на практике. Более того, некоторые исследователи уверены, что медленно, постепенно идет процесс «китаизации» этнических меньшинств. Поэтому перспективы дальнейшей эволюции национальной политики руководства КНР в отношении национальных меньшинств достаточно неопределенна и требует дальнейшего исследования.

Библиографический список

1. Communiqué of the Seventh National Population Census (No. 1). 11.05.2021// URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202105/t20210510_1817186.html (дата обращения 24.09.2022)
2. Main Data of the Seventh National Population Census National Bureau of Statistics 11.05.2021// URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202105/t20210510_1817185.html (дата обращения 26.09.2022)
3. Общая программа «Народного политического консультативного совета Китая» URL: http://kuznetsov.ucoz.org/books/konstitucionnye_akty_kitaja.pdf (дата обращения 27.09.2022)
4. Белая книга «Национальная политика Китая и совместное процветание и развитие всех национальностей» 2009г: официальный сайт. Пекин. URL: <http://russian.china.org.cn> (дата обращения 20.09.2022).
5. Конституция Китая 1982 г. (Законодательство Китая): официальный сайт. Пекин. URL: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution (дата обращения 21.09.2022).
6. Закон КНР «О национальной районной автономии» (Принят на 2-й сессии ВСНП шестого созыва 31 мая 1984 г.): официальный сайт. Пекин. URL: <http://www.chinaconsulate.khb.ru/rus> (дата обращения 24.09.2022).
7. Конституция Китая 1982 г. (Законодательство Китая): официальный сайт. Пекин. URL: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution (дата обращения 21.09.2022).
8. Конституция Китая 1982 г. (Законодательство Китая): официальный сайт. Пекин. URL: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution (дата обращения 27.09.2022).
9. Закон КНР «О национальной районной автономии» (Принят на 2-й сессии ВСНП шестого созыва 31 мая 1984 г.): официальный сайт. Пекин. URL: <http://www.chinaconsulate.khb.ru/rus> (дата обращения 24.09.2022).
10. Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая 1956 г.: официальный сайт. Пекин. URL <http://russian.people.com.cn> (дата обращения 26.09.2022).

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ ГОРОДА В АМЕРИКАНСКОЙ УРБАНИСТИКЕ

SOCIAL RISKS OF THE CITY IN AMERICAN URBAN

Тужба З. Э.

Кубанский государственный технологический университет, г. Краснодар

Tuzhba Z. E.

Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

Аннотация. Рассмотрен вклад американской урбанистики в формирование отраслевой социологии города. В рамках Чикагской школы представлено два основных подхода (урбанистская экология и урбанизм как образ жизни) составляющих теоретико-методологическую основу исследования городского пространства. Проанализирована позиция Лос-Анджелесской социологической школы выстроившей исследовательскую стратегию на утверждении модели полицентричного развития города с акцентом на периферию, деиндустриализацию и реиндустриализацию городов, к индустрии развлечений. По результатам анализа этих двух школ, выявлены элементы преемственности, позволяющие говорить о том, что вторые, хотя и отличаются принципиально от первых, все же во многом являются их приемниками.

Annotation. The contribution of the American urbanist to the formation of the sectoral sociology of the city is considered. Within the framework of the Chicago School, two main approaches (urban ecology and urbanism as a way of life) are presented that make up the theoretical and methodological basis for the study of urban space. The position of the Los Angeles School of Sociology, which built a research strategy on the approval of a model of polycentric city development with an emphasis on the periphery, deindustrialization and reindustrialization of cities, and the entertainment industry, is analyzed. Based on the results of the analysis of these two schools, elements of continuity have been identified, allowing us to say that the latter, although fundamentally different from the former, are still largely their successors.

Ключевые слова: социогенные риски, социология города, урбанизация, периферия, глобализация, образ жизни, социальная динамика.

Keywords: sociogenic risks, urban sociology, urbanization, periphery, globalization, lifestyle, social dynamics.

Урбанизация это всеобъемлющий процесс усиления роли городов, городской культуры и образа жизни в развитии социума, охватывающий в территориальном аспекте и сельскую местность, определяя ее трансформацию – социальную, экономическую, демографическую и т.д.

В результате наблюдается стремительное развитие пригородов крупных городов – субурбанизация, сопровождающаяся внедрением некоторых городских условий и норм жизни в сельское поселение.

Все это ведет к качественным изменениям сельской местности: увеличиваются несельскохозяйственные занятия сельского населения и маятниковая миграция; изменяется социально-профессиональная структура, образ жизни сельских жителей, уровень благоустройства.

К началу XX века в работах западных авторов (К. Маркса, Ф. Энгельса, Э. Дюркгейма, М. Вебера, Ф. Тённиса) были заложены основы анализа городской среды, которые стали ориентирами последующих исследований. При всей важности и значимости работ предшественников, заложивших основы исследования города, создание социологии города как отраслевой социологии отправляет нас к Чикагской школе, представители которой разработали два основных подхода (урбанистская экология и урбанизм как образ жизни) составляющих теоретико-методологическую основу исследования города.

Основные положения урбанистской экологии, авторами которой являются Э. Берджесс и Р. Парк состоят в том, что структура городов в территориальном отношении формируется посредством двух процессов – адаптации городского населения к окружающему пространству, а также в результате конкуренции за обладание различными ресурсами и возможностями. Города произрастают не беспорядочно, а исходя из особенностей окружающей среды. Зоны городской застройки имеют особенность располагаться вдоль берегов рек, на перекрестке торговых и транспортных путей. Пространственную структуру города Э. Берджесс и Р. Парк представляют в виде последовательно расположенных, разделенных на зоны 5 кольцевых концентрических полей. Используя в качестве примера г. Чикаго авторы отобрали следующие концентрические зоны с расположенными там объектами: центральный деловой район (основные коммерческие предприятия, развлекательно-увеселительные заведения); смешанная зона (коммерческие предприятия, жилые дома); рабочий район (кварталы проживания рабочего класса); зона проживания среднего класса среднего класса (дома проживания чиновников и интеллигенции); элитарная зона (место проживания представителей высшего класса).

Как пишет Р. Парк, «однажды возникнув, город оказывается большим ситом, которое отсеивает из всего населения тех, кто наиболее подходит для проживания в данной среде и данном районе» [6].

Представители экологического подхода полагают, что характер размещения людей в городской среде подобен природным. Разные

районы города развиваются посредством адаптации проживающих в них людей борющихся за средства существования.

Процесс образования кольцевых концентрических зон авторы представляли неорганизованным и стихийным, что позволило утверждать о том, что урбанистической экологии присуща недооценка роли осознанного планирования развития городов.

Представитель второго подхода или концепции урбанизма как городского образа жизни Л. Уэрт в отличие от Э. Берджесса и Р. Парка рассматривает урбанизм не в контексте территориальной дифференциации городов, а как особую форму социального сосуществования, образа жизни индивидов. Характерной особенностью городов выступают ускоренная динамика «темпа жизни», возможности высокой вертикальной мобильности, интенсификация и расширение обезличенных межличностных контактов, доминирование соперничества над сотрудничеством в межличностных отношениях.

Как отмечает Л. Уэрт, мир современного города не измеряется долей проживающего в нем населения, так как это уже не место жительства и работы, но и центр управления политической, экономической и культурной жизни социума, ядро, вовлекающее в свою орбиту во всеобщем масштабе самые разные группы сообществ и соединяющее разные территории, народы и сферы деятельности в упорядоченную систему. В больших городах, большое количество людей проживает в непосредственной близости оставаясь в большей части незнакомыми друг с другом, что отличает их образ жизни от традиционных малых сельских поселений. Взаимодействия в городской среде носят скоротечный и поверхностный характер, ориентированный на достижение целей, а не на полноценные длительные взаимоотношения [7].

Одним из наиболее видных исследований последнего времени является работа представителя так называемого «нового урбанизма» У. Уайта, который воспользовавшись контурным анализом, создал большую серию социально-топографических карт на основе определенных признаков. Исследовав два десятка городов, автор обнаружил зависимость по всем объектам выборки между зонами и плотностью, временем постройки жилищ их типом и качеством. В соответствии с концентрическим зонированием распределялись такие показатели, как цена и собственность жилья, доход, рента, и в незначительной степени – образовательный уровень проживающего населения. Полученные данные свидетельствуют о том, что

профессионалы в большинстве своем проживают в соответствии с нуклеарным принципом, голубые воротнички – секторальным. Специфика расселения этнических и расовых групп в значительной степени происходила на основе нуклеарных образцов.

Автор разработал модель города, в которой воедино были соединены семь элементов городской структуры. Центральная часть города это деловой район со всеми вытекающими признаками. Большая часть бедноты и меньшинств сконцентрированы в зоне стагнации или «зоне перехода», во внутреннем городе и старых пригородах. Наиболее состоятельные в финансовом отношении семьи проживают на периферии. Наблюдаемое массовое движение жителей городов в пригороды способствовало перемещению туда деловой активности, формированию эпицентров сконцентрировавших ряд функций деловой части города.

Объектом исследований видного теоретика и критика урбанизма представителя Чикагской школы Л. Вирта выступали городские «гетто», факторы и механизмы их возникновения, функционирования и исчезновения.

Л. Вирт считал современные большие города ужасным порождением цивилизации, которые необходимо подчинить в противном случае это проблема человечества. Автор предлагает рассматривать город (промышленное общество) и сельскую местность (народное сообщество) в качестве противоположных полюсов – идеальных типов, между которыми расположены все человеческие поселения, что дает перспективы для исследования всех форм человеческих ассоциаций, просматривающихся в современном мире.

Предприняв попытку определения сообщества людей как городского, Л. Вирт признает всю сложность задачи и предлагает следующие аргументы в обосновании своей позиции: социологическое определение города должно выявить в урбанизме элементы, отличающие его как особый способ групповой человеческой жизни; определение сообщества людей в качестве городского на основании численности и размеров не обосновано и не может претендовать на полную удовлетворительность. Так, например меньшие по размеру сообщества, чем установленное количество жителей, но расположенные в поле влияния больших городов, имеют больше прав претендовать на статус городских, чем более крупные в численном отношении сообщества, существующие обособленно в сельском ареале; будучи понятием административным в плане

статистики город всегда предполагает наличие физических границ, строго ограниченную в пространстве сущность.

Однако, если признать, что все свойства города исчезают при пересечении границы в век технологического прогресса (транспорт, коммуникации) то сформулировать адекватную концепцию урбанизма как образа жизни не удастся; при определении города оставить без внимания плотность концентрации населения не возможно, однако эти критерии необходимо рассматривать в соотношении с общим культурным фоном городской среды, поскольку они социологически значимы, так как обуславливают факторы социальной жизни; главенствующее положение города, особенно большого необходимо рассматривать как следствие сосредоточения и функционирования административных, промышленных, финансовых, коммерческих учреждений, линий коммуникаций, а также культурных (музеи, театры, университеты и т.п.) и досуговых институтов;

Л. Вирт определяет город максимально кратко, как относительно крупное, постоянное и плотное поселение гетерогенных в социальном отношении индивидов [2].

В рамках неомарксистской парадигмы обращаются к исследованию города Д. Хэрвей и М. Кастельс. Д. Хэрвей, чьи работы были посвящены пространственной реализации социальных процессов в городах, утверждает, что пространственный облик города определяется монопольной властью крупного бизнеса, а не только естественной спецификой рыночных отношений. Генераторами перемен, которым подвергается город в процессе урбанизации, выступают корпорации, мотивированные желанием получить максимальную прибыль в условиях развитой и доступной инфраструктуры. Погоня за прибылью и игнорирование гуманитарных аспектов приводит к ряду проблем характерных для мегаполисов – экологические проблемы, рост преступности, этнические анклавы, транспортная загруженность. Таким образом, капиталистические отношения приводят к тому, что город становится малоприспособленным для жизни людей особенно с низкими доходами. Урбанизация это важный компонент капиталистической системы находящийся в прямой зависимости от постиндустриальной экономики. Существенно изменяя пространственно-ландшафтную и социальную стороны, урбанизация дегуманизирует городское пространство и выступает основой социальных процессов в условиях современной глобализации [9].

М. Кастельс так же как и Д. Хэрвей приоритетное место в функционировании современного города отводит экономике, рассматривая городское пространство как среду воспроизводства трудовых ресурсов ведущую к росту негативных процессов связанных с перенаселением и социальной депривацией. Проблемы неравенства и социального порядка в современных городах являются предметом его социологического интереса. Новые формы городской жизни, структурируются вокруг ее ключевых количественных составляющих (размера, плотности и социальной гетерогенности), исследование которых позволил осуществить М. Кастельсу критический анализ большого города [10].

Первая характеристика размер, чем он больше, тем шире поле индивидуальных различий и вариаций, разнообразий интересов; велика доля утраты общинных связей, возрастание социальной конкуренции и анонимность, снижение доверия.

Вторая характеристика плотность, усиливающая дифференциацию и формализацию социальных связей и контактов, безразличие к тому, что не ведет к достижению собственных индивидуальных целей.

Третья характеристика гетерогенность ведущая к тому, что принадлежность к группе становится неустойчивой, так как связана с временными рациональными целями и интересами составляющих ее индивидов.

В больших городах возникают параллельные пространства с собственными жизненными мирами. Иерархия позиций в системе потребления и производства, связанная с определенным образом жизни, предполагает кардинальные отличия в финансовых средствах и культурных предпочтениях индивидов, что ведет к противопоставлению роскоши и нищеты. Логика развития социальной структуры ведет к поляризации и сегментированию, изоляции некоторых групп в общем пространстве большого города. Этот дуализм современных больших городов вытекает из нескольких факторов: миграции способствующей их увеличению; усиление влияния информационной сферы и уменьшение роли индустриального сектора, уменьшение/увеличение значимости различных профессиональных видов деятельности. Эти факторы привели к дифференциации производительной силы проявляющейся в отличающихся жизненных стилях ведения хозяйства, семейных отношениях.

Под глобальным городом М. Кастельс понимает не только

пространство но и процесс в результате которого, точки потребления, производства и локальные группы, выполняющие в них вспомогательные функции, объединяются в глобальной информационной сети, в то же время, отстраняясь от связи с пространством, удаленными от промышленного центра. Мега-города выступают в качестве новой формы пространства появившейся в результате структурных трансформаций современных обществ. Они по мысли автора, точки сосредоточения глобальной экономики, связи информационных сетей и концентрации власти и в то же время местами сосредоточения всех тех групп населения, которые борются за выживание [11].

Современные просматриваемые во всем мире тенденции развития городов можно условно соединить в два направления. Первое направление обусловлено международными экономическими процессами, второе акцентирует внимание на внутригородском развитии.

Основные идеи первого направления представлены в работах Дж. Логана и Х. Молоча акцентирующих внимание на зависимости городской среды от интересов крупного капитала, по сути развивших идеи Д. Харвея в концепцию «коалиции роста», основной идеей которой является понимание важной роли местных конфликтов в развитии города. Развитие инфраструктуры, деловых центров и производства служит задаче максимального использования земельных возможностей, что в перспективе ведет к увеличению их стоимости. Центральное понятие этой концепции «город как машина роста», из которого вытекает, что объединение усилий всех субъектов деятельности (коммерсанты, строители, торговцы недвижимостью, банки и т.д.) направленно на достижение изменений стоимости городского пространства. При всем различии интересов общим для них является стремление получить доход при участии в модернизации городской территории, даже не смотря на то, что платят за механизм роста жители близлежащих домов (транспортные пробки, ремонтные работы, экология, ставка налогов и платежей выше и т.д.).

Авторы выделили пять типов устройства городов: центр (штаб-квартира) административной деятельности главным образом транснациональных компаний; научно-исследовательский инновационный центр; место конечной сборки продукции (модульное производство), элементы которой произведены в других уголках мира; приграничный перевалочный центр основную часть населения

которого составляют иммигранты; город с комфортными компактными условиями основную часть населения которого составляют пожилые люди, пенсионеры [12].

Собственное новое видение городского пространства и прилегающих к нему пригородных территорий складывается в рамках Лос-Анджелесской социологической школы (Э. Сойи, Э. Соджа, М. Дэвис, М. Диара, С. Фласти и др.).

Как было показано ранее, авторы чикагской школы исследовали типичные формы развития городской среды (агломерации) индустриального общества, для которых понятия город и центр города идентичны, а город это ядро более широкой сферы деятельности, которой он управляет и из которой извлекает ресурсы.

Одним из ярких представителей Лос-Анджелесской школы Эд Соджа, маяком исследований которого, выступает постулат «исходить от пространства», полагает, что к концу XX в. такие формы себя полностью исчерпали.

«Разговор о городе как центре региона бесполезен, так как современные политические, экономические, социальные процессы способствовали возникновению множества центров в данной территории. Тем не менее, в символическом отношении значение города возросло, а каждое место претендует на статус города [13].

Тезис «производства пространства» основной в его работах, он говорит как бы о необходимости второго пришествия географического мышления для социальной теории современности. Современность он называет эпохой пространства характеризующейся неравномерным развитием, что порождает дисбаланс между развитыми и отсталыми в экономическом отношении государствами. Существование слабо развитых территорий очень важный фактор производства при капитализме в плане дешевой резервной рабочей силы и рынков сбыта собственной продукции. Структуру капиталистического производства необходимо понимать в географическом отношении в качестве «развернутой неравномерно пространственности», породившей пространственное разделение труда, наполненное идеологией, напряженностью, политикой и властью. Просматривая эволюцию городских форм Э. Соджа показывает, как характеризующее капитализм неравномерное развитие отразилось в пространстве современного города.

По мысли автора, конфигурация пространства города является прямой производной от классовой и этнической сегрегации населения.

Логика его рассуждений заключается в следующем: когда в глобальном масштабе прибавочная стоимость, полученная в промышленности снижается, прибавочная стоимость, полученная в спекуляции недвижимостью и т.д. возрастает. Отмеченная автором вторичная циркуляция целиком зависит от сконструированного социального пространства, позитивного или негативного восприятия этого пространства населением.

В подобно складывающейся ситуации большой объем прибыли уплывает на строительство дорогого и качественного пространства в условиях города, что приводит к тому, что городское пространство становится дополнительным источником эксплуатации и, в конечном счете, классового расслоения [13].

Дэвис анализирует механизмы преобразования городского пространства в угоду интересам групп бизнесменов вытесняющих с насиженных мест проживания бедных и этнические меньшинства, что приводит к рискам расовых и социальных волнений и потрясений. Автор на материалах «Лос-Анджелес Таймс» за значительный период времени прослеживает этапы становления города и бизнес-кланов, которым он собственно и принадлежит. На первом этапе, белая бизнес-элита (протестантская), известная своим антисемитизмом и консерватизмом и равнодушием к проблемам рабочего класса определяет развитие города. Постепенно на авансцену экономической и политической жизни выходит другая группировка элиты (еврейская), либерально-демократического толка, как утверждает автор. Несколько десятков лет противостояние этих двух группировок определяло жизнь города, пока не появился третий игрок (узел интересов) вызванный федеральным стимулированием оборонной промышленности в годы холодной войны и конфликты между группировками элит на фоне обретенной экономической «идентичности» несколько поутихли. Затем появляется четвертая сила, представляющая японский капитал и город еще больше фрагментируется, а попытки элиты направленные на сохранение коалиции становятся все менее ощутимыми.

На примере Лос-Анджелеса, автор демонстрирует как региональная элита, связанная с национальной и международной посредством спекуляций землей и операций на рынке недвижимости получает возможность строить и рушить исходя из своих интересов, тем самым порождая социальные риски. Как пишет Дэвис, власть старательно пытается закреплять за Лос-Анджелесом образ пост-либеральной территории, в которой закрепляются и охраняются (в

том числе и пространственно) привилегии белых и богатых и существуют «мертвые» зоны проживания бедноты и маргиналов, в которых власти пытаются их удержать.

«Город, который когда-то представлялся кейнсианским пространством, с декларацией открытости и доступности благ для всех, отстранился от либеральных проектов и иллюзий, разъединяя социально чистых и нечистых и пространственно и архитектурно, все приватизировано и огорожено».

Образ города как символа экономического процветания уходит в небытие, ему постоянно угрожают социальные и природные риски и катастрофы, которые могут привести к его исчезновению [8].

Серьезной заявкой Лос-Анджелесской школы является концепция Эдварда Сойи («пространственности человеческой жизни» и «геоистории городского пространства»). По мнению ученого, основу современного исследования города должна составлять «пространственностью человеческой жизни». Осознание современным человеком своей пространственной сути это процесс производства пространственности, или как он называет «сотворения географии», начиная с человека как пространственного существа, находящегося в отношениях со своей средой обитания. С одной стороны, мысли и деятельность человека, способствует оформлению внешнего пространства вокруг него, с другой стороны социально коллективно созданное пространство и место оформляет наши мысли и деятельность [13].

Взяв за основу это положение, Э. Сойя формирует историческую переодизацию и типологизацию городских форм жизни как «геоисторию» мест проживания, аккумулирующих формы социальной жизни. История городов – это история четырех урбанистских революций.

1) Первая урбанистическая революция (эпоха неолита) связана с процессом «протоурбанизации», возникновением поселенческих форм оседлой сельскохозяйственной социальной жизни и порядка. Несмотря на то, что для аграрного общества было характерно увеличение плотности населения, возникновение технических новаций они не могут по мысли автора именоваться городами.

2) Города возникают в период 2-й урбанистской революцией (6 тыс. лет назад, Месопотамия) их признаки: институционализация, ирригационных технологий, городская дифференциация хозяйственной деятельности, письменность.

Эти представленные этапы дали старт возникновению городов-

государств или цивилизации и породили такие формы «социальной пространственности», как государство и город, объединившиеся в единую форму.

3) Третья урбанистическая революция связывается автором с Европой (эпоха Просвещения), глобализацией, колониальными метрополиями и торговым капитализмом.

4) Качественная трансформация урбанизма происходит в период четвертой революции и связана она с появлением постметрополиса (в качестве образца Э. Сойя приводит Лос-Анджелес).

Переосмысление идей пространства в терминах постметрополиса, предполагает размытость границ города и пригорода, а анализ городской среды невозможен без учета того что находится за его административными границами. Процессы глобализации, реструктуризация экономики, современные коммуникационные возможности, изменения в социальной структуре в купе с множеством других факторов способствуют переходу к постметрополису, изменяя городское видение, размывая смыслы и границы, формируя новые способы мышления и поведенческие стратегии в городской среде» [13].

Все более сложные конструкторы возникают в результате наложения новых урбанизационных процессов на старые и носят повсеместный характер [3].

Итак, теория постметрополиса это критический постмодерновый подход к урбанистическим исследованиям. Акцент на пространственность при разработке практических знаний и рекомендаций его отличительная черта. Это знание должно способствовать снижению различных видов (классовых, этнических, гендерных и т.п.) несправедливости и неравенства.

Отдавая первенство пространству, Э. Сойя говорит, что цель состоит в достижении «пространственной справедливости», отмечая возможности пространственного воображения и всеохватывающую пространственность человеческой жизни.

Одним из подходов в рамках данного направления является изучение городского пространства посредством SPACE (D): через подходы и методы изучения общества (S -sociology/общество), управления (P – politics/управление), архитектуры (A - architecture/архитектура), культуру города (C - culture/культура), экономику города (E - economics/экономика), данные о городе (D - data/данные). Авторы обратились к вопросу взаимоотношений центра с периферией. Культ центра понимается как наиболее живое и

притягательное место в городе, тогда как большая часть урбанизированного пространства остается на периферии сознания человека. Центр, как бы являясь эталоном для всего города, устанавливает определенное качество жизни, при этом высокая «гравитация» центра делает неразличимыми признаки города на окраинах. Исключение центра из поля видимости позволяет открыть новые потенциалы города, и увидеть реально происходящие процессы. Периферия в данном случае понимается как смысловое противопоставление центру. При этом, авторы проекта акцентируют внимание именно на изучении потенциалов и скрытых ценностей именно на периферии. По мнению исследователей, на данный момент современный город захватывают сетевые структуры, создающие принципиально новые возможности. В этих условиях исторический центр города, по-прежнему наделенный символически-сакральным смыслом, начинает работать принципиально иначе. Культ центра постепенно сменяется культом периферии [1].

Попытаемся сравнить Чикагскую и Лос-Анджелесскую школы выявить особенное в идеях их представителей.

Представители чикагской школы выстроили исследовательскую стратегию на утверждении моноцентричности города; для них принципиален центр; они исповедуют идею объективного научного исследования; их интересует измеримое материальное и социальное; они равнодушны к действиям власти; их объект классический индустриальный город, общество модерна; они следуют схеме линейной эволюции.

Представители Лос-Анджелесской школы выстроили исследовательскую стратегию на утверждении модели полицентричного развития города; для них принципиальна периферия; они не претендуют на объективность; строят свой постулат на том, что социально-политическое по нарастающей становится материальной силой, воплощаясь в новых городских проектах; действия власти для них очень часто становятся основой анализа; их акцент смещен к деиндустриализации и реиндустриализации городов, к индустрии развлечений; их объект общество постмодерна; они следуют схеме нелинейного видения развития городской среды представляющей поле возможностей, которые не взаимозависимы. Между этими школами есть и элементы преемственности состоящее в том, что некоторые понятия, которые использовались представителями Чикагской школы, применяются учеными Лос-Анджелесской школы, что позволяет говорить, что

вторые хотя и отличаются принципиально от первых, все же во многом являются их приемниками, продолжателями дела.

Наш теоретический анализ будет не полным без рассмотрения культурологического подхода в исследовании города, основы которого были заложены Л. Мамфордом и К. Линчем. Суть его состоит в рассмотрении города как сообщества горожан, а не только как места жительства. Культурный и политический статус города определяет концентрирующуюся внутри него социально-экономическую жизнь общества. Город сконцентрировал в себе власть, материальные ресурсы, знания которые раньше были рассеяны в большом пространстве маленьких поселений. При всех существующих различиях, собственной индивидуальности, общее у всех городов просматривается в повышенной активности взаимодействий на ограниченной территории, дистанцией от природы, что позволяет говорить об искусственности городского пространства как продукта человеческой созидательной деятельности [5].

По мнению К. Линча, город необходимо рассматривать в абсолютной целостности с учетом всего спектра существующих реалий, разнообразных связей, существующих в нем. Город по мысли автора является объектом постоянного развития во времени, изменение бытия городских структур. Структура среды конструируется на базе сложившихся культурных традиций, социальных и экономических отношений и таким образом она воспринимается индивидом. Специфика человеческого восприятия определяется под воздействием общества, соответственно, может трансформироваться на определенных этапах [4]. Город формируется посредством выстраивания коммуникаций между поколениями физических форм среды и динамикой социума. Важное значение автор отводит, градостроительству призванному стать моделью управления деятельности и трансформации при необходимости окружения (субъект деятельности). В обосновании К. Линч не просто выстраивает образы современных ему городов, но также подтверждает выводы примерами планов этих городов.

Теория К. Линча объясняет пространственные изменения и их роль в восприятии города, являясь основой семиотического подхода развитого в работах Р. Барта, Н.П. Анциферова, Д.Л. Спивака и др.

Основой семиотического подхода к исследованию городской среды выступает положение, из которого вытекает, что город аккумулирует и транслирует культурную информацию -

символические коды. Город – это некая специфическая система знаков (текст), значимыми элементами которой выступают улицы, кварталы, парки, площади, комплексы зданий; это способ организации пространства города в целом, а также литературно-городской текст. При этом первенство отводится символической, а не физической составляющей городского пространства. Символическая специфика городской среды обосновывается дифференциацией каналов информации, текстов. Отсюда, городское пространство в которое входят здания, архитектурные сооружения, реклама, СМИ и т.п., нужно оценивать не только по внешним формам, а главным образом, как смену каналов притока информации, что способствует возникновению принципиально иной культурную обстановки. Любому городу постоянно генерирует собственное символическое поле, которое обладает неповторимой структурой. В результате сформировавшаяся локальная автономная семиотическая система начинает действовать в качестве сегмента среды, жизненного мира человека, воздействуя на поступки, представления, мотивацию человеческих действий, культурные практики. Городская семиотическая система, находящаяся в непосредственной зависимости от социокультурного фона среды при этом обладает уникальной спецификой, в свою очередь влияющей на формирование символического культурного пространства, в общем. Основным содержанием городской среды выступает большое число смысловых точек. Жизнь горожан происходит в процессе осмысления и оценки условий собственного существования. Таким образом, городская семиотическая система участвует в организации определенного порядка, при котором какой-то вектор поведения и жизненного пути оказывается наиболее вероятным для индивида.

В рамках архитектурно-эстетического подхода город представлен как особенное социокультурное пространство, основную роль в жизни и изменениях которого играют архитектура, и дизайн в которых выражена эстетика города.

Это корреспондирует с европейской традицией связывать развитие архитектурных форм не только со сменой эпох, стилей и технологическими изменениями, но и выражением философии времени.

Рассмотренные подходы к исследованию городского пространства, позволяют говорить о многоаспектности данного феномена. По мнению Э. Сойя, современные урбанистские исследования отличаются широтой дисциплинарной и предметной

вовлеченности в исследования, а также новыми идеями и подходами, с учетом экономической и политической составляющих. В них много новых и неизвестных вызовов и отсутствие согласия в методологии исследования [13].

Итак, можно выделить этапы в развитии социологии города: разработка социологии города в рамках классической социологической теории становления капиталистических промышленных обществ (К. Маркс, Ф. Энгельс, Э. Дюркгейм, Ф. Теннис, Г. Зиммель, М. Вебер); разработка социологии города Чикагской школой, можно сказать возникновение отраслевой социологии города (Р. Парк, Э. Бёрджесс, Л. Уэрт, Л. Вирт, Р. Маккензи и др.); разработка теории мирового и глобального города, связанной с началом глобализации (М. Кастельс, Ф. Ферраротти, С. Сассен, П. Тейлор и др.); разработка Лос-Анджелесской школы с новым видением современных форм социальной жизни и пространства во всей его противоречивости и конфликтности (Э. Сойи, М. Дэвис, М. Диара, С. Фласти и др.).

Анализ социологических работ посвященных процессам урбанизации, позволяет осуществить их систематизацию и дать общую характеристику современного состояния исследований. В одних работах предпринимаются попытки типологизации современных городов в контексте исторических и социальных процессов; в других представлен теоретический анализ основных дискурсов существующих в социологии города; в третьих предпринимаются попытки определения и предложения перспективных направлений исследования.

Социологию города представляют ряд теорий описывающих урбанизацию как мировой процесс, и при всех существующих между ними различиях признается новизна современной городской цивилизации в условиях глобализации. Современные миграционные процессы, новые виды социальной дифференциации и поляризации, сегрегация и сегментация, стандартизации окружающего пространства, обезличивание, множественная идентичность, отсутствие солидарности, отчуждение и одиночество, новые виды социальных конфликтов, новый социальный порядок вот неполные перечень проявлений этой новизны.

В исследовании городского пространства используются методы разных наук, междисциплинарный характер позволяет рассмотреть город с различных сторон. В итоге возникает образ города, как особого социального пространства представляющего собой сложный

социально-экономический, политический и историко-культурный феномен.

Можно выделить несколько критериев отличия города от других форм социальной организации: город это крупная особая юридически оформленная единица с границами определенными законом, представляющая собой единое целое в плане управления; городу присущи пространственная организация и обособление, расположение в центре коммуникации, долговременное сосредоточение людей и их жилищ; город в хозяйственном или экономическом отношении предполагает специфические виды деятельности, качественное своеобразие этой деятельности; в городе в отличие от сельской местности высокое скопление большого количества населения, доминирует несельскохозяйственная деятельность; город это социально пространственный комплекс, значительных размеров и плотностью проживания людей; в социальном отношении город это непосредственная среда деятельности и повседневной жизни человека, включающая характер труда; город это органическая составляющая природной среды окружающей человека; город это территория с населением, проживающим по определенным нормам и правилам, с историко-культурной памятью, с психологической идентификацией.

Функциональное разделение труда – основа появления и динамики изменений городов. Традиционные способы исследования противостоят современному восприятию города, так как для современного городского пространства основополагающей категорией выступает движение в культуре города и культурные трансформации, протекающие на разных уровнях. Предметом социологии являются социальные последствия конкретных ситуаций, возникающих на этой основе. Информация о конкретной специфике культурной и производственно-функциональной ситуации в городе является составной частью социологической диагностики городской жизни. Представления о рисках связанных с проживанием в большом городе формируются с раннего возраста. Стремление переложить ответственность на профессионалов естественная реакция человека, не ощущающего себя защищенным и способным самостоятельно преодолевать трудности и страхи. Этот отказ от самостоятельности в противостоянии внешней среде, является большим социальным риском.

Библиографический список

1. Археология периферии: Исследование для Московского урбанистического форума «Мегаполисы: развитие за пределами центра». М., 2013. 529 с.
2. Вирт Луис. Избранные работы по социологии. Сборник переводов // РАН ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел социологии и социальной психологии. М. : ИНИОН, 2005. 244 с.
3. Вершинина И.А., Полякова Н.Л. Теоретические и методологические проблемы современной социологической урбанистики // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 4. С. 80.
4. Линч К. Образ времени // Образ города // Перевод с англ.: Глазычев В.А. М.: Стройиздат. 1982. 328 с..
5. Мастеница Е.Н. Культурное пространство города как предмет исследования и объект познания: междисциплинарный подход // Петербургские исследования: сб. науч. ст. СПб., 2011. Вып. 3. С. 128–147.
6. Парк Р. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социологическое обозрение. Том 5. № 1. 2006. С. 11–18.
7. Уэрт Луис. Урбанизм как образ жизни // <http://ifreestore.net/32/5/> (дата обращения 18.05.2020).
8. Davis M. Dead Cities and Other Tales. N. Y., 2002.
9. Harvei D. The urban experience. Oxford: Blackwell // Перевод В.В. Вагина // http://les-urbanistes.blogspot.com/2009/05/blog-post_5608.html (дата обращения 16.05. 2020).
10. Castells M. The urban question: a Marxist approach. L., 1977. P. 77–78.
11. Castells M. The rise of the Network society: the information age, society and culture. Vol. 1. Singapore, 2010. 423 p.
12. Logan J., Molotch H. The City as a Growth Machine// Urban Fortunes: the Political Economy of Place. Berkley and Los Angeles: University of California Press. 1987.
13. Soja E.W. Postmetropolis. Critical studies of cities and regions. Malden, 2007. 397 p.

ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАВКАЗСКИХ ЭТНОСОВ

ETHNO-PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE CAUCASUS ETHNOUS

Тужба Э. Н.

Кубанский государственный технологический университет, г. Краснодар

Tuzhba E. N.

Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье рассматривается менталитет кавказских этносов, позволяющий однообразно воспринимать окружающую социальную действительность, действовать, в том числе и в конфликтных ситуациях, руководствуясь существующими нормами, моделями поведения и установками. Показана, зависимость социально-психических особенностей населения от природной среды обитания, географии расселения; влияние природы на восприятие, тем самым на судьбу и характер народа.

Annotation. The article examines the mentality of the Caucasian ethnic groups, which allows them to perceive the surrounding social reality in a uniform manner, to act, including in conflict situations, being guided by existing norms, models of behavior and attitudes. Shown, the dependence of the socio-psychological characteristics of the population on the natural environment, geography of settlement; the influence of nature on the perception of the individual, thereby on the fate and character of the people.

Ключевые слова: менталитет, стереотипы, этнос, примордиализм, идентичность, психологические универсалии, андроцентризм, межэтническая напряженность.

Keywords: mentality, stereotypes, ethnos, primordialism, identity, psychological universals, androcentrism, interethnic tension.

С развитием контактов в ходе истории, отличия народов друг от друга привлекали внимание исследователей. Уже в работах античных авторов, Платона, Аристотеля, Геродота, присутствуют наблюдения и размышления об образах жизни и понятиях разных общественных групп, народов и соответствующем им устройстве обществ. Обобщенные знания античности о странах и народах Европы, Азии, Африки, представлены в работах Страбона. В новое время классические сочинения Лессинга, Гердера, Вольтера, Дидро, Руссо, Д. Вико, Ш. Монтескье, Гегеля расширили представления о менталитете, ментальности народов мира. Обширный материал в понимании культурно-антропологических, аксиологических образцов поведения и мышления народов их менталитете представлен в

работах Д.Д. Фрезера, Леви-Брюля, Леви-Стросса, Мирчи Элиаде. Большую ценность с этой точки зрения представляют труды Л.Н. Гумилева, Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова, В.В. Иванова, С.С. Аверинцева, А.Я. Гуревича и др.

Единого мнения относительно связи и соотношения таких понятий как менталитет и ментальность, ученые еще не сформировали. В социологии под менталитетом понимают своеобразную совокупность различных психических свойств и качеств, особенностей и проявлений той или иной социальной (национальной) группы, слоя, класса, общества в целом.

В более узком смысле менталитет рассматривается как своеобразный социально-психологический тезаурус, общий для членов социальной группы или организации, позволяющий единообразно воспринимать окружающую социальную реальность, оценивать и действовать в соответствии с определенными устоявшимися в общности нормами и образцами поведения, при этом адекватно воспринимая, и понимая друг друга [1].

Ментальность определяется как сложный комплекс, характеризующий духовность человека. В нем сочетаются и сознательные установки человека, и его подсознание, его четко осознаваемые цели и инстинкты, общественные факторы его бытия и его природные качества, его разум и чувства, его идеалы и практические мотивации. В ментальности как бы сливается действие общественных традиций, достижений культуры и лично-индивидуальный опыт, историческое прошлое и требования сегодняшнего дня. Ментальность детерминирует жизнедеятельность человека и на уровне сознательного следования определенным идеям и целям, и на уровне подсознательного подчинения стереотипам, установкам, импульсам. Одним словом, ментальность человека – сложное, синтетическое образование, играющее колоссальную роль в его жизни.

Аналогично тому, как генетический аппарат складывается на протяжении многих поколений и в определенной степени инвариантен по отношению к особенностям жизни данной конкретной особи, так и менталитет суть производное в человеке от его всеобщей истории и в какой-то мере инвариантен по отношению к обстоятельствам его биографии. Черты ментальности в своем полном объеме проявляются лишь во всей массе людей (этноса, общества) [2].

Традиция исследования менталитета, ментальности, тесно связана с исследованиями этничности, этнической идентичности, как

формы внутригруппового и межгруппового взаимодействия. Этничность – это неотъемлемая часть общей социальной идентичности человека, формирование и функционирование которой подчиняется определенным социально-психологическим закономерностям.

На основе анализа различных концепций этничности выделяются несколько подходов к ее изучению – примордиализм, инструментализм, конструктивизм и функционализм. Их жесткое разделение в некоторой степени условно, так как представители различных ориентаций нередко пересекаются друг с другом.

Примордиалистская парадигма, рассматривает этничность, в качестве изначальной характеристики, присущей индивиду как члену реально существующей этнической группы. Вне зависимости от социологизаторской, биологизаторской или культурологической трактовки, ее основа - кровное родство, общее происхождение и исконная территория. Если для примордиалистов нации действительно «рождаются» подобно формообразованиям естественно-природного мира, то для их оппонентов нации создаются, формируются усилиями людей. Первые видят в современных нациях продукт развития древних наций. Вторые считают вопрос о связи между досовременными культурными сообществами и современными нациями несущественным или вовсе irrelevantным. Решающее значение они придают нациостроительству, осуществляемому политическими акторами, которые располагают для этого необходимыми ресурсами, а также экономическим, политическим и технологическим условиям, в силу которых становление таких специфических социальных общностей, как нации, становится возможным.

В исследованиях 1980-х гг. примордиализм был подвергнут жесткой критике, поэтому сегодня на чисто примордиалистских позициях стоят немногие. Тем не менее, примордиализм остается мощной теорией к анализу этничности и этнической культуры. Наиболее очевидно, что эти воззрения на природу этничности появились в рамках социально-биологического подхода. В основе такого подхода к анализу социальных сообществ лежат идеи, высказанные еще в работах Г. Спенсера. Сторонники социобиологии распространяют законы естественного отбора, сформулированные Ч. Дарвином, на человеческое общество и полагают, что каждый человек подчиняется действию инстинкта самосохранения и продолжения рода. Он изначально «запрограммирован» природой на сохранение и

распространение своих генов. Эволюционно его борьба за существование происходит в коллективе, и стремление быть частью коллектива заложено в природу человека. В коллективе, который формировался длительное время и сохранял при этом некую устойчивость, постепенно создается определенный генофонд, носители которого совместно борются с другими человеческими популяциями за собственное выживание и выживание своих генов, прилагают усилия для поддержания биологического здоровья сообщества и его самовоспроизводства.

Французский мыслитель Г. Лебон, занимавшийся изучением движущих источников поведения больших масс людей, проблем наличия устойчивых психологических феноменов, универсальных в масштабах определенного народа или целой расы, пишет: «Скотовод, изменяющий видимую структуру какого-нибудь животного, садовник, переделывающий внешний вид какого-нибудь растения до такой степени, что неопытный глаз с трудом его может узнать, нисколько не коснулся основных особенностей вида; они только действовали на его побочные признаки. Несмотря на все старания искусства, основные особенности всегда стремятся выйти наружу во всяком новом поколении» [3].

Базовой составляющей любой общественной системы, по мнению автора, выступают сложившиеся в обществе представления, которые делятся на две категории: представления врожденные, т.е. преемственно унаследованные или возникшие под влиянием чувств, и представления приобретенные, или умственные. При этом ученый всячески подчеркивает бесспорный приоритет первых над вторыми.

В начале XX века, касаясь этого же вопроса, О. Шпенглер пишет: «Вместо безрадостной картины линейной всемирной истории, я вижу настоящий спектакль множества мощных культур, с первозданной силой расцветающих из лоно материнского ландшафта, к которому каждая из них строго привязана всем ходом своего существования, чеканящих каждая на своем материале - человечестве - собственную форму, и имеющих каждая собственную идею, собственные страсти, собственную жизнь, воления, чувствования, собственную смерть» [4].

В науке давно обсуждается зависимость психических характеристик народов от среды обитания, природы. Племена, и народы развиваются в условиях конкретной географической среды. Исходным моментом в таком построении является античная идея о влиянии природы на психику человека, тем самым на национальный

характер и через это на судьбу народов. В начальный период этногенеза природа формирует приемы и навыки труда, цветовую гамму видения мира. Животный мир региона, является неисчерпаемым поставщиком персонажей для сказок, легенд и притчей дает наглядные и мифологизированные представления о силе и ловкости, мужестве и трусости, канонах телесной и духовной красоты.

Набор микроэлементов, содержащихся в пище и воде данного региона, оказывает прямое воздействие на состав мышечной и костной ткани. На рацион питания и даже на своеобразие мышления и скорость принятия решений. На биологический ритм, и, как следствие, на ритм трудовой деятельности. Каждый этнос полагает Г. Гачев рождается на своей земле так же, как растения и животные разных видов и пород. Человек может ощущать себя независимым и совершенным – до момента, когда голод и жажда возникают в его организме. Еда, пища – есть та часть национального Космоса, внешнего мира, которая пригодна, войти внутрь нас, в святилище нашего внутреннего мира. Пища некий посредник между нашей внутренней жизнью и наружным окружающим миром [5].

Особенности социального и политического устройства общества, его культурные особенности в немалой степени есть следствие естественно-географического ландшафта. Рельеф местности, флора, фауна, климат в комплексе взаимодействуют с обществом, как в процессе развития производства, так и культуры. Географическая среда воздействует на все стороны человеческой деятельности на всех этапах человеческой истории.

Длительный опыт сосуществования существенно различающихся между собой кавказских этносов, породил то ментальное своеобразие, которое нашло выражение в понятии «кавказец». Не столь давно появился даже термин «кавказская цивилизация» (Р.Г. Абдулатипов). С одной стороны, Кавказ по своей культурной сути плюралистичен: на Кавказе нет титульной нации, нет «этноса-лидера». С другой стороны, есть и аргументы в пользу единых цивилизационных особенностей. Об этом говорят следующие факты – похожие природно-ландшафтные условия, сходные виды и способы труда, одинаковые условия быта, совпадающие обычаи, традиции, нравственные заповеди и запреты. Эти этносы обладают общей этничностью, той сложной смесью менталитета и культуры, которая не только характеризует какой-либо народ, но и объединяет его, и отличает от всех других сообществ. Несмотря на мозаичность

культур, между кавказскими народами существует множество культурных взаимодействий в самых различных сферах жизни. Основа культурного родства народов Кавказа – активная общинная жизнь и высокая значимость родственных связей, преобладание мужского начала, схожесть кодексов чести. Сходство различных аспектов (исторического, демографического, социального, политического и др.) жизнедеятельности кавказских культур является основой их общей этничности.

Среди народов Кавказа можно наблюдать различные уровни этнической и религиозной самоидентификации. К примеру, ингуши и чеченцы считают себя разными народами, но признают и подчеркивают свое этническое родство (их языки принадлежат вайнахской, или нахской, языковой группе). Аналогично абхазы, адыги, абзины, черкесы уделяют большое внимание этническому родству между собой. Народы, говорящие на тюркских и индоевропейских языках, также находят свое место в пределах этой общей кавказской самоидентификации.

Исторически жители гор всегда находились в экономической и социальной зависимости от жителей равнин, имеющих более выгодные условия для хозяйствования. В настоящее время это разделение в определенной степени условно. Но чеченский кризис, показал очевидность психологических различий между представителями «жестких» горных тейпов и «мягких» равнинных [6].

Г.У. Солдатова пишет: «В этничности народов Кавказа господствуют два айсберга. Первый – остатки неистребимого горского менталитета, формировавшегося многие века. С момента Кавказской войны он подвергался систематическому разрушению. Второй - советский менталитет, которому горские народы оказались подверженными в разной степени. Успех «русификации», а потом «советизации» зависел от силы сопротивляемости горской психологии чужеродным внешним воздействиям [6]. Наряду с общей советской идентичностью горские народы имели идентичность свою, что и позволило распаду СССР в этом регионе сделаться окончательно свершившимся фактом.

Большинство кавказских культур относятся к числу трудно модернизируемых, их характеризует стремление к сохранению привычного жизненного уклада. Активное возрождение на Кавказе традиционных социальных институтов свидетельствует о тяготении этих культур к прошлому. Например, к такому социальному

институту как «кровная месть» в конфликтных зонах на Кавказе апеллировали целые народы для оправдания агрессивного поведения ответного характера.

По этому поводу Пола Гарб сообщает: «Рассказывают об абхазских солдатах, которые немедленно после освобождения оккупированной территории совершали преступления против грузин, подобные тем, которые были совершены грузинскими войсками против их собственных семей.

Кавказские культуры в значительной степени ориентированы на мужчин (андроцентрические), женщинам отводятся функции, которые еще в начале XX в. строго определялись домашним хозяйством. Однако, женщины здесь никогда не были бесправными. Например, в Абхазии женщины даже после распространения ислама (XVII–XVIII вв.) не надели паранджу и всегда занимали достойное положение.

Особое место в культуре народов Кавказа отводится традиции почитания старших по возрасту. Отметим, что при исследовании подобных вопросов в научной литературе используются понятия «биологического» и «социального» возраста, которые позволяют определить соотношение биологического и социального уровней в иерархии общественных статусов и эволюцию данного соотношения. К примеру, в абхазской традиции главой рода выдвигается человек деятельный, возраст принимался в расчет при оказании почестей. Хотя старики остаются объектом традиционного почитания, реальное участие в руководстве чаще всего принадлежит более активным и влиятельным мужчинам. Институт старейшин, возникший в недрах традиционного общества, существует и сегодня. Однако, данный культурный комплекс, доминировавший во всех стратах общества, определяя наиболее важные проблемы семьи, поселения, социума, в настоящее время частично нивелирован, но не прекратил своего существования.

Кавказские культуры тяготеют к полюсу радикализма. Радикализм кавказских народов определяется характерной для них аффективной вовлеченностью в происходящее. Для кавказцев не характерна эмоциональная сдержанность, они скорее склонны подчеркивать свои чувства. В образе жизни горских народов исторически сложился культ силы, и он занимает важное место в их современной социальной среде.

На основе сурового образа жизни у кавказцев сформировался свой специфический способ мышления и восприятия в условиях

конфликтных ситуаций: склонность скорее к силовым решениям как наиболее верному, хотя и радикальному способу разрешения конфликтных ситуаций [6].

Анализ в контексте межэтнической напряженности этничности и психологических универсалий кавказского суперэтноса свидетельствует о его высоком внутреннем и внешнем конфликтном потенциале. Кавказ – зона пассионарной активности (Л. Гумилев) и синергетического самоструктурирования. Характеристики «кавказского» типа личности, условия культурного многообразия и культурный синкретизм, повышенное национальное самосознание и жертвенная активность, даже вопреки чувству самосохранения, свидетельствуют о том, что он является пространством, на котором идут активные процессы нациогенеза, он является зоной повышенной пассионарной активности. Такие качества, как общинность и регламентированность составляют важную основу механизмов консолидации, диктуют необходимость участия и мобилизации каждого в условиях угрозы этнической безопасности. В качестве инициаторов конфликтных ситуаций всегда выступают лидеры этнических общностей, преследующие цели – изменить ситуацию в интересах обеспечения более справедливого учета интересов их народа. Инициативу таких политических лидеров, их нацеленность на конфронтацию в обществе нельзя интерпретировать или оценивать только отрицательно, поскольку стремление к переменам зачастую бывает совершенно оправданным и справедливым в силу реально сложившихся интересов этнической группы, которую эти люди представляют.

Современная Россия на протяжении многих лет переживает острые межэтнические конфликты. Они объясняются рядом факторов: разрушением социально-экономических, политических и других взаимосвязей; военными действиями; отсутствием глубокой и обоснованной национальной и религиозной политики; большим количеством беженцев и т.д. В этих условиях резко повышается значимость национальных культурных установок, этнических норм и ценностей, специфических особенностей этносов. В этом контексте особый интерес представляет Кавказ, где сосредоточены многочисленные этносы, обладающие древними культурными традициями. Это сложная система множества мощных культур, каждая из которых характеризуется собственной национальной идеей, своеобразной иерархией этнокультурных ценностей, сложной системой взаимоотношений и взаимодействия традиционных

культурных институтов и религиозно-конфессионального сознания. Очевидно, что позитивная государственная политика в данном регионе возможна лишь с учетом культурно-цивилизационной общности народов, своеобразия их менталитета и социального характера. Без учета этих специфических особенностей возможности осуществления экономической, политической, культурной политики прогнозирования социальных процессов ограничены.

Библиографический список

1. Социологическая энциклопедия // Под общ. ред. А.Н. Данилова. Минск. 2003.
2. Барулин В.С. Русский человек в XX веке. СПб.: Алетейя. 2000. 431 с.
3. Психология толпы: социальные и политические механизмы воздействия на массы. М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Terra Fantastica. 2003. 794 с.
4. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М.: Эксмо, 2006. 800 с.
5. Гачев Г. Ментальности народов мира. М. : Эксмо, 2003. 544 с.
6. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 386 с.

ВОСПИТАТЕЛЬНО-ПАТРИОТИЧЕСКАЯ РАБОТА С МОЛОДЕЖЬЮ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: ВЫЗОВЫ И СТРАТЕГИИ

EDUCATIONAL AND PATRIOTIC WORK WITH YOUTH IN MODERN CONDITIONS: CHALLENGES AND STRATEGIES

Хагуров Т. А.

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Хагурова Н. Е.

Кубанский государственный технологический университет, г. Краснодар

Khagurov T. A.

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Khagurova N. E.

Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

Аннотация: В условиях военной спецоперации РФ на Украине и обострением санкционного и информационного противостояния с рядом зарубежных стран существенно обостряются проблемы состояния общественного сознания молодежи, как особой социально-демографической группы. Именно молодежь является одной из главных мишеней информационно-психологической войны, направленной на внутреннюю

дестабилизацию Российской Федерации. Соответственно, вопросы работы с молодежью, формирования её ценностной, политической и гражданской позиции приобретают особую актуальность.

Информационная война, ведущаяся против российского общества, преследует три основные цели: 1) разрушить картину мира человека, лишить его способности адекватно понимать и интерпретировать действительность на основе искаженной информации и ложных знаний; 2) разрушить ценности, подавить эмоции любви к Родине и патриотизма, заместить их негативом и паникой; 3) лишить людей способности к мобилизации и действиям, подавить их энергию или направить её против своего государства.

Воспитательная работа в этих условиях должна строиться по симметричным направлениям: 1) формирование правильной картины мира, информационная поддержка, разъяснение, работа с «фейками»; 2) работа с ценностями, культурно-патриотическое воспитание и просвещение; 3) организация деятельности, направленной на формирование активной гражданской позиции и патриотизма, готовности к защите Родины. Необходимым условием успешности этой работы является понимание психологии, интересов и ценностей молодежи, общественного сознания в целом, его уязвимых мест и «болевых точек». Исследования ученых Кубанского государственного университета, соотнесенные с аналогичными исследованиями ведущих научных центров РФ, позволили выявить основные вызовы и угрозы в сфере общественного сознания молодежи региона и определить возможные направления ответов на них.

Abstract: Under the conditions of the Russian military special operation in Ukraine and the aggravation of the sanctions and information confrontation with a number of foreign countries, the problems of the state of public consciousness of young people, as a special socio-demographic group, are significantly exacerbated. It is the youth that is one of the main targets of the information-psychological war aimed at the internal destabilization of the Russian Federation. Accordingly, the issues of working with young people, the formation of their value, political and civic positions are of particular relevance.

The information war being waged against Russian society has three main goals: 1) to destroy a person's picture of the world, to deprive him of the ability to adequately understand and interpret reality on the basis of distorted information and false knowledge; 2) destroy values, suppress the emotions of love for the Motherland and patriotism, replace them with negativity and panic; 3) deprive people of the ability to mobilize and act, suppress their energy or direct it against their state.

Educational work in these conditions should be built along symmetrical directions: 1) the formation of a correct picture of the world, information support, clarification, work with "fakes"; 2) work with values, cultural and patriotic education and enlightenment; 3) organization of activities aimed at the formation of an active citizenship and patriotism, readiness to defend the Motherland. A necessary condition for the success of this work is an understanding of the psychology, interests and values of young people, public consciousness in general, its vulnerabilities and "pain points". answers to them.

The studies of scientists from the Kuban State University, correlated with

similar studies of the leading scientific centers of the Russian Federation, made it possible to identify the main challenges and threats in the sphere of public consciousness of the youth of the region and determine possible directions for responding to them.

Ключевые слова: информационно-психологическая война, воспитание, патриотизм, риски, угрозы, работа с молодежью.

Keywords: information-psychological warfare, education, patriotism, risks, threats, youth work.

1. Основные вызовы и угрозы в сфере общественного сознания

1.1. Первый вызов: угроза когнитивной безопасности молодежи и общества в целом. Сегодня интернет и его ресурсы (сайты, социальные сети, мессенджеры и т.п.), а также другие СМИ и масс-медиа стали одним из ключевых агентов социализации молодого поколения, не менее значимым, чем семья и школа, иногда превосходящим их по степени влияния на сознание и поведение подростков и молодежи. Глобальные цифровые платформы и сервисы все более настойчиво превращаются в *экосистемы*, призванные целиком сопровождать жизнь современного человека. Они опираются на так называемые ИКС-технологии (информационно-коммуникативно-социогуманитарные технологии). Предметом этих технологий, является человеческое сознание и процессы мышления, понимания и интерпретации человеком окружающей действительности.

Мышление, знания и образование. Под когнитивной безопасностью понимается способность государства и общества сохранять собственную систематизированную картину мира и способность размышлять, понимать и интерпретировать действительность на основе упорядоченной системы знаний. Важнейшими элементами этой картины мира являются историческая память, ценностное и политическое сознание общества.

Эти элементы опираются на процессы, связанные с передачей и усвоением определенных знаний, формированием на основе этих знаний непротиворечивой картины мира, которая бы включала в себя понимание мира как политической системы, социальной системы, понимание собственного государства и собственной культуры как обладающих особым историческим путем и определенной спецификой, понимания своего места в мире и возможных стратегий реализации собственного «я» в течение жизни, жизненных сценариев с опорой на перечисленное – в основе всего этого лежат знания. Эти знания должны быть переданы, усвоены, они должны быть

достаточно непротиворечивы, должны позволять человеку интерпретировать окружающую действительность и себя в этой действительности.

В результате нарушений процесса передачи и усвоения знаний под влиянием ИКС-технологий актуализируется система социокультурных угроз для молодежи:

- угроза утраты исторической памяти,
- угроза «эрозии» традиционных ценностей,
- угроза принятия чуждых культурных образцов,
- угроза формирования мозаичного мышления и фрагментированной картины мира.

За всем этим скрывается отсутствие системных знаний в сознании индивида и в сознании общества.

Соответственно, первый вопрос национальной когнитивной безопасности – это вопрос управления знаниями, передача этих знаний и интерпретация на основе этих знаний окружающей действительности.

В последние десятилетия глобальные поисковые системы (Google), или глобальные справочные системы (Википедия), стали для молодежи доминирующими источниками знаний. Первое, что важно констатировать – они не дают информацию беспристрастно. Глобальные информационные системы агрегируют информацию несвободно, избирательно, в соответствии с определенными точками зрения, выгодными их хозяевам.

Особую опасность это представляет для сферы социально-гуманитарного знания и образования. Общественные и гуманитарные науки лишены той объективности, которая свойственна наукам естественным. Типичный пример – история, включающая в себя как исторические факты, так и их толкования. Эти толкования составляют главный предмет управления знаниями помимо того, что сами конкретные факты могут искажаться, подменяться «фейками». Именно на основе такого искажения фактов десятилетиями формировалась политика «отмены» в отношении России, её истории и культуры во многих зарубежных странах. Влияние этой политики ощущает на себе и российская молодежь.

Таким образом, первая группа угроз когнитивной безопасности молодежи связана с той системой знаний и их источников, которую усваивают школьники, студенты, и на основе которых они потом начинают интерпретировать окружающую действительность.

Особая категория знаний связана с *формированием личности, передачей ценностей и воспитанием*. Успешность процесса воспитания личности в существенной степени зависит от согласованности воспитательных воздействий семьи, системы образования и популярного искусства (кинематографа, литературы и т.п.). В зависимости от того, насколько согласованы эти воздействия, личностью может быть усвоена либо целостная, либо фрагментарная система ценностей. Одна из главных проблем молодежного сознания сегодня связана с тем, что воспитательная роль школы и семьи оспаривается индустрией *интернет-инфлюенсеров* и массовым искусством.

Инфлюенсеры – популярные блоггеры, ведущие интернет-каналов, мотиваторы, коучи и другие медийные персоны, играющие для молодежи роль лидеров мнений, существенным образом влияют на её мировоззрение.

Основное содержание культурных посылов, которые эти лидеры мнений обращают сегодня к аудитории связано в первую очередь с формированием у молодежи *ироничного отношения* к традиционным ценностям (в том числе – патриотизму) и навязыванием ценностей потребления, эгоизма и индивидуализма.

Большой популярностью пользуются авторы и ведущие юмористических youtube-каналов и передач, среди которых много работающих в жанре скетча и пародии, в том числе пародий в отношении российской культуры и традиционных ценностей.

Популярны авторы и ведущие каналов о ЗОЖ (здоровый образ жизни) и ПП (правильное питание), многие из которых пропагандируют идеи «любви к себе» и «заботы о себе» в качестве главных ценностей. Аналогичные идеи транслируют популярные у женской аудитории *бьютти-блоггеры*, специализирующиеся на темах красоты, внешности и моды.

Среди тем, интересующих молодежь, существенное место занимает популярная психология, вопросы личных взаимоотношений и саморазвития. В числе наиболее популярных инфлюенсеров – авторы и ведущие блогов и каналов в жанре *поп-психологии и лайф-коуча*, часто настойчиво пропагандирующих идеи радикального индивидуализма: «любовь к себе», «никто никому ничего не должен», «человек сам устанавливает для себя правила» и т.п. [1]

Популярны в молодежной среде и политические блоггеры, прежде всего, оппозиционной ориентации, популярность которых примерно в два раза выше патриотически ориентированных ведущих

и блоггеров. Наиболее популярные темы, транслируемые оппозиционными инфлюенсерами связаны с недоверием к действующей власти, негативной интерпретацией российской истории и современности, «раскруткой» тем коррупции, неравенства и необходимости социального протеста [1].

Одним из главных принципов информационной войны является воздействие на специфические для каждого общества культурно-исторические «болевы́е точки». История «цветных революций» показывает, что такими исторически обусловленными точками для обществ Ближнего Востока являются религиозные и племенные противоречия, для Украины – вопросы национального самосознания, для России – вопросы недоверия к власти, социальной несправедливости и социального протеста. Одним из следствий падения доверия к власти в России исторически является региональный сепаратизм – стремление некоторых регионов «выйти из под несправедливого контроля Москвы». Соответственно, *из всех форм экстремизации сознания молодежи для России, имеющий длительный исторический опыт мирного сохранения этно-конфессионального разнообразия, главную угрозу представляют: 1) социально-протестные настроения, 2) идеи регионального сепаратизма.*

Таким образом, вторая группа угроз когнитивной безопасности связана с деформацией ценностного сознания молодежи на основе доминирующих источников информации.

Массовое искусство. Герои и авторитеты.

Для формирования нормального мировоззрения подростков и молодежи очень важно наличие в культурном пространстве молодого поколения нормальных героев и кумиров – персонажей фильмов, книг, деятелей истории и современников – образцов для подражания и конструирования идентичности. Каждому молодому поколению нужен ОБРАЗ (поведения, мыслей, чувств, жизненных устремлений), который воплощает герой, и на основе которого молодые люди строят собственную социальную и гражданскую идентичность. Герои необходимы для того, чтобы доносить до молодого поколения зримые воплощения ценностей: патриотизма, любви к Родине, силы, жертвенности, трудолюбия и т.п.

Результаты исследований этой сферы молодежного сознания свидетельствуют о глубоком кризисе актуальной позитивной героики в современном российском обществе.

Во-первых, более половины подростков затрудняется с ответом на вопрос о любимом герое, а ведь герой интересен именно тем, что воплощает идеал, кризис героев – это кризис идеалов.

За последние 5-7 лет почти вдвое возросла доля тех, кто выбирает вариант ответа «герои мне не нужны, я сам себе герой» (33%). В этих ответах можно видеть подтверждение тенденции нарастающей индивидуализации молодого поколения, роста эгоцентризма как существенного элемента поколенческого менталитета. Это крайне тревожный сигнал, говорящий о торможении процессов нормального взросления и социализации молодежи [1, с. 47].

Среди упоминаемых героев на первом месте по популярности – герои западного экшн-кинематографа, демонстрирующие на экране силу, мужество, сверх-способности: Человек паук, Гарри Поттер, Джек Воробей и т.п. Доля персонажей отечественного героического кинематографа – ничтожна [1, с. 48].

Менее половины указывают на наличие литературного или исторического героя, на 90% - это персонажи из школьной программы по литературе и истории, отражающие не столько *любимых*, сколько *запомнившихся* героев. Менее 1/3 молодых людей указывают на наличие героя-современника, как правило это родители или близкие родственники.

В целом наблюдаются явные признаки кризиса образцов для подражания среди молодого поколения. Школьные курсы истории и литературы, оставаясь формальными агентами социализации, охватывают менее половины молодежи, уступая место развлекательному кинематографу и Интернету. Соответственно на уровне школы важнейшая задача сегодня – это усиление роли гуманитарных дисциплин, прежде всего истории и литературы, в воспитательном процессе.

Таким образом, третий вызов когнитивной безопасности молодежи связан с дефицитом значимых взрослых, являющихся не только источниками эмоциональной поддержки, но и важными трансляторами и интерпретаторами знаний, приобретаемых молодежью в сфере мировоззрения и ценностей.

1.2. Вызов второй: потребительская деформация системы ценностей и приоритетов, деидеологизация общества. Традиционные для российского общества ценности коллективизма, патриотизма и социального служения утрачивают свою значимость для существенной части молодежи. Глобальным культурным

трендом, под влиянием которого оказывается российская молодежь, становятся ценности радикального индивидуализма, эгоистической самореализации и личного комфорта. Этот тренд, поддерживаемый индустрией интернет-инфлюенсеров, лайф-коучей и модных интернет-психологов, опирается на установки *потребительской самореализации*.

Традиционными для российской культуры формами самореализации являются служение обществу и государству, своей семье и народу. Эти установки в последние десятилетия были существенно деформированы и заменены индивидуализмом и потребительскими настроениями. По данным исследований 2021 года в числе наиболее значимых для себя ценностей молодежь указывает (в порядке убывающей значимости) [1, с. 71-73]:

- желание иметь любимую и интересную работу (90,4%),
- хорошее здоровье (87,9%)
- стать профессионалом в своей сфере, сделать успешную карьеру (85,4%)
- желание иметь хорошо оплачиваемую работу, высокий доход (85,2%)
- иметь хороших и верных друзей (83%).

Всё это – ценности индивидуально-эгоистические, сформированные в рамках идеологии «успеха и самореализации». Ценность дружбы при этом следует понимать тоже как индивидуалистическую, дружба для молодежи играет функцию одного из индивидуально-значимых ресурсов защиты от одиночества и психологической поддержки, о чем свидетельствуют результаты уточняющих исследований.

Наименее значимы в сознании молодежи ценности патриотизма, социального служения и альтруизма. Особенно важно в современных условиях обратить внимание на отношение к патриотизму. Стремление «внести свой вклад в развитие страны, послужить Отечеству» выбрали для себя в качестве важного всего 42,1% респондентов, это наименьший показатель в рейтинге ценностей. Одновременно он набрал максимум выборов как «совсем не важный» – 20,8%. С поправкой на социальную желательность ответов реальный уровень значимости этой группы ценностей может быть ещё ниже.

Это прямое указание на недостаточную эффективность используемых сегодня методов патриотического воспитания в контексте рисков информационной открытости социума и влияния

потребительской культуры на молодежную аудиторию.

Деидеологизация общества. Важным слагаемым психологической и политической устойчивости общества является наличие государственной идеологии. Сплочение граждан вокруг национальной идеи обеспечивает необходимый уровень мобилизации, позволяющий обществу выстаивать в сложных обстоятельствах и конфликтах. Такой идеологией, обеспечивающей гражданское сплочение в условиях высокой степени этно-конфессионального разнообразия для России призван стать «патриотизм, направленный на развитие страны» (*Президент РФ В.В. Путин, ежегодная пресс-конференция, 2019*). В современных условиях, формирование полноценного идеологического сознания молодежи на основе идеи патриотизма существенно осложняется влиянием двух факторов:

1) потребительской деформацией ценностного сознания (см. выше);

2) воздействием на сознание молодежной аудитории оппозиционных по отношению к текущему политическому курсу и руководству страны иностранными и отечественными СМИ, часто выражающими антигосударственную позицию под маской патриотизма и заботы о развитии.

В результате совместного воздействия этих двух факторов в контексте описанных выше рисков когнитивной безопасности часть молодежи оказывается идеологически демобилизованной влиянием потребительских ценностей, другая часть – дезориентированной влиянием ведущих информационную войну СМИ.

Результатом становится утрата способности существенной части молодежи к занятию в современных условиях активной, деятельной патриотической позиции. Доминирующей позицией становится либо социальная и гражданская пассивность, либо (для примерно 10-15% молодежи) активность протестного типа, направленная против государства.

Для той части молодежи, которая готова проявить в текущих условиях патриотическую гражданскую активность (не менее 1/3 молодежного сообщества) проблема заключается в отсутствии эффективной организации, недостатке наставников и руководителей, способных направить активность молодежи в русло конкретных дел.

1.3. Третий вызов: деформация образа жизни и структуры свободного время молодежи. Определяющее значение для формирования личности молодого человека имеет организация свободного времени и образ жизни в целом. Как правило, внимание

субъектов воспитательной работы с молодежью направлено на формирование *убеждений* (патриотических, о необходимости труда, честности, здорового образа жизни и т.п.). Однако, ценности и убеждения личности должны получать подкрепление в повседневной *деятельности*, в противном случае они либо остаются декларациями, либо начинают деформироваться под влиянием непродуктивного образа жизни. Нормальная организация жизни молодого человека должна строиться вокруг продуктивных видов деятельности: учебы (работы), спорта/физкультуры, саморазвития (чтения, самообразования), домашних и бытовых обязанностей, социальной помощи и волонтерства, формирования готовности к профессиональной деятельности и защите государства, продуктивных увлечений/хобби и т.п. Общение со сверстниками также должно строиться преимущественно вокруг продуктивных видов деятельности: развивающие игры, интеллектуальные беседы, походы, приобщение к высокому искусству (серьезному драматическому кинематографу, театру, живописи). *Развлечения должны занимать существенно меньшее время в повседневной жизни молодежи.* Крайне опасным состоянием (что хорошо известно всей теории и практике воспитательной работы) является *праздность* – пассивное бездеятельное состояние, отсутствие продуктивных занятий. В религиозной педагогике именно праздность именуется «матерью всех пороков».

Анализ структуры свободного времени современной молодежи показывает, что у большей её части свободное от учебы (работы) время организовано *недостаточно продуктивно*.

Более половины молодых людей по собственному признанию тратят много своего времени на общение в социальных сетях и просмотр развлекательного интернет-контента. Просмотр художественных фильмов развлекательного характера занимает много времени у (40%). Более четверти (26%) опрошенных посвящают свободное время компьютерным играм [1, с. 35–39].

Активно читают научно-популярную и развивающую литературу и смотрят научно-популярные передачи не более $\frac{1}{4}$ молодежи. Столько же активно читают художественную литературу. Но почти пятая часть молодых людей (19%) вообще не читают. Половина по собственному признанию читает редко, что с учетом поправки на социальную желательность нужно понимать, как «почти никогда» [1, с. 35–39].

Сравнительно мало вовлечены молодые люди в спорт. Лишь

17% регулярно занимаются в специализированных секциях, ещё 37% тренируются мало и редко. Вообще не занимаются спортом (в секциях) чуть меньше половины (45%) подростков и молодых людей. Самостоятельным занятиям спортом уделяют внимание регулярно – 30% молодежи, мало и редко – 54%, вообще не занимаются 16% [1, с. 35–39].

Таким образом, несмотря на пропаганду спорта и здорового образа жизни, создание условий для занятий спортом, физическая активность молодого поколения достаточно низкая, часто носит эпизодический характер.

Похожая картина складывается и с занятиями в творческих студиях. Сами молодые люди часто ссылаются на недостаточную обеспеченность кружками и секциями по месту жительства или учебы. Однако, внимательный взгляд на проблему показывает, что это не совсем так. Творческие студии и спортивные секции, там, где они есть отнюдь не являются перегруженными. Основная причина – это результаты тотальной гаджетизации и информационной перегрузки молодого поколения. Злоупотребление развлекательной аудиовизуальной информацией приводит к снижению волевых способностей и обуславливает нежелание или неспособность части молодежи заниматься каким-то делом сосредоточенно, поддерживать к нему интерес.

1.4. Ресурсы и проблемные зоны работы с молодежной активностью.

К ресурсам можно отнести:

1) волонтерство: в совокупности на наличие в своём окружении друзей, занятых волонтерской деятельностью указали 68% респондентов;

2) наличие активной гражданской позиции, интерес к политической и общественной жизни так же является ресурсом работы с молодежью; более 30% молодежи в 2021 г. говорила о наличии такого интереса и готовности действовать;

3) примерно 35–40% молодежи участвуют в деятельности общественных организаций или самоорганизованных групп по интересам. Это, без сомнения, важный ресурс, который может использоваться и государственными (муниципальными) органами власти и НКО.

К проблемным зонам можно отнести:

1) эскапизм (отторжение общества) и склонность к социальной изоляции для существенной части молодежи: почти половина

молодых людей в силу разных причин испытывают дефицит общения со значимой группой сверстников, не имеет друзей, не имеет возможности или навыков общения с другими;

2) риски радикализации и криминализации: свыше 20% указали на наличие в своём окружении знакомых, склонных к участию в радикальных движениях и группах (АУЕ, «околофутбол» и т.п.).

3) риски протестной активности: более 10% указывают на наличие знакомых, участвующих в несанкционированных митингах и акциях протеста;

4) наконец, равнодушие к политической и общественной жизни также следует рассматривать как проблему, отражающую индивидуализм и социально-политический эгоизм, присущий примерно 60% молодежи.

Перечисленные основные вызовы требуют системной работы по симметричным направлениям: 1) обеспечение когнитивной безопасности общества, 2) ценностно-патриотическое воспитание, 3) вовлечение молодежи в социально-продуктивные формы деятельности.

2. Основные направления работы

2.1. Образование и просвещение. Стратегическим направлением работы в этой области должно стать изменение отношения молодежи к знаниям. Сегодня для большей части молодежи характерно узко-прагматическое внимание к «полезным знаниям», нужным для сдачи ЕГЭ, будущей профессии и зарабатывания денег, и пренебрежительное отношение к знаниям «лишним», не имеющим явной полезности. Повышение престижа знаний вообще, прежде всего, социально-гуманитарного знания (истории и литературы в первую очередь), как источника общей образованности и культуры человека – стратегическая задача на этом направлении.

Основные направления работы образовательных организаций в этой сфере:

– повышения качества проведения занятий по гуманитарным дисциплинам;

– проведение регулярных литературных и исторических чтений, вечеров;

– организация системы общественного просвещения – организация открытых лекций, встреч, приглашение экспертов для встреч со студентами по актуальным вопросам отечественной и международной истории и политики;

– распространение в среде учащихся качественно подобранных информационно-образовательных ресурсов: сайтов, книг, фильмов учебного и мировоззренческого содержания.

Главным актуальным направлением становится политическое просвещение молодежи. Формирование в сознании молодежи политической картины мира, преодоление равнодушного отношения к политическим проблемам и процессам современности. Эта работа должна происходить системно, как в рамках обществоведческих дисциплин (история, литература, философия, социология и политология), так и во внеучебных формах работы: политинформации, кураторские часы и т.п.

Отдельное направление – работа с информационными каналами. Повышение доверия к официальным каналам информации (новости, новостные агентства государственной патриотической направленности), рекомендации конкретных новостных сайтов, информационных ресурсов, патриотических блоггеров и экспертов.

2.2. Воспитание ценностей. Стратегия на этом направлении должна строиться прежде всего через использование воспитательных возможностей искусства. Необходимо предлагать молодежи, а часто и «навязывать» определенные фильмы, книги, произведения живописи и театрального искусства, музыки. Темы патриотизма, любви к Родине, созидательного труда, жертвенности в этих произведениях должны быть акцентированы. Критерий отбора этих произведений: высокое качество художественного исполнения, серьезность, направленная на воспитание, высокие ценностные образцы и идеалы, доносимые произведением до аудитории, а не развлечение, привлекательный и интересный сюжет.

Для этих целей одинаково важны как классические, так и современные произведения. Важно соблюдать принцип доступности: для многих современных студентов вдумчивое чтение классической литературы – интеллектуально и эмоционально трудная задача. Поэтому наиболее массовыми жанрами сегодня могут стать музыка и кинематограф. Постепенным увеличением роли и значимости литературных произведений должно осуществляться параллельно – от малых литературных форм (рассказы, короткие повести) к более сложным (романы, большие повести). Исключительно важна роль героическо-приключенческой литературы и кинематографа, прежде всего современных, затем – приключенческой классики, песен и клипов героико-патриотического содержания.

Общая задача воспитательной работы на этом направлении –

превратить искусство в школу жизни, источник образцов идентичности для молодежи, средство формирования личности молодого человека. Необходимо направить воспитательные средства искусства против идеологии эгоизма и потребительства, через воспитание идеалов героизма, мужественности, жертвенности, созидательного труда.

Основной практической задачей является отбор произведений искусства (музыкальных произведений, фильмов, книг) и выбор эффективных форм донесения их до молодежной аудитории. Общий принцип – неформальное, заинтересованное погружение с последующим обсуждением и рефлексией.

2.3. Организация полезной деятельности и свободного времени. С точки зрения эффективности воспитательной работы – это направление является главным. Общая задача работы по организации деятельности молодежи заключается в подкреплении и закреплении ценностей и убеждений. В данном случае следует руководствоваться известным религиозным принципом: «вера без дел мертва есть». Аналогично, воспитательная работа по формированию ценностного сознания, не подкрепленная активным вовлечением в продуктивную деятельность является по сути формальной.

Стратегия реализации этого направления работы должна быть направлена на изменение образа жизни молодого человека, перевод его из пассивно-потребительского в активно-созидательное русло.

К основным формам работы на это направлении можно отнести:

1) социальное волонтерство, социальная помощь, благотворительность – формы деятельности достаточно популярные у молодежи; сегодня важным их направлением становится деятельность в поддержку военнослужащих, находящихся в зоне боевых действий или получивших ранения, гуманитарная помощь жителям ДНР, ЛНР и Украины, информационное волонтерство.

2) физкультурно-спортивная деятельность воспитательной направленности позволяет эффективно формировать волевые качества личности молодого человека; для реализации воспитательных возможностей физкультуры и спорта важной становится идеология ГТО (готовности к труду и обороне своей Родины); это касается не только собственно комплекса ГТО, но и популяризации военно-прикладных видов спорта: единоборств (прежде всего – самбо, но и других видов), спортивного ориентирования, тематического туризма, военно-прикладных видов многоборья и т.п.

3) военно-патриотическое воспитание, помимо традиционных форм – встреч, мероприятий, выставок, посещения музеев и т.п., должно максимально приобретать деятельностные и эмоционально-вовлеченные формы: сбор медикаментов и подарков для военнослужащих, находящихся в зоне боевых действий, начальная военная подготовка и основы военно-прикладных знаний, встречи и мастер-классы от представителей силовых структур, выступления, сочинения и эссе учащихся по итогам просмотра военно-патриотических фильмов и передач, конкурсы военно-патриотической песни и т.п.

Результаты работы на этом направлении должны проявлять себя на уровне изменения повседневного распорядка дня молодого человека: его отношения к спорту, учебе, выбору музыки, фильмов, книг, форм организации свободного времени.

Библиографический список

1. Молодежь полиэтничного региона в нелинейном глоболокальном социуме: идентичность и ценности, жизненные стратегии, риски взросления / Т.А. Хагуров, А.А. Остапенко, М.Е. Позднякова / под науч. ред. Т.А. Хагурова. М.: Институт социологии РАН; Краснодар: Кубанский гос. ун-т, Парабеллум, 2021.

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРАСНОДАРСКОЙ КРАЕВОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «ЦЕНТР НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР» В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

ON THE ACTIVITIES OF THE KRASNODAR REGIONAL PUBLIC ORGANIZATION "CENTER OF NATIONAL CULTURES" IN THE CONTEXT OF IMPLEMENTATION OF THE STATE NATIONAL POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION ON THE TERRITORY OF THE KRASNODAR REGION

Чанба В. Ч.

Краснодарская краевая общественная организация
«Центр национальных культур», г. Краснодар

Chanba V. Ch.

Krasnodar regional public organization «Center of National Cultures»,
Krasnodar

Аннотация: В статье рассматривается опыт Краснодарской краевой общественной организации «Центр национальных культур» в вопросах стабилизации межэтнического климата в Краснодарском крае. Представляются структура организации, реализуемые мероприятия. К числу последних относятся: адаптация мигрантов, поддержка соотечественников, формирование общероссийской гражданской идентичности, сохранение культурного и языкового многообразия Краснодарского края, профилактику терроризма и экстремизма, развитие межнационального сотрудничества

Abstract: The article discusses the experience of the Krasnodar regional public organization "Center of National Cultures" in the issues of stabilizing the interethnic climate in the Krasnodar region. The structure of the organization, implemented activities are presented. The latter include: the adaptation of migrants, support for compatriots, the formation of an all-Russian civic identity, the preservation of the cultural and linguistic diversity of the Krasnodar Territory, the prevention of terrorism and extremism, the development of interethnic cooperation

Ключевые понятия: национальная политика, Краснодарский край, межнациональные отношения, Центр национальных культур, общественные организации

Keywords: national policy, Krasnodar Territory, interethnic relations, Center for National Cultures, public organizations

Российская Федерация является одним из крупнейших многонациональных государств мира. На территории нашей страны проживают представители свыше 190 национальностей.

В целях обеспечения интересов государства, общества, человека и гражданина, укрепления государственного единства и целостности страны, сохранения этнокультурной самобытности ее народов, гармонизации общественных и государственных интересов, а также в целях координации деятельности органов власти и их взаимодействия с институтами гражданского общества действует Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации.

Наш край – один из самых многонациональных субъектов России. Здесь в мире и согласии проживают представители более чем 150 национальностей.

Согласно данным Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Краснодарскому краю, на территории Краснодарского края действуют 158 национально-культурных общественных объединений, которые представляют основные национальные общины. Ведут работу 5 центров национальных культур.

Краснодарская краевая общественная организация «Центр национальных культур» крупнейшая общественная национально-

культурная организация Южного Федерального округа. Сегодня Центр национальных культур объединяет 28 национально-культурных общественных организаций. Это городские, краевые и региональные организации, представляющие народы Краснодарского края.

Сегодня с уверенностью можно сказать, что Краевой центр национальных культур стал ресурсной площадкой для развития сотрудничества национально-культурных общественных объединений Краснодарского края. Проекты Краснодарского краевого Центра национальных культур при поддержке департамента внутренней политики администрации Краснодарского края реализуются на территории практически всех субъектов края.

Проекты по социокультурной адаптации и интеграции мигрантов. Ежегодно на территории Краснодарского края проводятся выездные семинары по социокультурной адаптации мигрантов. Цель этих семинаров – создать площадку для прямого диалога власти и общества, где можно задать вопросы и получить на них ответы от уполномоченных органов. В них участвуют представители национальных общин и диаспор, представители работодателей и бригадиров, представители органов власти и силовых ведомств.

При возникновении конфликтных ситуаций лидеры национально-культурных объединений выезжают с правоохранителями к месту происшествий, оказывают помощь в разрешении ситуаций, ведут переговоры.

Ежегодно в крупнейших ВУЗах Краснодара проводятся встречи, направленные на гармонизацию межнациональных отношений, профилактику экстремизма и предупреждение конфликтов на национальной и религиозной почве с приехавшими на Кубань из Республик Северного Кавказа и Средней Азии первокурсниками.

Это способствует созданию дополнительных условий для улучшения социального благополучия граждан, обеспечения межнационального и межрелигиозного мира и согласия на территории Краснодарского края, особенно учитывая высокую миграционную активность и приграничное положение региона.

Проекты по духовно-нравственному развитию и патриотическому воспитанию молодежи. Большое внимание уделяется работе с национальной молодежью. С целью укрепления общероссийской гражданской идентичности проводятся семинары для молодежи, в которых участвуют представители разных конфессий и национальных общин. Используются все актуальные формы и каналы работы. На Ютуб-канале и странице «ВКонтакте» регулярно

размещаются информационные материалы, пропагандирующие укрепление гражданского единства, этнокультурное и языковое многообразие народов Российской Федерации.

В 2022 г. при Центре национальных культур был создан Молодежный совет, объединивший более 20 молодых представителей национальных общин. По инициативе Молодёжного совета был создан телеграмм-канал «КубаньЭтно», который сегодня активно набирает количество подписчиков и освещает деятельность национально-культурных объединений Краснодарского края. Установлено сотрудничество с Всероссийским Союзом молодежи, крупнейшими молодежными общественными и государственными организациями Краснодарского края.

Отдельное направление работы - развитие межрегионального сотрудничества. Одно из приоритетных направлений Государственной национальной политики РФ – поддержка соотечественников, проживающих за рубежом, содействие развитию их связей с Российской Федерацией, сохранение русского языка и гражданского самосознания.

Центр национальных культур на протяжении нескольких лет реализует проекты на территории Республики Абхазия. Средствами общественной дипломатии развивается взаимодействие институтов гражданского общества, установлено тесное сотрудничество с Координационным союзом организаций Российских соотечественников Республики Абхазия, молодежными организациями города Сухум. Проводятся совместные концерты, мастер-классы, круглые столы и встречи с общественностью.

С целью развития межнационального взаимодействия людей в различных сферах трудовой, культурной и общественно-политической жизни Российской Федерации по инициативе Центра национальных культур проводятся крупные общегородские мероприятия. Среди которых массовая акция по уборке территории Всесвятского кладбища Краснодара в преддверии Дня Великой Победы с участием представителей всех национальных общин.

Реализуемые благотворительные и гражданские акции стали особенно важными в условиях современной политической действительности. Так, по инициативе правления организации была запущена гуманитарная акция «Своих не бросаем», в ходе которой лидерами национальных общин края была приобретена гуманитарная помощь на сумму более 800 тысяч рублей и отправлена в поддержку спецоперации. В августе была запущена благотворительная акция

«Соберем в школу вместе», в ходе было приобретено 90 портфелей для детей из семей беженцев из ДНР и ЛНР.

Ежегодно мероприятия Центра, это более 200 мероприятий, направленные на формирование общероссийской гражданской идентичности, сохранение культурного и языкового многообразия Краснодарского края, профилактику терроризма и экстремизма, развитие межнационального сотрудничества.

ПЕГИДА – 2022. НОВЫЙ ПОДЪЁМ АНТИЭМИГРАНТСКИХ НАСТРОЕНИЙ?

PEGIDA 2022. A NEW RISE OF ANTI-IMMIGRANT SENTIMENT?

Щербаков В. Ю.

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Shcherbakov V. Yu.

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Аннотация: В период пандемии COVID-19 произошли существенные перемены в настроениях немецких избирателей, что может иметь далеко идущие последствия для политической ситуации в стране. В статье рассмотрена проблема эволюции движения гражданского протеста «Патриотические европейцы против исламизации Европы» (ПЕГИДА) в период после окончания пандемии. По мнению автора, новое усиление миграционных потоков, вызванное отменой большинства запретов, может способствовать возрождению движения антиисламистов.

Abstract: During the COVID-19 pandemic, there had been significant changes in the mood of German voters, which can have far-reaching consequences for the political situation in the country. The article examines the development of the civil protest movement "Patriotic Europeans against the Islamization of Europe" (PEGIDA) in the period after the end of the pandemic. According to the author, a new increase in the flow of migrants caused by the removal of most restrictions may contribute to the revival of the anti-Islamist movement.

Ключевые слова: марши по понедельникам, антиисламизм, миграция, «Альтернатива для Германии», правый радикализм, мультикультурное общество, движение гражданского протеста.

Keywords: Monday marches, anti-Islamism, migration, Alternative for Germany, right-wing radicalism, multicultural society, civil protest movement.

Появление в 2014 г. в Восточной Германии движения «Патриотические европейцы против исламизации Европы»

(ПЕГИДА) стало жёстким напоминанием властям ФРГ о том, что ксенофобия не является исключительной прерогативой сторонников традиционных правоэкстремистских структур вроде «Национал-демократической партии Германии» (НДПГ), или «Немецкого народного союза» (НС). Кроме того, большинство людей, вышедших на «марши по понедельникам» ПЕГИДА в Дрездене вовсе не были похожи на бритоголовых, малообразованных и агрессивных молодых людей в берцах с белыми шнурками. Свыше четверти сторонников ПЕГИДА имеют высшее образование, а решающим мотивом участия в акциях является недовольство миграционной политикой правящих партий и реалиями мультикультурного общества. По данным опросов, проведённых институтом Форса более 29% немцев уверены в серьёзном влиянии ислама на жизнь в Германии и поэтому считают марши ПЕГИДА вполне оправданными [3]. Как отмечают немецкие исследователи феномена, движение ПЕГИДА, «возникнув ниоткуда», вывело на улицы тысячи немцев, чтобы продемонстрировать неприятие «экономических беженцев, салафитов, «войн за веру» и «лживой прессы». Обращается внимание также на то, что демонстрации, инициированные явно неопытными руководителями при помощи социальной сети Facebook «оказались чрезвычайно хорошо спланированными, подготовленными и проведенными» [4, S.16]. В 2014–2017 гг. десятки тысяч немцев из самых разных социальных слоёв общества выходили на демонстрации, протестуя против массового наплыва мигрантов из стран Ближнего Востока и Африки, а также реалий мультикультурной жизни. Одним из основных лозунгов «пегидантов» стал родившийся во время массовых манифестаций осени 1989 г. девиз «Мы – народ».

Программа «ПЕГИДА», вначале состоявшая из 19 пунктов, позже, в разгар миграционного кризиса, была сокращена до 10. В ней содержались требования сохранения и защиты немецкой идентичности, уважительного отношения к «нашему искусству, культуре, языку и традициям». Программа призывала остановить политический или религиозный фанатизм, радикализм, исламизацию, гендеризацию и раннюю сексуализацию детей. Особое внимание уделялось проблеме миграции, прежде всего, необходимости проверки ещё на границе каждого потенциального мигранта на соответствие требованиям законодательства. В п. 9 содержался призыв к «нормализации отношений с Российской Федерацией» [5].

В течение короткого времени ПЕГИДА из Дрездена

распространилась вначале на Восточную Германию, а вскоре на всю Федеративную республику и даже на несколько европейских и не только стран (Великобританию, Канаду, Данию и ряд других). Всплеск антиисламских настроений был настолько неожиданным, что традиционные сторонники мультикультурного общества из рядов «зелёных», левых и либеральных активистов, не сразу сумели организовать достойный отпор. На многих митингах, особенно в таких городах как Дрезден и Лейпциг, противники ПЕГИДА долгое время были в меньшинстве, несмотря на поддержку городских властей. Очень быстро «патриотические европейцы» были объявлены традиционными партиями и ведущими СМИ страны врагами демократии, неонацистами, с которыми, по мнению одного из лидеров «зелёных», турецкого черкеса по происхождению Джема Ождемира, диалог совершенно невозможен. Политик, частности, заявил, что «ПЕГИДА это не Германия» [1]. Это не могло не способствовать отходу от антиисламского движения многих немцев, для которых любые намёки на связь национал-социализмом неприемлемы.

В движении начался раскол, в результате которого часть активистов покинула ПЕГИДА. Среди них был даже «отец-основатель» движения Лутц Бахман, на время исчезнувший в неизвестном направлении, но, впрочем, скоро возвратившийся. Успех «Альтернативы для Германии» (АдГ) на выборах в Бундестаг 2017 г. стал очередным серьёзным ударом по ПЕГИДА. Многие участники «маршей по понедельникам» стали связывать свои надежды с исправлением ситуации в миграционной сфере именно с партией евроскептиков, в программе которой было ясно сказано, что «ислам не имеет отношения к Германии», а всё большее количество мусульман «представляет угрозу для нашего государства, общества и системы ценностей» [7. S.49]. Кроме того, АдГ призывала закрыть границы для предотвращения массовой миграции и предоставлять убежище «по нашим правилам» [7 S.29].

Пандемия COVID-19 казалось, нанесла антиисламскому движению завершающий удар. Во-первых, границы страны оказались в значительной степени закрыты для притока новых мигрантов, тем самым снизив анти-мигрантский накал в обществе, во-вторых, основными пропагандистскими мероприятиями «пегидантов» были именно уличные митинги и марши, существенно ограниченные, или даже запрещённые властями под предлогом меры для борьбы с распространением коронавируса.

Наконец, в 2020 – начале 2022 гг. основным новым протестным явлением Германии стало движение «отрицателей коронавируса» (Querdenker 711), оттянувшее от ПЕГИДА определённую часть сторонников. Движение стало причудливой смесью противников противоречивых и часто необоснованных действий властей в период пандемии, адептов разнообразных «теорий заговора» и просто протестных настроений в обществе, «Думающие не так», впрочем, тут же были заклеены властями, «лживой прессой» и представителями «этаблированных» партий и организаций как правые экстремисты. Ведомство по защите конституции (ВЗК) на родине движения в Штутгарте (Баден-Вюртемберг) даже начало «отслеживать Querdenker 711 и его филиалы, поскольку эти инициативы с течением года становились всё более радикальными» [9]. Не оставили правоохранительные органы без внимания и ПЕГИДА. В конце 2021 г. саксонское ВЗК взяло движение под наблюдение. К этому времени, активная деятельность анти-исламистов оказалась практически свёрнута, сохранившись преимущественно в Facebook, однако, в докладе ВЗК Саксонии было выражено опасение, что при определённых обстоятельствах ПЕГИДА может «вернуться к организации собственных мероприятий и возобновит свою деятельность, набрав новый импульс» [8. S.81]. В апреле 2022 г. Лутц Бахман был приговорён земельным судом Дрездена к шести месяцам заключения с отсрочкой приговора на шесть месяцев за «разжигание ненависти». Приговор суда знаковой фигуре движения не мог не сказаться на спаде активности ПЕГИДА.

Начиная с 2022 г. политическая обстановка в Федеративной республике претерпела определённые изменения. Во-первых, в большинстве стран мира, и в ФРГ в том числе, были отменены значительная часть карантинных ограничений, что привело к открытию границ и, следовательно, усилению потока мигрантов, а также, к падению интереса немцев к движению «Думающих не так». Проблема миграции вновь начала выходить на первый план. Рост анти-мигрантских настроений в Германии отчётливо проявился на последних выборах в ряде федеральных земель, в некоторых из которых явно обозначилось усиление позиций АдГ, которую можно считать дружественной ПЕГИДА. Так, на выборах 2022 г. в ландтаг Нижней Саксонии евроскептики получили 10,9% (+4,7% по сравнению с 2017 г.) [11]. На настроения немцев не могло не оказать воздействие нахождение в стране десятков тысяч беженцев с Украины.

В понедельник 25 октября 2022 г. после шестимесячного перерыва в 242 раз «ПЕГИДА вновь вышла на улицы» [2]. Хотя антиисламские лозунги присутствовали, значительная часть плакатов касалась войны на Украине, протестов против антироссийской политики правительства и высоких цен на энергоресурсы. В Дрездене, Лейпциге, Хемнице и ряде других городов Саксонии, по данным немецкой прессы ПЕГИДА вывела тысячи протестующих. Так, в Цвикау их было около 1300, а в Хемнице 2000. Им противостояли немногочисленные, но агрессивные группы молодых людей, выступающих под антифашистскими лозунгами. В митинге альянса "Восстань против расизма" приняли участие около 50 человек. Несмотря на старания полиции разделить демонстрации, в Лейпциге между противниками произошло столкновение, а в Хемнице пострадала съёмочная группа [6]. Среди выступавших на митинге в Дрездене, помимо лидеров движения Лутца Бахмана и Зигги Дабрица был замечен член земельного правления тюрингского отделения АдГ Даниэль Хазелофф. Последний подверг резкой критике политику правительства Тюрингии во главе представителем партии «Левые» министром-президентом Бодо Рамеловым. Несмотря на то, что официально АдГ старается дистанцироваться от ПЕГИДА, участие отдельных руководящих представителей евроскептиков на местах в мероприятиях движения стало нормой. Все выступающие выразили уверенность в том, что ПЕГИДА и в дальнейшем будет бороться за права немцев и прежде всего, решительным борцом против исламизации Германии [10].

Таким образом, ПЕГИДА после некоторого перерыва, вновь пытается возглавить протестное движение в стране, используя любые поводы, главное, чтобы они противоречили официальной позиции властей, как по вопросам внутренней, так и внешней политики. Уровень поддержки движения, которое явно переросло границы исключительно антиисламской направленности, будет зависеть не только от успеха иммиграционной политики правительства, но и от развития новых внутривластных и международных вызовов, включая конфликт на Украине и падение благосостояния населения Германии.

Библиографический список

1. Cem Özdemir: Pegida ist nicht Deutschland [Электронный ресурс] URL: <https://www.stern.de/politik/deutschland/gruenen-chef-cem-oezdemir> (дата обращения: 26.10.2022).

2. DIE 242. PEGIDA ZUM NACHHÖREN [Электронный ресурс] URL: <https://www.pegida.de> (дата обращения: 4.11.2022).
3. Fast jeder dritte Deutsche hält Pegida-Märsche für gerechtfertigt [Электронный ресурс] URL: <https://www.t-online.de/nachrichten/deutschland/gesellschaft/id.html> (дата обращения: 26.10.2022).
4. Geiges L, Marg S., Walter F. Pegida: Die schmutzige Seite der Zivilgesellschaft. Transcript Verlag: Berlin, 2015. 208 S.
5. Pegida. Programm. Dresdner Thesen. [Электронный ресурс] URL: <https://www.pegida.de/programm.html> (дата обращения: 26.10.2022).
6. Pegida wieder in Dresden auf der Straße und Kundgebungen in anderen Städten [Электронный ресурс] URL: <https://www.mdr.de/nachrichten/sachsen/> (дата обращения: 30.10.2022).
7. PROGRAMM FÜR DEUTSCHLAND. Wahlprogramm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum Deutschen Bundestag am 24. September 2017. Beschlossen auf dem Bundesparteitag in Köln am 22./23. April 2017. 98 S.
8. Sächsischer Verfassungsschutzbericht 2021. Dresden, 2022. 255 S.
9. Verfassungsschutzbericht 2020 vorgestellt. [Электронный ресурс] URL: <https://im.baden-wuerttemberg.de/de/service/presse-und-oeffentlichkeitsarbeit/pressemitteilung/pid/> (дата обращения: 30.10.2022).
10. Video: 242. [Электронный ресурс] Pegida <https://www.pi-news.net/2022/10/heute-ab-1840-uhr-live-242-pegida-am-neumarkt-in-dresden/> (дата обращения: 30.10.2022).
11. Wahl in Niedersachsen: Die Ergebnisse in allen Wahlkreisen [Электронный ресурс] URL: <https://www.bpb.de/kurz-knapp/hintergrund-aktuell/513735/9-oktober-landtagswahl-in-niedersachsen/> (дата обращения: 4.11.2022).

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЖИТЕЛЕЙ Г. МАЙКОПА В ПЕРИОД НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ АДЫГЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ

DAILY LIFE OF THE RESIDENTS OF THE CITY OF MAYKOP IN THE PERIOD OF THE GERMAN-FASCIST OCCUPATION OF THE ADYGEA AUTONOMOUS REGION

Шеретлоков К. В.

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Sheretlokov K. V.

Kuban State University, Krasnodar

Аннотация: Автор рассматривает повседневную жизнь жителей г. Майкопа во время немецко-фашистской оккупации Адыгейской автономной области в годы Великой Отечественной войны. Анализируется процесс

установления в городе «нового порядка» оккупантами, а также общественная жизнь жителей города, которая также организовывалась в военно-пропагандистских целях, посредством газеты «Майкопская жизнь».

Abstract: The author examines the everyday life of the inhabitants of Maikop during the Nazi occupation of the Adygei Autonomous Region during the Great Patriotic War. The process of establishing a "new order" in the city by the occupiers, as well as the social life of the city's inhabitants, which was also organized for military propaganda purposes, through the newspaper «Maikopskaya Zhizn» is analyzed.

Ключевые понятия: Адыгейская автономная область, Великая Отечественная война, Майкоп, оккупация, население

Keywords: Adygei Autonomous Region, Great Patriotic War, Maikop, occupation, population

Великая Отечественная война занимает ключевое место в российской исторической науке, в сознании общества в целом. Адыгея и адыгский народ принимали непосредственное участие в защите СССР от нацистской Германии. Адыгея, как и многие другие территории не избежала оккупации, которая началась в августе 1942 г. В период битвы за Кавказ, сначала через г. Майкоп шел непрерывный поток беженцев, вынужденных переселенцев и раненых красноармейцев. Затем город был переведен на осадное положение, жители города рыли оборонительные траншеи, возводили дополнительные укрепления. В начале августа город начал подвергаться авианалетам нацистской Германии, а уже 9 августа он был оккупирован [1].

На захваченных территориях оккупанты стали внедрять свой «новый порядок», который сопровождался кровавым террором. В течение пяти месяцев они истребили более 4 тысяч жителей Адыгеи, из них в одном только Майкопе было расстреляно более 3000 чел. [2].

Прекрасно понимая важность для немцев получения на Кавказе нефти еще до оккупации, 23 июля было принято постановление крайкома ВКП(б) о демонтаже и эвакуации предприятий Майкопского нефтекомбината [3, л. 10–11]. По решению руководства нефтяники, оставляя промыслы, организовали вывоз наличных запасов нефти. В основном эвакуировали оборудование и взорвали то оборудование, которое нельзя было вывести, уничтожили скважины. Многочисленные попытки гитлеровцев организовать добычу майкопской нефти были безуспешными [4, с. 108].

Майкопский нефтекомбинат был крупнейшим предприятием края. В его состав входили три нефтедобывающих треста – «Хадыженнефть», «Апшероннефть», «Черноморнефть», общая суточная добыча нефти в которых осенью 1941 г. составляла 7200

тонн, газа – 470 тонн, а в 1942 г. (перед оккупацией) соответственно 3780 и 140 тонн. [5, л. 16–18].

В Майкопе, в аулах и станицах у власти встали фашистские коменданты, бургомистры, а также старосты, назначенные оккупантами и подобранные, как правило, из числа скрытых противников советской власти. Для наведения «нового порядка» устанавливалось особое положение. Производились аресты, истязания и расстрелы мирных граждан, тех, кто отказывался сотрудничать с оккупантами.

Город непросто переносил оккупацию. Была создана городская комендатура, организован контроль за продовольствием среди населения (сбор).

Комендатура располагалась в доме № 159 по улице Первомайской. По различным оценкам военных историков численность оккупационного гарнизона достигала 10–20 тысяч солдат вермахта.

Бургомистром города Майкопа было дано распоряжение от 22 августа 1942 г. о «сдаче награбленного имущества». В нем говорилось: «Население обязано внести награбленное имущество не позднее 28 августа в помещение городского Управления, а в сельской местности старостам не позднее 1 сентября. Все лица, которые имеют на руках казенные или общественные деньги, или не сданную выручку и другие суммы, обязаны в тот же срок внести их в Майкопский банк, а в сельской местности в кассу старост. У кого после 28 августа окажется награбленное имущество или приблудившийся скот, или будет установлено, что он бросил имущество в реку Белую, будет подвергнут смертной казни. Городская полиция проведет у подозреваемых лиц домашние обыски и аресты [6, л. 8].

В городе наблюдался дефицит продовольствия среди местного населения, что негативно сказывалось на взаимоотношениях горожан и оккупационной администрации, которая жестоко пресекала любые попытки сокрытия продовольствия или их кражу.

Работающее население в Майкопе, получало 400 гр. хлеба из отрубей и кукурузы, 2 раза горячую пищу из подмешанных отрубей. Германское командование оставило в силе владение землей. Те граждане, которые не состояли в колхозе, были объединены по 10 дворов для окончания сельхозработ в 1942 г. По приказу германского командования, 50% урожая поступало в фонд обеспечения полиции. Каждое лицо, имеющее в своем хозяйстве корову, обязано было

поставлять ежедневно 1 л. молока. Не выполнившие первый раз это требование получали 25 розг. Сено, кукурузу, картофель, фрукты немцы увозили из станиц по мере потребности стоящих или проходящих войск. Весь колхозный рогатый скот был конфискован и отправлен в глубокий тыл [7, с. 471].

Также имела место быть и общественная жизнь города, которая также организовывалась в военно-пропагандистских целях. В городе была восстановлена дореволюционная газета «Майкопская жизнь», а лозунгом города немцы выбрали «Трудящиеся всех стран, объединяйтесь в борьбе против большевизма!». Всего с 30 августа 1942г. по 14 января 1943г. вышло тридцать семь номеров с ярко-выраженной антибольшевистской пропагандой, критикой сталинизма, раскулачивания и всех ключевых направлений советской политики. Также было произведено переименование улиц на дореволюционный уклад – Ленина – Клубной, Пролетарская – Купеческой, Пионерская – Михайловской, Советская – Александровской [8].

С первого же дня оккупации Адыгейской автономной области фашисты приступили к выполнению плана по угону советских людей в Германию. Основной упор всей фашистской пропаганды был сделан на агитацию и обман советской молодежи. Для обмана молодежи, в той же газете «Майкопская жизнь» поместили целую серию статей с описанием «фашистского рая», о том, как живет и работает молодежь в Германии и т.д. [9, л. 2]. Таким образом обрабатывалось население Адыгеи для отправки в Германию.

Но, для захватчиков вскоре стало ясно, что их планы, рассчитанные на обман населения путем добровольной вербовки для отправки на работу в Германию, провалились. Поскольку население упорно не хотело ехать в Германию, немецкое командование стало отлавливать молодежь и отправлять насильно. Обычными стали облавы по городу и станицам, хватали подростков, мужчин и женщин и отправляли их в концентрационные лагеря, затем грузили в вагоны и отправляли в Германию. С лицами, пытавшимися протестовать против подобного произвола, они расправлялись самым беспощадным образом. Были расстреляны тысячи советских граждан г. Майкопа и области. Сотни людей из Адыгейской автономной области все-таки были отправлены в немецкое рабство.

В городе также совершались и военные преступления – широко, как и в Краснодаре применялись так называемые «душегубки» – газовые камеры – закрытые грузовики весом 5–7 тонн, используемые в целях ликвидации мирного населения. В результате освобождения

Красной Армией города Майкоп и проведения на его территории специальных следственных действий были обнаружены восемь ям, в которых находилось 2056 трупов расстрелянных и замученных советских граждан: в шести ямах за городом в районе спиртзавода № 6 – 1716 трупов, в яме дома управления НКВД – 300 трупов, на стадионе «Динамо» – 40 трупов. Установлено, что за время оккупации в Майкопе было убито более 3 тыс. мирных жителей [10, с. 139].

Таким образом, мирная жизнь на территории современной Республики Адыгея в годы Великой Отечественной войны была существенно осложнена тяжелым военным материальным положением, особо сложным был этап оккупации города Майкоп, что связано с военными преступлениями оккупантов и местных коллаборационистских образований, а также жестоким отношением с мирным населением и военнопленными в специально созданных временных лагерях. Массовый террор и пропагандисткая деятельность также оказывала негативное влияние на происходящее в городе. Только активная деятельность партизанских соединений и освобождение города регулярными частями Красной Армии позволило существенным образом изменить и улучшить обстановку в городе.

Библиографический список

1. Книга Памяти Республики Адыгея URL: http://nb-ra.ru/media/userfiles/%D0%9A%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B0_%D0%9F%D0%B0%D0%BC%D1%8F%D1%82%D0%B8_5%D1%82.pdf (дата обращения 15.09.2022)
2. Информационно-аналитическое управление Аппарата Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея URL: <https://www.gshra.ru/socially/istoricheskaya-spravka-ob-uchastii-zhiteley-adygei-v-velikoy-otechestvennoy-voyne-1941-1945-godov.html> (дата обращения 15.09.2022)
3. ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 324, Л. 10–11.
4. Сообщения советского информбюро. М., 1942. Т. 3. С. 108.
5. ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 763. Л. 16, 17, 18.
6. Государственное учреждение «Национальный архив Республики Адыгея (далее ГУНАРА). Ф.Р-1135. Оп. 1. Д. 9. Л. 8.
7. Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Краснодар, 2000. Кн. 1. С. 471.
8. Кринко Е.Ф. Устная история великой отечественной войны: институционализация и результаты исследований на юге России // Исторический курьер. 2020. № 5.
9. ГУ НАРА. Ф.Р-829. Оп.1. Д.2а. Л. 2, 2 об.
10. Глухов В.М., Ачмиз К.Г. Адыгея в дни Великой Отечественной войны. Майкоп: Полиграфиздат Адыгея, 206.

ВЛИЯНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БРИКС НА ТРАНСФОРМАЦИЮ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

IMPACT OF THE BRICS ACTIVITIES ON THE TRANSFORMATION OF THE INTERNATIONAL ECONOMIC SYSTEM

Шманяк В. А.

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Shmanyak V. A.

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация: В статье проводится анализ причин возникновения организации БРИКС, цели, которые преследуют государства, ее члены и то, каким именно образом данная организация стремится достичь реализации поставленных перед собой целей. Выявляются особенности данной организации, отличающие ее от других блоков стран, а также определяющих цели и методы деятельности БРИКС в реализации процесса трансформации международной экономической системы.

Annotation: The article analyzes the reasons for the emergence of the BRICS organization, the goals pursued by its member states and how this organization seeks to achieve its goals. The features of this organization are revealed, which distinguish it from other blocs of countries, as well as determining the goals and methods of BRICS activity in order to transform the international economic system.

Ключевые слова: Россия, Индия, КНР, ЮАР, Бразилия, БРИКС, международное сообщество, торгово-экономические отношения, глобализация.

Keywords: Russia, India, China, South Africa, Brazil, BRICS, international community, trade and economic relations, globalization.

Название организации БРИКС сложилось из заглавных букв стран-участниц на английском языке. BRICS – сокращение от Brazil, Russia, India, China, SouthAfrica. Свою историю она ведет с 2006 г., когда 20 сентября в ходе Петербургского экономического форума, по инициативе российской стороны, состоялась встреча министров экономики Бразилии, России, Индии и Китая. Очень скоро, стараниями президента России В.В. Путина, страны достигли определенного уровня сближения и 16 июня 2009 г. в Екатеринбурге состоялся первый Саммит организации, тогда носившей название БРИК. Это была и первая официальная встреча лидеров четырех государств, создавших данный клуб. В 2010 г. в рамках нового саммита состоялся первый совместный деловой форум. Обсуждались такие вопросы, как использование ресурсов и энергии во взаимосвязи

с устойчивым развитием торгово-экономического сотрудничества и его финансовой поддержки, потенциала рынков стран-участниц форума, использования инновационных технологий для обеспечения экологически чистого роста производства [2].

В этом же 2010 г. состоялось еще одно важное для данной организации событие – о своем вступлении в БРИК в декабре 2010 г. объявила Южно-Африканская республика (ЮАР). С этого времени организация носит свое название – БРИКС. И уже тогда для многих стало очевидно, что эта организация, хотя и не является военно-политическим блоком, будет иметь огромное влияние на изменения геополитической обстановки. Так, на текущий момент в этих странах проживает свыше 2,8 млрд. чел. – это более 40% мирового населения. Одновременно с этим их ВВП вместе составляет 31% от мировой экономической мощи [6, с. 21]. Такие показатели позволяют странам БРИКС фактически функционировать в рамках собственной самостоятельной системы торгово-экономических отношений.

Потенциал Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР был определен британским экономистом Джеймсом О'Нилом, который в свое время и ввел в обращение аббревиатуру БРИКС. Согласно его прогнозам, к 2050 г. БРИКС сумеет вытеснить с позиции экономического центра мира «Большую семерку», а вместе с тем и устоявшуюся модель международной экономики, где главенствующую роль играет европейско-американский блок стран [7, с. 8].

Уже к тому моменту, когда в 2010 г. состоялось первое и, судя по тому, что в 2022 г. заявку на вступление в организацию подали Иран и Аргентина, а свое желание сделать это высказали Индонезия, Мексика, Саудовская Аравия, Турция, Египет, Таиланд, Нигерия, Бангладеш, Алжир, Греция, Сирия, Таджикистан – не последнее, расширение состава стран-участниц, стало очевидным, что БРИКС – это весьма серьезная сила. И международное сообщество оказалось вынуждено следить за ее развитием и ростом степени влияния на мировую экономическую систему. А о перспективе расширения этой организации говорит также уже упомянутый факт, что много стран высказывают желание присоединиться к данной организации, что позволит в будущем еще больше усилить влияние БРИКС на международную экономику.

Определить это достаточно сложно, особенно если учесть изменчивость расстановки сил в международной политике и договоренностей в области экономики. Однако, некий прогноз мы все

же имеем возможность составить. И помочь в этом может, в первую очередь, анализ интересов и деятельности стран-участниц. Особенно следует уделить внимание тому факту, что хотя они все являются членами одной организации, в действительности страны имеют различные экономические интересы, которые во многом обусловлены уровнем их развития. Бразилия, Индия, Китай и Россия по праву занимают прочные позиции в списке десяти ведущих экономических держав. В то же самое время ЮАР находится в положении страны, имеющей средний достаток. Ведущую позицию в БРИКС в этом отношении удерживает КНР, имеющая самый высокий темп экономического роста, а также самое многочисленное население. Также по численности населения ведущую позицию в организации наравне с Китаем занимает Индия. В отношении уровня жизни ведущее положение в БРИКС удерживает Россия. Одновременно с этим она поддерживает самый высокий индекс развития человека по сравнению с остальными странами-участницами.

Важным пунктом, позволяющим достичь эффективного взаимодействия в условиях различий, выступают двухсторонние договоренности, заключенные странами-участницами. Некоторые из них имеют достаточно длинную и непростую историю отношений на межгосударственном уровне. Причина поддержания этих отношений во многом заключается в достижении взаимной выгоды. Ярчайшим примером этого служат отношения, сложившиеся между двумя давними экономическими партнерами – Россией и Индией.

Длительное время Москва и Нью-Дели поддерживали крепкие дружественные отношения. Причиной этому служили взаимовыгодные договоренности и совместное противодействие усилению КНР в азиатском регионе. Однако, после развала Советского Союза между двумя странами начался достаточно непростой период отношений. Причина этого заключалась в том, что, оказавшись в тяжелом экономическом положении, Москва не могла более исполнять ряд договоренностей. Кроме этого, переориентация России на сближение с Западом обозначила период резкого снижения внимания к ведению дипломатических и торговых отношений с азиатскими странами.

Но период разрыва 1990-х гг. завершился в октябре 2000 г., когда новоизбранный президент России Владимир Путин совершил официальный визит в Индию. Он стал первым после 1993 г., когда президент России Ельцин единственный раз приезжал для подтверждения ранее утвержденных договоренностей. Помимо того,

что этот визит стал первым за более чем семь лет, он был весьма продуктивным. С 2 по 5 октября было ратифицировано 17 документов между двумя странами, в том числе Декларация «О стратегическом партнерстве между Республикой Индия и РФ», подписанная лично президентом России В.В. Путиным и премьер-министром Индии Атал Бихари Ваджпай [7, с. 11].

А первый шаг к возрождению отношений между двумя странами произошел в январе 1996 г., когда министром иностранных дел РФ был назначен опытный востоковед, государственный Е.М. Примаков, который уже в первые месяцы работы обозначил новое внешнеполитическое кредо МИД, заключавшееся в том, что «если Россия сохраняется на международной арене в качестве одного из основных субъектов, то ей следует проводить многовекторную политику», «действовать по всем азимутам», а «это и США, и Европа, и Китай, и Япония, и Индия, и Ближний Восток, и Азиатско-Тихоокеанский регион, и Латинская Америка, и Африка» [6, с. 195].

Россия вновь выступила как Евроазиатская держава, балансирующая между Западом и Востоком. В этом отношении легко можно проанализировать всю внешнюю политику Москвы за последние двадцать с лишним лет. И определить, почему именно Россия стала инициатором создания БРИКС. То, что такое объединение как БРИКС оказалось возможно, стало следствием всего этого весьма сложного и поражающего своими масштабами переплетения интересов, противоречий и амбиций международного сообщества.

Возвращаясь к тесным отношениям со странами Азии, Россия желала обеспечить свою экономическую безопасность от посягательств Вашингтона и подконтрольных ему блоков ЕС и НАТО. И та поддержка, которую Москва нашла в Пекине, Нью-Дели и иных столицах этого и многих других регионах, не была случайной. Когда США обозначили себя ведущей мировой державой, в качестве нового миропорядка было выбрано обеспечение доминирования развитых стран и создание на основе этого единого политико-экономического пространства. Всем остальным странам в данном процессе глобализации отводилась роль сырьевых баз, обеспечивающих их экономическое благополучие. То есть, почти все страны Азии, Африки и Южной Америки должны были вновь стать колониями Европы.

На основе противодействия данной угрозе, Россия и Индия еще в декабре 2004 г. подписали декларацию, в которой говорилось о том,

что самым лучшим методом разрешения существующих глобальных проблем является многосторонний подход, предполагающий процесс создания глобальной экономики на равных правах. Гарантом того, что данная система будет создана, должно выступать сохранение многосторонности всех участвующих в торгово-экономических отношениях, сохранение их уникальности в культурном, общественном и экономическом устройстве. То есть – сохранение самостоятельности всех стран, без ограничения их возможностей в рамках неких единых блоков с одним признанным лидером. Как было в НАТО или ОВД.

Именно по этой причине Москва и Нью-Дели отдают предпочтение взаимодействию с другими странами посредством таких каналов международных отношений, как БРИКС и треугольник Россия-Индия-Китай. Такая система, основанная на взаимоуважении, гарантированная паритетом сил и экономик, является прекрасным инструментом для перестройки современной системы международных отношений. Причем это касается как политических, так и торгово-экономических связей. Именно экономическая мощь этих стран, объединенная для достижения единой цели, будет способствовать прекращению господства блока западных стран через долларовую валюту и процесс глобализации, делающие другие страны зависимыми от них. Помимо БРИКС, данной цели служит Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), существующая значительно дольше и занимающая более прочные позиции в мировой экономике. В 2017 г. стараниями России, как одной из основателей ШОС, Индия также была включена в состав этой организации, целью которой является поддержание взаимовыгодных торгово-экономических отношений. БРИКС – более целенаправленная организация.

На основе этого, Россия и Индия, равно как и другие члены БРИКС, придерживаются четырех принципов. Первый – многополярность. Второй – суверенитет. Третий – поддержка международного права, основой которой будет способность каждого государства обеспечить свою независимость и отстаивать свои интересы. И последний, четвертый, говорит о том, что должен продолжать функционировать некий международный совещательный орган – ООН. В рамках данной структуры страны могут совместно обсуждать перспективы взаимовыгодного развития и разрешать возникающие противоречия.

Ключевая цель, которую ставили создатели БРИКС перед функционированием данной организации, заключалась в становлении данного объединения государств в новый центр политического и экономического влияния в мире. При этом сама организация выступает в качестве форума, в рамках которого все страны-участницы имеют возможность обсуждения дальнейшего сотрудничества на различных уровнях: региональном, трансрегиональном и глобальном. Примечательно, что именно прочные экономические связи между всеми странами-участницами, а также их стабильное развитие являются ключевым фактором, способствовавшим изначальному объединению их в рамках одной организации, а затем и дальнейшему сотрудничеству.

Так, за период 2011–2017 гг., общий объем товарооборота между государствами, несмотря на свои малые объемы по показателям стоимости и тоннажа, сохраняет динамику устойчивого роста. Товарооборот КНР со странами БРИКС составил 7% от общего объема китайского экспорта. Что касается ЮАР, то республика за один лишь 2017 г. экспортировала товарной продукции на общую сумму в 89,5 млрд долл., из них на четыре страны БРИКС приходилось 16% [8, с. 58]. Индия экспортирует свои товары во все страны БРИКС. Больше половины, а именно 55% индийских поставок товаров внутри организации, приходится на Китай, 20% – на ЮАР, 13% – на Бразилию и 11% – на Россию. В 2016 г. из всего российского экспорта в страны БРИКС около 80% приходилось на Китай, 15% – на Индию, 5% – на Бразилию и около 0,5% – на ЮАР [8, с. 53].

Немаловажным является и тот фактор, что за период в десять лет с 2008 по 2017 гг., несмотря на крупные экономические потрясения этого времени, странам, входящим в БРИКС, добиться значительного роста своего общего ВВП. Этот прирост достиг показателя четырехкратного увеличения: с 3 до 12 трлн. долл. За данный период времени это составило 33% всего прироста в международной экономике [13, с. 201].

Основным условием, способствующим сближению стран на основе торговли, является единство в отношении всех стран БРИКС к международной торгово-экономической обстановке. Они поддерживают существование ВТО как структуры, в задачи которой входит обеспечение мирного урегулирования споров. При этом страны выступают за ее постепенную модернизацию и всячески пытаются противодействовать попыткам ее разрушения. Дальнейшее усиление связей между странами-участницами, наблюдаемое в 2021–

2022 г., имеет значительные перспективы. Прежде всего, новым важным этапом станет вхождение в единую систему торговых отношений соседних со странами БРИКС государств. Ярким примером этого служит функционирование СНГ, в рамках которого Россия поддерживает связи с большинством государств на постсоветском пространстве. Помимо этого, перспективными партнерами могут стать государства Африки и Азии. Важным фактором может стать постепенное внедрение современных цифровых технологий в торгово-экономические отношения.

Важным примером, подтверждающим постепенное укрепление позиций БРИКС в международной экономике и торговле, стало изъявление желания о вступлении в организацию Саудовской Аравии, Турции и Египта. При проведении грамотных реформ функционирования БРИКС это откроет значительные перспективы для дальнейшего развития. Политолог Топорнин Н. Б. высказывается об этой ситуации так: «БРИКС находится на начальном этапе своего развития, пока что организация в поисках канвы той деятельности, которая ее будет выгодно отличать. Пока это механизм консультаций и контактов, но не более того. В экономическом плане никаких особых договоренностей тоже нет» [5, с. 412]. Если же этого удастся достичь, БРИКС станет связующим звеном между странами Азии, Африки и Южной Америки, создав мощный противовес американо-европейской экономикам, а во многом и превосходя их. Ведь если Запад чаще всего обозначает свое экономическое превосходство благодаря огромному объему денег, входящих в товарооборот, то государства БРИКС и кандидаты на вступление имеют более значимые позиции в объемах производства и запасах сырья.

Различия в уровнях развития напрямую влияют и на то, какие интересы страны преследуют, участвуя в деятельности БРИКС. И в этом состоит еще один столь же весомый и необычный феномен этой структуры, как и прочные позиции данной организации на международной экономической арене. И он заключается в том, что, несмотря на различия, страны успешно находят компромисс в решении различных вопросов. Объяснение этому во многом заключается в весьма значимом факторе, во все времена способствовавшем преодолению разногласий – общая угроза в лице стран Запада. США и их союзники – опасная сила, против которой невозможно выстоять в одиночку, как это показала судьба Югославии, Ирака и Ливии.

И лишь объединив свои усилия, ведущие страны отдельных регионов мира, которыми являются все нынешние страны-участницы, смогут обеспечить собственную безопасность. Если возможно говорить о таком, то следует признать, что после ослабления непосредственной угрозы для БРИКС в лице НАТО будет иметь мало шансов на дальнейшее функционирование. Страны-участницы скорее всего начнут отстаивать сугубо личные интересы, а, следовательно, вступят в конкурентную борьбу между собой. И нельзя сказать, что это будет плохо. Напротив, каждая из пяти стран станет противовесом друг другу, создав то, о чем достаточно часто высказывается В. В. Путин – многополярный мир, в рамках которого установится система взаимного сдерживания. Точно такая же, как была в годы холодной войны, но с куда большим запасом прочности. Ведь распад одной крупной державы не будет означать установление в мире неограниченной власти некоего гегемона. Бесспорно, различия в экономике и текущие наиболее прочные позиции Китая ставят под вопрос факт жизнеспособности этой системы. Однако такая система, связанная не только конкуренцией, но и взаимовыгодными торговыми отношениями выглядит значительно перспективней, нежели чем существующая лицемерная модель «демократического» международного содружества, в действительности зависящая от воли одного лидера.

Библиографический список

1. БРИК как новая форма многовекторной дипломатии // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 1. С. 38–64.
2. Взаимодействие деловых кругов БРИКС [Электронный ресурс] // URL: <https://rspp.ru/activity/cooperation/briks/> (дата обращения: 11.10.2022).
3. Давыдов В.М. Перспективы БРИКС и некоторые вопросы формирования многополярного мира. Материалы доклада на общем собрании Отделения общественных наук РАН 2 апреля 2008 года // ИЛА РАН. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ilaran.ru/?n=495> (дата обращения: 08.10.2016).
4. Концепция внешней политики Российской Федерации. М. 2008. 15 июля [Электронный ресурс] // URL: <http://kremlin.ru/acts/785>.
5. Михайлов Н.Н. Страны БРИКС и межцивилизационный диалог // Стратегия России в БРИКС: цели и инструменты: сб. статей / под ред. В.А. Никонова, Г.Д. Толорая. М.: РУДН, 2013. С. 409–428.
6. Примаков Е.М. Встречи на перекрестках. М.: Центрполиграф, 2016.
7. Толочая Г.Д. Россия и БРИКС. Перспективы и возможности / Г.Д. Толочая // Стратегия России. 2015. № 5. С. 8–14.

8. Уянаев С.В. Сотрудничество в формате БРИКС в контексте основных тенденций современного мира // Китай в мировой и региональной политике: История и современность. М., 2011. Вып.16. С. 44–74.

9. Юсупов Р. Страны БРИК защитят конкуренцию сообща // Казанские ведомости, Вып. № 19. [Электронный ресурс] URL: KAZVED.RU: <http://www.kazved.ru/article/26565.aspx>. (дата обращения: 08.10.2016).

10. Humphries M. Rare Earth Elements: The Global Supply Chain // CRS Report for Congress 7-5700. June 8. 2012; Рынок редкоземельных металлов 2010, 2011 // Metal Research [Электронный ресурс] // URL: <http://metalresearch.ru/index.html>; Kuepers A. Russia not ready to cover China rare earths gap. 21.10.2011 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.reuters.com/article/2011/10/21/usrussa-rare-earths-idUSTRE79K1OO20111021> (дата обращения: 08.10.2016).

11. Martynov B. BRICs: cooperation perspectives in the international security sphere. Institute for Applied Economic Research (IPEA). Strategic Affairs Secretariat Presidency, Brazil [Электронный ресурс] // URL: http://www.ipea.gov.br/bric/textos/100409_BRICMartynov1.pdf. (дата обращения: 08.10.2016).

12. Morarjee R. Russia's raw deal among the Bric countries // Financial Times, 2011. January 4 [Электронный ресурс] // URL: <http://blogs.ft.com/economistsforum/2010/01/does-russia-belongin-the-brics/#ixzz1yZW3lVFk>. (дата обращения: 08.10.2016).

13. O'NilDzh. Karta rosta. Budushcheestran BRIKS idrugirazvivayushihsyarynkov (Growth map. The future of the BRICS countries and other emerging markets). Moscow: Mann. Ivanov i Ferber. 2012. 256 p.

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭТНИЧЕСКИХ МИГРАНТОВ И КОРЕННЫХ ЖИТЕЛЕЙ РЕГИОНА В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ¹

PROBLEMS OF INTERACTION OF ETHNIC MIGRANTS AND INDIGENOUS RESIDENTS OF THE REGION IN THE CONTEXT OF

Юрченко И. В.

Южный научный центр Российской академии наук, г. Ростов-на-Дону,
Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Yurchenko I. V.

Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-
Don, Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация: В статье представлены результаты исследования проблем обеспечения региональной безопасности и стабильности на Юге России в аспекте реализации миграционной политики на примере Краснодарского края. Актуализируется значение анализа дискурсивных практик, отражающих содержательную составляющую этнополитических взаимодействий в целях создания надежной системы этнополитической безопасности и межнационального сотрудничества. Отмечается особая значимость ситуации в молодежной среде.

Abstract: The article presents the results of a study of the problems of ensuring regional security and stability in the South of Russia in the aspect of the implementation of migration policy on the example of the Krasnodar Territory. The importance of the analysis of discursive practices, reflecting the substantive component of ethno-political interactions in order to create a reliable system of ethno-political security and interethnic cooperation, is updated. The special significance of the situation in the youth environment is noted.

Ключевые слова: этнические факторы, миграционная политика, Краснодарский край, этнополитическая безопасность, дискурсивные практики, информационное пространство.

Keywords: ethnic factors, migration policy, Krasnodar region, ethno-political security, discursive practices, information space.

Анализ региональной этнополитической ситуации в Краснодарском крае, с учетом его географического положения,

¹ Статья подготовлена в рамках Государственного задания ФИЦ ЮНЦ РАН № гос. регистрации 122020100306-9 «Конфликтологический анализ проблем региональной безопасности и стабильности на Юге России в третьем десятилетии XXI века».

включает рассмотрение как внутрироссийских политических, социокультурных и экономических процессов, так и воздействие (прямое и косвенное) других государств и внешних акторов на социально-политическое развитие края как приграничного региона, характеризующегося мозаичностью состава населения в силу его полиэтничности, поликонфессиональности и относительно высокой мобильности. Власти и бизнес Краснодарского края проявляют заинтересованность в развитии региона, в том числе и с помощью активизации трудовых мигрантов, то есть привлечения новой рабочей силы в различные отрасли экономики и социальной сферы. По оценке экспертов, Краснодарский край отличается от других регионов бесконфликтностью процесса социальной адаптации, в отличие от некоторых других регионов. По их мнению, это обеспечивается тем, что особое внимание необходимо уделять вопросам социализации мигрантов: правовой, культурно-образовательной, подготовке и особенно обучению русскому языку. Процессы миграции оказывают воздействие на народонаселение, движение капиталов и развитие территорий, формирование правовой и политической культуры общества. Для определения факторов динамики субрегиональной этнополитической ситуации и межэтнических отношений в исследуемом регионе проводился мониторинг на основе инвентаризации и определения наличия позитивных практик межконфессионального общения жителей различных муниципальных образований и характеристики деятельности управленческих структур в направлении создания и использования интеграционного потенциала взаимодействия в социуме со сложной этноконфессиональной структурой населения. Тенденции развития миграции в условиях влияния на развитие региональных межэтнических отношений геополитической составляющей, например, с точки зрения изменения статуса Азовского моря, оказавшегося под полным суверенитетом России. Эксперты отмечают, что изменение статуса Азовского моря приведет к улучшению его экологии, к появлению дополнительных возможностей для развития туристической отрасли, которая «получит дополнительные возможности для организации детского и взрослого отдыха и создания новых курортов. Сотрудничество без ограничений с освобожденными территориями оживит транспортную отрасль регионов и торговое судоходство, изменит перспективы рыболовства» [1]. Данная территория, представляющая собой сложносоставное гетерогенное административно-территориальное образование, с

геополитической точки зрения имеющее особую значимость для всего государства и обеспечения его суверенитета, территориальной и ментальной целостности, укрепления общероссийской гражданской идентичности. Рассматриваемое как предмет анализа политических конфликтов, это новое (вновь конструируемое) социально-политическое пространство, в котором этническая и одновременно общегражданская российская идентичность могут стать ресурсом социально-экономической мобилизации в ситуации крайнего обострения международных конфликтов, в среднесрочной перспективе (середины третьего десятилетия XXI века) должно стать предметом аналитической диагностики в контексте выявления факторов повышения эффективности политико-управленческих практик в сфере регулирования межнациональных отношений, профилактики этносоциальных конфликтов и укрепления интеграционного потенциала общегражданской идентичности.

Доминантной характеристикой сущности этнополитической безопасности в открытом информационном пространстве является понимание того, что она должна обеспечить защиту как страны в целом, ее регионов, так и граждан различной этнической принадлежности, от опасных воздействий, особенно разжигания межнациональной розни, информационного экстремизма и терроризма. Особенностью современного этапа развития этих процессов являются концентрация информационных ресурсов в руках не только медиаэлиты, но и возможностей радикальных группировок использовать новейшие технологии влияния. Региональные этнополитические процессы протекают в контексте возникающих угроз социально-политической стабильности, устойчивости и эффективности функционирования существующих институтов. Механизмы обеспечения этнополитической безопасности предполагают диагностирование деятельности региональных политических элит и выявление функциональных и дисфункциональных проявлений политико-управленческих практик в контексте социально-политических изменений, глобальных и геополитических вызовов безопасности России. Актуальной является проблема политического участия в условиях информационного противоборства геополитических конкурентов в виртуальном пространстве. В контексте сохранения этнополитической стабильности необходимы специфические когнитивные модели и методы анализа проблем политического участия различных социальных групп и индивидов в условиях геополитических

трансформаций. В новых условиях востребован прогностический анализ региональной этнополитической ситуации, включающий выявление критериев функциональности и дисфункциональности различных структурных элементов исследуемого регионального сообщества. Особенно важно выявлять появление источников дисфункциональности в управлении социальными процессами, поэтому особую значимость имеет диагностическая экспертиза угроз и вызовов безопасности России, для чего разработан научный инструментарий анализа социально-политических процессов в полиэтничном пространстве многонационального региона. Теоретически обоснованы и апробированы конкретные методы диагностики этнополитической ситуации в геополитически значимом регионе, в частности, критериальные индикаторы и показатели в измерениях уровня этнополитической безопасности.

Исследование взаимодействия этнических мигрантов и коренных жителей Краснодарского края показывает, что «многосоставные интеграционные процессы на Юге России охватывают, с одной стороны, географическое пространство, с другой стороны, экономическую, социальную, политическую и культурную сферы общественной жизни. Исходя из этого, интеграционные процессы определяются логикой социально-экономического, политико-правового, социокультурного развития, которые стимулирует полиэтничные регионы Юга России к активному взаимодействию и сближению с целью обеспечения региональной безопасности» [3, с. 73]. Конструирование региональной идентичности, включая и переселенцев, должно быть ресурсом интеграции полиэтничного пространства Юга России, особенно учитывая важнейшую сформировавшуюся тенденцию наиболее высокой миграции в Краснодарский край. Росстат подвел итоги по миграционному приросту населения в регионах страны за первые восемь месяцев 2022 г. – Краснодарский край в рейтинге субъектов занял третье место. Опережают Краснодарский край по этому показателю только Московская и Ленинградская области. В то же время максимальная миграционная убыль зафиксирована в Москве, сообщает ИА KrasnodarMedia. С января по август включительно в Краснодарский край приехали на постоянное место жительства 105 909 чел., а уехали в другие регионы и страны – 95 148 чел. Таким образом, миграционный прирост в Краснодарский край составил 10 761 чел. О необходимости скорректировать действующую Концепцию государственной миграционной политики говорилось на

заседании Совета безопасности "она должна в полной мере учитывать весь комплекс как существующих, так и потенциальных вызовов, стать основой для дальнейшего совершенствования законодательства" [2]. Об итогах заседания рассказал секретарь СБ Николай Патрушев и привел данные о том, что «около 5 млн жителей Донбасса и Юго-Востока Украины нашли убежище в России». По его словам, назрела необходимость уточнить приоритетные задачи органов госвласти в области миграции в связи с изменившейся миграционной ситуацией; в 2022 г. уже на треть выросло число иностранцев, прибывших в Россию преимущественно с целью трудоустройства. «Предусмотрены законодательные изменения, ужесточающие миграционный контроль и ответственность иностранных граждан за нарушение правил пребывания в нашей стране», - констатировал секретарь Совбеза. Также, по его словам, значительное внимание обращено на социальную и культурную адаптацию иностранцев и обучение их детей по российским общеобразовательным программам [2]. По итогам Совбеза даны и другие поручения правительству России, заинтересованным министерствам и ведомствам, полпредам Президента и главам регионов России. Соответствующий перечень поручений был утвержден президентом Российской Федерации еще 6 марта 2020 г. И активная работа велась все эти 2,5 года, а сейчас она выходит на финишную прямую. В соответствии с этим документом регистрацию мигрантов, выбор ими налогового режима и уплату налогов планируется перевести в электронный формат. Одна из целей этого законопроекта – сокращение числа нелегалов, которых сейчас насчитывается в России до 1,5 млн чел. Об этом рассказал в интервью «Российской газете» президент Общероссийской общественной организации «Федерация мигрантов России» Вадим Коженков, который оценивает будущие нововведения как действительно прогрессивную реформу [4]. Что касается ситуации в сфере межэтнических отношений в Краснодарском крае, по мнению экспертов, она остается неоднородной. В то же время, в регионе устойчиво поддерживаются традиции мирного совместного проживания представителей различных этнических и конфессиональных групп. Изучаемый субъект федерации полиэтничен, занимает 3-е место в стране по численности населения, стратегически важен для обеспечения межэтнического согласия на всём Юге России. Наряду с этим, Краснодарский край выделяется на фоне соседних регионов своим относительно не высоким уровнем этнической конфликтности. В Краснодарском крае на протяжении

ряда лет сформирована своя модель межнационального сотрудничества, одним из инструментов которой явилось создание Центра национальных культур, не только в Краснодаре, но и в ряде других влиятельных центров этносоциальных взаимодействий, таких как Сочи, Армавир, Новороссийск и др. Проведение мониторинга сферы межнациональных отношений под влиянием реализации муниципальными образованиями программ профилактики экстремизма и обеспечения гармонизации межнациональных отношений показало, что в регионе сложились традиционные позитивные практики в управлении этнонациональными процессами и урегулировании конфликтов, в частности, на основе взаимодействия органов власти с национально-культурными объединениями, образовательными организациями, правоохранительными органами, СМИ и другими структурами, занимающимися профилактикой и ранним предупреждением межэтнических конфликтов. В качестве позитивных практик в управлении этнонациональными процессами и урегулировании конфликтов следует назвать комплексные исследования на материалах Краснодарского края, которые проводились как фокус-групповые дискуссии, в которых принимали участие школьники муниципальных образований и студенты направлений бакалавриата и магистратуры гуманитарных и технических факультетов вузов края. В крае успешно работают «Молодежный центр развития личности», «Центр патриотического воспитания молодежи», «Центр публичная молодежная политика», «Школа молодого предпринимателя. Бизнес молодых» и др. площадки. По итогам исследования было определено, как молодые люди оценивают важность и роль различных субъектов в патриотическом воспитании, в формировании региональной идентичности. Ответы показали, что в целом признается, что государственные и муниципальные органы власти в Краснодарском крае проводят много мероприятий для молодежи, но в качестве наиболее важных субъектов в этой области обычно называют семью, образовательные учреждения, интернет-сообщества и блогеров.

Для создания благоприятных условий взаимодействия мигрантов с коренными жителями региона важно определить, каково в настоящее время состояние межэтнических и межконфессиональных отношений в молодежной среде. Эксперты оценивают его как напряженное, во многом обусловленное активностью враждебно настроенных против России политических акторов, которые делают ставку на недовольство различных групп

интересов, в особенности, молодежи и так называемых «дискриминируемых этнических меньшинств», а также региональных предпринимателей, представителей среднего класса в территориях со сложной этнической, конфессиональной, демографической и поликультурной лингвистической структурой населения. На основе конфликтологической экспертной диагностики, мониторинга материалов СМИ и с помощью ивент-анализа установлено, что современное состояние межэтнических и межконфессиональных отношений в ЮФО в молодежной среде обусловлено наличием различных риск-факторов дестабилизации региональных процессов. Определено, что основной вектор напряженности сосредоточен в социально-экономической, информационно-психологической и геополитической сферах. Применяя информационно-сетевые технологии массированного охвата населения Юга России, находящегося в зоне непосредственной опасности, противники России ведут не только непосредственно боевые действия с применением вооруженных сил, но используют и когнитивное, и информационное, и организационное оружие, направленные на дезорганизацию, дезориентацию социального пространства Российского Азово-Черноморского макрорегиона. В политическом дискурсе актуализируется проблема профилактики экстремизма, радикализма и необходимости гармонизации межэтнических отношений в молодежной среде. Необходимо отметить, что высокая степень влияния деструктивного контента в новых социальных медиа и ряде традиционных СМИ провоцирует опасность экстремистских настроений в условиях не снижающегося уровня внешних угроз и военных конфликтов практически для всех приграничных территорий юго-западного региона, а это, в свою очередь, является очень высоким риском дестабилизации и новых межэтнических конфликтов. Высокий конфликтный потенциал в молодежной среде, с одной стороны, и не соответствие запросов молодежи сложившимся в регионах управленческих практик реализации молодежной политики, создает условия для активизации протестных настроений в социально-сетевом пространстве, где прежде всего представлена молодежь. Как правило, в работе с молодежью не учитываются факторы социальной дифференциации, особенности мотивации и политической социализации молодых людей с различными формами занятости. Определено, что важным условием формирования позитивных межэтнических взаимодействий выступает преобладание национально-государственной общероссийской идентичности и ее

неконфликтный синтез с разнообразными этническими, конфессиональными, региональными и социокультурными идентичностями, исторически сформировавшимися на территории России. Установлен принцип позитивных управленческих практик в работе с молодежью, включающий не только массовую, но и адресную эффективную политику по укреплению российской идентичности, воспитанию ценностных ориентаций и установок на поддержание межэтнического мира и взаимного уважения.

Библиографический список

1. Грищенко Н. К каким переменам приведет изменение статуса Азовского моря. // Российская газета – Экономика Юга России: № 241(8889), 25 октября 2022 // <https://rg.ru/tema/ekonomika> 25.10.2022 13:26. (Дата обращения 25.10.2022).

2. Егоров И. Патрушев: Изменения в концепцию миграционной политики России внесут до конца года // Российская газета – Федеральный выпуск: №238(8886) 19.10.2022 // <https://rg.ru/gazeta/rg/2022/10/20.html> (дата обращения 15.11.2022)

3. Жаде З.А., Гучетль З.Х. Политическая идентичность как ресурс интеграции полиэтничного пространства Юга России // Вестник Адыгейского государственного университета: Ежеквартальный рецензируемый, реферируемый научный журнал. 2019. Вып. 3 (244). С. 67–75.

4. Жандарова И. Глава «Федерации мигрантов России» Вадим Коженков в интервью «РГ» – о грядущих правовых изменениях в миграционной сфере и создании приложения для регистрации мигрантов. 01.11.2022 21:03. Рубрика: Власть// <https://rg.ru/authors/Irina-Zhandarova> (дата обращения 14.11.2022)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аббасова Дарина Кадыровна, магистр социологии, специалист по жанрам творчества МБУК «Красногвардейский межпоселенческий культурно-досуговый центр» с. Красногвардейское, Красногвардейский район Республика Адыгея.

Аветисян Ваэ Гагикович, кандидат исторических наук, преподаватель Российско-Армянского (Славянского) университета, г. Ереван, Республика Армения.

Арешидзе Анастасия Дмитриевна, студент, Кубанский государственный университет.

Баранов Андрей Владимирович, доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет.

Бражников Александр Асланович, магистрант, Краснодарский государственный институт культуры.

Гвоздев Владимир Александрович, магистрант, Кубанский государственный университет.

Герасимова Василиса Вячеславовна, студент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Давлатова Елена Валентиновна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социальных наук ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь.

Донцова Мария Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, Кубанский государственный университет.

Евтушенко Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, и.о. декана факультета истории, социологии и международных отношений, Кубанский государственный университет.

Жаде Зуриет Анзауровна, доктор политических наук, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, конституционного строительства и политологии, Адыгейский государственный университет.

Камара Ишака, кандидат социологических наук, доцент, главный секретарь факультета гуманитарных наук, Университет литературы и гуманитарных наук Бамако, Республика Мали.

Карапетян Лева Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин, Краснодарский государственный института культуры.

Ковалев Андрей Александрович, аспирант, Кубанский государственный технологический университет.

Крючек Петр Степанович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой Истории Беларуси и политологии, Белорусский государственный технологический университет, г. Минск, Республика Беларусь.

Кулик Станислав Владимирович, аспирант, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина.

Кумпан Вадим Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений, Кубанский государственный университет.

Ляушева Светлана Асланова, доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии, советник ректора по науке, Адыгейский государственный университет, г. Майкоп.

Мажаренко Светлана Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры дополнительного образования, Ставропольский государственный педагогический институт.

Матвеев Олег Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Кубанский государственный университет.

Мацулевич Евгения Васильевна, аспирант Республиканского института высшей школы, г. Минск, Республика Беларусь.

Мехедов Семён Владимирович, студент, Кубанский государственный университет.

Мирошниченко Инна Валерьевна, доктор политических наук, заведующий кафедрой государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет.

Морозова Елена Васильевна, доктор философских наук, профессор кафедры государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет.

Муха Виктория Николаевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, правоведения и работы с персоналом, заведующая Центром социологических исследований, Кубанский государственный технологический университет.

Намруева Людмила Васильевна, кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела комплексного мониторинга и информационных технологий, ФГБУН Калмыцкий научный центр РАН (КалмНЦ РАН), г. Элиста.

Николаев Юрий Борисович, старший преподаватель кафедры политологии ГОУ ВПО, Донецкий национальный университет, ДНР.

Нор Валерия Алексеевна, магистрант, Кубанский государственный университет.

Очирова Нина Гаряевна, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, ФГБУН «Федеральный исследовательский центр. Южный научный центр Российской академии наук», г. Ростов-на-Дону.

Петров Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, Кубанский государственный университет.

Петросян Дмитрий Ильич, кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы.

Ракачев Вадим Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры социологии, Кубанский государственный университет.

Ракачев Дмитрий Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и востоковедения, Кубанский государственный университет.

Ракачева Ярослава Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии, Кубанский государственный университет.

Реут Елизавета Викторовна, аспирант Белорусского государственного университета, преподаватель кафедры социальной работы и реабилитологии факультета философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь.

Руденко Мирослав Владимирович, депутат Народного Совета Донецкой Народной Республики, старший преподаватель кафедры политологии, Донецкий национальный университет (ДонНУ).

Савва Елена Владимировна, кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет.

Самаркина Ирина Владимировна, доктор политических наук, декан факультета управления и психологии, Кубанский государственный университет.

Свицов Игорь Валерьевич, кандидат экономических наук, доцент кафедры Истории, археологии и краеведения, Владимирский государственный университет.

Сергеев Всеволод Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук, Университет гражданской защиты МЧС Беларуси, г. Минск, Республика Беларусь.

Ситнянский Георгий Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра азиатско-тихоокеанских исследований, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва.

Скорик Александр Павлович, доктор исторических наук, доктор философских наук; профессор кафедры социально-гуманитарных наук, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова, г. Новочеркасск.

Степанов Максим Альбертович, студент, Кубанский государственный университет.

Тамбиянц Юлиан Григорьевич, доктор философских наук, профессор кафедры социологии и культурологии, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина.

Тарасова Марина Васильевна, кандидат социологических наук, научный сотрудник лаборатории конфликтологии Федерального исследовательского центра, Южный научный центр Российской академии наук (ЮНЦ РАН).

Тер Даниэл (Вартан) Кукуян, настоятель храма Свв. Саака и Месропа Армянской Апостольской Церкви, г. Краснодар.

Тимченко Владимир Андреевич, магистрант, Кубанский государственный университет.

Ткачева Татьяна Олеговна, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и востоковедения, Кубанский государственный университет.

Тужба Захар Эмирович, аспирант, Кубанский государственный технологический университет.

Тужба Эмир Нодариевич, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, правоведения и работы с персоналом, Кубанский государственный технологический университет.

Федина Ирина Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Кубанский государственный университет.

Хазуров Темыр Айтөчевич, доктор социологических наук, проректор по учебной работе, качеству образования – первый проректор Кубанского государственного университета.

Хазурова Наталья Евгеньевна, кандидат социологических наук, ведущий специалист по работе с молодежью отдела по воспитательной и социальной работе, Кубанский государственный технологический университет.

Чанба Василий Чаманович, председатель правления Краснодарской краевой общественной организации «Центр национальных культур»

Щербаков Вячеслав Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории и международных отношений, Институт истории и международных отношений Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону.

Шеретлоков Клим Вячеславович, магистрант, Кубанский государственный университет.

Шманяк Всеволод Андреевич, магистрант, Кубанский государственный университет.

Юрченко Инна Вадимовна, доктор политических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета, главный научный сотрудник ФИЦ ЮНЦ РАН.

Научное издание

**ЭТНОС И ОБЩЕСТВО В КОНТЕКСТЕ
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ:
МАТЕРИАЛЫ VIII ВСЕРОССИЙСКОЙ
(С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ)
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
(в авторской редакции)**

Подписано в печать 29.11.2022. Формат 60 × 84¹/₁₆.
Печать цифровая. Бумага офсетная
Уч.-изд. л. 24,3. Тираж 500 экз. Заказ № 0023.

Индивидуальный предприниматель:
Овдиенко Анна Николаевна
350078 г. Краснодар,
ул. им. Архитектора Ишунина, дом 7, кв. 23